

БИБЛИОТЕКА

РУССКОГО

ФОЛЬКЛОРА

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

МОСКВА

РУССКАЯ

КНИГА

2001

РН 1316036

РУССКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Историческим песням принадлежит особое место в системе жанров русского фольклора. Основная масса этих песен относится к эпическому роду поэзии, но есть и принадлежащие к песенной лирике: в таких произведениях — не повествование об исторических событиях, а передача эмоционального отношения к ним; часть исторических песен могут быть определены как лиро-эпические. Исторические песни — это несколько жанров и жанровых разновидностей. Наиболее устойчивый из дошедших до нас видов эпических песен — исторические баллады. Жанр народной баллады включает также произведения семейно-бытовые и социально-бытовые. Исторические баллады связаны своим происхождением с песнями хроникальными и иными жанрами более древних исторических песен, речь о которых пойдет далее. Исторические песни жанрово неустойчивы: в зависимости от обстоятельств бытования в народной среде они могли усваивать внешние признаки духовных стихов или приобретать жанровые черты былин.

Народные сказители Русского Севера не отграничивали древние исторические песни от былин, одинаково именуя обычно те и другие «старинами», а иногда — «стихами», как и духовные стихи. Соответственно и фольклористы, собиравшие классический фольклор, фиксировали исторические песни как бы попутно, имея основной целью записывание былин, духовных стихов, песен лирических или обрядовых (некоторые исторические песни были даже записаны в функции обрядовых). Преимущественное бытование исторических песен в военной среде XVIII и XIX веков обусловило не только их содержание: многие были записаны как маршевые полковые песни.

Несмотря на не всегда ясную жанровую природу исторических песен, их вполне четко объединяет определяющая черта — конкретный историзм.

В отличие от былин, передававших в гиперболически обобщенной форме воспоминания о седой старине, исторические песни прямо отзывались на конкретные факты родной истории. Лишенное мифологической фантастики содержание этих песен оставалось правдоподобным, даже когда оно не во всем соответствовало реальным событиям.

События, запечатленные в дошедших до нас исторических песнях, охватывают несколько эпох — от той древней поры, когда на Руси утверждалась православная вера, и вплоть до начала нашего столетия. Главные темы и образы сохранившихся исторических песен — это борьба русского народа против ордынского владычества, Иван Грозный, Ермак, Смутное время, Степан Разин, борьба России за возвращение ее южных окраин, Петр Первый, Северная война и Полтавская победа, Семилетняя война, Суворов и его сподвижники, Отечественная война 1812 года, героическая оборона Севастополя, Кавказская война, освобождение русскими войсками южных славян от турецкого ига, Александр Второй и Александр Третий, Отечественная война с Германией при Николае Втором.

Простота языка, краткость, событийная насыщенность и конкретность воспроизведения исторического факта, легшего в основу сюжета, характерны для этих песен. Их пронизывают патриотизм, любовь к родной истории, восхищение защитниками Русской земли и борцами за справедливость, а народная трактовка подвигов во славу Отечества и деяний целого ряда наиболее выдающихся людей России в исторических песнях не только дополняет, но порой и корректирует сведения, извлекаемые из официальных документов тех времен. Нередко целые циклы песен откликаются на важнейшие события и исторические явления, оставившие глубокий след в народном сознании.

Однако самые древние русские исторические песни не сохранились. Что песни такого рода существовали во множестве задолго до образования древнерусского государства, можно догадываться по скудным упоминаниям византийских историков. Об исторических песнях Киевской и Новгородской Руси сведения более определены, содержание некоторых из этих песен очень коротко сообщают иногда дошедшие до нас письменные исторические источники. В составе литературных произведений той поры (а также более поздней — XIV — XV веков) встречаются переработанные тексты исторических песен и устных сказаний, встречаются и фрагменты, которые можно считать записями отрывков устной поэзии. Среди песен, записанных собирателями фольклора в XVIII — XX веках непосредственно из уст народа, есть несколько таких, где речь идет об известных исторических событиях и исторических деятелях XI — XIV столетий. Но встречаются песни, не имеющие примет исторической конкретности, и только по общему содержанию их можно отнести к эпохе обороны Киевской Руси от набегов печенегов и половцев, к X — XIII векам.

Одним из страшных следствий ордынского завоевания Руси был упадок ее культуры. Он проявился не только в разрушении цветущих городов, массовой гибели творений живописи, литературы, прикладного искусства, падении грамотности — во многом оказались утрачены и традиции устного художественного творчества, достигшего в результате многовекового развития высокого мастерства. Не разоренная войском Батюга Новгородская земля сберегла нам былинный эпос, но древние исторические песни южной, центральной и северо-восточной Руси почти все оказались утрачены, прервалась та блестящая светская поэтическая

культура, памятниками которой в письменном наследии Древней Руси остались «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Рускыя земли» и немногие другие.

Неудивительно поэтому, что единичные песни, посвященные историческим событиям ранее конца XV столетия, например популярная баллада о Борисе и Глебе, — в том виде, в каком их записали собиратели народной поэзии, — часто несут на себе отпечаток позднейшей художественной школы слепцов-калик — бродячих певцов, исполнявших в основном так называемые духовные стихи — песни нравоучительного, религиозного содержания.

Вместе с тем следует иметь в виду, что в средневековой Руси православная вера ощущалась как важнейший символ национального единства, как знамя многовековой обороны против натиска постоянно агрессивных степных кочевников-нехристиан, а затем — национально-освободительной борьбы за избавление Русской земли от ига ордынских поработителей.

Говорить же конкретно о древних формах исторической устной поэзии русского народа трудно именно из-за трагических обстоятельств нашей истории. Ничтожно мало уцелело древних рукописей в огне Батыева нашествия, и лишь случайно среди них оказались тексты, в которых есть основания усматривать остатки песен. Но можно провести сопоставление с древней устной поэзией, например, ближайших наших соседей — скандинавов, поэзией, которая была записана преимущественно в XIII столетии. Можно привлечь данные о древнейшей устной поэзии других народов, которым также повезло: исторические условия оказались подходящими для записей этой поэзии, а сами записи сохранились.

Русские исторические песни, которые дошли до нас, — песни сравнительно недавнего времени, — восходят, как можно полагать, к древнейшим песням-славам, песням-плачам, песням-поношениям и песням-хроникам. Они создавались по поводу конкретного события или конкретного лица. В большинстве случаев фактическая основа песни подобного рода не была связана с именами и событиями, нашедшими отражение в письменных источниках. Историческими принято называть только песни, содержание которых можно соотнести с фактами и лицами, известными нам по письменным историческим памятникам. Но совершенно очевидно, что в них отразились не все важные для народа события, не все подлинно народные герои в письменной истории упоминаются. Это объясняется, во-первых, тем, что древние письменные свидетельства сохранились далеко не все: чем дальше в глубь веков, тем меньше, как правило, письменных источников. Во-вторых, дошедшие до нас свидетельства древних авторов уже имеют определенную тенденцию в отборе материала: о военных победах всегда и везде писали охотнее; о поражениях войск своего князя придворный хронист нередко умалчивал, а подвиги неудобных своему господину героев предпочитал не упоминать.

Таким образом, ответ на вопрос о «возрасте» русских исторических песен зависит от ответа на более общий вопрос: что представляло собой общественное сознание народа Древней Руси IX — XII веков (в частности, историческое самосознание) по сравнению с общественным сознанием других народов Европы?

Некогда бытовавшее представление об отсталости Руси давно опровергнуто историками и археологами. И в экономическом, и в политическом, и в духовном развитии до татаро-монгольского завоевания Русь от других европейских народов существенно не отставала, а кое в чем и опережала, в частности своих соседей — скандинавов.

У тех были свои национальные особенности, в том числе, например, исключительная сложность и вычурность поэтического языка скандинавских певцов-скальдов. Но по содержанию песни скальдов — вполне конкретные повествования о реально происходивших событиях; повествования эти настолько верны своим фактическим содержанием, что признаются историками за вполне надежный исторический источник — более надежный, чем прозаические саги, записанные в то же время и рассказывающие о тех же исторических фактах.

Если народное историческое сознание скандинавов требовало массового создания песен конкретно-исторического содержания по крайней мере уже с IX века, противостоительно было бы думать, что у русских эта потребность возникла только спустя четыреста лет — после татаро-монгольского завоевания. Напомним, что в Скандинавских странах пора записывания и прозаических саг, и скальдических песен — это в основном XIII столетие, — тогда в рукописи попали хвалебные исторические песни скальдов, созданные и на четыре века раньше. На Руси в XIII столетии, после Батыева погрома 1239 года, было не до записывания. Почти все, что осталось от домонгольского времени, дошло лишь в позднейших списках и переработках, созданных главным образом в монастырях.

Не приходится удивляться, что при довольно значительном числе рукописей XV — XVII веков, содержащих переработки и дополнения «Повести временных лет» — официального памятника государственного значения, только одна рукопись сохранила переписанный в XV — XVI веках текст гениального, но сугубо светского произведения — «Слова о полку Игореве» и только в двух рукописях дошло столь близкое народным песням прекрасное начало «Слова о гибели Руския земли».

Пятивековая (по меньшей мере) скальдическая поэзия (IX — XIII вв.), как выяснил М. И. Стеблин-Каменский, имеет типологические соответствия в дописьменной поэзии древних ирландцев, в арабской доисламской поэзии, в поэзии древнеиранской, причем произведения были злободневны и весьма конкретны, обладая своего рода политическим историзмом уже в ту пору, когда народы эти, подобно Руси, вступали в период раннефеодальных отношений. Существенна и общность жанров: хвалебная песнь, погребальная песнь-оплакивание, хулительная песнь в адрес врага, поэтическая фиксация реального события¹.

¹ См.: Стеблин-Каменский М. И. Происхождение поэзии скальдов // Скандинавский сборник. — Таллин, 1958. — Вып. 3. — С. 189 — 198.

Несомненно, что и в устной поэтической культуре Древней Руси проявлялись те же закономерности. В летописях сохранились отрывки из похоронных причитаний XI и XII веков, дающие оценки государственной деятельности князей Изяслава Ярославича и Андрея Боголюбского. Польский хронист Ян Длугош привел средневековый латинский перевод (или пересказ) русской песни-славы начала XIII века в честь князя Мстислава Удалого по случаю его победы над иноземным войском. Как явствует из летописных известий, такого рода хвалебные песни князьям — победителям внешних врагов Руси: Александру Невскому, Даниилу Галицкому и другим — слагались еще некоторое время и после установления татаро-монгольского владычества. Что касается более раннего времени, то, помимо известных мест «Слова о полку Игореве», где идет речь о хвалебных песнях Бояна, есть гораздо менее известное свидетельство знаменитого русского оратора XII века Кирилла Туровского о песнетворцах, прославляющих исторические деяния.

Текст древней песни-славы Русской земле дошел до нас в составе знаменитого «Слова о погибели Рускыя земли», созданного в XIII столетии. Х. М. Лопарев, впервые обнаруживший этот памятник, замечал: «Строки, посвященные восхвалению красот Руси, разделяются на стихи с определенным почти размером: вероятно, их и пели в старое время народные певцы:

О светло светлая
И украсно украшена
Земля Русская...»¹

Этой славой начинается наш сборник. Песенная слава Русской земле, как явствует из содержания, была сложена в эпоху, предшествовавшую разорению Руси полчищами татаро-монголов, когда шел еще процесс утверждения христианства, принятого официально князем Владимиром Святým.

По-видимому, текст этот был зачином, который использовали певцы — как своего рода гимн Русской земле — в более пространственных песнях-славах, связанных с конкретными историческими событиями. Думать так дает основание то, что слава Русской земле — зачин в письменном тексте, который очень многим обязан устной поэзии, историчен по содержанию и посвящен прославлению князя Владимира Мономаха и его потомков.

Характерную особенность, идущую от древних хвалебных песен, сохранили и некоторые позднейшие исторические песни: повествование соединено в них с прямым прославлением. Такова, например, песня XVII века о подвигах князя Михаила Скопина, победившего войска интервентов и их ставленников, пытавшихся овладеть Москвой:

¹ Лопарев Х. «Слово о погибели Рускыя земли», вновь найденный памятник литературы XIII века. — СПб., 1892. — С. 11. Далее цитация тех фольклорных текстов, которые напечатаны в нашем сборнике, производится без ссылок.

А кому будет Божья помочь —
 Скопину князю Михаилу Васильевичу:
 Он очистил царство Московское
 И велико государство Российское.
 .....
 И велику славу до веку поют
 Скопину князю Михаилу Васильевичу.

Исторические песни русских солдат и казаков сохраняли эту черту еще и в XIX столетии.

Как известно, обрядовые жанры фольклора гораздо менее других подвержены изменениям во времени. Похоронные причитания справедливо признаются самыми древними. И потому крестьянские причитания XIX века, записанные во множестве собирателями фольклора, могут служить для нас своеобразным клише древних плачей. Характерная черта их — упоминания о реальных деяниях умершего. Особенно наглядно это в причитаниях знаменитой И. А. Федосовой — «профессиональной» плакальщицы. Есть все основания полагать, что и в средневековой Руси в причитаниях воплощались также говорившие о конкретных событиях.

Похоронные плачи близких родственников покойного всегда сосредоточивались на личном горе и касались обстоятельств личной жизни умершего. Но сведения древних авторов указывают на то, что похороны славянского племенного вождя или прославленного дружинника сопровождалась и причитаниями его сподвижников. Сподвижники исторического деятеля вспоминали при этом те деяния его, какие были известны им как участникам исторических событий.

Именно этой событийной частью и поддерживался интерес к содержанию похоронной песни-причитания в последующем. Например, известия летописей об оплакиваниях некоторых князей, живших еще в XI и XII столетиях, иногда содержат и небольшие отрывки самих плачей. Так, в причитании по Андрею Боголюбскому интересна оценка, какую давали современники строительной деятельности этого князя. До нас дошли воинские песни-плачи, посвященные русским царям, начиная с Ивана Третьего. Их устойчивая традиция явственно прослеживается в записях. В этих песнях нет развернутых повествований о тех или иных исторических событиях, но есть конкретика фактов, обуславливавшая интерес к песне на протяжении ряда веков.

Таким образом, песня-плач, песня-причитание это, несомненно, особая разновидность исторических песен, уходящая корнями в древний обрядовый фольклор. Существуют записи не менее пятнадцати таких произведений; это не только мужские, но и женские песни (например, плач Ксении Годуновой), возникавшие в XVI — XIX столетиях, но, очевидно, и ранее. Среди песен, обращенных к Грозному царю Ивану Васильевичу, есть такие, в которых речь идет не об Иване IV, как

думали публикаторы этих песен, а еще о его деде — тоже Иване Васильевиче Грозном¹.

Содержание песен этого круга разнообразно. Преобладают жалобы солдат на тяжелую службу, на произвол жестоких начальников, но есть и прославление умершего А. В. Суворова и даже сетования царицы, заточенной в монастырь. Подобного рода исторические песни, конечно, нельзя просто отнести к жанру причитаний. Перед нами песни, в которых певцы как бы пересказывают, даже цитируют плач другого человека (он упоминается в третьем лице), сосредоточивая внимание на событийной части произведения.

Своего рода антиподом песням-славам, песням хвалебным, были в старину корильные, или хулильные, песни, направленные против врагов (некогда подобным песням приписывалась магическая сила). В нашем сборнике такого рода примером может служить песня о Щелкане. Сюжет ее основан на событии 1327 года, известном по рассказу летописи. Саркастическая песнь-поношение, отражавшая непримиримость русских людей к татарскому владычеству, была сложена о сборщике дани Чолхане как типичном носителе зла, характерном представителе ордынской власти. По своей жанровой природе песнь была аналогична скалдической хулильной песне — ниду. Как подчеркивал М. И. Стеблин-Каменский, основное содержание ее «чаще всего заключается в том, что человеку, против которого направлен нид, приписывается то, что на самом деле не может иметь места»². Моральное осуждение Чолхана достигает кульминации не в тех строках песни, где говорится о реальных, во всяком случае — вполне вероятных проявлениях его жестокости, а в невероятном, гиперболизирующем его злую волю эпизоде: Щелкан убивает родного сына и пьет его кровь «в уплату» за свое назначение наместником в Тверь.

Сила воздействия песни о Щелкане на слушателей была столь велика, что даже по прошествии шести с половиной столетий, с полной утратой исторической актуальности, она тем не менее сохранялась в народном репертуаре и оказалась записана неоднократно в регионах, далеких от места исходного события.

Более поздний и менее выразительный образец корильной песни — относящаяся к XVI веку песня «Набег крымского хана». Ценность ее — в своего рода документальности: единственная запись этой песни осуществлена менее чем через

¹ Великий князь Московский Иван III получил у современников прозвание «Грозного», но, по выражению Н. М. Карамзина, «в похвальном смысле: грозного для врагов и строптивых ослушников». Он титуловался царем и в дипломатических документах, и при многолюдных официальных церемониях. Фольклорные произведения, где речь идет о «Грозном царе Иване Васильевиче», могут подразумевать как Ивана III, так и Ивана IV. Не всегда возможно определить — кого именно, ибо порой только в самих исторических песнях или преданиях дошел сведения об исходных фактах; в истории обоих царствований, известной по летописям, встречаются однотипные события. Нередко образ царя в песне — явно результат наслоения впечатлений о временах Ивана IV на припоминания о правлении Ивана III. См. об этом в ст.: Азбелев С. Н. О происхождении песен, посвященных Грозному царю Ивану Васильевичу // Русский фольклор: Материалы и исследования. — СПб., 1996. — Т. 29. — С. 60 — 79.

² Стеблин-Каменский М. И. Историческая поэтика. — Л., 1978. — С. 168.

полвека после происшедших событий. Произведения подобного рода, как правило, не бывали долговечны. Но аналогичное происхождение могли иметь некоторые другие исторические песни, дошедшие в значительно более измененном виде, чем песня о Щелкане. В этой связи следует назвать весьма популярную песню о Кострюке. Первоисточником ее, возможно, была песня-поношение кичливому иноземного княжича, (шурина Ивана IV), преобразовавшаяся в историческую балладу, которая испытала затем влияние былинных сюжетов.

Исторические песни сатирического характера, относящиеся к последующим векам, становятся все более непохожи на древние хулительные песни, но могут отчасти расцениваться как их позднейшая трансформация. Таковы, например, песня второй половины XIX века «Турецкий султан хочет воевать» и записанная уже в 1914 году песня о германском императоре Вильгельме.

Все, о чем мы говорили до сих пор, это примеры эволюции и преобразования древнейших жанров исторических песен в условиях средневековья и нового времени.

Но параллельно и в тесной связи с ними развивался сравнительно молодой жанр народной баллады. Далеко не все его произведения являются историческими песнями. Но так называемые исторические баллады — это наиболее сохранившаяся в народном быту часть дошедших до нас исторических песен.

Русская народная баллада была определена исследовавшим ее Д. М. Балашовым как повествовательная песня драматического характера¹. Расцвет ее относится к XIV — XVII столетиям. Такие песни есть не только в русском фольклоре: шотландские и скандинавские баллады, например, достаточно известны. Русские баллады имеют свои особенности формы и исполнения: в них отсутствуют строфическое деление и рефрен, их редко использовали в качестве плясовой песни.

Как это имеет место и в устной поэзии других народов, русские баллады имеют ряд разновидностей, но подразделение по единому принципу провести очень трудно. Если, например, в фольклоре Скандинавских стран давно принято выделять героические, легендарные, сказочные, рыцарские, шуточные баллады, то для русских баллад пока не существует общепризнанной группировки, а сам круг произведений, относимых к этому жанру, достаточно твердо еще не установился. Исследование русских баллад, начавшееся сравнительно недавно, было продолжено Н. И. Кравцовым, А. В. Кулагиной и другими; существуют разные подходы к изучаемому материалу.

Составитель данного сборника разделяет мнение тех ученых, которые широко трактуют народные баллады. Это не только произведения семейно-бытового характера с трагическим сюжетом². Есть баллады сатирические, даже — шуточные, среди исторических баллад немало таких, содержание которых никак не связано с

¹ См.: Народные баллады / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова. — М.; Л., 1963. — С. 7.

² Упомянутый выше драматизм баллады относится к способу повествования в ней, но не указывает на связь с драмой как одной из разновидностей пьес для сцены (наряду с комедией, трагедией, водевилем и т.п.).

семейным бытом. Подобно балладам других народов, среди русских баллад есть песни, близкие произведениям древнего героического эпоса, встречаются и баллады легендарные, близкие так называемым духовным стихам.

Рассвет баллады у всех народов обусловлен утратой актуальности древнего героического эпоса. Балладам свойственна обобщенность, что и сближает их с былинами. (На Русском Севере и в некоторых регионах Сибири былины пелись почти до нашего времени, но столь долгое сохранение здесь древнего эпоса — следствие особенностей местного уклада жизни.) Постепенно баллада стала преобладающим повествовательным жанром народной поэзии. Это было связано с общими изменениями общественного сознания позднего средневековья. Подобно тому как былинный эпос усваивал и перерабатывал разнообразный материал — мифологический, обрядовый, конкретно-исторический, легендарный, сказочный, а иногда и литературный, — баллада, замещающая в народном репертуаре древний героический эпос, перерабатывала материал столь же разнородный.

Почти все древнейшие, из дошедших до нас, исторические баллады отображали бескомпромиссное противостояние русских людей татаро-монгольским завоевателям, с образами которых слились тогда и воспоминания о более ранних врагах Руси. Патриотические идеи доминируют в исторических балладах и на протяжении всех последующих столетий. После освобождения Русской земли от ордынского ига эти идеи реализуются прежде всего в произведениях, посвященных обороне от посягательств новых врагов — начиная от пресечения набегов казанских и крымских ханов, освобождения от иностранной интервенции XVII века, вплоть до изгнания войск Наполеона в XIX столетии, героических подвигов моряков в русско-японской войне и отпора германскому вторжению в пределы России в 1914 году.

При всей своей конкретности, прямой, как правило, соотносимости с историческим событием историческая баллада не фактографична. Она в той или иной степени — всегда художественное обобщение народных впечатлений от исторического события. Это относится к таким балладам, как «Борис и Глеб», «Взятие Казани», «Гришка-Расстрижка», «Земский собор», «Стрелецкий бунт», «Победа под Полтавой», и многим позднейшим, в большинстве своем по традиции именуемым даже не балладами, а просто историческими песнями. Обобщенность изображения события в исторической балладе можно сопоставить с иного качества обобщенностью — в былине. Это приводило иногда к взаимовлиянию названных жанров. На севере Европейской России, где широко бытовали былины, некоторые исторические баллады приобретали многие признаки былин. Такова, например, знаменитая песня о гневе Ивана Грозного на сына, в последней версии даже по протяженности своей весьма отличная от обычных баллад. Есть песни, которые могут быть с почти равными основаниями отнесены и к былинам, и к историческим балладам, некоторые в одних своих версиях являются балладой, в других — былинной («Михаил Скопин»).

В исторических балладах «степень обобщенности» фактов порой бывает весьма высока — как вследствие типовой повторяемости самих исходных событий, так и вследствие появления их аналогов в позднейшей истории. Поэтому, например, татар в этих балладах иногда со временем замещают турки, французы и другие.

Разнородностью происхождения народных баллад, о которой уже упоминалось, обусловлено то, что далеко не всякая баллада восходит к реальному, пусть неизвестному нам по письменным источникам, факту народной жизни. Есть, например, баллады, использовавшие народное переосмысление литературных сюжетов. Интересным примером может служить бытующая кое-где до сих пор песня о змееборце Егории — одном из популярнейших в России святых — Георгии Победоносце, чье изображение является гербом Москвы. Наиболее историчная версия этой баллады, представленная в нашем сборнике, соединила древнюю песню, восходившую к литературному источнику, с песней о деятельности князя Ярослава Мудрого. Другие версии отзывались более косвенно на центральные исторические конфликты эпох предшествовавших и последовавших (противостояние хазарской экспансии, затем — ордынским поработителям), хотя в основе оставался сюжет духовного стиха, обязанного происхождением апокрифическому житию византийского святого¹.

Но все же главный исходный материал содержания русских народных баллад (так же как и предшествовавших им былин) — реальная жизнь русского народа. Это относится, конечно, ко всем разновидностям баллад, а не только к историческим. Но как конкретно происходил переход от факта к песне, мы можем наглядно проследить именно в исторических балладах.

Исследователи русских исторических песен уже давно обратили внимание на особый тип поющих исторических хроник, песен-рассказов. Таких сугубо информативных эпических песен особенно много посвящено военным событиям XVIII — XIX веков, нередко они записаны лишь по одному разу, от самих участников этих событий. Но есть хроникальные песни, известные в нескольких вариантах. Среди песен XVIII века подобных произведений сохранилось меньше, причем некоторые дошли в литературно обработанном виде — в составе песенников того времени, но встречаются и непосредственные плоды солдатского песнетворчества, например записанная от столетнего суворовского солдата пространная песня о взятии Очакова. Большая ее часть повествует о подготовке к штурму:

Нас в колонны становили,
Смело в шанцы заводили,
Кирки мы, лопаты подбирали,
Свои шанцы прорывали,
Мелки пушки там выправляли,
И лестницы подымали,
И фашишки зажигали,
Страшны мины обходили,
Палисадники рубили...

Песня завершается известием о торжествах после взятия крепости.

¹ Апокрифами назывались благочестивые повествования религиозного содержания, которые церковь не признавала истинными.

Подобные песни-хроники имеют аналоги в фольклоре всех славянских народов, кое-где они бытуют и сейчас. У чехов, например, это были ярмарочные песни и песни паломников. Есть они и в сербско-хорватском фольклоре, и в болгарском, и в украинском, причем эти песни иногда начинаются, подобно сообщениям летописей и исторических хроник, с точной даты события, часто столь же точно указывается место действия. Хронологическая последовательность изложения событий служит основным приемом, организующим повествование подобных песен.

Однако временная удаленность от изображаемых событий влияет на степень хроникальности песни. Например, записанная значительно позже ее возникновения и напечатанная в нашем сборнике песня «Гришка-Расстрижка» — уже в известной мере художественное обобщение реальных событий 1605 — 1606 годов, хотя и основанное на песне-хронике. Процесс художественного обобщения зашел здесь достаточно далеко, поэтому многие варианты ее правомерно расцениваются как историческая баллада. Вместе с тем иные варианты этой же песни, даже записанные в XX веке, еще удерживают, хотя и в искаженной форме, хронологическую дату (по принятому у нас в XVII веке и ранее летосчислению от сотворения мира):

В седьмом году да по восьмой тысяче
Нарекался вор Гришка прямым царем...¹

Гораздо более точно начало возникшей на сто лет позднее песни о Полтавской битве:

Тысяча семьсот девятого года
Того было месяца июля
И тех было чисел двадцатых.

Сама песня в сохранившихся ее версиях тоже представляет собой произведение, в некоторой степени переходное от хроникальной песни к исторической балладе, местами довольно точно передающее историческую конкретность реальных эпизодов именно Полтавского сражения, а местами уснащенное описаниями, перенесенными из других песен о Северной войне — например, песни о боях под Красной Мызой и Гуммельсгофом. Но все же в этом случае поэтическая переработка песни-хроники перевела ее в иной жанр: перед нами уже историческая баллада.

Не имеет существенных отступлений от реального хода событий (они передаются, в общем, довольно точно) упомянутая песня о победе войск Шереметева над корпусом Шлиппенбаха под Гуммельсгофом (хотя здесь и нет даты). Но в данном случае все же перед нами скорее баллада, чем песня-хроника.

¹ Записано в 1909 г. в Кирилловском уезде (ныне — Вологодская обл.) от 70-летнего крестьянина (Соколовы. С. 312).

Одна из более поздних песен Семилетней войны не только начинается совершенно точным указанием года, но и художественно менее обработана: вторая половина песни, посвященной осаде Кюстрина, хроникально передает некоторые факты самой осады, а первая половина песни как бы конспективно излагает предшествовавшие события этой войны, в полном соответствии с исторической действительностью, но — тоже с использованием некоторых традиционных песенных формул. В отношении этой песни можно сказать, что перед нами песня-хроника, «не успевшая» превратиться в историческую балладу.

Среди исторических песен XVIII века немало примеров хроникальных песен различной степени обработанности, но есть и исторические баллады в полном смысле.

В записях русского фольклора самые старшие песни-хроники относятся к началу XVII века. Но о глубокой древности этого жанра свидетельствует не только существование близких по своему типу произведений еще у скандинавских скальдов. В древнерусских летописях есть похожие на такие песни отрывки. Их текстуально выделял, например, А. И. Никифоров, но как раз «хроникальность» подобной песни затрудняет и определение границ вставки в летописный текст, и само доказательство того, что перед нами передача песни, а не летописный рассказ, основанный на прозаическом предании или на воспоминаниях современника событий.

Важно, что хроникальные песни засвидетельствованы как весьма давняя традиция в отдельных местностях разных славянских стран. У восточных славян это карпатский регион, входивший в небольшой сравнительно ареал первоначального расселения славян уже во времена Римской империи.

Именно здесь учеными была зафиксирована более высокая, чем в других местах, степень сохранности старинных обычаев, обрядов, народных костюмов, народной архитектуры и других элементов духовной и материальной культуры Древней Руси. Это объясняется тем, что карпатские «русины» (они называют себя так, как именовались наши предки еще в XI веке) жили долгое время в условиях почти натурального хозяйства в малодоступных горно-лесистых местностях, лишь сравнительно недавно переставших быть одним из самых изолированных в культурном отношении регионов Восточной Европы.

Песни-хроники, бытующие здесь до сих пор, как правило, не имеют отношения к событиям общественно значимым, а посвящены фактам частной жизни мало примечательных людей. Такие песни слагались их родственниками и другими людьми, для которых были важны сообщаемые песней факты локального характера, подобные тем, какие служили некогда материалом аналогичных произведений скальдов. Эти песни, как правило, создавались непосредственно после событий, но иногда использовали рассказы о фактах сравнительно недавнего прошлого. Сохранившиеся карпатские песни-хроники исторического содержания отразили все важные исторические моменты народной жизни гуцулов с XVIII века¹.

¹ Украинские фольклористы А. И. Дей и С. И. Грица издали в 1972 г. целый том таких песен («Співанки-хроніки»), в основном содержащий сравнительно недавние записи, но включивший и более ранние — собираватели фольклора обратили внимание на эти песни еще в начале прошлого столетия. В книге отмечено, что в ряде случаев бытовая песня-хроника превращается со временем в балладу. Сходные выводы были получены исследователями и при изучении материала других славянских народов.

Песни-хроники в своем первичном виде сродни устным рассказам-воспоминаниям (так называемым «меморатам»). И в том и в другом случае это конкретное повествование о реальных фактах действительности, причем автором обычно является участник или очевидец событий (но это не исключало использования традиционных повествовательных или песенных мотивов).

И песня-хроника, и рассказ-воспоминание в большинстве случаев остается в личном репертуаре автора. Но некоторые произведения о событиях, представлявших общественный интерес, передавались другими лицами и постепенно изменялись. Рассказ-воспоминание при этом может стать преданием, песня-хроника — превратиться в балладу. Поэтому русские песни, отобразившие события одной эпохи, даже близкие хронологически, например факты Смутного времени или Северной войны, и возникшие, вероятно, в одной и той же социальной среде, например посадских людей или солдат, порой существенно различаются степенью художественного обобщения.

Различными бывали и способы первоначального создания произведения об историческом факте. В одних случаях это песня-хроника, представлявшая собой как бы «распетый рассказ» о событии, мало использовавший традиционные мотивы. В других случаях введением в старую песню новых имен и реалий происходило как бы приспособление к новому историческому факту традиционного исторического сюжета.

Нередко встречаются песни, сюжет которых оживлен использованием популярного фольклорного мотива, имеющего иногда многовековую традицию и интернациональную распространенность. Таковы, например, исторические баллады, сходно повествующие у разных народов о захвате осажденного города с помощью отряда вооруженных людей, спрятанных в крытых возах, которые мнимыми купцами привезены будто бы с товаром для продажи.

Подобная повторяемость в сюжетах — далеко не всегда отступление от исторической истины. При взятии Казани войском Ивана IV важную роль сыграл взрыв части городской стены с помощью подведенного под нее подкопа. Возникавшие позднее песни о взятии других городов порой заимствовали центральный мотив из исторической баллады об осаде Казани. Иногда это оправдывалось реальным сходством исторических обстоятельств: такой прием осадной тактики вообще применялся часто. Но случалось, что фольклорная традиция «оттесняла» историческую истину: есть несколько песен («Взятие Орешка», «Взятие Риги»), где эпизод со взрывом городской стены противоречит достоверным сведениям о ходе осады.

Вместе с тем фактические неточности и ошибки в исторических песнях это не всегда результаты следования поэтической традиции либо забвения, недостаточной осведомленности слагателей песни и иных случайных причин. Есть и примеры исторических домыслов: на основе общих народных представлений песня порой как бы «дополняет» или «подправляет» историческую реальность. Великий полководец М. И. Кутузов умер вскоре после изгнания остатков наполеоновских войск из русских пределов. Но по народной песне Кутузов — участник происходившего позднее разгрома новой армии Наполеона в знаменитой «битве народов» (песня «Победа под Лейпцигом»). Знаменитый своей жестокостью

опричник Малюта Скуратов-Бельский погиб в бою во время Ливонской войны. Но по народной песне он бывает казнен за попытку совершить особо выдающееся злодеяние (в некоторых вариантах песни о гнев Иване Грозного на сына).

Соотношение разных жанров исторических песен можно наглядно проследить на примере освещения ими Отечественной войны 1812 года. Для этой группы песен характерно довольно частое соединение в одном произведении воспоминаний о нескольких разделенных и по времени, и по месту действия исторических фактах. Песни создавались солдатами и казаками — участниками многих крупных сражений, происшедших за сравнительно короткое время; впечатления о них наслаивались, песенное творчество, видимо, не всегда «поспевало» за сменой особенно важных боевых эпизодов. Но Бородинское сражение, исключительное по своей исторической значимости, знаменательно и по его отражениям в народной поэзии: сохранилось несколько песен, посвященных именно этому событию.

В ряде сходных вариантов дошла песня, отобразившая канун Бородинского боя. Начало ее выдержано в традиционной стилистике, идущей от средневековой Руси, далее идет конкретизация, приспособляющая обороты, характерные еще для песен XVIII века, к исторической ситуации 1812 года:

Как не золотая, братцы, трубонька вострубливала,
Ай да не серебряна, братцы, сиповочка возыгрывала,
Ай да как возговорил, братцы, промолвил князь Кутузов-генерал:
«Ай да господа вы наши генералы со полковничками,
Ай да вы отдайте скорый приказ по всей армии зараз:
Ай да чтобы были все наши военны во исправности своей —
Ай да у пехоты ружья все в порядке, во замках кремни остры,
Ай да у казаков кони доброезжи, призаседланные.
Ай да к нам под утро хотел быть, ребята, со всей ратью Бонапарт.
Ай да за Россию, за царя, за веру нужно гостеньку принять:
Ай да как на поле славном Бородинском поплотней дружка обнять!»

Кроме этой записи, сделанной А. А. Догадиным у астраханских казаков, есть еще две фиксации той же песни от казаков Оренбургских и одна — из Пермской губернии. Но в них нет однозначной соотнесенности именно с Бородинским боем, а фамилия Кутузова искажена¹.

¹ См.: *ИП XIX в.*, № 42 — 45. Составителей этого сборника смущала хроникальная конкретность цитированного выше варианта (при цитации нами опущены только повторы строк): на их взгляд, он «вызывает сомнение своей исключительной исторической точностью» (с. 222). Между тем упоминания Кутузова и Бонапарта довольно обычны для исторических песен (первый назван в двенадцати других известных нам записях, второй — в шести), а Бородинское поле как место генерального сражения не только постоянно упоминается в документации того времени, исходившей от военной среды, которой песня обязана была своим возникновением (см., например, публикации документов: Колубакин Б. М. Война 1812 г.: Бородинская операция и Бородинское сражение. СПб., 1912. Кн. 1 — 3), — «Бородинское раздолье», на котором произошел Бородинский бой, фигурирует в песне № 187 нашего сборника.

Некоторыми поэтическими оборотами песни о Бородинском сражении восходят к былинному эпосу, как, например, эта, записанная А. Д. Григорьевым в Архангельской губернии:

Тут спроговорил-спромолвил да князь Кутузов:
«Ай вы вставайте ж, мои деточки, утром пораняе,
Вы умывайтесь, мои деточки, побелее,
Вы идите, мои деточки, в чистое поле,
Вы стреляйте же, мои деточки, не робейте,
Вы своего свинцу-пороху не жалейте,
Вы своего французика побеждайте!»

Но описание Бородинского боя уже не может вестись в духе былин, повествовавших о единоличном подвиге богатыря. И в живой действительности, и в исторической песне Бородино — великая битва великих армий. О начале ее песня говорит с подлинно эпическим размахом, используя давнюю стилистическую традицию русского фольклора:

Как не две тученьки, не две грозные
Вместе соходились —
Как две силы-армеюшки
Вместе соезжались...

Само решение М. И. Кутузова дать генеральное сражение армии Наполеона на позиции, выбранной русскими генералами у Бородина, состоялось за неделю до первого осеннего праздника по народному календарю — Семенова дня. Песня запомнила эту дату:

Господа ли генералушки
Вместе соходились,
Они думали крепку думушку
Все заедино:
«А когда же у нас, братцы, будет
Бой-батальница?» —
«На осенний первый праздничек, братцы,
На Семенов день».

За несколько дней до него и произошло Бородинское сражение:

Как Семенов день приходит, братцы,
Как гора валит;
Как Семенов день проходит, братцы,
Как река бежит.
Как ударили из пушек, братцы,

Из винтовочек —
 Покатались с могучих плеч
 Головушки,
 Полилася басурманская кровь
 На все четыре стороны.

Конечно, от песни, записанной почти через сто лет (в 1903 году), нельзя требовать точности всех деталей: винтовок в 1812 году еще не было у войск, сошедшихся на Бородинском поле. Сама же образность в описании ожесточенного боя хранит многовековую традицию русской народной поэзии. В песнях о сражении на Бородинском поле с армией Наполеона как бы воскресли образы песен о битве с армией Мамая на поле Куликовом:

Льется кровь богатырская
 По седельцам покованным,
 Сверкают сабли булатные,
 .....
 Валяются головы многих богатырей.

Бородинский бой, начавшийся рано утром, продолжался более четырнадцати часов:

Уж мы бились-рубились
 .....
 Близ четырнадцать часов.
 Как во первом часу ночи
 Сабли, ружья гремели,
 Во втором часу ноченьки
 С плеч головки летели,
 Как во третьем часу ночи
 Кроволитье протекло...

Сражение началось в шестом часу утра, а не в первом, но общую последовательность и исключительную ожесточенность боевых действий песни о нем передает верно: после весьма интенсивного пушечного и ружейного огня следовали одна за другой массовые атаки наполеоновских войск, которые русскими стойко отбивались. В ходе кровопролитных рукопашных схваток были громадные потери с обеих сторон. Однако эта песня, записанная дважды в XX столетии, все же довольно обобщенно отражает впечатления о Бородинском сражении, без индивидуальной детализации, которая сохранилась здесь достаточно явно только в верном указании его продолжительности. Более конкретные песенные отклики, по-видимому, оказались как бы заслонены впечатлениями от последовавшего вскоре оставления Москвы. Вместе с тем песни о Бородинской битве некогда оказали настолько внушительное воздействие на народный репертуар, что вызвали суще-

ственные изменения даже в некоторых песнях о событиях XVIII века. Среди ряда вариантов песни о гибели Лопухина в сражении с пруссаками при Гросс-Егерсдорфе (1757 г.) есть несколько таких, где основная часть текста переносит слушателя в 1812 год:

«Посмелее выступайте
Со французом вбевать!»
.....
Не пыль в поле пылит,
Не дубравушка шумит,
Француз с армией валит.
Он валит-таки валит,
Сам подваливает;
Сам подваливает,
Речь выговаривает:
«Еще много генералов —
Всех в ногах стопчу;
Всея матушку Россейшку
В полон себе возьму;
В полон себе возьму,
В каменну Москву зайду!»
Генералы испугались,
Платком слезы утирали,
В поворот слово сказали:
«Не бывать тебе, злодею,
В нашей каменной Москве;
Не видать тебе, злодею,
Белокаменных церквей;
Не стрелять тебе, злодею,
Золотых наших крестов!»
.....
Свинца-пороха довольно,
Сила во поле стоит.
Уж мы билися-рубилися
Четырнадцать часов.
.....

Перед нами остатки песни о Бородинском бое, в отдельном виде до собирателей не дошедшей и сложенной, по-видимому, еще до того, как солдатам стало известно, что французы вступили в Москву¹.

¹ Полный текст цитированной песни см.: *ИП XVIII в.*, № 384. В разной степени воздействие песни о Бородинском бое испытало большинство вариантов песни о гибели Лопухина. В одних случаях это упоминания французов и Москвы, в других — продолжительность боя «четырнадцать часов», тогда как на самом деле битва при Гросс-Егерсдорфе длилась пять часов. Ближе к истине варианты этой песни, где

Генерал М. И. Платов в Бородинском сражении возглавлял казачьи полки, которые по приказу М. И. Кутузова нанесли успешный удар по флангу наполеоновской армии. В описании боя песни часто упоминают Платова:

Уж как стал француз палить,
Только дым-сажа валит:
Во том ли во чаду
Красна солнца не видать.
Граф Платов-генерал
Разъезжает на коне,
На своем добром коне
По крутой по горе.
Подъезжает граф Платов
Ко силушке своей
Ко донским казакам...

Обобщая военные эпизоды Отечественной войны, песня заключает:

Граф Платов-генерал
Усю силушку побил.
Он которую побил,
Которую потопил.
Остальную его силушку
Он у плен забрал...

Одна из популярных песен о Платове содержит образ, восходящий к песне предшествующего столетия и имеющий, вероятно, литературное происхождение: «От своих чистых сердец / Совьем Платову венец, / На головушку наденем, / Песни сами запоем...»

Иногда такой же поэтический прием использован для провозглашения славы М. И. Кутузову. Песня передает народный домysel о его встрече с хвастливым предводителем захватчиков. Она представляет в своей центральной части «диалог» Кутузова с противником, конь которого идет «по колено у крове», — видимо, песня имеет здесь в виду самого Наполеона:

С-под копыта руда¹ льет,
А хранцуз в Москву идет...

говорится «билися, дралися до одиннадцать часов, во двенадцатом часу да умиралася война» (№ 376, ср. № 386 и др.). Согласно официальному журналу военных действий, сражение, начавшееся в шестом часу, продолжалось «до 10-ти часов перед полуднем» (Семилетняя война / Под ред. Н. М. Коробкова. М., 1948. С. 188). В песне есть и другие результаты воздействия песен позднейших, самое заметное из которых — упоминания Потемкина в значительной части вариантов.

¹ Руда — кровь. Полный текст песни см.: *ИП XIX в.*, № 74.

На хвастливые его речи

...российский генерал
Кутузов ему сказал:
.....
«Не видать тебе, собаке,
Золотых наших крестов,
Позолоченных голов».

В конце песни — прославление Кутузова:

Ой российскому генералу
Мы сошьем ему венец.
.....
Мы сошьем ему венец
От своих чистых сердец.
На головушку наденем,
Сами песни запоем.

Кутузов и Платов — главные герои исторических песен Отечественной войны 1812 года. Матвей Иванович Платов — казак, сын войскового старшины, стал атаманом Донского войска в 1801 году, генералом — в 1809-м, а графский титул получил уже в 1812 году. Его отличали не только энергичное, умелое руководство боевыми действиями казаков, но и большая личная смелость, породившая весьма распространенные песни с вымышленным сюжетом, восходящим к более ранним произведениям казачьего устного творчества (которые, в свою очередь, использовали повествовательные мотивы одной из популярных былин):

Платов голову остриг
И бородушку обрил,
У француза в гостях был.
Француз его не узнал,
За купчину почитал.
.....
В нову горницу вводил,
За дубовый стол сажал,
За дубовый стол сажал,
Часм, кофеем поил.

Оказывается, противник слышан о Платове, но никогда не видел его:

«Всю ты правду скажи мне —
Уж я всех же в Москве знаю
Генералов и господ,

Одного только не знаю
Я Платова-казака.
И кто бы, кто бы мне сказал,
Тому б много злата дал.
И в полон бы его взял
И с живого кожу снял».

Платов отвечает врагу — как и былинный Илья Муромец, — что он похож на того, кого враг хотел бы видеть. В ответ на просьбу показать портрет Платова он бросает свой портрет на стол и быстро выходит:

На коня Платов садился, точно сокол взвился.
Он со двора съезжал и с усмешечкой сказал:
«Ты ворона, ты ворона, загуменная карга¹,
Не сумела ты, ворона, ясна сокола держать.
Ясного сокола, Платова-казака.
Ты умей, ворона, по чисту полю летать,
По чисту полю летать, с казаками воевать...»

Мера правдивости исторических песен Отечественной войны 1812 года отобразила всю гамму соответствий фольклора и действительной истории: от исторически точной хроникальной песни до баллады с целиком вымышленным сюжетом, однако правдивой в отображении сложившегося в народной среде представления об историческом деятеле.

Интересные примеры относительно недавних хроникальных песен, посвященных хорошо известным историческим событиям, относятся к личности Александра Второго. Это прежде всего небольшая песня о покушении Каракозова, которую записал известный собиратель фольклора астраханских казаков А. А. Догадин. Неприятательным ее текстом свершившийся факт передан довольно точно:

В шестьдесят шестом году
Бог пронес мимо беду.
Каракозов ровно крот
Пробирался сквозь народ.
Царь из сада выходил,
Злодей выстрел объявил.
Комиссаров подлетел
И спасти царя успел.
Туча черная прошла:
Царя пуля обнесла.

¹ Загуменная карга — ленивая ворона. Полный текст песни см.: Акимова, № 20.

Текст представляет собой типичный пример простонародной песни-хроники, начинающейся хронологическим указанием, что характерно было для упомянутых выше хроникальных исторических песен уже в XVI — XVIII столетиях¹.

Как известно, через пятнадцать лет, в результате седьмого покушения террористов, Александр Второй скончался. Это событие отобразилось в короткой хроникальной песне: единственная известная запись просто фиксирует (не очень точно) самый факт. Его оценки нет, передано только содержание дошедшего до слагателя этой песни слуха:

Как и наш-от Белый царь
Во Синоде жизнь скончал,
Во Синоде, в Петербурге.
На вороном коне
Со двора съезжал;
Со двора съезжал,
На собор молиться стал.
Не успел перекреститься,
Бомба с порохом летит;
Бомба с порохом летит,
Таково прытко шумит.
Всю повозочку разбила,
Царя Белого убила².

Это событие послужило основой песни гораздо более пространной, записанной много раз в разных местах России. Среди наиболее авторитетных фиксаций — две четко паспортизированные записи: того же А. А. Догадина, произведенная не позже 1911 года, и относящаяся к 1915 году запись Н. Е. Ончукова на Среднем Поволжье³. Протяженность первого текста — 48 строк, второго — 81. Вариант, зафиксированный Ончуковым, включает эпизоды, отсутствующие в записи Догадина, но в параллельных частях текстов различия их не выходят за рамки обычных вариантных разночречий. Вот как выглядит начало песни и изложение центрального ее эпизода:

¹ Отличается от них приведенная песня наличием зафиксированного собирателем припева. Судя по содержанию, он был присоединен, вероятно, уже после смерти Александра II и сочинен, может быть, руководителем казачьего хора (см.: Догадин. Вып. 2. № 22).

² Виноградов, № 10 (Песня о смерти царя-освободителя). Записана в Костромском уезде 5.11.1900 г.; исполнитель не указан.

³ См.: Догадин. Вып. 2, № 23; записано от казаков братьев Сиволобовых в станице Александровской. Ончуков. С. 327; записано от И. В. Иппагова, крестьянина села Воскресенского, Макарьевского уезда Нижегородской губернии, на пароходе, шедшем в Казань из Саратова.

Догадин

Мы подумаем, друзья,
 Все про Белого царя.
 Милосердный государь
 Александра Второй царь —
 Он любвию ко всем горел
 И свободу дать хотел.
 Слышал, видел бедных стон:
 Даровал новый закон.
 Он злодеев укрошал
 И им воли не давал.
 Стали люди царю вредить,
 Как бы его истребить.
 Много казны потребили,
 Отчаянных подкупили,
 Дали в руки им гранаты —
 От Бога, людей прокляты.
 Везде мины подводили,
 Но в царя не угодили —
 Кругом стражники стояли,
 Александра охраняли.
 Но вот марта первого числа
 Кончина царю пришла.
 Нужно дерзостью владеть:
 На царя руки поднять.
 Злобный дух в сердцах вселялся
 И второй удар являлся.
 Меж народа и толпы
 Не видать, откуда взялся.
 Велико всех горе было,
 Как кровь царская там лила.

Ончуков

Вы послушайте, друзья,
 Все про Белого царя.
 Милостивый государь
 Александра Второй царь,
 Он с любовью служил,
 Всем свободы дать хотел.
 Подпокровом всех держав
 Он злодеев укрошал, —
 Злодеев укрошал
 И от казни избавлял.
 Исправлял он все законы,
 Слышал бедных людей стоны.
 Стали злодеи судить,
 Как бы царя истребить.
 Отчаянных подкупили.
 Дали в руки им гранаты,
 Они от Бога прокляты.
 Везде мины подводили,
 Царя Белого не убили.
 Караулы везде стояли.
 Государя сохраняли.
 Марта первого числа
 Жизнь скончалась царя.
 Страшно думать и гадать,
 На царя руки поднять!
 Злобный дух во них вселился,
 И второй удар явился.
 Между народною толпой
 Не видать было, отколь
 Появился большой взрыв
 И государя поразив.
 Тогда сделалось смятенье,
 По всей сырой земле потрясенье,
 И велика страсть была,
 Как царская кровь лила.

В записи Ончукова далее более подробно говорится о том, как государь был доставлен во дворец и народ затем ожидал известий, предчувствуя трагический исход. В обоих вариантах сказано с полной определенностью о гуманности Александра II и об освобождении им крестьян. В тексте Ончукова:

«Ты за то жизнь положил,
 Что добра много творил,

Все законы отменил
И крестьян освободил...»

Вариант, записанный Догадиным, влагает соответствующие слова в уста самого Александра II:

«Уж вы дети, мои дети,
Я отжил теперь на свете.
Я от казни избавляя
И крестьянам счастье дал».

В записи Ончукова песня завершается выражением народной скорби и надежды на царского сына:

Будем Господа просить,
Чтоб царя Бог умудрил:
Сын по мудрости отца
Доведет дело до конца.

Не успев пройти художественную обработку в устах высокоталантливого исполнителя, бесхитростное произведение, однако, распространилось широко. Отнюдь не на высоком поэтическом уровне, но с высокой степенью определенности дав оценку деятельности Александра II, эта песня, записи которой начали появляться в 1890 году, вне всякого сомнения, выразила истинное отношение простых людей России к своему царю и к цареубийству¹.

Существовали и другие песни, посвященные Александру II, не получившие, в отличие от приведенной, заметного распространения, но выражавшие те же чувства:

Он наш свободитель и отец!
И устроим памятник из сердец,
Коего крест сиянием в облаках
Передаст память младенцам у нянюшек на руках.
И да будет сие вовек и вовек,
Пока существует мир и человек!

Эту песню уже нельзя назвать хроникальной: эмоциональная передача народных впечатлений от факта сменяется его осмыслением².

¹ Кроме двух цитированных вариантов песни и записи ее, напечатанной полностью в корпусе текстов, см. также: Как восплакалась Россия. С. 689 — 690; *Кашин*. С. 137 — 139; *Кетриц*. С. 1126 — 1128; *Кульман*. С. 651 — 654; *Мякутин*. С. 240 — 242; Песня, зап. А. С. Поповым. С. 1 — 3; *Сперанский*, № 13.

² См. полный текст песни: *Селифонтов*. С. 365 — 366. Записана от Д. С. Ваулина, крестьянина дер. Космыниной Костромского уезда.

Предлагаемая читателю книга дает возможность проследить определенную эволюцию народной исторической песни. Нельзя сказать, что это было только поступательное развитие. Для некоторых явлений культуры эволюция ознаменована прогрессом в одну эпоху, для других — в иную, прогресс порой чередуется с регрессом. В бытии народной песни своеобразие его периодов обусловлено главным образом самой отображаемой историей народа. Прежде всего следует говорить о двух крупных этапах: песни Древней Руси и песни Нового времени.

Но песни Древней Руси в сущности принадлежат четырем историческим эпохам. Это древнерусское государство XI — XII веков, борьба за освобождение и объединение русских земель в XIII — XV веках, централизованное Московское царство XV — XVI веков, Смутное время и правление первых Романовых в XVII столетии. Песнями Древней Руси отображена жизнь нашего народа на протяжении семи веков. От первого периода сохранилось сравнительно немного исторических песен, причем они в значительной степени подверглись, очевидно, изменениям в XV — XVI веках. В это время происходят существенные перемены в народном сознании, вызванные освобождением от татаро-монгольского владычества, объединением русских земель и установлением царской власти. Происходит вместе с тем особенно интенсивное возрождение на новой исторической основе культурного наследия древнерусского государства. Особым периодом в истории древнерусской культуры можно считать насыщенное важными событиями XVII столетие. Начавшееся отражением смертельной угрозы самому существованию России вследствие внутренней смуты и иностранной интервенции, это столетие ознаменовано затем стабилизацией. Она, однако, нарушилась церковным расколом и разинщиной. Конец же этого века отмечен «стрелецким бунтом» — своего рода трагическим актом сопротивления назревавшим давно, но слишком болезненно начатым кардинальным реформам русской армии. Песни XVII века, хотя они, безусловно, ближе к предшествующим, чем к последующим, составляют особую группу, своеобразие которой обусловлено характером исторической эпохи.

Песни XVIII, XIX и начала XX столетия принадлежат новому периоду истории русской культуры. Но устная поэзия, традиционная по самой сущности своей, отнюдь не претерпела столь резкого изменения, какие произошли, например, в печатной литературе и городском зодчестве, столичном быту и военном деле — в связи с нововведениями Петра I. Однако исторические песни Нового времени — это по преимуществу песни русских солдат; здесь коренится сущность отличий от исторических песен Древней Руси, традиции которых солдатские массы восприняли и приспособили к изменившейся эпохе.

Учреждение в начале XVIII века постоянной армии с пожизненным, а затем — 25-летним сроком службы создало устойчивую и многочисленную социальную общность — военную среду со своим кругом культурных запросов, — среду, сохранявшую его почти неизменным (несмотря на последовательные сокращения продолжительности службы) более двух веков — до ликвидации

императорской армии в 1917 году. Солдаты не утрачивали связь с деревенской культурой: юношами они приносили в армию известные им крестьянские песни; те, кто после военной службы возвращался потом в родные места, отчасти передавали односельчанам свои солдатские песни. Благодаря этому произведения, созданные в военной среде, одновременно и опирались на общерусский фольклорный репертуар, и преобразовывали его. Но все же значительная часть записанных собирателями исторических песен второй половины XIX века и начала XX столетия — это бытовавшие в армии полковые песни, исполнение которых не было повсеместным.

Не менее устойчивую социальную общность представляли собой казаки, выполнявшие те же государственные задачи, что и регулярная армия. Неудивительно, что казачьи песни составляют как бы одно целое с солдатскими в общерусском массиве исторических песен Нового времени, причем определенная часть этих исторических песен тоже бытовала локально — в том или ином казачьем войске или даже полку. Но песням казаков принадлежало важное место в народном репертуаре уже с XVII столетия.

В середине и второй половине XIX века патриотический пафос солдатских и казачьих песен остается весьма высок, но в них можно наблюдать как бы опрожнение прежних художественных достижений. В массу песен, созданных солдатами, казаками, матросами, все чаще вливаются произведения, отошедшие в той или иной степени от стилистической традиции, характерной для прежней воинской песни. Это результаты «полупрофессиональной» творческой манеры, использующей не только фольклорные, но и литературные образцы. Перед нами одно из проявлений процесса, вообще характерного для устного творчества Нового времени. Вместе с тем не приходится сомневаться в естественном бытовании таких новых патриотических песен, нет причин подозревать искусственное их внесение в устный репертуар или в песенные сборники XIX — начала XX века представителями иной социальной среды. Впрочем, распределение песен по социальной среде их создателей в одних случаях совершенно бесспорно, в других — более или менее условно, а иногда и гадательно.

Исторические песни, создававшиеся в крестьянской и мещанской среде, во второй половине XIX века представлены в основном произведениями, имевшими непосредственное отношение к русским государям. Потрясающее народное сознание убийство революционерами Александра II повлекло создание песен не только о нем, но и о его сыне Александре III. Песни эти получили распространение и у казаков; несмотря на свое художественное несовершенство, они сохранялись в активном репертуаре вплоть до революции 1917 года.

О дальнейшем бытовании этих песен сведений нет. Почти нет записей исторических песен о войне 1914 — 1917 годов, если не считать те немногие, которые были осуществлены еще во время самой войны и успели тогда попасть в печать. После революции фольклор «царской армии» записывать

стало опасно, публиковать — невозможно, а сама война, которую в России до 1917 года называли Великой и Второй Отечественной, получила официальное наименование «империалистической». Надо надеяться, что со временем в архивах будут найдены и опубликованы записи солдатских исторических песен этой войны помимо тех немногих, какие сейчас удалось разыскать и отобразить в нашем сборнике.

Песни исторические «в тесном смысле», то есть отзывавшиеся на совершенно определенные, хорошо известные исторические факты, соответственно легко датируются. Они расположены в книге, как правило, согласно последовательности самих событий (хотя не всегда есть уверенность, что данная песня возникла под непосредственным впечатлением от исторического факта). Небольшие отступления от хронологического порядка допускались очень редко — чтобы не разрывать комплекс произведений, тесно связанных тематическим рядом исходных фактов.

Даваемые в комментариях исторические примечания к песням могут послужить не только для фактических справок. По примечаниям легко видеть степень близости песни фактическому ходу событий. Наиболее точные и детальные повествования хроникальных песен (нередко — значительной протяженности) и возникших на их основе исторических баллад относятся к XVII и XVIII столетиям. Более поздние песни — даже посвященные таким знаменательным событиям, как Отечественная война 1812 года или героическая оборона Севастополя, — как правило, короче и нередко менее точны исторически. То же относится к песням ранее XVII века. Но в этих ранних песнях «источность» обусловлена часто тем, что хроникальная песня давно перешла в историческую балладу — песню, часто несравненно более совершенную художественно, но радикально утратившую фактографичность¹.

В песнях XIX века случаев перехода песни-хроники в художественно полноценную балладу значительно меньше. Чаще происходит не всегда удачное приспособление более ранней баллады к новым событиям. При этом нередко сохраняются песенные эпизоды, которые уже не имеют достаточной соотносительности с новыми фактами. Видно, что жанр классической народной баллады существенно утрачивает прежнюю степень соответствия народным запросам в изменившейся исторической действительности.

Весьма заметную часть исторических песен сравнительно недавнего времени составляют произведения, принадлежащие лирическим жанрам или занимающие промежуточное место между лирической песней и балладой. В них нет последовательной передачи ряда исторических фактов. Песня выражает настроение, обус-

¹ Весьма условны порой исторически датируемые бытовые реалии песен: например, упоминания солдатской службы, военных чинов, появившихся только в XVIII веке, нередко переносились в произведения, созданные гораздо раньше. Переносились подобным образом иногда и имена исторических лиц. Эти случаи оговорены в комментариях.

ловленное историческим событием или исторической ситуацией. Таковы, например, многие песни о военных победах и военных тяготах, казачьи песни и песни солдат, навеянные воспоминаниями об отдельных боевых эпизодах — фактах, не столько излагаемых, сколько «опеваемых» песней в традиционной манере военной лирики.

В эпоху, когда Россия, по выражению Пушкина, «мужала с гением Петра», начался последний период активного исторического песнетворчества, продолжавшийся с неослабевающей интенсивностью почти до конца XVIII столетия. С медленными, но необратимыми изменениями в народном сознании менялись общественные запросы. Классические исторические песни сохраняются как художественное наследие, новые произведения, как правило, уже уступают прежнему уровню.

Мощный подъем эпического творчества в русской литературе XIX века совпал с некоторым обмелением его в устной поэзии.

В течение этого столетия неуклонно сужалось общественное значение исторических песен. Они теперь создаются почти одними только солдатами и казаками, выражая их собственное отношение к истории и к военному быту. Патриотизм и высокая порой героика содержания этих песен уже не обеспечивают им всенародного распространения. Особенно заметно это в песнях второй половины XIX века. Абсолютное большинство исторических песен этого времени записаны в военной среде. Но не только в массе солдат и казаков продолжали пользоваться любовью старинные песни, оставшиеся классическими. Благодаря этому их довольно полно смогли записать собиратели народной поэзии.

Одна из причин угасания народных исторических песен (как и народных баллад «неисторического» содержания) — все более широкое распространение в XIX — XX веках дешевых лубочных книжек, среди которых было множество песенников, включавших тексты литературного происхождения. Написанные часто авторами небольшого таланта и невысокой культуры, но отвечавшие вкусам дельцов, распространявших лубочные песенники, произведения эти оказали неблагоприятное воздействие на устный репертуар.

В своих лучших образцах исторические песни принадлежат к непреходящим ценностям русской культуры. Это хорошо понимал уже Пушкин, записывавший народные песни (по его записи напечатан один из текстов этой книги). Жанр исторической баллады в русскую классическую литературу был введен прежде всего знаменитой «Песней про купца Калашникова». Правда, еще до Лермонтова в этом жанре писал Жуковский, но баллады его гораздо менее обязаны русской народной поэзии. После целого ряда поэм А. К. Толстого обратившаяся к народным образцам историческая баллада не утрачивает своего места в русской литературе до наших дней.

Историко-песенное творчество русского народа только в дошедших до нас образцах имеет возраст около десяти столетий. Многие из исторических песен

принадлежат к поэтической классике в самом высоком смысле. Разумеется, песня, читаемая в книге, всегда проигрывает по сравнению со своим звучащим оригиналом. Но, несмотря на это, читатель несомненно оценит в напечатанных здесь текстах как их патриотизм и стойкость исторической памяти, так и художественное богатство народной поэтической культуры.

С. Н. Азбелев

**ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПЕСНИ**

ОТ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА СВЯТОГО ДО ЦАРЯ ИВАНА III

Помещенные в этом разделе песни относятся к историческим событиям и историческим лицам пяти столетий — от начала XI века до начала XVI века (точнее сказать — представляют остатки историко-песенного репертуара того времени): в 1015 году скончался креститель Руси Владимир Святой, в 1505 году умер Иван III Васильевич, первым обоснованно воспринявший титул царя и самодержца всея Руси. Он первым получил у современников и прозвание Грозного (впоследствии закрепившееся только за его внуком Иваном IV). Почти половина этих песен так или иначе отобразила противостояние ордынскому владычеству, борьбу за его свержение и противодействие наследникам ордынской экспансии (№ 4 — 6, 8 — 10, 16, 17, 19). Песни посвящены также князьям, царю Ивану Васильевичу и членам царской семьи.

1. РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

О светло светлая
И украсно украшена
Земля Русская!
И многими красотами

Удивлена еси:
Озера многими
Удивлена еси,
Реками и кладязьми
Месточестными,
Горами крутыми,
Холмы высокими,
Дубравами частыми,
Польми дивными,
Зверьми различными,
Птицами бесчисленными,
Городы великими,
Селы дивными,
Винограды обительными,
Домы церковными
И князьями грозными,
Бояры честными,
Вельможами многими!
Всего еси исполнена
Земля Русская,
О правоверная
Вера христианская!

2. БОРИС И ГЛЕБ

Со восточного держания,
Во славесном Киеве граде,
А жил себе Володимир князь.
Имел себе да трех сынов,
А трех сынов возлюбленных:
Старейший брат, а больший князь,

А меньшие Борис и Глеб.
Живши-бывши Володимир князь,
Стал своих чадов благословляти,
Удельными градами наделяти.
Доставался Чернигов град
Старейшему брату Святополкию,
А двум братьям Борису и Глебу
Славесный Киев град.
Живши-бывши Владимир князь,
Во доме своем переставился.
Чада его возлюбленны
Со славой его света погребали,
Погребали, похороняли.
Разъезжались в разныя страны:
Старейший брат в Чернигов град,
А меньшие братья, два брата Борис и Глеб
Во славесный Киев град.
Живши-бывши старейший брат,
Живши-бывши а больший князь,
В уме своем разуме смешался.
Он пишет князь злописание
Двум братьям Борису и Глебу:
«А меньшие вы мои братие,
Святые князья вы благоверные,
Два брата Бориса и Глеба!
Прошу я вас на пир к себе,
Почестный вам пир пировати,
Отца в моем доме поминати».
Послы его прихождали,
Посыльный лист приношали
Двум братьям Борису и Глебу.
Два брата Бориса и Глеба
Посыльный лист принимали,

Перед матушкой прочитали;
Начали плакати-рыдати,
А жалобным гласом причитати.
Им матушка говорила:
«Чада мои возлюбленны,
Святые князья благоверные,
Два брата Борисе и Глебе!
Не ездите к большому брату в гости,
К старейшему брату Святополкию:
А большой князь ненавистный злой,
Не на пир он вас зовет пировати,
Не отца в своём доме поминати,
Он хочет, злой, затребити,
Всею Росеей завладати,
Со всеми со удельными городами,
Со всеми со верными со слугами».
Они матушки не слушались,
Садилась на добрых конев,
Поехали к большому брату в гости.
А большой князь, ненавистный злой,
Не в доме он братиев встречает,
Встречает далече во чистом поле,
Свирепо на братьев взирает,
Он зрит на них яко разбойник.
Два брата Бориса и Глеба,
Видют они напасть свою,
Слезали со добрых конев,
Упали большому брату в ноги,
Старейшему брату Святополку,
Борис упал в правую ногу,
А Глеб упал во левую;
Начали плакати-рыдати,
А жалобным гласом причитати:

«Любимый наш старейший брат,
Старейший брат, а больший князь!
Не срежь наши главы незрелые,
Не пролей ты крови христианской понапрасно,
Возьми ты нас к себе в рабы,
Работай ты нами, как рабами!»
А больший князь, ненавистный-злой,
Ни на что, злодей, он не взирает,
Ни на плаканье, ни на рыданье,
Ни на жалобное причитанье:
Борису взял — копье вружил,
А Глеба взял — ножом зарезал:
А те тела, Борисово,
Борисово и Глебово,
Повелел в темны́ леса затащати,
На разны колоды разложить.
Садился злой на добрый конь.
Он ездит, сам похвалялся:
«Теперича вся наша Росея
Со всеми со удельными городами,
Со всеми со верными со слугами!»
Господь хвалы не слушает:
Сослал Господь да двух ангелов,
Со копием со питритом;
Повелел Господь землю подрезати,
Подрезати и потрясати;
Земля с кровию смешалася,
Как в синием море волны.
А те мощи, Борисовы,
Борисовы и Глебовы,
Лежали они ровно тридцать лет:
Ни зверь их, ни птица не тронула,
Ни солнечное восхождение,

Ни мрачное попечение.
Явилось явление
От земли есть и до неба,
Явился столб белый каменный;
К тому столбу белу каменну
Сходилися-съезжались
Цари, и славны патриархи,
И все православные христиане:
Служили молебны почестны
Тем телам, Борису и Глебу.
Поем славу Борисову,
Борисову и Глебову,
Вовек их слава не минуется
И вовеки, аминь.

3. ЕГОРИЙ-ЯРОСЛАВ

Как пошов Егорий в чистое поле
Да взяв себе лошадь богатырскую
И всю сбрую все военную.
Святой Егорий поезжаючи,
А в книгу Вангалий все читаючи,
Приехав Егорий к первой заставе,
К первой заставе — ко темным лесам:
Лесы со лесами соходилися,
Голлё с голлём согиналося,
Коренье с кореньем совивалоса, —
Ни пройти Егорью, ни проехати,
А ни конному, а ни пешему.
Святой Егорий превзглаголюет:
«Есте вы лесы, лесы темные!

Разойдитесь, расступитесь,
Станьте вы, лесы, все по-старому,
Все по-старому, по-прежнему:
Буду я вас, лесы, рубить-полонить,
Рубить-полонить, церкви строить
Соборныя, богомольныя».

Та ему застава миновалася.
Святой Егорий поезжаючи,
А в книгу Вангалий все читаючи,
Приехав Егорий к второй заставе,
К второй заставе и к крутым горам:
Горы со горами соходилися,
Пески со песками сометалися,
Камень с камнем сокаталося, —
Ни пройти Егорью, ни проехати,
А ни конному, а ни пешему.
Святой Егорий превзглаголюет:
«Есте вы, горы, горы крутя!
Разойдитесь, расступитесь,
Станьте вы, горы, все по-старому,
По-старому, по-прежнему:
Буду на вас, горы, церкви строить,
Соборныя, богомольныя».

Та ему застава миновалася.
Святой Егорий поезжаючи,
А в книгу Вангалий все читаючи,
Приехав Егорий к третьей заставе,
К третьей заставе — к лютым зверам:
Зверы со зверами соходилися, —
Ни пройти Егорью, ни проехати,
Что ни конному, ни пешему.
Да хотят Егорья как бы стробити.
Святой Егорий превзглаголюет:

«Есте вы, звери, звери лютые!
Разойдитесь, разбежитесь
По три, по два, по одному;
Будете вы, звери, без меня сыты,
Без Егорья без свет Храбраго».
Та ему застава миновалася.
Святой Егорий поезжаючи,
А в книгу Вангалий все читаючи,
Веру хрестиянскую прославляючи,
Приехав Егорий к той заставе,
К той заставе, ко тром девицам,
Ко тром девицам, к родным сестрицам:
На их телеса все дубовыя,
Сипят, рыпят по-змеиному,
По-змеиному, по-звериному, —
Ни пройти Егорью, ни проехать.
Да хотят Егорья как бы стрѣбити.
Святой Егорий превзглаголет:
«Есте вы, девицы, родныя сестрицы!
Идите вы, девицы, на Киян-море,
А с Киян-моря на Иордан-реку,
Воскупайтесь и возмыйтесь;
Бросайте вы веру бесурмянскую,
Берите вы веру хрестиянскую,
Будете, вы, девицы, вы хрещеныя,
Все хрещеныя, благословленыя».
Та ему застава миновалася.
Святой Егорий поезжаючи,
А в книгу Вангалий все читаючи,
Приезжает Егорий к пятой заставе,
К пятой заставе — к лютomu змею:
А с ноздер его полымя сопле,
А в роту его синий дым иде, —

Ни пройти Егорью, ни проехати,
А ни конному, а ни пешему.
Да хотить Егорья как бы стрéбити.
Святый Егорий превзглаголюет:
«Есте ты, змей, ты могу́щий змей!
Подымися, змей, грозно, вы́соко,
Да ударься, змей, о мать сыру́ землю,
Рассыпья, змей, на мелки части,
Проходи ты, змей, скрозь сыру землю».
Та ему застава миновалася,
Святый Егорий поезжаючи,
А в книгу Вангалий все читаючи,
Веру храстиянскую прославляючи,
Приезжает Егорий к шестой заставе,
К шестой заставе — к его двору:
На воротях сидит все Трахтырь-птица,
А в киптях держит все Кита-рыбу, —
Ни пройти Егорью, ни проехати.
Святый Егорий превзглаголюет:
«Есте ты, птица, ты, Трахтырь-птица!
Бросай Киту-рыбу о синé море,
А сама лети, в широ́е бо́ра,
В широ́е бо́ра, в темны леса.
Будеши ты, птица, без мене сы́га».
Та ему застава миновалася.
Святый Егорий поезжаючи,
А в книгу Вангалий все читаючи,
Веру храстиянскую прославляючи,
Приезжает Егорий к цару Демону,
К цару Демону бесурмьянскому.
Вынимает палицу все военную,
Разбив ему каменны палаты.
Как вошов Егорий к цару Демону,

К цару Демону бесурмянскому:
«Здравствуй, царевичу Деманище!» —
«Здравствуй, Егорий, Христов мученик!
Чего ко мне ехал? ти пить, ти гулять,
Ти пить, ти гулять, ти беседовать?» —
«Злодей царевичу Деманище!
Я к тебе ехав не пить, не гулять,
Не пить, не гулять, не беседовать;
Отплачу я тебе дружбу прежнюю, —
Проломлю я тебе два левых ребра,
Пролью я тебе кровь горячую,
Зниму я тебе голову с могущих плеч;
Решу твою веру бесурмянскую,
Отвержу я веру хрестиянскую».
Злодей царевичу Деманище:
«Святы́й Егорий, Христов мученик!
Дай же мене строку хоть на три́ года». —
«Злодей царевичу Деманище!
Не дам тебе строку ни на три часа».
Злодей царевичу Деманище:
«Дай мне строку на три часа». —
«Злодей царевичу Деманище!
Не дам тебе строку ни на минуту!»
Вынимает палицу все военную,
Проломил ему два левых ребра,
Пролил ему кровь горячую
И зняв ему голову с могущих плеч;
Решив его веру бесурмянскую,
Отвердив веру хрестиянскую.
Святы́й Егорий поезжаючи,
А в книгу Вангалий все читаючи,
Веру хрестиянскую прославляючи,

Приезжает Егорий в Чернигов град,
А с Чернигова да до Киева;
Перед Киевом переставився
И списав свое нарождение,
Все свое большое прохождение.
Ему слава и держава
И ныне, и присно, и во веки веков.

4. АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Уж давно-то христианска вера
Во Россееюшку взошла,
Как и весь-то народ русский
Покрестился во нее;
Покрестился, возмолился
Богу Вышнему:
«Ты создай нам, Боже,
Житие мирное, любовное:
Отжени ты от нас
Врагов пагубных;
Ты посей на нашу Русь
Счастье многое!»
И слышал Бог молитвы
Своих новых христиан:
Наделял он их
Счастьем многим своим.
Но забылся народ русский
В счастии живя;
Он стал Бога забывать,
А себе-то гибель заготовлять.

И наслал Бог на них
Казни лютыя,
Казни лютыя, смертоносныя:
Он наслал-то на святую Русь
Нечестивых людей,
Нечестивых людей, татар крымских.
Как и двинулось поганое племя
От севера на юг,
Как сжигали-разбивали
Грады многие,
Пустошили-полонили
Земли русския.
Добрались-то они до святого места,
До славного Великого Новгорода.
Но в этом-то граде
Жил христианский народ:
Он молил и просил
О защите Бога Вышняго.
И вышел на врагов
Славный новгородский князь,
Новгородский князь Александр Невский.
Он разбил и прогнал
Нечестивых татар;
Возвратившись со войны,
Во иноки он пошел;
Он за святость своей жизни
Угодником Бога стал.
И мы, грешнии народы,
Притекаем к нему:
«Ты Угодник Божий,
Благодарный Александр!
Умоляй за нас
Бога Вышняго,

Отгоняй от нас
Врагов пагубных!
И мы тебя прославляем:
Слава тебе,
Благоверный Александре,
Отныне и до века!»

5. МИХАИЛ И ФЕДОР ЧЕРНИГОВСКИЕ

Восплакася народы о гибели России:
«О Русь, о Русь, прекрасная страна!
В тебе живут теперь татары злые:
Разоряют храмы Божьи народы нечестивые,
Ругаются святыне раскольники поганы!
О жаль, о жаль, что церкви святой Руси погибают:
Святых мужей, попов безбожники ругают.
Вспокайтесь, людие, к небесному Отцу припадите,
От чистых ваших сердец любовь и веру ему принесите:
Он милостив и благ, предела нет его щедрот,
Он к вам святых мужей и избавителей пошлет.
Но вы, за милость его к вам, ему возблагодарите,
С крепкою верою мольбы во храмах совершите!»
Опомнившись, народ стал о грехах у Бога просити
И всем собором во храмах о избавлении его молити:
И видя Бог, что Русь святая уже погибает,
Простил грехи и избавителей ей посылает.
Явились на Руси два доблестны мужа со огненными мечами:
Черниговский Михайло, Феодор украсили себя российскими венцами,
Избавили они святую Русь, на краю гибели стоявшу,
И сами святые в орде нечистой смерть мученическую приявши.

6. ЩЕЛКАН

А и деялося в Орде,
Передеялось в Большой:
На стуле золоте,
На рыгтом бархате,
На червчатой камке
Сидит тут царь Азвяк,
Азвяк Таврулович;
Суды рассуживает
И ряды разряживает,
Костылем размахивает
По бритым тем усам,
По татарским тем головам,
По синим плешам.
Шурьев царь дарил
Азвяк Таврулович
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме.
Одного не пожаловал —
Любимого шурина
Щелкана Дюдентевича.
За что не пожаловал?
И за то он не пожаловал, —
Его дома не случилось.
Уезжал-то млад Щелкан
В дальнюю землю Литовскую,
За моря синея;
Брал он, млад Щелкан,
Дани-невыходы,
Царски невыплаты:

С князей брал по сту рублев,
С бояр по пятидесят,
С крестьян по пяти рублев.
У которого денег нет,
У того дитя возьмет;
У которого дитя нет,
У того жену возьмет;
У которого жены-то нет,
Того самого головой возьмет.
Вывез млад Щелкан
Дани-выходы,
Царские невыплаты:
Вывел млад Щелкан
Коня во сто рублев,
Седло во тысячу,
Узде цены ей нет:
Не тем узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тем, узда, дорога, —
Царская жалованье,
Государево величество;
А нельзя, дескать, тое узды
Ни продать, ни променять
И друга дарить
Щелкана Дюдентевича.
Проговорит млад Щелкан,
Млад Дюдентевич:
«Гой еси, царь Азвяк,
Азвяк Таврулович!
Пожаловал ты молодцов
Любимых шуринов,
Двух удалых Борисовичев:
Василья на Плесу,

Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме;
Пожалуй ты, царь Азвяк,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двомя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи».
Проговорит царь Азвяк,
Азвяк Таврулович:
«Гой еси, шурин мой
Щелкан Дюдентевич!
Заколи-тко ты сына своего,
Сына любимого,
Крови ты чашу нацади;
Выпей ты крови тоя,
Крови горячия,
И тогда я тебя пожалую
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двомя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи».
Втапоры млад Щелкан
Сына своего заколол,
Чашу крови нацадил,
Крови горячия,
Выпил чашу тоя крови горячия.
А втапоры царь Азвяк
За то его пожаловал
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двомя братцы родимыми,
Два удалыми Борисовичи.
И втепоры млад Щелкан,

Он судьбою насел
В Тверь-ту старую,
В Тверь-ту богатую.
А немного он судьбою сидел:
И вдовы-то бесчестити,
Красны девицы позорити,
Надо всеми наругаться,
Над домами насмехаться.
Мужики-то старья,
Мужики-то богатя,
Мужики посадския,
Они жалобу приносили
Двум братцам родимым,
Двум удалым Борисовичам.
От народа они с поклонами пошли,
С честными подарками;
И понесли они честные подарки —
Злата-серебра и скатного земчуга.
Изошли его в доме у себя,
Щелкана Дюдентевича.
Подарки принял от них,
Чести не воздал им:
Втапоры млад Щелкан
Зачванелся он, загорденелся.
И они с ним раздорили:
Один ухватил за волосы,
А другой за ноги,
И тут его разорвали.
Тут смерть ему случилися,
Ни на ком не сыскалося.

7. СИМЕОН ГОРДЫЙ

Долго ли, робята, нам во эле-то погибать?
 Как пора-то нам, братцы, воспо¹каться,
 Воспо¹каться, святыим му¹жам помолитися:
 «Ой вы мужие святы¹е, уго¹дники Божи¹и!
 Вы простите грехи наши беззаконные,
 Помолите за нас Бога Вышняго,
 Бога Вышняго, Отца милосердаго,
 Чтоб избавил царя нашего от ужасной от войны,
 От ужасной от войны и от мировой язвы!»
 А уж князь-то наш московский Симеон Иванович,
 Он и смотрит — сам рыдает — на погибший на народ,
 Возрыдаючи речь он взго¹ворил:
 «Ох я грешный челове¹че, прогневил Бога мово!
 За грех-то мой Бог козни наслал!»
 Как услышал Бог молитвы уго¹дника своего,
 Уго¹дника своего, Петра митрополита московскаго:
 И избавил град Москву от ужасной от войны,
 От ужасной от войны и от моровой язвы.

8. НОВГОРОДЦЫ ИДУТ ПРОТИВ МАМАЯ

В великом Нове-городе
 Стоят мужи новгородские
 У святыя Софеи на площади,
 Бьют вече великое,
 Говорят мужи таково слово:
 «Уже нам не поспеть на пособь
 К великому князю Димитрию.

Он Оку реку перевозится,
Тако нам к нему не ехати,
А ему будет непособь,
Ино будет Новым-градом не отсадиться».
Борзо мужики наряжались,
Отпущали тринадцать посадников,
С ними силы тринадцать тысячей,
А все люди нарядные,
Пансыри, доспехи давали с города:
«Пойдите с одного на безбожного».
И пришла сила новгородская
К великому князю Димитрию,
Рад был князь Димитрий Иванович:
«Исполать вам, мужи новгородские,
Что меня есте не оставили».

9. НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

И сступишися полци, крепко бьющися,
Щепляются щиты богатырские,
Ломаются рогатины булатные,
Льется кровь богатырская
По седельцам покованным,
Сверкают сабли булатные
Около голов богатырских,
Катятся шеломы злаченные
Добрым коням под копыта,
Валятся головы многих богатырей
С добрых коней о сыру землю.

10. ДМИТРОВСКАЯ СУББОТА

Накануне субботы Дмитровской,
Во соборе святом Успенским,
Обедню пел Киприян святой,
За обедней был Димитрей князь
С благоверною княгиней Евдокиєю,
Со князьями ли со боярами,
Со теми со славными воеводами.
Перед самой то было перед достойной,
Перестал Димитрей князь молиться;
Ко столбу князь прислонился,
Умом князь Димитрей изумился;
Открылись душевныя его очи,
Видит он дивное виденье:
Не горят свечи перед иконами,
Не сияют камни на золотых окладах,
Не слышит он пения святого,
А видит он чистое поле,
То ли чисто поле Куликово.
Изуслано поле мертвыми телами,
Христианами да татарами:
Христиане-то как свечи теплятся,
А татары-то как смола черна.
По тому ль полю Куликову
Ходит сама мать пресвятая Богородица,
А за ней апостолы Господни,
Архангелы-ангелы святые,
Со светлыми со свечами,
Отпевают они мощи православных,
Кадит на них сама мать пресвятая Богородица
И венцы с небес на них сходят.
Вопросила мать пресвятая Богородица:

«А где ж да князь Димитрей?»
 Отвечает ей Петр апостол:
 «А Димитрей князь в Московском граде,
 Во святом Успенским соборе,
 Да и слушает он обедню,
 Со своей княгиней Евдокией,
 Со своими князьями-боярами,
 Со теми ли со славными воеводами».
 И рече мать пресвятая Богородица:
 «Не в своем Димитрей князь месте:
 Предводить ему лики мучеников,
 А его княгине — в моем стаде».
 Тут явление пропало,
 Свечи во храме загорелись,
 На окладах камни засияли:
 Образумился князь Димитрей,
 Да слезно он восплакнул,
 Таково слово он промолвил:
 «Ах, знать, близок час моей смерти!
 Скоро буду в гробе я лежати,
 А моей княгине быть в черницах!»
 А на память дивнаго видения
 Уставил он Дмитровску субботу.

11. ПОКОРЕНИЕ НОВГОРОДА

Собиралася туча черная,
 Подошла гроза на великий град,
 Знать настал конец вечу старому.
 Не держал народ имя царское

Грозно с честью — по-старинному,
 Озлобился царь на ослушников,
 И он двинулся всеми силами,
 Сам с боярами во главе пошел
 Теснить Новгород лютым голодом.
 Притесняяючи покорил его;
 Вече древнее уничтоживши,
 Сам наместничка посадил ему.

12. ЦАРЬ МОЛИТСЯ ПО СЫНУ

Эх да, собирается наш да православный царь,
 Да он ко заутрени,
 Ко тому ли свету, свету-светику,
 Ивану Великому.
 Эх да, как становится наш православный царь,
 Да он на своем месте.
 Как становится наш православный царь
 У правого клироса.
 Эх да, уж как молится наш православный царь
 Ивану Великому.
 Уж он молится, наш православный царь,
 Да он низко кланяется.
 Эх да, как позадь-то его все бояре-князья,
 Они остановились.
 Как промеж-то себя ухмыльнулись,
 Князья усмехнулись.
 Эх да, уж как гневно на них православный царь,
 Да он оглядается:
 «И чему-то, чему вы, бояра-князья, чему больно радостны?»

Эх да, иль не знаете вы, иль не ведаете
Горя-то великого?
Знать, неведома-то вам кручинушка
Безысходна царская:
Эх да, как угасла-то свеча местная,
Закатилась-то звезда,
Поднебесна моя светла звездонька —
Не стало млад царевича».

13. ЦАРЕВИЧ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ

Ише собрал тут царь-от пир навёсели;
Ише сам говорил-то да таковы речи:
«Уж я вывел-то изменушку из Киева;
Привезу я ведь правдушку из чиста поля».
Ише было у царя-то да чадо милое,
Ише мило-то ведь чадышко одинакое
Ише на имя Васильюшко Иванович;
Ише от роду Васильюшку было двадцать лет.
Говорил-то Васильюшко таковы речи:
«Ты грозен, ты наш царь Иван Васильевич!
Уж ты вывел ведь правдушку из Киева;
Привезешь ты изменушку из чиста поля».
Рассердился грозен царь Иван Васильевич
На своего на чадышка на милого;
Приказал отвезти его в чисто поле
Да отсеки ему ведь как буйну голову,
Принести-то его голову на тарелочки.
Отвели-то Васильюшка во чисто поле,
Штобы не видал грозен царь Иван Васильевич.

Они прибрали поганого татарина,
 Што такой же ведь есть — Васильюшко сын Иванович,
 Да отсекали у «Васильюшка» буйну голову.
 Пожалел тогда своего-то чада милого
 Ише на́ имя Васильюшка Иванова.
 Ише сам он говорил-то таковы речи:
 «Охте-те-мни-чки-то мне тошнехонько!
 Уходил я своего-то чада милого
 Ише на́ имя Васильюшка Ивановича!»
 Привели к ему Васильюшка Иванова,
 Ише сами говорили да таковы речи:
 «Ты грозен, ты наш Иван Васильевич!
 Мы отсекали у татарина буйну голову,
 Принесли тогда к тебе-ка на тарелочки;
 Пожалели мы Васильюшка Иванова».

14. ЦАРЕВИЧ ДИМИТРИЙ ИВАНОВИЧ

Во матушке во Москве стояла палатушка гарновитая,
 Железом покрытая, гвоздями убитая полуженными,
 Во этой палатушке стоят столики дубовые,
 На них скатерти разостланы шелковые,
 А стулики стоят кленовые.
 За этими столиками сидят князья, бояря,
 Сидят, пьют, едят, проклажаются,
 Ничем царю не похвалятся.
 Грозный царь Иван Васильевич сам выхваляется:
 «Брал я Казань, брал я Астрахань,
 А мелкие города мимоходом шел,
 Не мог я вывести изменушку из города Обскаго, из-за Обскаго».

Возговорит речь Димитрий Иванович:

«Уж ты тятинька родимой мой,

Не мог ты вывести изменушку из каменной Москвы». —

«Скажи ты мне, дитятка, эту изменушку на-имя?» —

«Тятинька, эта изменушка подле тебя сидит,

Пьютё, едитё с одной вы с ней ложечки,

Одно свётна платица носите».

Грозный царь распаляется,

Выбегает на красён крылец

И кричал своим громким голосом:

«Есть ли при мне слуги верные — палачи грозные?

Взяли бы мово царевича на лобное место на кровавое:

Снесли бы ему буйну голову по самыя могучи плечи,

Взоткали бы её на вострый штык,

Принесли бы её пред очи, очи царския».

Догадался тут старшой боярин Иван Романыч,

Выбегал на красен крылец

И кричит своим громким голосом:

«Есть ли при мне слуги верные?

Седлали бы мне ретива коня».

Едет Иван Романыч по матушке по Москве

И кричит громким голосом своим:

«Есть ли таковы люди — царски семена заменить,

Себе царства небеснаго получить?»

Выискался детинушка — калашный сын:

«Хочу царски семена заменить,

Хочу царства небеснаго себе получить».

Повели жа его на место лобное — на кровавое,

И снесли ему буйну голову по самые могучи плечи,

И взоткнули ее на вострый штык,

И принесли её перед очи, очи царския.

Не мог он вытерпеть, его ударило.

Приказал в большой колокол звонить

По всей матушке каменной Москве,
Всем боярам в черном платье итти Богу молиться:
«Погасла у меня воску ярова свеча,
Не стала у меня Димитрия Иваныча!»
Нарядился в светна платьица Иван Романыч —
Распалается на него грозный царь Иван Васильич:
«Али ты царю — мне насмехаешься,
Али ты не знаешь, что в живе царевича не стало?
Взяли бы старшова боярина на лобное место на кровавое,
Отсекли бы ему буйну голову по самыя могучи плечи
И взоткнули бы ее на вострый штык,
И принесли бы ее перед очи, очи царския». —
«Батюшка грозный царь Иван Васильевич!
Дай ты мне Богу помолитися,
Дай ты Святых Тайн причаститися!»
Поехал старшой боярин Иван Романыч,
Везет он к царю Димитрия царевича.
Увидал грозный царь Иван Васильич
С старшим боярином Димитрия царевича.
Возговорит царь Иван Васильевич
Старшому боярину Ивану Романычу:
«Старшой боярин Иван Романыч!
Умел ты царски семена блюсти,
Чем мне тебя дарить и жаловать?
Али селами, аль деревнями, али красными подселками?» —
«Не дари меня ни селами, ни деревнями,
Дай ты мне волюшку над Малюткой сыном Скурляткиным». —
Старшой боярин Иван Романович
Схватил Малютычку Скурляткина:
«Малютычка Скурляткин сын,
Не за свой ты кус хватаешься,
Скоро этим кусом ты подавишься».

15. СМЕРТЬ ЦАРИЦЫ СОФЬИ ФОМИНИЧНЫ

Приутихло, приуныло море синее,
Глядучись-смотрячись со черных кораблей,
И со тех марсов корабельных,
И со тех трубочек подзорных
И на те на круты красны бережки.
Приутихли, приуныли круты красны бережки,
Глядучись-смотрячись с черных кораблей,
И со тех марсов корабельных,
И со тех трубочек подзорных
И на те на горы высокия,
И на те на поля зеленяя.
Приутихли, приуныли поля зеленяя,
Глядучись-смотрячись на государев двор.
Преставляется царица благоверная,
Молодая Софья дочь Романовна;
В головах сидят два царевича,
В ногах сидят млады две царевны,
Супротив стоит сам Грозен царь,
Грозный царь Иван Васильевич.
Говорит царица таковы речи:
«Уж ты слушай, царь, послушай-ко,
Что я тебе, царица, повыскажу:
Не будь ты яр, будь ты милостив
До своих до младых двух царевичев;
Когда будут они во полном уме
И во твердом будут разуме,
Тогда будет оборона от новых земель.
Еще слушай, царь, ты посдушай-ко:
Когда будут девицы во полном уме,
Во полном уме, в твердом разуме,
Ты тогда отдавай девиц замуж».

16. КАЗАНЬ-ГОРОД

Как на кру́том да на бе́режке
Красна де́вица воду черпала,
Добры́й мо́лодец, он коня поил,
Он поил, поил да сам напайвал,
Меня, девицу, да подговаривал:
«Ты иди-ка, девица, за меня замуж,
За меня-то замуж во Казань-город!
Как у нас теперь в Казань-городе
На горах, горах, горах высоких
Лежат головы да сажа́рные;
На полях, полях хлебородных
Растут хлебушки да пше́ничные;
Во садах, садах во зеленых
Растут ви́шенья разнородные;
На лугах, лугах сенокосных
А и травы растут да й мура́вые,
А цветы цветут да й лазуревы;
Во лесах, лесах, лесах темных
А растут древа разны чудные,
Кипарисные, виноградные;
На реках, реках у нас-то быстрых
Ручеечки бежат чистые,
Бежат чистые, подземельные;
Быстры реченьки у нас медом залиты,
Ручеечки да зелёным вином!»
Говорит девица до́бру молодцу:
«Ты меня да не омманывай!
Я сама в Казани была ро́жена,
В мелких ручеечках была купана.
Как у вас теперь в Казань-городе
На горах, горах высоких

Не головы лежат сахарные —
Лежат головы человечесия;
На лугах, лугах сенокосных
Не трава растёт муравая,
Не цветы цветут да лазуревы —
Там кусты у вас растут ракитовы;
На полях, полях хлебородных
Там не хлебушки растут пшаничные —
А растёт у вас одна мертвечина;
Во лесах, лесах у вас темных
Не растут дрова́ разны чудные —
Кипарисные да виноградные —
Воют волкушки всё серы,
Да живут-ходят там разбойнички,
Дневные, ночные подорожнички;
На реках у вас да на быстрых
Не ручьи бежат там чистые —
Быстра кровь бежит да христианская!»

17. АВДОТЬЯ РЯЗАНОЧКА

Подступал тута царь Бахмет турецкий,
И разорял он старую Казань-город подлесную,
И полонил он народу во полон сорок тысячей,
Увел весь полон во свою землю.
Оставалась во Казани одна жёнка Рязаночка,
Стосковалась жёнка, сгоревалася;
У ней полонил три головушки:
Милого-то братца родимого,
Мужа венчального, свекра любезного.

И думает жёнка умом-разумом:
«Пойду я во землю турецкую
Выкупать хотя единыя головушки
На дороги¹ хорошие на выкупы».
Царь Бахмет турецкий,
Идучи от Казани от города,
Напустил все реки-озера глубокие,
По дорогам поставил он всё разбойников,
Во темных лесах напустил лютых² зверей,
Чтобы никому ни пройти, ни проехати.
Пошла жёнка путем да дорогою:
Мелкие-то ручейки бродом брела,
Глубокие реки плывом плыла,
Широкие озера кругом обошла,
Чистые поля — разбойников — ополночь прошла
(Ополночь разбойники опочин держат).
Темные леса — лютых зверей — ополден прошла
(Ополден люты звери да опочин держат).
Она так прошла да путем да и дорогою,
Пришла-де во землю турецкую,
К царю Бахмы турецкому,
Понизешеньку ему поклонилася:
«Ты батюшка, царь Бахмет турецкий!»
Когда ты разорял старую Казань-город подлесную,
Полонил ты народа сорок тысячей,
У меня полонил три головушки:
Милого-то братца родимого
И мужа венчального, свекра любезного,
И пришла я к тебе выкупати хотя единыя головушки
На дороги ли хоть на хорошие на выкупы».
Отвечал ей царь, ответ держал:
«Ты Авдотья жёнка Рязаночка!
Как ты прошла путем да и дорогою?»

У меня напущены были все реки-озера глубокие
И по дорогам были поставлены разбойники,
А во темных лесах были напущены люты звери,
Чтобы никому ни пройти, да ни проехать».

Ответ держит ему Авдотья жёнка Рязаночка:
«Батюшка, царь Бахмет турецкий!
Я так прошла путем да и дорогою:
Мелкие-то речушки бродом брела,
А глубокие речушки пловом плыла,
Чистые поля — разбойников — ополночь прошла
(Ополночь разбойники опочин держат),
Темные леса — лютых зверей — ополден прошла
(Ополден люты звери опочин держат),
Я так прошла путем да и дорогою».

Говорит ей царь Бахмет турецкий:
«Ты Авдотья жёнка Рязаночка!
Когда ты умела пройти путем да и дорогою,
Так умей-ка попросить и головушки из трех единыя,
А не умеешь ты попросить головушки,
Так я срублю тебе по плеч буйну голову».

Стоючись жёнка пораздумалась,
Пораздумалась жёнка, порасплакалась:
«Уж ты батюшка, царь Бахмет турецкий!
Я в Казани-то была жёнка не последняя,
Не последняя я была жёнка, первая.
Я замуж пойду, так у меня и муж будет,
Свекра стану звать батюшком,
Приживу я себе сына любезного,
Так у меня и сын будет,
Приживу я себе дочку любезную,
Воспою-вскормлю, замуж отдам,
Так у меня и зять будет.
Не видать мне буде единыя головушки,

Мне милого братца родимого,
 Да не видать век да и повеку».
 Сижучись-де царь пораздумался,
 Пораздумался царь, порасплакался:
 «Ты Авдотья жёнка Рязаночка!
 Когда я разорял вашу сторону, Казань-город подлесную,
 Тогда у меня убили милого-то братца родимого,
 Не видать буде век да и повеку.
 За твои-то речи разумные,
 За твои-то слова за хорошие
 Ты бери полону сколько надобно:
 Кто в родстве, в кумовстве, в крестном братовстве».
 Начала жёнка ходить в земле турецкия,
 Выбирати полон во свою землю.
 Она выбрала весь полон земли турецкия,
 Привела-де полон во свою Казань-город подлесную,
 Расселила Казань-город по-старому,
 По-старому да по-прежнему.

18. СМЕРТЬ ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА

Уж ты, батюшка светел месяц!
 Что ты светишь не по-старому,
 Не по-старому, не по-прежнему,
 Из-за облачка выкатаешься,
 Черной тучей закрываешься?
 У нас было на святой Руси,
 На святой Руси — в каменной Москве,
 В каменной Москве — в золотом Кремле,
 У Ивана было у Великого,

У Михайлы у Архангела,
 У собора у Успенского
 Ударили в большой колокол.
 Раздался звон по всей матушке сырой земле.
 Соезжались все князья-бояре,
 Собирались все люди ратные
 Во Успенский собор Богу молиться.
 Во соборе-то во Успенским
 Тут стоял нов кипарисов гроб.
 Во гробу-то лежит православный царь,
 Православный царь — Иван Грозный Васильевич.
 В головах у него стоит животворящий крест,
 У креста лежит корона его царская,
 Во ногах его вострый, грозный меч.
 Животворящему кресту — всякий молится,
 Золотому венцу — всякий кланяется,
 А на грозен меч взглянет — всяк ужахнет.
 Вокруг гроба горят свечи восковые,
 Перед гробом стоят все попы-патриархи,
 Они служат, читают — память отпевают,
 Отпевают память царю православному,
 Царю грозному Ивану Васильевичу.

19. ЧАСОВОЙ У ЦАРСКОГО ГРОБА

Уж ты светлое
 Наше красно солнышко,
 Красно солнышко,
 Уж ты светишь, солнышко,
 Во весь долгий день.
 Свети во весь день,

Освети ты, солнышко,
Москву каменну,
Москву каменну.
Во Москве-то каменной,
Во святой Руси,
Во святой Руси,
У собора-то было
У Успенского,
У Успенского,
Молодой казак с ружьем
На часах стоит,
На часах стоит,
Богу молится,
Сам-то слезно плачет,
Сам слезно плачет,
Приговаривает:
«Ты подуи, буён ветер!
Подуй, буй-ветер,
Ты развей, развей, ветер,
Пески желтые,
Пески желтые.
Расступись ты, матушка,
Мать сыра земля,
Мать сыра земля!
Расколися, вскройся ты,
Грובהа доска,
Грובהа доска!
Распахнися, белый саван,
Полотняный,
Бел-полотняный!
Ты восстань, восстань,
Ты, наш православный царь,
Православный царь!

Православный царь,
Царь Иван Васильевич,
Ты, наш батюшка!
Ты взгляни, взгляни
На свою-то силушку,
Свою силушку.
Твоя силушка
Скоро во поход пойдет.
Во поход пойдет
Как под тот-то славный
Казань, Казань-город».

ПОСЛЕДНИЕ ЦАРИ ДИНАСТИИ РЮРИКОВИЧЕЙ И СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Песни этого раздела охватывают период немногим более ста лет. Это годы правления законных царей Василия III Ивановича (1505 — 1533 гг.), Ивана IV Васильевича (1533 — 1584 гг.) и Федора I Ивановича (1584 — 1598 гг.), на котором пресеклась правившая ветвь династии Рюриковичей — после убийства наследника престола царевича Дмитрия Ивановича в 1591 году. Оно и послужило поводом для начала пятнадцатилетней Смуты, во время которой на российском престоле сменялись Борис Годунов, его сын Федор, Лжедмитрий и Василий Шуйский, а после его свержения три года продолжалось междуцарствие. Около трети песен продолжают тему противостояния экспансии наследников ордынского владычества, отчасти совмещая ее с прославлением деятельности Ермака (№ 21 — 26, 28, 34, 37). Примерно столько же произведений посвящены царской семье (№ 20, 30 — 33, 39 — 41) и борьбе за преодоление Смуты (№ 42 — 49).

20. ПОСТРИЖЕНИЕ ЦАРИЦЫ

Ахтѣ во Москвѣ у нас, братцы, нездоровѣо!
Заунывно во царь-колокол благовѣстили:

Видно, царь на царицу прогневи́лся
И хочет сослать ее в ссылку,
Во славной Суздаль городочек,
Во пречестной монастырь во Петровской.
Тут заплакала благоверная царица,
Во слезах говорит такое слово:
«Ох вы гой есте мое белокаменны палаты!
Уж мне в вас, палатушки, не бывати,
От свога царя ласкова слова не слыхати!»
Собирал-та царь возочек,
Высылал царицу в городочек.
Тут возговорит благоверная царица:
«Ох вы гой есте извозчики мое молодые!
Вы потише поезжайте, не свищите.
Авось ли царь да на меня не умили́тся,
Не велит ли мне назад воротиться».
Подъезжают они к Петровским воротам.
Встречат ее игуменья с сестрами,
Тут возго́ворит благоверная царица:
«Отойдись ты прочь, игуменья, с сестрами:
Не на час я к вам пришла часовати,
Не на одну темну ночку ночевати —
Я пришла к вам веки вековати».

21. ПОХОД НА КАЗАНЬ

Ты куда, куда собираешься,
Православный царь, из Москвы в Казань?
Не один-то православный царь собирается,
Берет, доброго молодца, и меня с собой.
А мне, доброму молодцу, ехать не хотелось,
Хотелось в Москве пожить,
В Москве пожить, при дворце служить,

При дворце служить государевом.
 Ничего-то мне в Москве не пожалилось,
 А только жалко мне зеленого саду,
 Да жалко мне в саду три деревца:
 Первое деревцо — купарисово,
 Другое деревцо — зелена груша,
 Третье деревцо — сладко яблонько.
 Кипарисово деревцо — родной батюшка,
 А зелена груша — родна матушка,
 Сладко яблонько — молода жена.
 Где батюшка плачет, — тут река течет,
 Где матушка плачет, — ключи быстры текут,
 Где жена плачет, — туман с дождем.

22. КАЗАКИ ИДУТ ПОД КАЗАНЬ

«Не полно ли нам, братцы, на морях стоять,
 Не пора ли нам, братцы, возвратиться?
 Под Казанью-городочком стоит
 Белый царь Иван Васильевич.
 Мы пойдемте-ка на помощь к нему!
 Мы Астрахань-городочек пройдем с вечера,
 А Саратов-городочек на белой заре,
 А Самаре-городочку мы поклонимся,
 В Жигулевских горах мы остановимся.
 Шатрики раскинем шелковые,
 Приколочки поставим дубовые.
 Сядемте, братцы, позавтракаемте,
 По рюмочке мы выпьем — поздравствуем,
 По другой мы выпьем — песни запоем,
 Погуляем да в путь пойдем
 Под Казань-городок!»

23. ВЗЯТИЕ КАЗАНИ

Среди было Казанского царства
Что стояли белокаменны палаты,
А из спальни белокаменной палаты
Ото сна тут царица пробуждалася, царица Елена,
Симеону-царю она сон рассказала:
«А и ты встань, Симеон-царь, пробудися!
Что ночесь мне, царице, мало спалось,
В сновиденьице много виделось:
Как от сильного Московского царства
Кабы сизой орлища стрепенулся,
Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше ведь царство наплывала».
А из сильного Московского царства
Подымался великий князь московский,
А Иван сударь Васильевич, прозоритель,
Со темя ли пехотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Подходили под Казанское царство за пятнадцать верст,
Становились они подкопью под Булат-реку,
Подходили под другую под реку под Казанку;
С черным порохом бочки закатали,
А и под гору их становили,
Подводили под Казанское царство.
Воску ярого свечу становили,
А другую ведь на поле в лагере.
Еще на поле свеча-та сгорела,
А в земле-то идет свеча тишея.
Воспалился тут великий князь московский,
Князь Иван сударь Васильевич, прозоритель,
И зачал канонеров тут казнити,
Что началась от канонеров измена.

Что большой за меньшого хоронился,
От меньшего ему, князю, ответу нету,
Еще тут ли молодой канонер выступался:
«Ты, великий сударь-князь московский!
Не вели ты нас, канонеров, казнити:
Что на ветре свеча горит скорее,
А в земле-то свеча идет тишее».
Призадумался князь московский,
Он и стал те-то речи размышляти собою,
Еще как бы это дело оттянути.
Они те-то речи говорили,
Догорела в земле свеча воску ярого
До тоя-то бочки с черным порохом,
Принимались бочки с черным порохом,
Подымало высокую гору-ту,
Разбросало белокаменны палаты.
И бежал тут великий князь московский
На тое ли высокую гору-ту,
Где стояли царские палаты.
Что царица Елена догадалась,
Она сыпала соли на ковригу,
Она с радостью московского князя встречала,
А того ли Ивана сударь Васильевича, прозорителя.
И за то он царицу пожаловал
И привел в крещеную веру,
В монастырь царицу постригли,
А за гордость царя Симеона,
Что не встретил великого князя,
Он и вынял ясны очи косицами,
Он и взял с него царскую корону
И снял царскую перфиду,
Он царской костьюль в руки принял.

И в то время князь воцарился
И насел в Московское царство;
Что тогда-де Москва основалася,
И с тех пор великая слава.

24. ЕРМАК ПОМОГ ВЗЯТЬ КАЗАНЬ

На усть было матушки Волги-реки,
Собирались казаки-охотники,
Донские казаки со яицкими.
Атаманушка был у казаков
Ермак сын Тимофеевич,
Есаулушка был у казаков
С тихого Дона донской казак,
Тот Гаврюшка сын Лаврентьевич.
Ермак возговорит, как в трубу вострубит:
«Вы други мои, донские казаки,
Донские, гребенские со яицкими!
Вы слушайте, други, послушайте,
Вы думайте, други, подумайте.
Проходит, други, лето теплое,
Настает зима холодная,
И где-то мы, други, зимовать будем?
На тихий Дон идтить — переход велик,
А на Яик пойтить — так ворами слыть,
А под Казань грести — государь стоит;
У государя силы много множество,
Не много, не мало — сорок тысячей.
Там нам, казакам, быть половленным,
По темным темницам порассоженным,
А мне, Ермаку, быть повешенным

Над самой матушкой над Волгой-рекой!»
Тут не черные черни зачернелися,
Не белые снежочки забелелися,
Зачернелись лодки-коломенки,
Забелелись парусы бязинные.
Тут казаки поиспужалися.
По темным лесам разбежались,
Один оставался атаманушка —
Тот Ермак сын Тимофеевич;
Он речь говорит, как в трубу трубит:
«Ой вы, други мои, донские казаки!
Донские, гребенские со яицкими!
А что ж вы, други, попужалися,
По темным лесам разбежались?»
Это едет к нам посланник царев.
Садитесь вы в лодки-коломенки,
Забивайте кочеты кленовые,
Накладывайте весельца еловые,
Гряньте-погряньте вверх по Волге-реке,
По матушке Волге под Казань-город.
Я сам к царю на ответ пойду,
Я сам государю отвечать буду».
Приставали к крутому красному берегу,
Выкидали потопчины дубовые,
Выходили на крут красный бережок.
Тут-то Ермак убирается,
Тут-то Тимофеевич снаряжается,
Вздевает сапожки сафьяновые на босу ножку,
Кармазинную черкесочку на опашечку,
Соболиную шапочку на правой бочок.
Идет Ермак к самому царю,
К тому шатру полотняному,
Идет Ермак, отряхается,

А государь глядит в окно, улыбается.
Пришел Ермак к самому царю,
Стал государь его спрашивать:
«Хорош-пригож молодец родился,
В три ряды черны кудри завивались,
На каждой кудринке по жемчужинке.
Не ты ли Ермак Тимофеевич,
Не ты ли воровской атаманушка?
Не ты ли ходил-гулял по синю морю,
Не ты ли разбивал бусы-корабли
Тизичьи, мужичьи, мои государевы?»
Ермак говорит, как в трубу вструбит:
«Батюшка-надежда, свет великий государь!
Не вели казнить, вели речь говорить.
Мы не воры были, не разбойники,
А мы были морские охотники,
Ходили-гуляли по синю морю
Не много, не мало — ровно тридцать лет.
Разбивали мы бусы-корабли
Тизичьи, мужичьи, государевы,
Которые были не орленые,
Признавали мы их за фальшивые;
Коли б они были государевы,
На них бы были орлы двуглавые,
А то они не гербованные!»
Государь возговорит, как в трубу вструбит:
«Хорошо Ермак на суду стоял,
Хорошо перед государем ответ держал.
Но ой ты, удалый добрый молодец,
Ермак сын Тимофеевич!
Достань ты мне славный Казань-город,
Возьми у меня силы, сколько надобно!»
Ермак возговорит, как в трубу вструбит:

«Батюшка-надежда, свет великий государь!
Не надо мне твоей силы многа множества,
Прикажи идти с донскими казаками-охотниками,
А ты подойди со своею армиею
Под славный под Казань-город,
А я на белой заре двери растворяю
И армию в город пушу!» —
«Ой мой удалый добрый молодец,
Ермак сын Тимофеевич!
Как знать войтить в Казань-город?»
Ермак возговорит, как в трубу вострубит:
«Батюшка-надежда, свет великий государь!
Если рыть подкопы глубокие под Казань-город,
Закатить бочонки зелья лютого,
Поставлю тебе две свечи воску ярого
И поставлю часового своего надежного,
Донского казака, есаулушку любимого, —
Ты узнаешь, как в Казань-город войтить,
Как догорят две свечи воску ярого!»
На белой заре на утренней
Воску ярого свечи догорают,
Глубокие подкопы разрываются,
Стены каменные разваливают;
Царя белого армейюшка во врата убирается,
Наш белый царь радуется,
Входит в славный во Казань-город.
Вперед Ермака государь здоровствует:
«Поздравляю тебя, Ермак Тимофеевич, с радостью!» —
«А тебя, государь, поздравляю с победою!»
Берет государь Ермака за праву руку,
Ведет по славному городу Казанскому,
Выходит государь во чисто поле,
Расставляет шатры полотняные,

Призывает Ермака Тимофеевича.
 Государь сговорит, как в трубу вструбит:
 «Ой ты, удалой мой добрый молодец,
 Ермак сын Тимофеевич!
 Чем ты хочешь, тем буду жаловать:
 Селами, или подселками,
 Или великими городами, поместьями?»
 Ермак возговорит, как в трубу вструбит:
 «Батюшка-надежда, свет великий государь!
 Не жалуй ты меня городами, подселками
 И большими поместьями —
 Пожалуй ты нам батюшку тихий Дон
 Со вершины до низу, со всеми реками, потоками,
 Со всеми лугами зелеными
 И с теми лесами темными!»

25. ЕРМАК В ТУРЕЦКОМ ПЛЕНУ

А и по край было моря синего,
 Что на устье Дону-то тихого,
 На крутом красном бережку,
 На желтых рассыпных песках,
 А стоит крепкой Азов-город
 Со стеною белокаменной,
 Земляными раскатами,
 И ровами глубокими,
 И со башнями караульными.
 Среди Азова-города
 Стоит темная темница,
 А злодейка — земляная тюрьма.
 И во той было темной темницы,
 Что двери были железные,

А замок был в три пуда,
А пробой были булатные,
Как засовы были медные.
Что во той темной темницы
Засажон сидит донской казак
Ермак Тимофеевич.
Мимо той да темной темницы
Случилось царю идти,
Самому царю тому турецкому
Салтану Салтановичу.
А кричит донской казак
Ермак Тимофеевич:
«А ты гой еси, турецкой царь
Салтан Салтанович!
Прикажи ты меня поить, кормить,
Либо казнить, либо на волю пустить!»
Постоялся турецкой царь
Салтан Салтанович:
«А мурзы вы, улановья!
А вы сгаркаите из темницы
Того тюремного старосту».
А и мурзы-улановья
Метались через голову,
Привели его улановья,
Они старосту тюремного;
И стал он, турецкой царь,
У тюремного старосты спрашивать:
«Еще что за человек сидит?»
Ему староста рассказывает:
«Ай ты гой еси, турецкой царь
Салтан Салтанович!
Что сидит у нас донской казак
Ермак Тимофеевич».

И приказал скоро турецкой царь:
«Вы, мурзы-улановья,
Ведите донского казака
Ко палатам моим царским!»
Еще втапору турецкой царь
Напоил, накормил доброго молодца
И тожно стал его спрашивать:
«А ты гой еси, донской казак!
Еще как ты к нам в Азов попал?»
Рассказал ему донской казак:
«А и я послан из каменной Москвы
К тебе, царю, в Азов-город,
А и послан был скорым послом,
И гостинницы дорогие к тебе вез;
А на заставах твоих меня всего ограбили,
И мурзы-улановья моих товарищей
Рассадили, добрых молодцов,
И по разным темным темницам».
Еще втапору турецкой царь
Приказал мурзы-улановьям
Собрать добрых молодцов,
Ермаковых товарищев.
Отпускает добрых молодцов,
Ермака в каменну Москву.
Снарядил доброго молодца,
Ермака Тимофеевича,
Наградил златом, серебром,
Еще питьями заморскими.
Отлучился донской казак
От Азова-города,
Загулялся донской казак
По матушке Волге-реке,
Не явился в каменну Москву.

26. ЕРМАК И ТУРКИ

Старики были старые,
КазакИ стародавние,
Атаман был у казаков
Ермолай Тимофеевич,
Есаул был у казаков
Гаврила Лаврентьевич;
В походах он много хаживал,
И бекеты он развлекавал,
Караулы расстановливал
По берегам Дона тихого.
Не с пищалей турки вдарили,
А с оружия долгомерного;
Услыхал казак, летит наскоро
С караула со казацкого.
«Ой ты гой еси, наш батюшка,
Ермолай ты Тимофеевич!
Посмотри-ка, что там на море,
Да на море на Азовском-то.
Не белым там забелелосЯ,
Не черным там зачернелосЯ,
Зачернелись на синем море
Все турецкие кораблики!»
Речь возговорит надежда атаман,
Ермолай наш Тимофеевич:
«Вы садитесь в легки лодочки,
На носу ставьте по пушечке,
По пушечке по медненькой,
Разбивайте корабли басурманские!
Мы достанем много золота
И турецкого оружия».

27. ТЕРСКИЕ КАЗАКИ И ИВАН ГРОЗНЫЙ

Не сизые орды клохчут,
Не серые гуси вополосют —
Они пить и есть хотят,
Гребенские наши казаки
Перед царем говорят,
Перед Грозным царем
Иваном Васильевичем:
«Ах ты, батюшка наш, надежа,
Православный государь!
Ты чем нас порадуешь,
Чем пожаловаешь?» —
«Я подарю вас, казаченьки,
Рекой вольною,
Что не быстрым
Тереком Горыневичем,
Что от самого от Гребня
До синего моря,
Что до синего моря
Каспийского».

28. ИВАН ГРОЗНЫЙ ПОД СЕРПУХОВОМ

Царь Иван Васильевич
Копил силушку ровно тридцать лет,
Накопил силы сорок тысячей,
Накопил силушку, сам в поход пошел.
Через Москву-реку переправился,
Не дошедши города Серпуха,
Становился он в зеленых лугах
При алых светах, при лазоревых.

Стал он силушку переглядывать,
Князьям-бояром перебор пришел,
Енералам всем, федьмаршалам,
Одного из них тут не лучилося,
Что ни лучшего слуги верного,
Максима, сына казачьего,
По прозванью-ту Краснощекова;
Сказали царю про Мишеньку:
«Изменил тее, царю белому,
Придался он к хану турецкому,
Ко шишиморе деревенскому,
Он прельстился на ёго золоту казну,
На то ли на платье на светное,
На тех ли на сорочиночек,
По-нашему — на красных девушек».
Поутру-ту было, на зореньке,
На восходе красного солнышка.
Не ясен сокол по горам летал,
Не белой кречет перепархивал —
Наш-от Мишенька с полону едет
На турецком черном шахмате,
Везет с собой две сумы переметные,
В сумах-ту сидят сорочиночки,
Турецкого хана две дочери.
Не доехавши до шатра, сам с коня слезал,
Не дошедши до царя, стал низко кланяться:
«Здравствуй, батюшка, православный царь!
Не вели меня скоро казнити,
Прикажи мне слово молвити.
Здравствуй, батюшка, православный царь,
Грозный царь Иван Васильевич,
Со славным городом со Серповым!
Возьми ты у меня двух полоняночек,
Турецкого хана двух дочерей!»

29. ВЗЯТИЕ АСТРАХАНИ

Собирался князь Никита
Сын Феодорович,
Он во путь во дороженьку,
В Астрахань-город.
Вот он делал тележки
Астраханские,
А ни мало и ни много —
Сорок восемь тысяч.
Обивал он тележки
Дорогим сукном,
Дорогим таким сукном,
Черным бархатом.
Он сажал на те тележки
По семи человек,
По восьмому он сажал
По кучеру,
По девятому он сажал
Кашеварому,
По десятому он сажал
Провожатому.
Наперед он послал
Своего гонца:
«Ты гони, гони, гонец,
В Астрахань-город,
Ты воскликни, ты возгаркни
Громким голосом:
«Уж вы гой еси, купцы
Астраханские!
Отворяйте-ка ворота
Вы широкие,
Мы приехали к вам, купцы

Черноморские,
Привезли мы вам товары
Все заморские —
Черных соболей
Со куницами
С чернобурыми
Со лисицами».
Отворяли им купцы
Свои ворота,
Становили купцы гонца
Во гостиницу.
Но там гонец
Не уставился;
Очищали для гонца
Три площади,
Просили со гонца
Три пошлины.
«Заплачу я вам, братцы,
Все три пошлины».
Как с первого часу,
Со полуночи,
Выходил наш гонец
На высок балкон,
Он воскликнул-возгаркнул
Громким голосом:
«Ты вставай, вставай,
Живой товар!
Ты с первого конца
Жги, пали,
А с другого конца
Секи, руби,
А с третьего конца
Во полон бери,

На каждого молодца
Цепь тяжелую клади!»
Закричали купцы,
Купцы астраханские:
«Как ни честь, ни хвала
Царю белому —
Как не взяли Астрахань
Город в тридцать лет,
А теперь взяли его
Ровно в три часа!»

30. СМЕРТЬ ЦАРИЦЫ АНАСТАСИИ РОМАНОВНЫ

А к чему же, братцы, приуныла всё быстра́ река,
Не гремят-то поро́жки быстрые?
А к чему же, братцы, приумолкло, приуныло солоно́ морё?
А к чему же, братцы, приуныли, не шумят-то да леса́ темные?
А к чему же, братцы, поднебесная звезда с неба отпа́дала?
А к чему же, братцы, воску ярого свеща да потухала же?
Благоверная царица преставлялася;
Порушалась эта наша вера православная.
Говорит-то она таковы речи:
«Уж вы, дети, мои-то два царевича,
Два царевича мои-то, два любимые,
Два любимы вы, учёные!
А подите-тко ко своёму родну батюшке,
Ко Грозно́му-то царю Ивану всё Васильичу;
Вы сходите-тко к ему в сенот-от же,
Позовите-ко-се мне его проститися;
А вы знаете, как прийти к ему, всё слово́ сказать:
Вы придите, станьте на те же жилы подколенные,
Да вы говорите Грозну царю, своёму родну батюшку:

«Уж ты гой еси, Грозныя царь Иван Васильевич!»
Вы подите-тко к ему, позовите ко мне-то всё проститися».
А как тут-то два царевича да не ослышались;
А надели они свое платье цветное,
А приходят они в сенот к своему родну батюшке,
Ко Грозному-то царю Ивану-то Васильичу;
А он сидит-то на престоле всё на царском же,
А на головы надет да венец царския,
А в руках держит-то он чудной-от крест.
Они стали на жилы те на подколенные,
Они били своему царю-батюшку:
«Уж ты гой еси, Грозныя царь Иван сударь Васильевич!
А зовё тебя царица наша матушка
Во последний-от раз с тобой проститися».
А тому-то ведь царь не ослышался:
Соходил-то он со престола-то со царского,
Скидывал-то он венец всё царския,
А сымал с себя порфиру царскую,
А он клал на престол на царския,
Он пошел-то скоро ко царице-то, своей к молодой жены,
Он ведь скоро ходил к ей в светлу светлицу.
Увидала его молода жена,
Ище та же царица благоверная:
«Уж ты гой еси, Грозныя царь Иван Васильевич!
А как буду я тебе наказ наказывать:
Ты не будь же горяч, не будь спальчив же,
До своих ты малых деточек будь ты милостив,
А до двух-то всё младых царевичей.
Я ище тебе буду наказ наказывать:
Ты постой-ко-се за веру православную,
Ты постой-ко за монастыри те спасенные,
А за те же за церкви те за Божие.
Я ище тебе буду наказ наказывать:

Уж ты будь ты кроток, будь ты милостив
До чужих-то до деточек,
Новобраных всё солдатушек:
Стоят-то они за веру православную,
За тебя, царя Ивана Васильича,
За всех-то князей, за бояр.
Я ищѣ буду тебе наказ наказывать:
До своих-то князей будь ты кроток, будь ты милостив,
А до тех же ты князей, всё бояр же;
Я ищѣ тебе буду наказ наказывать:
Уж ты будь ты кроток, будь ты милостив
А до тех же крестьян да чернопахотных:
Ты наложь-ка на их подати по три денежки,
Наберешь ты многи тысячи;
Ты положи на их по три копеечки,
Уж ты много насбирашь казны несчётныя.
Я ищѣ тебе буду наказ наказывать:
После мбего-то бываючица
Не женись-ко-се ты в проклятой Литвы,
В проклятой Литвы, орды поганья;
У Кострюка-Небрюка на родной сестры,
На той же на Марьи Небрюковны:
Как порушится наша вера православная».
А как тут царь разъярился же,
Разъярился он да рассердился же;
Убежал-то он от царицы из спальни он.
А во ту пору, во то время
Поднебесная звезда с неба отпадала,
Воску ярого свеща да потухала же,
Православна вера порушалася;
Благоверная царица преставлялася.
А потухла свеща да воску ярого,
А преставилась царица благоверная,
Порушилась наша вера православная.

31. КОСТРЮК

Как у нас было на Русе,
На Русе было, в каменной Москве,
Задумал царь жениться,
Царь Иван сударь Васильевич.
Он усватал невесту за себя не у нас в Москве,
Он усватал во иной земле,
Не у князя, не у боярина,
Он усватал у татарина,
У того ли черкешанина,
Марью Темрюговну.
Через большую дочь он среднюю берет,
Марью Темрюговну.
Собирался почесной пир,
И все гости съехались, и все соходились,
Все гости пьют и едят,
И все гости кушают,
Белого лебедя рушают.
Один гость хлеба-соли не ест,
Хлеба-соли не кушает,
Белого лебедя не рушает,
Зеленого вина в рот не берет —
Кастрюк-Мастрюк Темрюгович,
Любимой царской шуринушка.
Он думает думушку, с кем поборотися,
За проклад поводится.
Он хочет каменну Москву в полон себе взять,
Он хочет взойти во Кремль-городок,
Он и хочет с нас пошлины брать,
С ворот поворотные,
А с дымов подымовные,
С молодежи повалешные,

А с девиц повенешные.
Князь Никита Романович,
Входит он в палаты белокаменные:
«Ох ты гой еси, Грозный царь,
Царь Иван сударь Васильевич!
Все у нас гости съехались,
Все гости соходилися,
Все гости пьют и едят,
Все гости кушают,
Белого лебедя рушают.
Один гость у нас хлеба-соли не ест,
Хлеба-соли не кушает,
Белого лебедя не рушает,
Зеленого вина в рот не берет,
На царя лиха думает —
Кастрюк-Мастрюк Темрюгович,
Любимой царской шуринушка.
Думает думушку он, думает крепкую,
С кем поборотися,
За проклад поводится.
Он и хочет каменну Москву нашу
Во полон себе взять,
И хочет во Кремль-город взодти,
И хочет сесть на камешки,
И хочет с нас пошлины брать».
И возговорит наш Грозный царь,
Царь Иван Васильевич:
«Ох ты гой еси, дядюшка,
Князь Никита Романович!
Взойди ты на крылечушко,
Взойди ты на красное,
Вскричи ты громким голосом,
Вскричи ты в первой раз,

Вскричи ты в другой раз,
Вскричи ты в третьей раз,
Чтобы слышно было по всей Москве,
Чтобы шли таковы борцы,
Не спрашивавши и не докладываяши,
На мой на царской двор,
На мой на почесной пир!»
В то время не случилось в Москве борцов —
Разъезжались по торгам, по ярмаркам,
Услыхали из Новагорода
Два братца два родные,
Два Ивана два Ивановичи,
По прозванью Кашинины.
Приходили на царской двор,
На его на почесной пир.
Они по двору похаживали,
Шапочки заламывали,
Чулочки подтягивали,
Усы за уши закладывали,
Борцов поспрашивали:
«Есть ли у вас борцы, добры молодцы?
Подавайте нам их!»
Князь Никита Романович
Входил в нову горенку:
«Ох вы, гости мои, полюбовны мои!
Вот у нас хлеб-соль на столе,
А пришли борцы на дворе.
За что вы приметесь-ухватитесь:
За хлеб, за соль, за белого лебедя
Или за доброго молодца?»
Кастрюк-ат кинулся,
Ан все столы повалил
И все придано подавил.

Выходил на крылечушко,
Выходил он на красное.
Принимает его малый брат,
Малый брат Иванушка,
Он по двору похаживает,
Кастрюка поваживает;
Он перву-то пошибочку пошиб —
С Кастрюка черну шляпу сшиб;
А другую-то пошибочку пошиб —
С Кастрюка сапожки долой сшиб;
А третью пошибочку-то пошиб —
С Кастрюка-то всю одежду сшиб;
В чем мать родила, на свет пустила.
Кастрюк-то сором зажал
Да под крылец побежал.
Увидала его сестра
Марья Темрюговна
Из высокого терема,
Из косящатого окошечка:
«Ты, мужик-то, мужик, мужичий сын,
Крапивные твои сѣмена!
Начто ты Кастрюка поборол,
Начто ты с него платье сшиб, нага пустил?»
Возговорит наш Грозный царь,
Царь Иван Васильевич:
«Ох ты, баба, баба, б.....,
Татарские твои сѣмена!
Не то-то мне дорого,
Что татарин хвалится,
А то дорого, что крестьянин тешится!»

32. ГНЕВ ЦАРЯ НА СЫНА

Как зачиналась каменна Москва,
Тогда зачинался и Грозной царь,
Что Грозной царь Иван сударь Васильевич.
Как ходил он под Казань-город,
Под Казань-город и под Астрахань,
Он Казань-город мимоходом взял,
Полонил царя и с царицею;
Выводил измену изо Пскова,
Изо Пскова и из Новагорода.
И тут ли царь похваляться стал,
Что вывел измену изо Пскова,
Изо Пскова и из Новагорода:
«Ах, как бы вывести измену из каменной Москвы!»
Что взговорит Малюта злодей Скурлатович:
«Ах ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Не вывести тебе изменушки до веку:
Сидит супротивник супротив тебя,
Он пьет и ест с одного блюда,
Цветное платье носит с одного плеча!»
И тут царь догадается,
На царевича злобно осержается.
Что взговорит Грозной царь Иван Васильевич:
«Ах вы гой еси, князья и бояре!
Вы берите царевича под белы руки,
Поведите во палату особую,
Вы снимайте с него платье цветное,
Надевайте на него платье черное,
Поведите его на болото жидкое,
На тое ли Лужу Поганую,
Вы предайте его скорой смерти!»
Все бояре испугались,

Из палаты вон разбежались,
Большой за меньшого хоронится.
Один остался Малюта-злодей.
Он брал царевича за белы руки,
Повел во палату особую,
Сымал с него платье цветное,
Надевал на него платье черное,
Повел на болото на жидкое,
Что на ту ли Лужу Поганую.
Проведал слуга Никиты Романыча,
Садился на лошадь водовозную,
Скоро скакал к Никите Романычу,
Как кричал он громким голосом:
«Гой еси, батюшка Никита Романович!
Ты пьешь и ешь, проклажаешься,
Над собой кручинушки не ведаешь:
Упадает звезда поднебесная,
Угасает свеча воску ярого —
Не становится у нас млада царевича!»
Никита Романович испугается,
Садится на лошадь водовозную,
Скоро скачет на болото жидкое,
Что на ту ли Лужу Поганую;
Ударил он Малюту по щеке:
«Ты, Малюта, Малюта Скурлатович!
Не за свой ты кус примаешься,
Ты етим кусом подавишься!»
Он брал царевича за белы руки
И повел его, куда надобно.
Что взговорит Грозной царь:
«Ах вы гой еси, князья мои и бояре!
Надевайте на себя платье черное,

Собирайтесь ко заутреней
Слушать по царевиче панихиду.
Я вас, бояре, всех в котле сварю».
Все бояре испугались,
Надевали они платье черное,
Собирались ко заутреней,
Слушать по царевиче панихиду.
Приехал Никита Романович,
Нарядился в платье цветное,
Привел с собой млада царевича
И поставил за дверьми северны.
Что взговорит Грозный царь:
«Ах ты гой еси, Никита Романович!
Что в глаза ли ты мне насмехаешься?
Как упала звезда поднебесная,
Что угасла свеча воску ярого —
Не стало у меня млада царевича!»
Что взговорит Никита Романович:
«Ах ты гой еси, надежа православный царь!
Мы не станем петь по царевичу панихиду,
А станем петь молебен заздравный мы!»
Он брал царевича за белу руку,
Выводил из-за северных дверей.
Что взговорит Грозный царь:
«Ты Никита, Никита Романович!
Еще чем мне тебя пожаловать?
Или тебе полцарства дать,
Или тебе золотой казны, сколько надобно?» —
«Ах ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Не надо мне полцарства, ни золотой казны,
Только дай ты мне злодея Скурлатова.
Я сведу его на то болото жидкое,

Что на ту ли Лужу Поганую».
Что взговорит царь Иван Васильевич:
«Еще вот тебе Малюта-злодей,
И делай с ним, что хочешь ты!»

33. ГНЕВ НА ЦАРЕВИЧА ФЕДОРА

Когда воцарился Грозный царь Иван Васильевич,
Тогда он полонил славное Ообское,
Полонил Ообское и еще и Новгород
И сам на пиру расхвастался:
«Вывел я измену с Ообского,
И вывел измену с Новагорода,
Да надо вывести измену с каменной Москвы».
Говорит ему меньшей сын,
Младой Иванушка Иванович:
«Пустым ты, батюшка, расхвастался:
Не вывел измены с Ообского,
Да и не вывел измены с Новагорода,
Да не вывести и с каменной Москвы:
Со изменою и ешь, и пьешь,
И думу думаешь за одним столом».
Тут скрычал Иван Васильевич:
«Подай измену на очь,
А не подашь измены на очь,
Отсеку у тебя буйну голову,
Не дам живота ни на малый час».
Тут Иванушко задумался:
Сказать на князя иль боярина —
Пролить кровь напрасная;
А сказать на братца на родимого,

На младшего Федора-царевича:
«Грозный царь Иван Васильевич!
Которыми улицами ты ехал, батюшка,
Теми улицами кура не пила;
И которыми ехал Малюта Скурлатович,
И теми улицами кура не пила;
А которыми ездил Федор Иванович, —
Задерживал решетки железные
И подпись подписывал,
Что улицы казнены и раззорены;
А остались те улицы не казнены, не раззорены».
Скрычал Грозный царь Иван Васильевич:
«Где мои палачи немилостивы?
Возьмите младого Федора-царевича,
Ведите за Москву-реку,
Ко плахе ко липовой, ко сабле ко вострой».
Повел его Малюта Скурлатов сын
За матушку за Москву-реку,
Ко плахе ко липовой, ко сабле ко вострой.
Не белая лань пробегала вдоль по городу —
Пробегала царица благоверная,
В белой тоненькой рубашечке без пояса,
В одних чулочках без чоботов,
Ко своему братцу родимому,
Ко князю Никите Романовичу.
Князь Никита Романович за столом сидит,
Сидит, хлеб-соль кушает,
Сам говорит таково слово:
«Ты зачем, гостя, незвана идешь?»
А она говорит таково слово:
«Ты, братец мой родимой,
Князь Никита Романович!
Потухла зоря раноутренняя,

Поблекло наше красно солнышко:
Повел Малюта Скурлатов сын
Младого Федора-царевича за Москву-реку,
Ко плахе ко липовой, ко сабле ко вострой,
Отсечь ему буйну голову».
Князь Никита Романович
Выскочил из-за дубова стола,
Через дубовый стол,
Дернул чоботы на босу ногу,
Кинул шляпу на одно ухо,
Кунью шубку за рукав схватил,
Бежал на конюший двор,
Взял коня самолучшего,
Сел не на уздана, не на седлана,
Поехал вдоль по городу за Москву-реку,
Голосом крычит, шляпой машет он:
«Стойте, народ, сторонитесь,
Дайте путь-дорогу широку
Ехать за матушку Москву-реку,
Ко плахе ко липовой, ко сабле ко вострой».
И крычит чрез Москву-реку Малюте Скурлатову:
«Не за кус, собака, хватаешься:
Что съешь, тем и подавишься!»
У Малюты сердце испужалось,
Правая рука застоялася,
Левая нога задрожалась.
Приехал князь ко плахе ко липовой, ко сабле ко вострой,
Скочил он со добра коня,
Поднимал младого Федора-царевича
Со плахи со липовой за ручку за правую,
Целовал его в уста во сахарные,
А сам отдал Малюте Скурлатову
Конюха своего любимого,

Который был лицо в лицо и плечо в плечо,
И един волос с волосом ладились.
Бил Иван Васильевич в колокол во казненный,
Чтоб идти в церковь в черных платьях всем.
Князь Никита Романович
Надел на себя и на племянника
Красны платья лучше всех,
Подошел к Грозному царю Ивану Васильевичу,
Бил челом, его здоровствовал:
«Здравствуй, Грозный царь Иван Васильевич,
Со своей любимой семьей,
И со двумя ясными соколами-сыновьями,
И со всема князьями и боярмы!»
Говорит Грозный царь Иван Васильевич:
«Князь Никита Романович!
Перво был ты мне старый друг,
Теперь стал ты мне старый пес.
Таки ль то надо мной невзгоды не ведаешь,
Не ведаешь невзгоды али надсмехаешься?»
Говорил Никита Романович:
«Живет ли виноватому прощеньице?»
Говорит ему Грозный царь Иван Васильевич:
«Рад бы простить, да негде взять!»
Вывертывал Никита Романович
Младого Федора-царевича:
«Вот тебе любезный сын,
Младый Федор-царевич».
«Князь Никита Романович!
Прежде был ты мне старый друг,
А теперь роден батюшка.
Городов ли тебе надо с пригородками
Аль казны тебе несчетной однозолотной?»
Говорит ему князь Никита Романович:

«Городов мне не надо с пригородками,
 А казны есть своей про себя.
 А дай мне вотчину Микитину,
 Чтобы слыла-была вотчина Микитина
 Отныне и до веку:
 Кто коня угонит, в мою вотчину ушел бы, —
 Того и Бог простит;
 Кто жену уведет чужую, в мою вотчину ушел бы, —
 Того и Бог простит;
 Кто голову убьет, да в мою вотчину уйдет, —
 Того Бог бы простил».
 Тут дал Грозный царь вотчину,
 Котору он хотел.

34. НАБЕГ КРЫМСКОГО ХАНА

А не сильная туча затучилася,
 А не сильные громы грянули:
 Куда едет собака крымской царь?
 А ко сильному царству Московскому:
 «А нынечи мы поедем к каменной Москве,
 А назад мы пойдем, Рязань возьмем».
 А как будут они у Оки-реки,
 А тут они станут белы шатры расставляивать.
 «А думайте вы думу с целá ума:
 Кому у нас сидеть в каменной Москве,
 А кому у нас в Володимире,
 А кому у нас сидеть в Суздале,
 А кому у нас держать Рязань Старая,
 А кому у нас в Звенигороде,
 А кому у нас сидеть в Новгороде?»
 Выходит Диви-Мурза сын Уланович:

«А еси, государь наш, крымской царь!
 А тебе, государь, у нас сидеть в каменной Москве,
 А сыну твоему в Володимире,
 А плёмнику твоему в Суздале,
 А сродичу в Звенигороде,
 А боярину конюшему держать Рязань Старая,
 А меня, государь, пожалуй Новым городом:
 У меня лежат там свет-добры-дни батюшка,
 Диви-Мурза сын Уланович».
 Прокличет с небес Господень глас:
 «Ино еси собака крымской царь!
 То ли тебе царство не ведомо?
 А еще есть на Москве семьдесят апостолов,
 Опришенно трех святителей;
 Еще есть на Москве православной царь!»
 Побежал еси, собака крымской царь,
 Не путем еси — не дорогою,
 Не по знамени не по черному.

35. ОБОРОНА ПСКОВА

Копил-то король, копил силушку,
 Копил-то он, собака, двенадцать лет,
 Накопил-то он силушки — сметы нет,
 Много, сметы нет, сорок тысяч полков.
 Накоплёмши он силы, на Русь пошел,
 Он на Русь пошел, на три города,
 На три города, на три стольные:
 На первый на город — на Полотский,
 На другой-то на город — Вели́ки Луки́,
 На третий — на батюшку на Опсков-град.
 Он и Полотский город мимоходом взял,

А Великий Луки он насквозь прошел,
Походил он под батюшку под Опсков-град,
Становился, собака, в зеленых лугах,
Садился он, собака, во зóлот стул,
Смекал-то он силушку по́ три дни,
По три дни и по́ четыре:
Много ли силушки убыло,
Много ли силушки прибыло?
Убыло силушки сорок рот,
А прибыло силушки сорок полков.
Тут же он, собака, возрадуется:
«Ох вы гой еси, мои скорые хожатели,
Скорые хожатели и скорые поспешатели!
Мечитесь скоро в зеленые́ луга,
В зеленые́ луга государевы!
Бери свою коня Бахмута,
Поезжай во батюшку во Опсков-град.
Во город въезжай — не спрашивай,
Ко двору подъезжай — не докладывай,
Во палаты восходи — не бей челом,
Клади ярлыки на дубовы́ столы».
За столами сидит воевода царев
Карамышев Семен Константинович:
«Ох ты гой еси, воевода царев
Карамышев Семен Константинович!
Отдай город Волок без бою,
Без бо́ю и без драки великия,
Без того уго́ловия смертного!
Я на первом часу возьму Опсков-град,
На другом часу стану чистить,
На третьем часу стану стол ставить,
Стану пить, веселиться, прохладиться;
Князей твоих, бояр всех в полон поберу,

Донских казаков всех под меч преклоню,
А тебя, воеводу, казнить буду!»
Возговорит воевода царев
Карамышев Семен Константинович:
«Б....н сын, король с королевичем,
С паном гетманом Хотеновичем
И с воинским конем Вороновичем!
Не отдам я тебе город без бою,
Без бою и без драки великия,
Без того уголовного!»
Как со вечера солдаты причащались,
Со полуночи ружья чистили.
Ко белой заре, как куры пропелись,
Не туча с тучей соходила, —
Не заря со зорею сомывалась —
Сходились два войска, два великие,
Белого царя с королевским.
Тут ездит-разъезжает удалый добрый молодец,
Еще тот ли же воевода царев
Карамышев Семен Константинович.
«Кому у нас на бою, братцы, Божья помощь?»
Помог Бог воеводе московскому
Карамышеву Семену Константиновичу,
Побил силу королевскую,
Всех латничков, сиповщичков,
Кольчужничков, барабанщичков.
Насилу король сам-третей убежал,
Бегущий, он, собака, заклиняется:
«Не дай, Боже, мне во Руси бывать,
Ни детям моим, и ни внушатам,
И ни внушатам, и ни правнушатам!»

36. СМЕРТЬ МИХАЙЛЫ ЧЕРКАШЕНИНА

Зарайским-городом
За Рязанью за Старою,
Из далеча чиста поля,
Из раздолья широкого
Как бы гнедого тура
Привезли убитого,
Привезли убитого
Атамана польского,
Атамана польского,
А по имени Михайла Черкашенина.
А птицы-ластицы
Круг гнезда убиваются —
Еще плачут малы его дети
Над белым телом.
С высокого терема
Зазрила молодая жена,
А плачет-убивается
Над его белым телом,
Скрозь слезы свои
Она едва слово промолвила,
Жалобно причитаючи
Ко его белу телу:
«Казачья вольная
Поздорову приехали,
Тебя, света моего,
Привезли убитого,
Привезли убитого
Атамана польского,
А по имени Михайла Черкашенина».

37. ЕРМАК У ИВАНА ГРОЗНОГО

Как на славных на степях было Саратовских,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались казаки-друзи, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый круг,
Как донские, гребенские и яицкие.
Атаман у них Ермак сын Тимофеевич,
Есаул у них Асташка сын Лаврентьевич.
Они думали думушку все единую:
«Уж как лето проходит, лето теплое,
А зима настает, братцы, холодная,
Как и где-то нам, братцы, зимовать будет?
На Яик нам идтить, да переход велик,
Да на Волге ходить нам, все ворами слыть,
Под Казань-град идтить, да там царь стоит,
Как Грозной-то царь Иван Васильевич;
У него там силы много множество.
Да тебе, Ермаку, быть там повешену,
А нам, казакам, быть переловленным
Да по крепким по тюрьмам порассоженным».
Как не золотая трубушка вострубила,
Не серебряная речь громко возговорит —
Речь возговорит Ермак сын Тимофеевич:
«Гей вы, думайте, братцы, вы подумайте,
И меня, Ермака, братцы, послушайте!
Зазимуем мы, братцы, все в Астрахани,
А зимою мы, братцы, поисправимся;
А как вскроется весна красная,
Мы тогда-то, други-братцы, во поход пойдем,
Мы заслужим пред Грозным царем вину свою:
Как гуляли мы, братцы, по синю морю,

Да по синему морю по Хвалынскому,
Разбивали мы, братцы, бусы-корабли,
Как и те-то корабли, братцы, не орленые,
Мы убили посланничка все царского,
Как того-то ведь посланничка персидского».
Как во славном было городе во Астрахане,
На широкой на ровной было площади,
Собирались казаки-друзи во единой круг,
Они думали думу крепкую,
Да и крепкую думушку единую:
«Как зима-то проходит все холодная,
Как и лето настанет, братцы, лето теплое,
Да пора уж нам, братцы, в поход идтить».
Речь возговорит Ермак Тимофеевич:
«Ой вы гой еси, братцы, атаманы-молодцы!
Эй вы делайте лодочки-коломенки,
Забивайте вы кочета еловые,
Накладайте бабаички сосновые,
Мы поедемте, братцы, с Божьей помощью.
Мы пригрянемте, братцы, вверх по Волге по реке,
Перейдемте мы, братцы, горы крутые,
Доберемся мы до царства басурманского,
Завоюем мы царство Сибирское.
Покорим его мы, братцы, царю Белому,
А царя-то Кучума во полон возьмем.
И за то-то государь-царь нас пожалует.
Я тогда-то пойду сам ко Белу царю,
Я надену тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку под мышечку,
Принесу я царю Белому повинную:
«Ой ты гой еси, надежа православный царь,
Не вели меня казнить, да вели речь говорить:
Как и я-то, Ермак сын Тимофеевич,

Как и я-то, воровской донской атаманушка,
 Как и я-то гулял ведь по синю морю,
 Что по синю морю по Хвалынскому,
 Как и я-то разбивал ведь бусы-корабли,
 Как и те-то корабли все не орленые,
 А теперича, надежа православный царь,
 Приношу тебе буйную головушку
 И с буйной головой царство Сибирское!»
 Речь возговорит надежа православный царь,
 Как и Грозной-то царь Иван Васильевич:
 «Ой ты гой еси, Ермак сын Тимофеевич,
 Ой ты гой еси, войсковой донской атаманушка,
 Я прощаю тебя да и со войском твоим,
 Я прощаю тебя да за твою службу,
 За твою-то ли службу мне за верную,
 И я жалую тебе, Ермак, славной тихой Дон!»

38. ОПОЛШНОСТЬ КАЗАКОВ ПОД АЗОВОМ

Шли казаки с моря Черного,
 Лузями-болотами топилися,
 Азова крепкого города таилися.
 Не доехатчи Чагану, становилися,
 Становились казаки во единый круг,
 Они думу думали крепкую, заединую,
 Выбирали атамана походного.
 Атаман у них по кругу похаживает,
 Он камышей своей тросточкой помахивает,
 Казакам, братцам-робятам наказывает:
 «Ой вы слушайте, робята, моего слова,
 Моего слова атаманского.
 Поедете гулять чрез большую степь,

Чрез такую чрез большую степь Азовскую,
Не стреножимши, добрых коней не пускайте в степь,
Не поставимши караула, не ложитесь спать,
Без денного часового чтобы не было!»
Казаки его слова не послушали,
Не стреножимши, добрых коней попускали в степь,
Не поставивши караула, сами спать легли,
Наезжали на них кайсаки,
Всех казаков в полон побрали.

39. УБИЙСТВО ЦАРЕВИЧА ДМИТРИЯ

В восьмом году, в восьмой тысяче
В нонешнем народе правда вывелась,
Вселилось в народе лукавство великое.
Не лютая змея возвевалася,
Возвевалось лукавство великое.
Упало лукавство не на воду и не на землю —
Упало лукавство царю Дмитрию на белу грудь.
Убили же царя Дмитрия в гулянье, на игрищах,
Убил же его Гришка расстриженный,
Убивши его, сам на царство сел
И не сколько царил — столько семь годов.

40. БОРИС ГОДУНОВ

Не вихрь крутит по долинушке,
Не седой ковыль к земле клонится,
То орел летит поднебесью,
Зорко смотрит он на Москву-реку,

На палатушки белокаменны,
 На сады ее зеленые,
 На златой дворец стольна города.
 Не лютая змея воздыбалася,
 Воздыбался собака — булатный нож,
 Упал он ни на воду, ни на землю,
 Упал он царевичу на белу грудь,
 Да тому ли царевичу Димитрию.
 Убили же царевича Димитрия,
 Убили его на Углищи,
 На Углищи на игрищи.
 Уж как в том дворце черной ночью
 Коршун свил гнездо с коршунятами!
 Уж как тот орел Димитрий-царевич,
 Что и коршун тот Годунов Борис,
 Убивши царевича, сам на царство сел;
 Царил же он, злодей, ровно семь годов.
 Не вихрь крутит по долинушке,
 Не седой ковыль к земле клонится,
 То идет грозный Божий гнев
 За православную Русь.
 И погиб коршун на гнезде своем,
 Его пух прошел по поднебесью,
 Проточилась кровь на Москве-реке.

41. ПЛАЧ КСЕНИИ ГОДУНОВОЙ

Сплачется мала птичка,
 Белая перепелка:
 «Охти мне, молоды, горевати!
 Хотят сырой дуб зажитати,

Мое гнездышко разорити,
Мои малыи дети побити,
Меня, перепелку, поимати».
Сплачется на Москве царевна:
«Охти мне, молодѣ, горевати,
Что едет к Москве изменник,
Ино Гриша Отрепьев Расстрига,
Что хочет меня полонити,
А полонив меня, хочет постричи,
Чернеческой чин наложити!
Ино мне постричися не хочет,
Чернеческого чину не сдержати:
Отворити будет тѣмна келья,
На добрых молодцов посмотретьи
Ино ох милыи наши переходы!
А кому будет по вас да ходити
После царского нашего житѣя
И после Бориса Годунова?
Ах милыи наши терѣмы!
А кому будет в вас да сидети
После царского нашего жития
И после Бориса Годунова?»

А сплачется на Москве царевна,
Борисова дочь Годунова:
«Ино Боже Спас милосердой!
За что наше царство загло,
За батюшково ли согрешенье,
За матушкино ли немоленье?
А светы вы, наши высокии хоромы!
Кому вами будет владети
После нашего царского житѣя?
А светы браные убрусы!»

Берёза ли вами крутити?
 А светы золоты ширинки?
 Лесы ли вами дарити?
 А светы яхонты-сережки!
 На сучье ли вас задевати
 После царского нашего житья,
 После батюшкова преставленья,
 А света Бориса Годунова?
 А что едет к Москве Расстрига
 Да хочет теремы ломати,
 Меня хочет, царевну, поимати,
 А на Устюжну на Железную отослати,
 Меня хочет, царевну, постритчи,
 А в решетчатой сад засадити.
 Ино охте мне горевати:
 Как мне в темну келью ступити,
 У игуменьи благословиться?»

42. ГРИШКА-РАССТРИЖКА

На нас, братцы, Господи разгневался,
 На славное царство Российское,
 На Российское царство, на Московское:
 Дал Господи царя несчастливого,
 Называется собака прямым царем,
 Прямым царем, царем Дмитрием,
 Дмитрием царевичем московским.
 Не успел вор-собака воцариться,
 Похотел вор-собака жениться,
 Не в своей он России, в каменной Москвы,
 Поженился вор-собака во хороброй Литвы,

У Юрья пана Сердобольского
На его на меньшей на дочери,
На той ли на Маринушке Юрьевной.
Они свадьбу играли в Филиппов пост,
Венец принимали в Миколин день —
Миколы-то было в пятницу.
Дошло-то это время до Великого дня,
До Великого дня, до Христова дня.
У того ли у Ивана у Великого
Ударили в больший во колокол:
Все князи-бояра к обедне пошли,
Ко тья Христоськой заутрени, —
Вор Гришка-Расстрижка во мыльню пошел
Со душечкой с Маринушкой со Юрьевной.
Все князи-бояра Богу молятся, —
Вор Гришка-Расстрижка в мыльны моется,
Со душечкой со Маринушкой блуд творит.
Все князи-бояра от обедни пошли,
Вор Гришка-Расстрижка с мыльны идет
С душечкой с Маринушкой со Юрьевной.
На Гришке кафтан во пятьсот рублей,
На Маринушке соят в целу тысячу.
Выскакивал собака на крылечико на царское,
Закричал вор-собака громким голосом,
Чтобы было слышно по всей Руси,
По всей Руси, каменной Москвы,
Ко Юрью пану Сердобольскому.
Говорит вор-Гришка таковы слова:
«Проходи-тко, Марина, в палаты белокаменны,
Не молись-ко, Марина, чудным образам,
Ты не кланяйся, Марина, князьям-боярам,
Проходи-тко, Марина, за дубовый стол,

Кушай-рушай лебедь белую.
 Послушай, Марина, что я говорю:
 Проживу, буде, я три часа,
 Проживу, Марина, тридцать лет,
 Не проживу, буде, я трех часов,
 Не прожить мне-ка и трех годов».
 Да еще тут господа все московские,
 Собирались господа во единый круг,
 И думали думушку общую,
 И придали Гришке смерть скорую.

43. ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ

е из-за лесов-то дремучих стая воронов слеталась,
 ился весь московский народ на площадь Красную,
 На тою ли площадь Красную, на Ивановскую.
 Уж на той ли на высокой колокольне
 В большой колокол звони́ли.
 Ох и братцы, что-то у нас делается,
 Уж не чудо ли какое совершается?
 Во дворце что-то все взволновались,
 Все лакеи, все прислужнички взсуетились.
 Уж не бояре ли взбунтовались,
 Уж не злые ли собаки повзбесились,
 Уж и жив ли наш православный царь,
 Православный царь Василий Иванович?
 Уж и что, братцы, во дворце его не видно,
 Что косящеты окошечки все завешаны?
 Как и взговорит в народе удалой молодец:
 «Ох вы братцы, вы не знаете беды-горести,
 Что царя нашего Василья злы бояре погубили,

Злы собаки погубили, во Сибирь его послали;
А уж сделали царем какого басурмана,
Что Петрушку-самозванца, злого боярина!»
Уж все люди перьпутались,
В разны стороны побросались.

44. ЛЖЕДМИТРИЙ ВТОРОЙ

Из-за шведский, из литовский из земелюшки
Выезжает вор-собачушка на добром коне,
На добром коне во чисто поле,
Становился вор-собачушка под столицею,
Под столицею в славном рубеже.
Он расставлял бел-тонкой шатер,
Расстилает во шатрике шелковой ковер,
Рассыпает на коврике золоты бобы,
По бобам стал вор-собачушка угадывать:
Не казнят-то нас и не вешают,
Уж и много нас жалованьем жалуют.
Садился вор-собачушка на добра коня,
Он поехал вор-собачушка во чисто поле,
Из чиста поля во царев дворец.
Подъезжает он ко цареву дворцу,
Приезжает он на широкий двор,
Слезает вор-собачушка со добра коня,
Он своего коня не привязывает,
Не привязывает, никому не приказывает.
Выходил же вор-собачушка на красен крылец,
Он самим боярам не кланяется
И самой государыне челом не бьет.
Он садился вор-собачушка за дубовый стол,

Вынимает вор-собачушка ярлыки на стол,
 По ярлыкам вор-собачушка стал расписываться:
 «Я самих же то бояр во полон возьму,
 А с самою царицею обенчаюся!»

45. МИХАИЛ СКОПИН

Как бы во сто двадцать седьмом году,
 В седьмом году восьмой тысячи,
 А и деялось-учинилося:
 Кругом сильна царства Московского
 Литва облегла со все четыре стороны,
 А и с нею сила — сорочина долгополая,
 И те черкасы пятигорские,
 Еще ли калмыки с татарами,
 Со татарами, со башкирцами,
 Еще чукши с олжоторами.
 Как были припасы многие:
 А и царские и княженецкие,
 Боярские и дворянские —
 А нельзя ни пройти, ни проехати
 Ни конному, ни пешему,
 И ни соколом вылетети
 А из сильна царства Московского
 И великого государства Российского.
 А Скопин князь Михайла Васильевич,
 Он правитель царству Московскому,
 Обережатель миру крещеному
 И всей нашей земли Святोरусския.
 Что ясён сокол вон вылетывал,
 Как бы белой кречет вон выпархивал —
 Выезжал воевода московской князь,

Скопин князь Михайла Васильевич,
Он поход чинил ко Нову-городу.
Как и будет Скопин во Нове-граде,
Приезжал он, Скопин, на съезжей двор,
Походил во избу во съезжую,
Садился Скопин на ременчат стул,
А и берет чернилицу золотую,
Как бы в ней перо лебединое,
И берет он бумагу белую,
Писал ерлыки скорописчаты
Во Свицкую землю, Саксонскую,
Ко любимому брату названому,
Ко свицкому королю Карлусу,
А от мудрости слово поставлено:
«А и гой еси, мой названой брат,
А ты свицкой король Карлус!
А и смилуйся, смилосердися,
Смилосердися, покажи милость, —
А и дай мне силы на подмочь,
Наше сильно царство Московское
Литва облегла со все четыре стороны,
Приступила сорочина долгополая,
А и те черкасы пятигорские,
А и те калмыки со башкирцами,
А и те чукши с олжоторами,
И не можем мы с ними управиться;
Я закладываю три города русския».
А с ерлыками послал скорого почтаря,
Своего любимого шурина,
А того Митрофана Фунтосова.
Как и будет почтарь в Полувецкой орде
У честна короля, честного Карлуса,
Он въезжает прямо на королевской двор,

А ко свицкому королю Карлусу.
Среди двора королевского
Скочил почтарь со добра коня,
Вязал коня к дубову столбу,
Семы подхватил, сам во палаты идет.
Ни за чем почтарь не замешкался,
Приходит во палату белокаменну,
Расковыривал сумы, вынимал ерлыки,
Он кладет королю на круглой стол.
Принимавши, король распечатывает,
Распечатал, сам просматривает
И печальное слово повыговорил:
«От мудрости слово поставлено —
От любимого брата названого,
Скопина князя Михайла Васильевича,
Как просит силы на подмочь,
Закладывает три города русские».
А честны король, честны Карлусы
Показал ему милость великую.
Отправляет силы со трех земель:
А и первыя силы то свицкия,
А другия силы — саксонския,
А и третия силы — школьския;
Того ратного люду ученого
А не много, не мало — сорок тысячей.
Прибыла сила во Нов-город,
Из Нова-города в каменну Москву.
У ясна сокола крылья отросли,
У Скопина-князя думушки прибыло.
А поутру рано-ранешенько
В соборе Скопин он заутреню отслужил,
Отслужил, сам в поход пошел,
Подымавши знаменье царские,
А на знаменье было написано:

Чуден Спас со Пречистою,
На другой стороне было написано:
Михайло и Гаврило архангелы,
Еще вся тута сила небесная.
В восточную сторону походом пошли —
Они вырубил чудь белоглазую
И ту сорочину долгополую;
В полуденную сторону походом пошли —
Прекростили черкас пятигорских,
А немного дралися, скоро сами сдались —
Еще ноне тут Малороссия;
А на северну сторону походом пошли —
Прирубили калмык со башкирцами;
А на западну сторону и в ночь пошли —
Прирубили чукши с олюторами.
А кому будет Божья помочь —
Скопину князю Михайлу Васильевичу:
Он очистил царство Московское
И велико государство Российское.
На великих тех на радостях
Служили обедни с молебнами
И кругом города ходили в каменной Москвы.
Отслуживши обедни с молебнами
И всю литоргию великую,
На великих на радостях пир пошел,
А пир пошел и великой стол
И Скопина князя Михайла Васильевича,
Про весь православной мир,
И велику славу до веку поют
Скопину князю Михайлу Васильевичу.
Как бы малое время замешкавши,
А во той же славной каменной Москвы,
У того ли было князя Воротынского,
Крестили младого князевича.

А Скопин князь Михайла кумом был,
А кума была дочи Малютина,
Того Малюты Скурлатова.
У того-то князя Воротынского
Как будет и почестной стол,
Тута было много князей и бояр и званых гостей.
Будет пир во полупире,
Княженецкой стол во полустоле,
Как пьяненьки тут расхвастались:
Сильный хвастает силою,
Богатой хвастает богатеством;
Скопин князь Михайла Васильевич
А и не пил он зелена вина,
Только одно пиво пил и сладкой мед,
Не с большого хмелю он похвастается:
«А вы глупой народ, неразумные!
А все вы похваляетесь безделицей;
Я, Скопин Михайла Васильевич,
Могу, князь, похвалиться,
Что очистил царство Московское
И велико государство Российское;
Еще ли мне славу поют до веку,
От старого до малого,
А от малого до веку моего!»
А и тут боярам за беду стало,
В тот час они дело сделали:
Поддержнули зелья лютого,
Подсыпали в стакан, в меды сладкие,
Подавали куме его крестовая,
Малютиной дочи Скурлатовой.
Она зная, кума его крестовая,
Подносила стакан меду сладкого
Скопину князю Михайлу Васильевичу.
Примает Скопин, не отпирается,

Он выпил стакан меду сладкого,
А сам говорил таково слово,
Услышал во утробе неловко добре:
«А и ты съела меня, кума крестовая,
Малютина дочи Скурлатова!
А зазнаючи мне со зельем стакан подала,
Съела ты мене, змея подколодная!»
Голова с плеч покати́лася,
Он и тут, Скопин, скоро со пиру пошел,
Он садился, Скопин, на добра коня,
Побежал к родимой матушке.
А только успел с нею проститися,
А матушка ему пеня́ть стала:
«Гой еси, мое чадо милое,
Скопин князь Михайла Васильевич!
Я тебе приказывала,
Не велела ездить ко князю Воротынскому,
А и ты мене не послушался,
Лишила тебе свету белого
Кума твоя крестовая,
Малютина дочи Скурлатова!»
Он к вечеру, Скопин, и представился.
То старина, то и деянье —
Как бы синему морю на утише́нье,
А быстрым рекам слава до моря,
Как бы добрым лю́дям на послуша́нье,
Молодым молодца́м на перенима́нье,
Еще нам, веселым молодца́м, на поте́шенье,
Сидючи в беседе смиренныя,
Испиваючи мед, зелена вина;
Где-ка пива пьем, тут и честь воздаем
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

46. ОПЛАКИВАНИЕ МИХАИЛА СКОПИНА

Ино что у нас в Москве учинилось,
С полуночи у нас в колокол звонили?
А расплачутся гости москвичи:
«А тепере наши головы загибли,
Что не стало у нас воеводы
Васильевича князя Михаила!»
А съезжались князи-бояря супротиво к ним,
Мстисловской-князь, Воротынской,
И между собою они слово говорили,
А говорили слово, усмехнулись:
«Высоко сокол поднялся
И о сыру матёру землю ушибся!»
А расплачутся свецкие немцы:
«Что не стало у нас воеводы
Васильевича князя Михаила!»
Побежали немцы в Нов-город,
И в Нове-городе заперлися,
И многой мир-народ погубили,
И в латынскую землю превратили.

47. СБОРЫ ПОЛЬСКОГО КОРОЛЯ НА РУСЬ

Собирался король на святую Русь,
Не дошедши Москвы, остановился за пятьсот верст,
За пятнадцать верст городу Волоку,
Во уезде, селе Федоровском,
Во любимайм дворце государевом.
Писал ерлыки скорописные,
Отсылал ерлыки в каменну Москву

Ко тому ли воеводе московскому,
Корамышину Семиону Костентиновичу:
«Ох ты гой еси, воевода царев,
Корамышин Семион Костентинович!
Ты отдай мне Москву без бою,
Без того ли кроволитья великого!»
Что ответ держит ему воевода царев:
«Ты б..... сын, король и с королевою!
Не дошедши Москвы, ты похвалиться стал.
Я силу твою конем потопчу,
Кольчужников и латников всех в полон возьму!»
За досаду королю показалось,
Взволновался король, сам боем пошел,
Да насилиу король сам-третей¹ ушел.
Бегучи, король заклинал сам себя:
«Не дай, Боже, ходить на святую Русь,
Ни мне, королю, ни брату моему!»
И еще этим король обесчестил сам себя.
Дворянам-боярам — им выслуга,
А служивым солдатам — им жалованье,
Донским казакам сукна на ковшан,
А нам, молодцам, по стакану пивца,
Кто бы нам поднес, мы бы выпили,
Хозяина с хозяйшшкой проздравствовали!

48. ЛЯПУНОВ И ГУЖМУНД

Как было-то у нас на святой Руси,
На святой Руси, в каменн^{ой} Москве,
Было время военное, времечко мятежное,
Заполонила-то Москву погана Литва,

Погана Литва, проклята польска сторона.
Как уж жил тут поживал нечестивый Гужмунд;
Жил он во святыих местах,
Во святыих местах, в царских русских теремах.
Недолго продолжалась его московска веселая жизнь,
Недолго продолжалась, только много горя нам накачалось.
Многи русские бояре нечестивцу отдались,
Нечестивцу отдались, от Христовой веры отреклись;
Уж один-то боярин, думный воеводушко, крепко веру защищал,
Крепко веру защищал, изменников отгонял,
Уж как думный воевода был Прокофий Ляпунов.
Как Прокофий-то Петрович разослал своих гонцов,
Как Прокофий Ляпунов роздал письма гонцам,
Роздал письма гонцам и приказ им приказал:
«Поезжайте вы, гонцы, на все русские концы,
На все русские концы, во большие города,
Вы просите воевод идти с войском сюда,
Свободить город Москву, защищать веру Христа!»
Как узнал-то Гужмунд от своих изменников-бояр,
Что разослал-то Ляпунов гонцов в города,
Гонцов в города просить воевод с войском сюда,
Рассердился, распалился нечестивый Гужмунд;
Распалившись, велел воеводушку убить,
Того ли воеводу Прокофья Ляпунова.
И убили злы изменники воеводушку.
Как и двинулись думны воеводы со больших городов,
Все большие города — Казань, Нижний — пришли с войском сюда,
Как и начали русаки погану Литву колоть-рубить,
Погану Литву рубить, нечестивого Гужмунда веревкой душить;
Удушили, все нечестивое племя из Москвы повыгнали.

49. МИНИН И ПОЖАРСКИЙ

Как в старом-то было городе,
Во славном и богатом Нижнем,
Как уж жил тут поживал богатый мещанин,
Богатый мещанин Кузьма Сухорукий сын.
Он собрал-то себе войско из удалых молодцов,
Из удалых молодцов — нижегородских купцов.
Собравши их, он речь взговорил:
«Ох вы гой еси, товарищи, нижегородские купцы!
Оставляйте вы свои дома,
Покидайте ваших жён, детей,
Вы продайте все ваше злато-серебро,
Накупите себе вострых копийёв,
Вострых копийёв, булатных ножей,
Выбирайте себе из князей и бояр удалого молодца,
Удалого молодца воеводушку.
Пойдем-ко мы сражаться
За матушку за родну землю,
За родну землю, за славный город Москву.
Уж заполонили-то Москву проклятые народы, поляки злы.
Разобьем их, много перевешаем,
Самого-то Сузмунда-короля их в полон возьмем;
Освободим мы матушку Москву от нечестивых жидов,
Нечестивых жидов, поляков злых!»
Уж как выбрали себе солдатушки, молодые ратнички,
Молодые ратнички — нижегородские купцы,
Выбрали себе удалого молодца,
Удалого молодца воеводушку
Из славного княжеского роду —
Князя Дмитрия, по прозванию Пожарского.
Уж повел их славный князь Пожарский

За славный Москву-город сражаться,
С нечестивыми жидами-поляками войной бранится.
Уж привел-то славный князь Пожарский своих храбрых воинов,
Привел ко московским стенам;
Становил-то славный князь Пожарский своих добрых воинов
У московских у крепких стен;
Выходил-то славный князь Пожарский перед войско свое,
Как уж взговорил он своим храбрым воинам:
«Ох вы гой еси, храбрые солдатушки,
Храбрые солдатушки, нижегородские купцы!
Помолимся мы на святые на врата на Спаские,
На пречистый образ Спасителя!»
Помолившись, дело начали.
Как разбили-проломили святые врата,
Уж взошли-то храбрые солдатушки в белокаменный Кремль,
Как и начали солдатушки поляков колоть, рубить,
Колоть, рубить, в большие кучи валить;
Самого-то Сузмунда в полон взяли,
В полон взяли, руки-ноги ему вязали,
Руки-ноги вязали, буйну голову рубили.
Собралися все князья, бояре московские,
Собиралися думу думати,
Как и взговорют старшие бояре — воеводы московские:
«Вы скажите, вы бояре, кому царем у нас быть?»
Как и взговорют бояре — воеводы московские:
«Выбираем мы себе в цари
Из бояр боярина славного —
Князя Дмитрия Пожарского сына!»
Как и взгов^орит к боярам Пожарский-князь:
«Ох вы гой еси, бояре — воеводы московские!
Не достоин я такой почести от вас,
Не могу принять я от вас царства Московского.

Уж скажу же вам, бояре — воеводы московские:
Уж мы выберем себе в православные цари
Из славного, из богатого дому Романова —
Михаила сына Фёдоровича».
И выбрали себе бояре в цари Михаила сына Фёдоровича.

ЦАРСТВОВАНИЯ ПЕРВЫХ РОМАНОВЫХ

Около семидесяти лет, которым посвящены песни этого раздела, относятся к правлениям призванного на царство в 1613 году и умершего в 1645 году Михаила Федоровича, Алексея Михайловича (1645 — 1676 гг.) и Федора Алексеевича (1676 — 1682 гг.). Главные исторические события, отображенные песнями, это преодоление последствий Смуты, приведшей к общему ослаблению государства и активизации его противников (№ 50 — 62, 78). Почти половина песен связана со Степаном Разиным (№ 63 — 75), некоторые посвящены царской семье (№ 76, 77).

50. ИЗБРАНИЕ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА РОМАНОВА

Что же вы, ребятушки, призадумались,
Призадумались, прикручинились?
Или вы, ребятушки, как у слышали печаль?
Как и взгóворит детина добрый мо́лодец:
«Иль не знаешь ты, детина, горя нашего?»
Переставился во полуночи Василий-царь,
И не знаем теперь и не ведаем, кому царем у нас быть».
Как взгóворит детина добрый молодец:

«Позабудьте, братцы, горе общее.
 Не возратить нам царя Белого,
 Не оплакать его душу добрую.
 Но скажу вам, братцы, весточку новую:
 Уж бояры-воеводы нам выбрали царя
 Из славного, богатого роду Романова —
 Михаила сына Федоровича!»

51. ПОХОД ЦАРЯ МИХАЙЛА НА АСТРАХАНЬ

Снаряжался православный царь Михайло во дорожку,
 Как во дальнюю дорожку в Астраханску;
 Снарядился он со воинством,
 Все с полками со стрелецкими;
 Распростился он с царицею,
 Благословил он малых детушек.
 Распроставшись, царица горько восплакала,
 Всплакавши, слово молвила:
 «Воротися, православный царь Михайло, поскорее!
 Привези свое здоровье малым детушкам,
 Привези ты мне, царице, жизнь долговечную!»
 Распростился царь Михайло со боярами,
 Распростился со всем при'четом,
 И поехал православный царь Михайло на воеваньице,
 Что к тому ли ко большому городу ко Астрахани.
 Подъезжает царь Михайло к крепким каменным стенам,
 Как увидел царь Михайло — сила-рать больша стоит,
 Посылает царь Михайло в силу ратную гонца:
 «Ты ступай, гонец, в силу ратную, узнай,
 Уж и чье это войско под стенами стоит?»
 Воротился гонец со ратной стороны,
 Как и взговорит гонец православному царю:

«Эта сила-рать недобрая —
 Все злодеи бунтовщики буруцкие!»
 Как и двинулось войско православное,
 Уж как билися, рубилися трое суток,
 На четвертые они в город взошли,
 Свободили славный град от злых буйных врагов,
 От злых буйных врагов, все буруцких бунтовщиков.

52. ВЫКУП ФИЛАРЕТА ИЗ ПЛЕНА

Среди сильна царства Россейского,
 Среди Кремля — красна города,
 Тут стояла палата белокаменная,
 Белокаменна палата, грановитая,
 Грановитая палата государева,
 Еще крыта палата рыхлым бархатом,
 С подзору палата красна золота,
 Зубцы у палатушки скачён жемчуг,
 Беседы во палатах дорогие ведут.
 Во беседушках сидел благоверной царь
 Во вся Руси Петр Алексеевич.
 Впереди стоят да князи-бояра.
 Не золотая трубочка вострубливала,
 Не серебряна цимбалочка возыгрывала —
 Воспроговорил сам да благоверной царь:
 «Уж вы гой еси, да князи-бояра.
 Крепкие воеводы московские,
 Пособите мне, царю, да думу думати,
 Думу думати царю, да не продуматься,
 Что во слове царю да не промолвиться:
 Еще чем выкупать света-батюшка,
 Государя Филареста Микитича?» —

«Тебе тем выкупать света-батюшка,
 Государя Филареста Микитича:
 Тебе первыми головушкам солдатскими,
 Тебе дру́гими головушкам драгунскими,
 Тебе третьими головушкам стрелецкими!»
 Не зóлотая трубочка вострубливала,
 Не серебряна цимбалочка возы́грывала —
 Воспрогóворил сам да благоверной царь:
 «Уж вы гой еси, да князи-бояра,
 Крепкие воеводы московские!
 Пособите мне, царю, да думу думати,
 Думу думати царю, да не продуматься,
 Что во слове царю да не промолвиться:
 Еще чем выкупать света-батюшка,
 Государя Филареста Микитича?» —
 «Тебе тем выкупать света-батюшка
 Государя Филареста Микитича:
 Собирай казну, да отсылай в Литву,
 Еще в ту Литву да проклятую.
 Еще тем Литва и запомнена!»
 Затем буди здоров, хозеин во дому,
 Хозеин во дому со хозеюшкою,
 Со хозеюшкою да с малым деточкам,
 Со всем твоим домом благодатным!

53. ВОЗВРАЩЕНИЕ ФИЛАРЕТА

Зрадовалоя царство Московское
 И вся земля Святорусская:
 Умолил государь православной царь,
 Князь великий Михайло Федорович.
 А что скажут, въехал батюшко

Государь Филарет Микитич
 Из неверной земли из Литовской;
 С собою он вывез много князей-бояр,
 Еще он вывез государева боярина,
 Князя Михайла Борисовича Шеина.
 Съезжались многи князи-бояря,
 Князи-бояря и многие власти
 Ко сильному царству Московскому:
 Хотят встречать Филарета Микитича.
 Из славного града каменной Москве
 Не красное солнце катилось,
 Пошел государь православной царь
 Встречати своего батюшка,
 Государя Филарета Микитича;
 С государем пошел его дядюшка,
 Иван Микитич боярин:
 «Дай, споди, здоров был государь мой батюшко,
 А батюшко государь Филарет Микитич!»
 А как будут оне в каменной Москве,
 Не пошли оне в хоромы в царские,
 А пошли оне к Пречистой соборной
 А пети честных молебенов.
 Благословлял своего чада милого:
 «И дай Господи, здоров был православной царь,
 Князь великий Михайло Федорович,
 А ему сдержати царство Московское
 И вся земля Святорусская!»

54. УБИЙСТВО КАРАМЫШЕВА

Подымался с Москвы большой боярин
 Он на тихой Дон Иванович гуляти,

Не доехавши тиха Дона, становился,
 Похвалялся всех казаков перевешать.
 Казаки-братцы тотчас догадались,
 Во единой круг они собирались,
 Среди круга становился царев боярин,
 Он стал читать государевы указы,
 Дочитался он до царского титула,
 Казаки все шапки поснимали,
 А большой царев боярин шляпы не снял;
 От того казаки взволновались,
 На боярина они бросались,
 Буйну голову его срубили,
 А бело тело в тихой Дон бросили.
 И убивши, телу говорили:
 «Почитай ты, барин, государя,
 Не гордись ты перед ним и не славься!»
 Ко царю они с повинной приходили:
 «Ты гой еси, батюшко православный царь!
 Ты суди нас праведной расправой,
 Повели над нами делать, что изволишь,
 Ты волен над нашими буйными головами».

55. ЗЕМСКИЙ СОБОР

Посреде ль было Московского царства,
 Среди было Российска государства,
 Как у света у Архангелы Михайлы,
 У Ивана у Великого в соборе
 Зазвонили во большой во колокол,
 Всих князей-бояр к обедне созывали,
 Там служили святые молебен.
 Выходил наша надежа государь-царь,

Алексей сударь Михайлович Московский,
Становился государь на ровно место,
На все стороны он поклонился.
Что не золота труба да вострубила,
Не серебряная полочка звенела,
Зговорил наша надежа государь-царь,
Алексей сударь Михайлович Московский:
«Ай же вы мои князья-бояра!
Пособите государю думу думать,
Дума думать государю не продумать:
А отдать ли мне-то город Смоленец?»
Из того ли из боярского из круга
Еще первыи боярин выступает,
Тимофей сударь Иванович Казанской,
Поблизешеньку к царю он становился,
Понизешеньку царю он поклонился:
«Ах ты свет наша надежа государь-царь,
Алексей сударь Михайлович Московский!
Благослови-тко, государь, мне слово молвить,
Не возьми-тко мое слово во досаду,
Не вели-тко скоро за слово казнити.
А отдай-ко ты город Смоленец.
А Смоленец-то город некрепок,
Во Смоленце золотой казны немножко,
Не московскоё строеньице, литовско!»
Государь-то ведь тем речам не принялся,
Алексей сударь Михайлович Московский.
Из того ли из боярского из круга
Еще другии боярин выступает,
А Илья сударь Иванович Хованской.
Приблизешеньку к царю он становился,
Понизешеньку царю он поклонился:
«Ах ты свет наша надежа государь-царь,
Алексей сударь Михайлович Московский!

Благослови-тко, государь, мне слово молвить,
 Не возьми-тко мое слово во досаду,
 Не вели-тко скоро за слово казнити,
 Ты отдай-ко ведь город Смоленец,
 А Смоленец-то город некрепок,
 Во Смоленце золотой казны немножко».

Государь-то ведь тем речам не принялся,
 Алексей сударь Михайлович Московский.
 Из того ли из боярского из круга
 Еще третии боярин выступает,
 А Иван сударь Иваныч Милославской.
 Приблизешенько к царю он становился,
 Понизешенько царю он поклонился:
 «Ах ты свет наша надежа государь-царь,
 Алексей сударь Михайлович Московский!
 Не отдай-ко ты ведь города Смоленца,
 А Смоленец-то ведь город очень крепок,
 Во Смоленце золотой казны бесщётно,
 Не литовское строеньице, московско!»

Тут проговорит свет наша надежа государь-царь,
 Алексей сударь Михайлович Московский:
 «Ай же ты храбрый воин,
 Иван сударь Иваныч Милославской!
 А ты знаешь ведь с царем и говорити,
 Поезжай туда во полки воеводой!»
 А как тех бояр велел да царь казнити.

56. СБОРЫ КАЗАКОВ ПОД АЗОВ

Тут сидит-та честна-хвальная беседушка,
 На старые они старики,
 Атаманы и славные казаки.

Они пьют-та, сидят они, гуляют,
 Про Язовый город говорят:
 «На Язовый славный городочек,
 На турецкий на славный мы пошли!»
 Ишо они пьют-та, сидят, ой-та гуляют,
 Про Язов-город говорят:
 «Ишо в Язове во славном городочке,
 На турецкому славному паши,
 Ишо он построил он да свою башню
 На уз быстрой славной Каланче,
 На уз быстрой славной Каланче,
 Ишо он накинуд свою цепю
 Через батюшку славный тихий Дон,
 Ишо нельзя-та, нельзя нам, brave казаченькам,
 Но тихому Дону погулять.
 Ишо ни лодкой, ишо что ни водою,
 Что ни лодкой, ишо что ни водою,
 Ни морским, ни сухим путем».

57. ВЗЯТИЕ АЗОВА

А ты батюшка наш православный царь,
 Много мы на тебя поработали!
 Прикажи-ка нам съездить, молодцам,
 Съездить на тихий Дон,
 На тот тихий Дон, на ивановский.
 А у нас на Дону есть названый брат,
 Названый брат Михайло-казак;
 Мы подумаем-ка со братцем
 Думу крепкую,
 Думу крепкую подумаем
 Заединую:

Со которой б нам сторонке
Во Азов взойти,
Под кою бы нам стенишку
Подкоп подвести.
Как мы вздумали со братцем
Думу крепкую,
Думу крепкую
Заединую,
Мы поехали со братцем
На большой базар,
На большой базар поехали,
На ярмарку.
На ярмарку мы съездим
На Макарьевску,
Мы закупим там товару
Не манехонько —
Мы пятьсот телег купили
С тележкойю.
А в тележеньки мы вложим
Живой товар,
Мы живой товар вложим
По десяти молодцов,
По одиннадцатому провожатому.
Торговать-то мы поедem
Во ину землю,
Во ину землю съездим,
Во турецкуюю.
И поехал ж наш Михайлушка
Во ину землю,
И повез же наш Михайлушка
Тот живой товар,
И выехал Михайло
На гостиный двор,

Становился Михайлушка
В четыре ряда,
В те четыре ли Михайла
В щепетильных;
Сам со радости он по двору
Похаживает,
Он турецкие крепости
Посматривает,
А своего-то он товару
Не оказывает.
Целовальнички султины
Догадались,
Они в кузницы скоро
Побросались
И поделали себе
Щупы железные,
А Михайлушка казак
Сам догадался:
«Вы прокляты-ты татары
Неразумные,
Не даете мне с товаром
Разломиться!»
Как возгаркнул свет Михайло
Громким голосом:
«Ты восстань, восстань,
Мой живой товар!
Вы вставайте-ко, солдатушки,
Ребятушки!
Мы не станем им платити
Дани-пошлины!»

58. ЗАХВАТ И ОБОРОНА АЗОВА КАЗАКАМИ

Как выходит ведь государь наш по день,
Выкликает надежда он по другой,
Выкликает нас надежда царь по третьей:
«Еще все же вы князи, все бояри,
А все думские царе^вы генера^ла!
Пособите государю думы думать,
Государю чтобы дума не продумать,
Как бы взять бы мне Азов-горо^д без бою,
Без бою, без драки кроволитья».
Еще больший тулится за среднего,
А средний тулится за меньшего,
А от меньшего государю ни ответа нет.
Выходит тут казак е донский,
Еще он же молодец е удалые,
Супротив он государя становился,
Понизешенько надежде поклонился:
«Ох ты, батюшко надежда государь-царь,
Олексий сударь Михайлович Московский!
Бласловите, государь, мне словца молвить.
Еще возьмем мы Азов-город без бою,
Еще без бою возьмем, без драки,
Еще без больша велика кроволитья!»
По головушке казаченка погладил:
«Благодарствуёшь казак тебе донский,
Еще ты же молодец е удалый,
Еще ты же молодец-то есть смелые,
Еще смел-то с государем говорити.
А как будет ли казать тебе с дела,
Я пожалуйю по дороге кафтану,
А как со тыма с клинами золотыма
И с обвеща^мы со тыма дорогима».

Пятьсот они тележек снарядили,
По пяти туды казаков положили,
Они черными юхтамы накрывали,
Как булатнима гвоздц^амы обивали.
Еще они другие пятьсот тут снарядили,
Мякотным-то товаром нагрузили,
А туды же к Азову пропустили.
Они стали тут к Азову подъезжати.
Еще тут-то казаку ему не спится,
Еще брал-то он подарки дорогие,
К самому-то он Санталу относился:
«Ах ты здравствуешь, Сантал ты е турецкий,
Поздравляю тебя силой со немецкой!
Еще во^у теби подарки дорогие
Как от нашего царя теби от Белого.
Да просил-то ведь наш царь тебя Белый,
Да просил-то он в Азове торговати,
Как русийских товаров продавати,
А как ваших мы заморских покупати».
А как эти ему подарки прилюбились,
Приказал-то он в Азов-город^у въезжати,
Велел кажным тележки осмотрити.
Как пятьсот они тележек просмотрили,
Еще других тележек не сустигли,
Они всех они возов-то запустили.
Они зачали в Азове торговати,
А своих они товаров продавати,
А заморских они стали закупати,
А булатниих возцов тых отдирати,
Еще черных юхтов тых открывати
Да оттудова молодцов тых выпускати.
Еще зачали казачки-то тут гуляти,

Они начали в Азове шурмовати
Да начали турчанов убивати,
Много множество турчанов тут прибили.
А одва-то тут Сантал и сам уехал
Еще во свою столицу в городóву.
Еще тут казачкам им не спится,
Оны вал-то земляной тут завалили
Как повыше стены они городóвой.
Тут Сантал-то он турецкой
Набирает себе силы сорок тысяч,
Подъезжает он к Азову тут ко городу,
Еще начал он в Азов-город ломиться,
Еще вал-то земляной он рассыпал,
Стену каменну оны да проломили,
Еще тут они в Азов-город забились,
Еще начали в Азове шурмовати,
Оны стали казачков тут убивати.
Тут немножко казачков тут оставлялось.
Собирались казачки тут в Божью церковь,
Отслужили тут молебен со обедней:
«Еще ай же ты, Микола-чудотворец,
Не придай-ко нам напрасно умерети!
Пострижемся мы тебе-ка вси в монахи,
Все в монахи пострижемся, в патриархи,
Все в монахи пострижемся, в патриархи!»
Напустил тут Микола-чудотворец,
Напустил тут на турчан он темну темень,
Они дружка дружку прирубили,
Как густым ту реку загустили.

59. КРЫМСКАЯ ОРДА ИДЕТ НА АЗОВ

Как во славном было городе в Аникееве;
 Собиралось там собраньице, собрание немалое,
 Там немалое собраньице — только орда крымская,
 Орда крымская бусурманская.
 Собиралась орда крымская во единый круг,
 Во единый круг орда крымская, на зеленый луг;
 Они думали крепку думушку заедино.
 Принимала-то она только орда крымская да свою присягушку,
 Целовала-то она у вострой шашечки только жало вострое.
 Принявши она да свою присягушку, только вся на-конь села.
 Вся на-конь-то села, только орда крымская заталалакала,
 Заталалакавши, только орда крымская вся на ура пошла,
 На ура пошла под Азов-город,
 Под тех ли добрых молодцов, донских казаков...
 После этого на побег пошла,
 За большим бугром становилась
 И между собой расхвалилась.

60. ОБОРОНА КАМАРСКОГО ОСТРОГА

Во сибирской во украине,
 Во Даурской стороне,
 В Даурской стороне,
 А на славной на Амуре-реке,
 На устье Комары-реке.
 Казаки царя Белого
 Оне острог поставили,
 Острог поставили,
 Есак царю собрали
 Из-за сабельки вострыя,

Из-за сабли вострыя,
Из-за крови горячия.
Круг оне острогу Камарского
Оне глубокой ров вели,
Высокой вал валилися,
Рогатки ставили,
Чеснок колотили,
Смолье приготовили.
Поутру рано-ранешонько
Равно двадцать пять человек
Выходили молодцы оне
На славну Амуру-реку
С неводочками шелковыми
Оне по рыбу свежую.
Несчастье сделалось
Над удалыми молодцы:
Из далеча из чиста поля,
Из раздолья широкого,
С хребта Шингальского,
Из-за белого камня,
Из-за ручья глубокого
Выкаталася знамечка,
Выкаталася знамечка большее;
А знамя за знаменем идет,
А рота за ротами валит,
Идет боидоской князец,
Он со силою поганою,
Со силою поганою
Ко острогу Комарскому.
Как вешняя вода
По лугам разлилася,
Облелеила сила поганая
Вкруг острогу Комарского,

Отрезали у казаков
Ретиво сердце с печенью,
Полонили молодцов
Двадцать пять человек
С неводочки шелковыми
И с рыбою свежеею.
А и ездит боидоской князец
На своем на добром коне,
Как черной ворон летает
Круг острогу Комарского,
Кричит боидоской князец
Ко острогу Комарскому:
«А сдайтесь, казаки,
Из острогу Комарского!
А и буду вас жаловать
Златом-серебром
Да и женски прелестными,
А женски прелестными
И душами красны девицы».
Не сдаются казаки,
Во остроге сидячи,
Кричат оне, казаки,
Своим громким голосом:
«Отъезжай, боидоской князец,
От острогу Комарского!»
А втапоры боидоской князец
Со своею силою поганою
Плотной приступ чинит
Ко острогу Комарскому.
Казаки оне справилися,
За ружье сграбелися,
А было у казаков
Три пушки медныя,

А ружье долгомерное,
Три пушечки гунули,
А ружьем вдруг грянули,
А прибили оне, казаки,
Тое силы боидоские,
Тое силы боидоские,
Будто мушки ильинские,
Тое силы поганые.
Заклинался боидоской князец,
Бегучи от острогу прочь,
От острогу Комарского,
А сам заклиняется:
«А не дай, Боже, напредки бывать!»
На славной Амуре-реке
Крепость поставлена,
А и крепость поставлена крепкая
И сделан гостиной двор
И лавки каменны.

61. ОСАДА РИГИ

А под славным было городом под Ригую,
Что стоял царь-государь по три годы,
Еще бывшей Алексей-царь Михайлович.
Изволил царь-государь наряжаться,
Наряжается царь-государь в каменну Москву,
А и бывшей Алексей-царь Михайлович.
Что поутру было рано-ранешонько,
Как на светлой заре на утренней,
На восходе было красного солнушка,
Как бы гуси-лебеди воскикали,
Говорили солдаты новобраные:

«А свет-государь, благоверной царь,
 А и бывшей Алексей-царь Михайлович!
 Ты изволишь наряжаться в каменну Москву,
 Не оставь ты нас, бедных, под Ригою,
 Уж и так нам-де Рига наскучила,
 Она скучила нам, Рига, напрокучила:
 Много холоду-голоду приняли,
 Наготы-босоты вздвое того».
 Что злата труба под Ригою протрубила,
 Прогласил государь благоверной царь:
 «А и детушки вы, солдаты новобраные:
 Не одним вам Рига-та наскучила,
 Самому мне, государю, напроскучила.
 Когда Бог нас принесет в каменну Москву,
 А забудем бедность-нужу великую,
 А и выставлю вам погребы царские,
 Что с пивом, с вином, меды сладкие».

62. ГИБЕЛЬ СЕМЕНА ПОЖАРСКОГО

За рекою, переправою,
 За деревнею Сосновкою,
 Под Конотопом под городом,
 Под стеною белокаменной,
 На лугах, лугах зеленых,
 Тут стоят полки царские,
 Все полки государевы,
 Да и роты были дворянские.
 А из далéча-далéча, из чистá поля,
 Из того ли из раздолья широкого,
 Кабы черные вороны табуном табунились,
 Собирались-съезжались

Калмыки со башкирцами,
Напущались татарове
На полки государевы.
Оне спрашивают, татарове,
Из полков государевых
Себе сопровтивника.
А из полку государева
Сопровтивника не выбрали
Ни из стрельцов, ни из солдат-молодцов.
Втапоры выезжал Пожарской-князь,
Князь Семен Романович,
Он боярин большей словет,
Пожарской-князь.
Выезжал он на вылазку
Сопровтив татарина
И злодея наездника,
А татарин у себя держит в руках
Копье вострое,
А славны Пожарский-князь —
Одну саблю вострую
Во рученьки правыя.
Как два ясныя соколы
В чистом поле слетались,
А съезжались в чистом поле
Пожарской-боярин с татаринном.
Помогай, Бог, князю Семену Романовичу Пожарскому!
Своей саблей вострою
Он отводил востро копье татарское
И срубил ему голову,
Что татарину наезднику.
А завыли злы татарове поганые:
Убил у них наездника,
Что не славного татарина.

А злы татарове крымские,
Оне злы да лукавые,
Подстрелили добра коня
У Семена Пожарского,
Падает его окарачь доброй конь.
Воскричит Пожарской-князь
Во полки государевы:
«А и вы, солдаты новобранные,
Вы, стрельцы государевы!
Подведите мне добра коня,
Увезите Пожарского,
Увезите во полки государевы!»
Злы татарове крымские,
Они злы да лукавые,
А металися грудю,
Полонили князя Пожарского,
Увезли его во свои степи крымские,
К самому хану крымскому,
Деревенской шишиморы.
Его стал он допрашивать:
«А и гой еси, Пожарской-князь,
Князь Семен Романович!
Послужи мне верою,
Да ты верою-правдою,
Заочью не изменю;
Еще как ты царю служил,
Да царю своему Белому,
А и так-то ты мне служи,
Самому хану крымскому,
Я ведь буду тебе жаловать
Златом и серебром,
Да и женки прелестными,
И душами красными девицами!»

Отвечает Пожарской-князь
Самому хану крымскому:
«А и гой еси, крымской хан,
Деревенской шишиморы!
Я бы рад тебе служить,
Самому хану крымскому,
Кабы не скованы мои резвы ноги,
Не не связаны белы руки
Во чембуры шелковые,
Кабы мне сабелька вострая,
Послужил бы тебе верою
На твоей буйной голове,
Я срубил тебе буйну голову!»
Скричит тут крымской хан,
Деревенской шишиморы:
«А и вы, татары поганые!
Увезите Пожарского на горы высокие,
Срубите ему голову,
Изрубите его бело тело
Во части во мелкие,
Разбросайте Пожарского
По далече чисту полю!»
Кабы черные вороны
Закричали-загайкали,
Ухватили татарове
Князя Семена Пожарского,
Повезли его татарове
Они на гору высокую,
Сказнили татарове
Князя Семена Пожарского,
Отрубили буйну голову,
Исекли бело тело
Во части во мелкие,

Разбросали Пожарского
По далече чисту полю,
Они сами уехали
К самому хану крымскому.
Они день-другой не идут,
Никто не проведает.
А из полку было государева
Казаки двоя выбрались,
Эти двоя казаки-молодцы,
Они на гору пешком пошли
И взошли тута на гору высокую,
И увидели те молодцы
То ведь тело Пожарского:
Голова его по собе лежит,
Руки, ноги разбросаны,
А его бело тело во части изрублено
И разбросано по раздолью широкому.
Эти казаки-молодцы его тело собрали
Да в одно место складовали,
Оне сняли с себя липовой луб
Да и тут положили его,
Увязали липовой луб накрепко,
Понесли его, Пожарского,
К Конотопу ко городу.
В Конотопе-городе
Пригодился там епископ быть,
Собирал он, епископ, попов и дьяконов
И церковных причетников
И тем казакам, удалым молодцам,
Приказал обмыть тело Пожарского,
И склали его бело тело в домовище дубовое
И покрыли тою крышкою белодубовою.
А и тут люди дивовалися,

Что его тело вместо срасталось.
Отпевавши надлежащее погребение,
Бело тело его погребли во сыру землю
И пропели петье вечное
Тому князю Пожарскому.

63. РАЗИН И КАЗАЧИЙ КРУГ

Как у нас-то было на тихом Дону,
В славном городе Черкасским,
Породился, появился
Удалой-то там казак,
По прозванью Степан Тимофеевич,
Степан Тимофеевич.
В войсковую канцелярию
Он совсем не хаживал,
Он совсем не хаживал,
С казаками-то во кругу
Дум горьких он не думывал,
Дум горьких не думывал.
Как ходил-то он во царев кабак,
Степан Тимофеевич,
Степан Тимофеевич.
Думал думушку со своей голью,
Он голью гольгтьбою,
Он голью гольгтьбою.
«Ты гольгтьбушка ли моя,
Голь моя разбессчастливая,
Голь моя несчастная!
Собирайся-ка ты, гольгтьбушка,
На сине море гулять,

На сине море гулять,
 Разнесем-ка мы по бревнушкам
 Кораблики басурманские,
 Корабли-то вражие,
 Побываем мы, погуляем
 На Волге широкой реке».

64. ПОХОД РАЗИНА НА ЯИК

Яик, ты наш Яик ли, государь Горынович Яик!
 Быстрее ты, Яик ли сударь, всех речушек течешь,
 Урваючи свои же да круты красные бережка,
 Желты пески сыпучие поверх себя несешь!
 Сверху тебя, Яика, поверх Горыновича,
 Плывут тут, выплывают три ветляные стружка.
 Един, братцы, стружечек да наперед скоро бежит,
 Наперед скоро бежит, что ясен сокол летит.
 На том же на стружечике золотой бунчуг стоит,
 Под бунчугом сидел же воровской, братцы, атаман,
 По имени — Степан сударь Тимофеев сын,
 Прозваньем — вор-собака Стенька Разинов атаман.
 Он слово-то промолвит, как в трубу, братцы, вострубит:
 «Спасибо те, спасибо морю синему всему!
 Еще ж, братцы, спасибо Кольванскому острову!
 А и упито тут было, братцы, зеленого вина,
 Еще ж, братцы, уедено сорочинского пшена,
 Еще ж, братцы, уношено цветного платья!»

65. РАЗИН НА КАСПИЙСКОМ МОРЕ

Тихохонько сине море становилось,
 Ничем наше Каспийское не шевельнулось,
 Что осенним ледочком покрылось.
 Замерз-то наш воровской стружок,
 Что на том ли на стружке атаман сидит,
 Что по имени Степан Тимофеевич,
 По прозванью Стенька Разин сын.
 Он речь говорит, братцы, как в трубу трубит:
 «Ах вы гой еси, удалы добры молодцы!
 Вы берите еловчатые веселечки,
 Вы бейте-пробивайте тонкой осенний лед.
 Ах, как бы нам добиться до тихих мест,
 Что до той ли до проточинки Червонныя,
 Как до славного до острова Кавалерского.
 Ах, там ли нам, братцы, дуван делить,
 Нам атласу и бархату по размеру всем,
 Золотой парчи по достоинствам,
 Жемчугу по молодечествам,
 А золотой казны сколько надобно».

66. ЦАРЬ ТРЕБУЕТ ЗАДЕРЖАТЬ РАЗИНА

Как у нас было на батюшке
 На тихом на Дону,
 Что на тихом Дону на Иваныче,
 Что во славном городе
 Было во Черкасске
 Как со вечера у нас есаул гребенской
 Клич закликивал:
 «Уж вы, друти мои, донские казаки,

Вы испейте-ка дорогова вина,
 Дорогова вина, пойлица некупленного!
 Поутру-то у нас, у казаченьков,
 Будет весь повальный круг.
 Что и всех ли то казаченьков
 Сорок тысяч будет,
 Кроме старых-стародавних,
 Кроме малых-малолетних».
 Во кругу стоит золотой бунчук,
 Во кругу стоит атаманушка,
 Перед ним стоит войсковой писарь,
 Во руках держит три указа государевы,
 Он читает указушки скорописные,
 Чтобы выслать Сеньку Разина
 Во каменну Москву.
 А до этого Сенька Разин
 В круг не хаживал,
 А теперь у нас он во кругу стоит,
 Во кругу стоит он и речь говорит:
 «Что не царские-де эвто грамоты,
 А боярские-де эвто вымыслы».
 И сказавши этак, он вышел из круга.

67. СЫНОК РАЗИНА

Гребитесь, ребятушки, на сторонку на свою,
 На своей сторонке жарко и тепло.
 Во городе было в Астрахани,
 Проявился разудалый молодец,
 Шибко, щебетко по городу гулял,
 Нараспашечку черный бархатный кафтан,
 Во белых руках злат персидский кушачок.

Астраханским купцам он не кланяется,
Офицерам господам он челом-челом не бьет,
Астраханскому губернатору он под суд ему нейдет.
Как увидел губернатор из косящата окна,
Закричал ли губернатор громким голосом своим:
«Да вы слуги мои, слуги, слуги верные мои!
Вы подите, приведите вы вдалога молодца».
Как и взяли молодца во царевом кабаке,
Приводили ж молодца к губернатору на двор,
Становили ж молодца супроти красного крыльца.
Выходил ли губернатор с губернаторшей своей,
Как и стал губернатор его спрашивати:
«Ты скажи, скажи, бродяга, ты откыда, чей такой?
Или с Дону ты казак, иль казацкий ты сын,
Иль казацкий ты сын, или низовский купец?» —
«Не тебе ли, губернатор, мене спрашивати,
Не тебе ли было мне было сказывати.
Со реки, реки Камышки Сеньки Разина я сын;
Мой батюшка хотел во гости побывать,
Хотел во гости побывать; ты умеи его принять,
Ты умеи его принять, умеи потчевати.
Если умеешь ты принять, кунью шубу подарю,
А не умеешь ты принять, во острог я посажу!»
Закричал ли губернатор громким голосом своим:
«Уж вы слуги мои, слуги, слуги верные мои!
Вы подите, отведите удалого молодца
В белу каменну тюрьму».
Как и душечка молодчик он посиживает,
Да частешенько в окошечко он посматривает,
На реку, реку Камышку он поглядывает.
По реке, реке Камышке там суденушко плывет.
«Вы ребята, вы ребята, удалые молодцы,
Посмотрите-тка, ребята, то мой батюшка сидит». —

«Вы ребята, вы ребята, вы товарищи мои,
 Вы не знаете, ребята, про несчастье мое, —
 Как и мой дитё Ванюша в белой каменной тюрьме!
 Мы до городу дойдем,
 Белу каменну тюрьму мы по камню разберем,
 С самого ли губернатора мы шкуру сдерем!»

68. РАЗИН И ВОЕВОДА

Что да на матушке на Волге не черным да зачернелось,
 Не черным-то зачернелось, не белым да забелелось,
 Зачернелися на Волге черноморские стружочки,
 Забелелися на мачтах тонкие белые парусочки.
 Что не черной ворон гаркнул, что возговорит Стенька Разин:
 «Ой вы гой еси, казачье наше вольное собрание!
 Вы гребите, не робейте, белых ручек не жалеите.
 Нам бы Астрахань-город ополноче бы пробежати,
 Черноморской городочек — что на утренней на зоре,
 Чтоб никто нас не увидел и никто бы не услышал».
 Как один, братцы, увидел и один, братцы, услышал,
 Господин большой боярин, черноморский воевода,
 Шел от ранняя обедни, велел в колокол звонити,
 Велел в колокол звонити во большой во набатной,
 Чтоб стрельцы да собирались, пушкари бы снаряжались,
 Они пушки бы заряжали и по Стеньке бы стреляли.
 Что возговорит Стенька Разин городскому да воеводе:
 «И вы пороку не теряйте и снарядов не ломайте,
 Меня пулечка не тронет, меня ядрышко не возьмет».
 Что метался Стенька Разин на угольную на башню,
 Со великого раскату воеводу долой сбросил,
 Его маленьких деток он всех за ноги повесил.

69. РАЗИН ОСТАЕТСЯ ОДИН

Вы леса ль мои, лесочки, леса темные,
Вы станы ль мои, станочки, станы теплые!
Уж как вы ль, мои станочки, поразломлены,
Все товарищи, все приятели поразловлены,
По злодейкам по тюрьмам порассожены.
Только я-то ли, добрый молодец, не пойман был,
По прозваньющу меня звали Стенька Разин сын.
Я не год гулял, я не два года,
Я гулял-то ровно тридцать лет.
Как пошел-то я ко синю морю,
Ко синю морю, ко Дунай-реке,
У Дунай-реки перевоз кричал:
«Перевезите-ка меня, добра молодца,
На ту сторону, на белый камешек!»
На белом камешке стал скончатися,
При кончинушке стал наказывать,
Стал наказывать и выговаривать:
«Ах вы милые сотоварищи!
Похороните меня, добра молодца,
Промежду трех дорог — первой Питерской,
Другой Владимирской, третьей Киевской.
Во в правую ручку дайте саблю вострую,
Во в левую ручку калену стрелу,
В головах поставьте чуден-дивен крест,
Во в ногах поставьте ворона коня.
Кто ни идет, кто ни едет мимо молодца,
Мимо молодца, всяк помолится:
Что не вор ли лежит тут, не разбойничек,
Тут лежит-то Стенька Разин сын!»
Приходили тут сотоварищи,
Помолилися на чуден-дивен крест,

Тому-то братцы сдивовались,
 Стеньке Разину поклонялися:
 «Уж ты выстань-ка, сотоварищ наш,
 Ты возьми-ка в руки саблю вострую,
 Во в леву руку калену стрелу,
 Ты ударь-ка буйной палицей
 По бедрам нашим широким!
 Кабы знали мы, уж ведали,
 Выручили бы с белá камня,
 С бела камня, со Дунай-реки,
 Со Дунай-реки со широконькой.
 Покажи-ка нам златы латы тут,
 Златы латы тут серпентинные!»
 Погрузили во Дунай-реку
 Сотоварищи Стеньку Разина,
 Со Дунай-реки сотоварищи
 На Амур пошли думу думати.
 У Амур-реки крута гора,
 Крута гора высокая;
 На той горе распрощались,
 Друг другу поклонялися:
 «Уж мы, братцы, разойдемтесь-ка,
 Разойдемтесь-ка по диким местам!»

70. РАЗИН ВИДИТ СОН

«Ой, не вечор-то ли, не вечор
 Мне малым-мало спалось,
 Ой, мне малым-мало спалось,
 Во сне виделось:
 Ой, будто конь мой вороной
 Разыгрался подо мной,

Ой разыгрался, расплясался
 Под удалым добрым молодцом.
 Ой, налетали ветры да буйны
 Со восточной стороны,
 Ой, сорыва́ли-то черну шапку
 С моей буйной головы.
 Ой, отрывался лук звончатый
 Со могучего плеча,
 Ой, рассыпались каленые стрелы
 Как по матушке сырой земле.
 Ой, да и кто бы мне этот да сон,
 Разгадал его бы он?»
 Ой есаулушка был догадливый,
 Есаул тот сон все рассуживал:
 «Степанушка ты наш, Тимофеевич,
 По прозванью Разин сын!
 Сопала у тебя с головы черна шапка —
 Пропадет твоя буйна головушка;
 Отрывался, ой ли, лук звончатый —
 То мне, есаулушке, ой ли, быть повешену;
 Ой, рассыпались каленые стрелы —
 То казаки наши, ой ли, все разбойнички,
 Они во побег пойдут».

71. РАЗИН ЧУВСТВУЕТ НЕДОБРОЕ

«Не шуми ты, шумка, во поле, зеленой дуброве,
 Не мешай же ты мне, младцу, думу думати». —
 «Мне нельзя, шумке, не шумети:
 Среди зеленой дубровушки армеюшка долго стояла,
 Да и всю зеленую травку-муравку притоптала,
 Да и все корешочки засушила».

Не алы-то цветы в поле расцветали,
 Не ясен-то сокол по крутым горам летал,
 То Стенька Разин по армеюшке, шельма, разъезжал,
 Себе что ни лучшего казака шельму-разбойничка выбирал:
 «Кто бы во синем море достал желтого песочку,
 Да чисто-начисто вычистил мой вострый булатик,
 Снял бы с него черную ржавчинку,
 Да наострил бы его остро-наостро,
 Да и вскрыл бы мою белу грудочку,
 Да и посмотрел бы в мое ретиво сердце;
 Отчего оно больно болит, без огня горит,
 Без огня-то оно сгорело и без полымя все изотлело?
 Оттого-то оно сгорело, что мне завтра
 Пред Белым царем ответ надо держать;
 Да и чем же ты меня, прав<ославный> царь, препожалуешь?» —
 «Препожалую я тебя, шельма-разбойничек,
 Что ни лучшими хоромами высокими,
 Что ни теми ли столбами с перекладиной».

72. ЦАРЬ РЕШАЕТ СУДЬБУ РАЗИНА

Не во матушке было во Расеюшке,
 Во Расеюшке было в каменной Москве,
 Во палатах было белых каменных,
 Там стояли столы черные дубовые,
 На столах-та скатерти белые шелковые,
 Да ишшо того ли шелку шимахинского.
 На столах там стоят блюда позлаченные,
 А во блюдах ествица сладки сахарные,
 Да ишшо там стоят пива разнопьяные.
 За столами-та стоят стулички кленовые,
 На стуличках-то сидят князья-бояри,

Князья-бояри-воеводушки все московские.
По конец стола стоит раскрашонный стул,
А на стулу сидит православный царь,
Православный царь на<ш> Петр Алексеевич.
Говорят они про Стеньку Разинава,
Что хотят его казнить-вешати.
Да ишшо висит там висинка,
Висит она, висит-качается,
Да стоит там его родная матушка,
Стоит она на ногах, кончается.

73. ЕСАУЛ СООБЩАЕТ О КАЗНИ РАЗИНА

На заре то было, братцы, на утренней,
На восходе красного солнышка,
На закате светлого месяца.
Не сокол летел по поднебесью,
Ясаул гулял по насадику,
Он гулял, гулял, погуливал,
Добрых молодцов побуживал:
«Вы вставайте, добры молодцы,
Пробужайтесь, казаки донски!
Нездорово на Дону у нас,
Помутился славной тихой Дон
Со вершины до Черна моря,
До Черна моря Азовского,
Помешался весь казачий круг,
Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича,
По прозванию Стеньки Разина.
Поймали добра молодца,

Завязали руки белые,
 Повезли во каменну Москву
 И на славной Красной площади
 Отрубили буйну голову».

74. ПЕСНЯ РАЗИНЦЕВ

Ты возмой, возмой, туча грозная,
 Ты пролей-ка част крупен дождик,
 Ты размой, размой земляну тюрьму.
 Что тюремщички, братцы, разбежались,
 Во темном лесе собирались.
 Во дубравушке во зелененькой
 Ночевали тут добры молодцы,
 Под березонькой они становились,
 На восход Богу молились,
 Красну солнышку поклонились:
 «Ты взойди, взойди, красно солнышко,
 Над горой взойди над высокою,
 Над дубравушкой над зеленою,
 Над урочищем добра молодца,
 Что Степана Тимофеича.
 Ты взойди, взойди, красно солнышко,
 Обогрей ты нас, людей бедных,
 Людей бедных, солдат беглых,
 Добрых молодцев беспачпортных.
 Мы не воры и не разбойнички —
 Добры молодцы все охотнички,
 Атамановы мы работнички,
 Есауловы мы помощнички».

75. ОСАДА СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Во Москвы-то было во царстве,
Во прекрасном государстве,
Перебор-то был боярам,
Пересмотр-от был воеводам.
Из бояр, бояр выбирали,
Воеводу-ту поставляли,
Воеводу-ту непростого,
Его роду же непростого,
Из бояр князь-Салтыкова.
Воспроговóрит-то государь-царь наш,
Алексей сударь свет Михайлович:
«Уж ты гой еси, воевода!
Я пошлю тебя, воевода,
Ко мона́стырю святому,
Ко игумену честнóму:
Стару веру-ту порушите,
Стары книги истребите,
На огни вы вси сожгите».
Воспроговóрит воевода:
«Уж ты гой еси, государь-царь наш,
Волексей ты сударь Михайлович!
Как нельзя-то думой подумать
На свято́ ведь на это место,
На прекрасную кенорию,
Що на светов-то преподобных
Соловецких ведь чудотворцев».
Воспроговóрит осударь-царь наш,
Алексей-от сударь Михайлович:
«Уж ты гой еси, воевода!
Прикажу я тебе казнити,
Руки, ноги же отпилити,

Буйну голову отрубити».
Воевода-та испугалсе,
Сам слезами же обливалсе:
«Уж ты гой еси, государь-царь наш,
Алексей же сударь Михайлович!
Погоди ты меня пилити,
Уж мне дай речь говорити.
Мне-ка дай же ты силы много,
Мне стрельцов, борцов, солдатов».
Що садилсе-то воевода,
Недалек' он, свет, отъехал.
Он расплакалсе, сам раздумалсе:
«Хошь я смерть-ту — я прииму же!»
Он раздумалсе воевода —
Во пути будто разнемогсе,
Он назад скоро воротилсе.
На то место-то накупалсе
Из бояр, бояр князь Пешёрской;
Що садилсе-то воевода
Он во лёгоньки стружочки;
Потянули-то ветры буйны
С полудённую сторонку,
Уносило-то воеводу
Ко мона́стырю святому,
Ко игумену честно́му,
Как ко светам-то преподобным,
Соловецким же чудотворцам.
Как стрелял, стрелял воевода
Во соборну-то Божью церковь,
Уронил-то тут воевода
Богородицу со престола.
Вси монахи-ти испугались,
По стенам-то вси побросались,

В одну келью-то собирались,
В одно слово-то говорили.
Говорил-то всё игумен:
«Вы не бойтесь-ко, мои дети,
Не страшитесь-ко этой страсти!
Мы по-старому ведь отслужим —
С Христом в царстве с им пребудем».
По грехам было сучинилось,
По тяжким грехам сотворилось:
Захотел-то ведь деревяга
В святом озери он купаться,
По веревкам через стену-ту опускаться;
Ище пал этот грешник
Он на сыру-то землю,
Он сломил свою праву руку,
Извихнул свою леву ногу.
Тут пришел к ёму воевода:
«Ты скажи-ко нам суццу правду:
Ище порохом-то ли доволен монастырь,
Ище пушками-то доволен ли,
Ище крепостью-то крепок ли.
Да людьми-т ведь он люден ли?»
Говорил-то тут деревяга:
«Он ведь крепостью-ту крепок,
Он людьми только не люден.
Попадите й вы, зайдите
Дровяным-то в стену окошком».
Как зашел-то воевода,
Рассказал как деревяга;
Он зачал тут воевода,
Стару веру-ту порушил взял,
Стары книги-ти Божьи изорвал всё,
На огни-ти он прижигал их;

Всех монахов прирубили,
В сине море-то пометали,
Над игуменом наругались:
Речист язык у его отрежут;
Через ночь было тако чудо —
Он ведь сделался весь здоровой;
Они взяли его убили —
Как небесно царство купили.
Во ту пору-ту, во то время,
В са́му в ту ведь в тёмну ночку
Ище к нашему царю жо
К Олёксею-то свет Михайловичу,
Как приходят к ему два старца,
Как хотят-то его убить,
Руки, ноги да отпилить;
Говорят ёму таки речи:
«Уж ты гой еси, государь-царь,
Олексей ты сударь Михайлович!
Не разорей-ко ты старой веры».
Посылат-то ведь царь же скоро,
Он гонцов-то скоро, солдатов:
«Старой веры не разоряйте,
Вы ведь книг-то не разрушайте,
На огни-то не разжигайте,
Вы монахов-то не рубите».
Ище стретили воеводу
В славном городе во Вологды.
Воевода-то разболелсе,
Он в худой-то боли скончалсе.
Государь-от, государь наш царь,
Олексей-свет сударь Михайлович,
За воеводой собиралсе,
Жисть своёй жизнью скончалсе.
Понесли его в Божью церковь, —

Потекло у ёго из ушей-то,
Потекла у ёго всяка гавря;
Ище уши-ти затыкали
Всё хлопчатой белой бумагой.

76. РОЖДЕНИЕ ЦАРЕВИЧА ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА

Когда светел-радошен
Во Москве благоверной царь,
Алексей царь Михайлович:
Народил Бог ему сына,
Царевича Петра Алексеевича,
Первого императора по земле Святорусския.
Как плотники-мастеры
Во всю ноченьку не спали,
Колыбель-люльку делали
Оне младому царевичу.
А и нянюшки-мамушки,
Сенные красные деушки
Во всю ноченьку не спали,
Шинкалочку вышивали
По белому рытому бархату
Они красным золотом;
Тюрьмы с покаянными
Они все распуццалися,
А и погребы царские
Они все растворялися.
У царя благоверного
Еще пир и стол на радости,
А князи сбиралися,
Бояра съезжалися,
А дворяна сходилися,

А все народ Божей
 На пиру пьют, едят,
 Прохлаждаются.
 Во веселье, в радости
 Не видали, как дни прошли
 Для молодого царевича
 Петра Алексеевича,
 Первого императора.

77. СМЕРТЬ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Не сами тут двери растворялися,
 Уж как шла тут царица со царевичем,
 Со царевичем Петром Алексеевичем;
 Что плачет она, как река льется,
 Возрыдает она, что волны бьются,
 Уж как возговорит царица:
 «Ох ты гой еси, батюшка наш православный царь,
 Православный царь Алексей Михайлович!
 На кого ты оставляешь свое величество?
 Кому ты вручаешь царство Московское?»
 В головех тут стояли попы-дьяконы,
 Не сами тут свечи загоралися,
 Читали тут отходную;
 В ногах стояли все бояра.
 Уж как взговорит православный царь
 Алексей Михайлович:
 «Оставляю свое величество
 Я царевичу Петру Алексеевичу,
 Вручаю я царство Московское
 Я боярину князю Голицыну».
 Уж тут православный царь переставился.

78. ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОЛИЦЫНА

Эх да не кулик-ат, братцы, во чистом поле куликает,
 Ох, аль-на молодой князь Голицын по лужкам гуляет,
 И он гуляет-разгуляет на вороном кони,
 Не один князь гуляет — с своими с полками,
 Что с своими со полками, с донскими казаками.
 Вот он думает-гадает, где ему пройтись-проехать.
 Если лугом князю ехать — лугом очень мокро;
 Если лесом князю ехать — лесом очень тёмно;
 Вот и полем князю ехать — полем черно-пыльно;
 Что Москвою князю ехать — Москвой очень стыдно.
 Вот он крался, князь, пробирался улицей Тверскою,
 Что и улицей Тверскою, Охотным рядом.
 Подъезжает князь Голицын близко ко собору,
 Скидает князь Голицын шапочку соболью,
 Вот он Богу-то молился на все три сторонки,
 На четвертую сторонку царю поклонился:
 «Здравствуй, царь-государь, с своими с полками!»

79. ПОХОД СЕЛЕНГИНСКИХ КАЗАКОВ

А за славным было батюшкой за Байкалом-морем,
 А и вверх было по матке Селенге по реке,
 Из верхнего острогу Селендинского,
 Только высылка была удалым молодцам,
 Была высылка добрым молодцам,
 Удалым молодцам, селендинским казакам,
 А вторая высылка — посольским стрельцам,
 На подачу им даны были тобуноцки мужики,
 Тобуноцки мужики, люди ясашные.
 Воевода походил у них Федор молодой Дементьянович,

Есаулом походил у него брат родной,
А по имени Прокопей Козеев молодец.
Переправились казаки за Селенгу за реку,
Напущались на улусы на мунгальские.
По грехам над улусами учинилось,
А мунгалов в домах не годилось:
Оне ездили за зверями обловами.
Оне тута, казаки, усмежаются,
Разорили все улусы мунгальские,
Оне жен-детей мунгалов во полон взяли,
Шкарб и живот у них обрали весь.
Оне стали, казаки, переправляться
На другу сторону за Селенгу-реку,
Опились кумысу, кобыльего молока.
Из-за того было белого камня
Как бы черные вороны налетывали,
Набегали тут мунгалы из чиста поля,
Учинилася бой-драка тут великая:
Оне жен-детей мунгалов и отбили назад,
А прибили казаков много до смерти,
Вдвое-втрое казаков их переранили,
Тобуночки мужики на побег пошли,
Достальных казаков своих выдали.
А придут казаки в Селендинской острог,
По базарам казаки оне похаживают,
А и хвастают казаки, селендинский молодцы,
А своими ведь дырами широкими.

ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА I

Из сорока трех лет, в течение которых российский престол с детства занимал царь Петр Алексеевич (1682 — 1725 гг.), первые восемь он царствовал совместно со своим рано умершим братом Иваном, а в 1721 году принял титул императора Всероссийского и был уже при жизни прозван Великим. Песни этого раздела посвящены, главным образом, победоносной Северной войне (№ 88 — 95, 100 — 109). На втором месте — отображение акций внутреннего противодействия деятельности Петра (№ 83, 85, 86, 96 — 99). На третьем — песни, относящиеся так или иначе к самой его незаурядной личности (№ 84, 87, 113 — 115). Остальные посвящены второстепенным аспектам внешней и внутренней политики, а также некоторым деятелям петровского времени.

80. ПОХОД К АЗОВУ

Нам пора-та, робятушки, с кабаку ийти!
Не вечерняя заря потухать стала,
Не утренняя заря занимается,
Бежит-то из Москвы скорый посол,
Держит во руках грозный указ,
Чтобы были мы, солдатушки, приубранные,

Перевязи-портупей были бы белёные
 И ружьёцы были бы чищёные.
 Нам завтра, солдатушкам, в поход идти,
 В поход идти под Азов-город,
 Нам стоять-то, солдатушкам, под Азовом три года.

81. КАЗАКИ ПОД АЗОВОМ

У нас, братцы, на Дону, во Черкасском городе,
 Проявилась у нас, братцы, прирощеная тума,
 Он из тум, братцы, тума, Сенька Маноцков злодей,
 Крепкой думушки со стариками он не думывал,
 Думывал крепкую он думушку с ярыжками.
 Перекинулся собака ко азовскому паше,
 А азовский-то паша стал его спрашивать:
 «Ты скажи, скажи, приятель, правду истинную —
 Что-то думают у вас во Черкасском городе?» —
 «Да у нас-то на Дону, во Черкасском городе,
 Старики-то пьют-гуляют, по беседам сидят,
 По беседам сидят, про Азов ваш говорят:
 Ой не дай Боже азовцам ума, разума того,
 Не поставили б они башенки на усть-речки Каланчи,
 Не перекинули бы цепи через славный тихий Дон,
 Не подвели бы они струны ко звонким колоколам.
 Уж нельзя нам, братцы, будет во сине море пройтись,
 По синю морю гулять, зипунов-то доставать».
 Как у нас было на Дону, во Черкасском городе,
 Войсковой наш атаман во всю ночушку не спал,
 Как со вечеру сокол наш Роговые проплывал,
 Ко белу свету сокол наш по синю морю гулял,
 По синю морю гулял, кораблики разбивал.

82. ШТУРМ АЗОВА ПЕТРОМ I

Ах бедные головушки солдатские,
Как ни днем ни ночью вам покою нет!
Что со вечера солдатам приказ отдан был,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко белу свету солдаты во строю стоят.
Что не золотая трубушка вострубила,
Не серебряна сиповочка возыграла,
Что возговорит наш батюшко православный царь:
«Ах вы гой еси все князи и бояря,
Вы придумайте мне думушку, пригадайте,
Еще как нам Азов-город взять?»
Еще князи и бояря промолчали.
Еще ж сам наш батюшка прослезился:
«Ах вы гой еси солдаты и драгуны,
Вы придумайте мне думушку крепкую,
Еще как-то нам Азов-город взять?»
Как не ярые пчёлушки зашумели,
Что взговорят солдаты и драгуны:
«Взять ли нам, не взять ли — белой грудью!»
На восходе было красного солнышка,
На закате было светлого месяца,
На зоре они на приступ пошли,
Под тот ли под славной под Азов-город,
Что под те ли стены белокаменные,
Ах под те ли под раскаты под высокие.
Что не с гор ли белы камни покатались,
Покатались со стен неприятели;
Не белы снега в поле забелелися,
Забелелися белы груди бесурманские;
Ах не с дождичка ручьи разливались,
Разливалась тут кровь нечестивая.

83. ЗАГОВОР УБИТЬ ЦАРЯ

На пиру-то сидело полтретьясто бояр,
Они крепкую думали думушку заединую,
И как будет извести царя православного:
«Он покатится, наш батюшка православный царь,
И ко белу свету, ко усердию,
И ко усердию, ко благовещению.
Мы закатим-ко, ребятушки, пушку медную,
И во пушечку заложим ядро свинцовое,
И расшибемте, ребятушки, золотой берлин,
Ушибемте царя православного».
И на пиру-то сидел млад татарченко,
Он выслушивал у бояр речей,
Надевал он свою шляпу черную,
И пошел он из высокого из терема,
И бежит он к царю, к палате белокаменной,
И не спрашивает он у ворот приворотников,
И не спрашивает он у дверей преддверников,
Отворяет он двери помалешеньку,
И запирает он двери потихошеньку,
И падает он скоро на коленочки,
Сам говорит таковы слова:
«Сгой еси ты, наш батюшка государь,
Не прикажи ты меня казнить,
А прикажи слово вымолвить». —
«Говори-ка, говори, млад татарченочек».
И говорит млад татарченочек:
«Сгой еси ты, наш батюшка царь-государь!
На пиру тут сидят полтретьясто бояр,
Они думают думушку крепку заединую
И хотят тебя извести, царь православный.
Ты покатишься, наш батюшка православный царь,

Ко батюшке ко белу свету, ко усердию,
 Ко усердию, к благовещению,
 И хотят они зарядить пушку медную,
 И во пушечку хотят заложить ядро свинцовое,
 И расшибить твой золотой берлин,
 И хотят ушибить тебя, царя православного».

И проговорит тут батюшка православный царь:
 «Ой та гой еси, млад татарченочек!
 Если ты правду мне сказал,
 Так я тебя стану жаловать,
 Если ты мне неправду сказал,
 Так я тебя скоро казню».

Тут он посадил татарченка во темницу,
 И приказал он запрягать в золотой берлин,
 В берлин свой садит слугу верного,
 И покатился его слуга по белу свету, ко усердию.
 Выпаливали князья-бояра
 Из той из пушки медных,
 Расшибили у царя золотой берлин
 И в берлине ушибли слугу верного.

84. ПЕТР ЗА ГРАНИЦЕЙ

Как никто-то про то не знает, не ведает,
 Что куда-то наш государь-царь собирается;
 Чистым серебром кораблики изнаполнил,
 Красным золотом суденышки изукрасил,
 Он берет-то с собой силушки очень мало,
 Что одних только преображенских гренадеров.
 Как приказ-то дает наш батюшка царь Белый:
 «Ой вы слушайте, офицерушки и солдаты!
 Не зовите вы меня ни царем своим, ни государем,

А зовите вы меня заморским купчиной».
Уж и грянул государь-царь по морю гуляти.
Как носило-то царя по морю неделю,
Что носило царя Белого другую.
Принесло-то его ко Стекольному государству,
Что к тому ли шведскому королевству.
Не купчинушка по городу гуляет,
Что никто-то купчину не узнает.
Узнавал только его гетман земли шведской,
Поскорехонько он к королевнушке метался:
«Ах ты гой еси, наша матушка королева!
Не купчинушка по городу гуляет,
Что гуляет-то по городу царь Белый!»
Как на красное крылечко королева выходила,
Она семи земель царей портреты выносила,
По портрету царя Белого узнавала,
Закричала королева громким голосом:
«Ой вы гой еси, мои шведские генералы!
Запирайте вы вороточки покрепче,
Вы ловите царя Белого скорее!»
Уж и тут-то наш батюшка не пугался,
Обо всех он шведских замыслах догадался.
Ко крестьянину он на двор скоро бросался:
«Ты бери-ко, бери, крестьянин, денег вдоволь,
Ты вези меня на край синя моря!»
Скоро вывез его крестьянин на край синя моря,
А скорей того в кораблик государь-царь садился,
Закричал он своим матросам и солдатам:
«Ой вы гряньте-ко, ребятушки, дружнее,
Вы гребите и плывите поскорее!»
Как и первая погоня царя Белого догоняет,
А другая-то погонюшка настигает;
Как возговорит погоня к царю-государю:

«Ты возьми-ко, возьми, царь Белый, нас с собою,
А не возьмешь ты нас, батюшка, с собою,
Уж не быть-то нам, горьким, живым на свете!»
И тут же вся погоня в сине море побросалась,
А наш царь-государь во святую Русь возвратился.

85. СТРЕЛЕЦКИЙ БУНТ

На черте было черте
На рубеженской,
Как на той-то было границе
Императорской,
Тут стояли же стрельцы-бойцы
Двенадцать лет —
За двенадцать лет им, стрельчикам,
Им провианту нет,
На добрых-то ихних на коней
Фуражу нейдет.
Собиралися стрельчики
Во единый круг,
Они думали крепку думушку
Заединую:
«Уж гой-то еси, стрельцы,
Вы, добры молодцы!
Собирайтесь вы, стрелечки,
Во единый круг,
Уж делайте вы тележки
Одноколочки,
Уж сядемте в тележки
По семи человек,
По восьмому человеку

На запяточки.
Мы поедем-то, стрелыцы,
В каменну Москву».
Мы не доехавши за двенадцать верст
Остановилися.
Мы раскинули шатры
Белы-полотняные.
Еще все наши шатры
При долу стоят,
Как один из них шатер
На пригорочке,
На пригорочке.
Как то у всех шатров
Маковочки серебряны,
Маковочки серебряны,
У одного ли же у шатрика —
Позолочены.
Как на шатрике сидел
Млад ясен сокол,
Как возговорил человечьим
Громким голосом:
«Уж вы гой-то еси,
Братцы мои товарищи,
Еще есть-то на вас
Наговорщики.
Наговорили наговорщики
Самому царю!»
На заре-то было, на зореньке
Ранней утренней,
Как не золотая трубонька
Вострубила,
Не жаркая позолочена

Да возговорила,
Как возговорил наш батюшка
Православный царь:
«Вы слуги мои, слуги верные,
Приведите-ка вы мне
Стрелецкого атаманушку!»
Как ведут-то, ведут
Стрелецкого атаманушку:
Не лисья-то на нем шубочка
Нараспашечку,
Соболиная-то шапочка
Под пазухой.
Он упал-то пред царем
На коленочки:
«Уж та батюшка православный царь,
Да какую мы тебе
Проступочку сделали?»
Мы за эту же тебе
За проступочку
Мы возьмем тебе три города
Столичных.
Без фуражу твоего возьмем,
Без жалованья,
Без свинца твоего, без пороху». —
«Мне не надо твоих три города
Столичных,
Прикажи ты своим стрельцам,
Добрым молодцам,
Чтобы с топорами шли,
Все со плахами».

86. СТРЕЛЕЦКИЙ АТАМАН И ЦАРЬ ПЕТР

Во далече, во чистом поле,
Еще того подале, во раздольице,
Тут не красное солнышко выкаталося,
Выезжает-то удалый добрый молодец,
Еще тот же стрелецкий атаманушка.
Хороша больно на молодце приправушка:
Под ним добрый конь, ровно лютый зверь,
Кольчуга-то на молодце серебряная,
Соболина на нем шапка до могучих плеч.
На нем тугой лук, как светёл месяц,
Калены стрелы, как часты звезды.
Он и держит путь-дороженьку в каменну Москву,
Он и горы и доли вперескочь скакал,
Темные леса между ног пускал,
Быстрые реки перепрыгивал.
Возъезжает он во матушку каменну Москву,
Приезжает ко дворечушку ко судареву.
Караульщиков он не спрашивал,
Приворотничкам не бил челом.
Он и бьет своего добра коня — не жалует,
Его добрый конь осержается,
От сырой мати-земли отделяется,
Перепрыгиват он стенушку белокаменну.
Подъезжает он ко крылечушку ко судареву.
Воскрикнет он, возгаркнет громким голосом:
«Ох ты гой еси наш батюшка, православный царь,
Во всеё Руси царь Петр сударь Лексеевич!
Ты за что про что на нас, сударь, прогневался,
Ты за что наш зеленый сад хочешь выжечь-вырубить,
Все и ветвицы-кореньицы повысушить?»

Не можно ли тебе, сударь, нас, стрельцов, простить?
Мы возьмем тебе город, какой надобно,
Без свинцу-то мы, без пороху сударева,
Мы без ружеец, без сабелек без вострых,
Мы возьмем тебе город своей грудью белою».
Выходил-то тут батюшка православный царь,
Во одних-то чулочках он без чоботов,
Во одной-то он сорочке, он без панциров;
Воскричит-то он, возгаркнет громким голосом:
«Ох ты гой, стрелецкой атаманушка!
Уж и вот-то я с боярами подумую,
С сенаторами, с фельдмаршалами переведаю».
Уж возговорит тут стрелецкой атаманушка:
«Ох ты гой еси, наш батюшка православный царь,
Во всеё Руси царь Петр сударь Алексеич!
В глазах ты меня, сударь, обманываешь:
Не видать тебе меня у себя в дворце!»
Он и бьет своего добра коня — не жалует,
Его добрый конь осержается,
От сырой мати-земли отделяется,
Перепрыгивает он стенушку белокаменну;
Он и держит путь-дорожку во далече во чисто поле,
Возъезжает он во стрелецкую армеюшку,
Воскричит-то он, возгаркнет громким голосом:
«Ох вы гой еси, стрелецкие головушки!
Еще хочет нас православный царь всех жаловать,
Жаловать хоромами, хоромами высокими —
Двумя столбами дубовыми
И петлями шелковыми!»

87. ЖАЛОБЫ ЦАРИЦЫ ЕВДОКИИ ЛОПУХИНОЙ

Как у нас было в Москве государевой,
 Уж стояли палаты в белокаменной,
 Как во тех-то во палатах государевых
 Сидела в них царица благоверная,
 Царица Евдокия, царица первая.
 Перед ней стояли князья к бояры,
 Царица плачет, платком слезы утирает.
 Глядя на царицу, сердце замирает.
 Как возговорит царица благоверная:
 «Жаль мне вас, бояры, еще больше жаль царя.
 Возвратите вы мне, горькой, друга моего,
 Царя моего, государя вашего!
 Чтob он, царь, не ездил во Какуй-город гулять,
 Во Какуй-город, в Кукуевы слободы,
 Не любил бы немok, какушек тех прелестниц.
 Ах, прельстили, привратили его они!
 Видно, мне, горькой, спокойно нoчку не заснуть
 И молиться весь мой век в монастыре».

88. ПОХОД НА ШВЕДСКУЮ ГРАНИЦУ

По дороженьке по Московской
 Шли-прошли три полка солдат,
 Три полка солдат, молодых ребят,
 Впереди идут — в барабаны бьют,
 За има-то идут со знаменыма,
 А по всем полку артикул мечут,
 Замки крепко бьют, ружьица светлеют,
 Замки взбрыкали, солдаты всплакали:
 «Где нам день дневать, нoчь коротати?»

Нам денек дневать во чистом поле,
Во чистом поле, под ясным небом;
Ночь коротати во темном лесу,
Во темном лесу, во сыром бору;
Нам постелечка — мать сыра земля,
Нам зголовьицо — зло кореньицо,
Умываньицо — частый мелкий дождь,
Утираньицо — шелкова трава!»
Позади полка идут — коня ведут,
Лошадь добрую сивогривую;
На коне сидит сам полковничёк,
Сам полковничёк — Шереметьев-граф.
Во руках держит саблю острую,
Во устах держит речь хорошую:
«Сряжается мой батюшка из Москвы в поход
Как во ту ли землю шведскую, за границу государеву;
Меня, добра молодца, с собой берет.
Не хотелось мне, добру молодцу, из Москвы идти,
Хотелось мне, добру молодцу, при Москве пожить,
При Москве пожить, во дворце служить,
Московским чудотворцам молиться.
Остается у доброго молодца сыр зеленый сад,
Во садике оставалось три деревца:
Первое деревцо — кипарисное,
Другое деревцо — яблонь кудрявая,
Третье деревцо остается — груша зеленая.
Кипарис растет — родной батюшка,
Яблонь кудрявая — богоданная матушка,
Груша зеленая остается — молода жена.
Оттого мне-ка не хотелось из Москвы идти,
А хотелось мне при Москве пожить,
При Москве побыть, при дворце служить,

Чудотворцам московским поклоняться,
 Отца родного на старости печаловать,
 За мать в немощи ухаживать,
 Молодой женой любоваться!»

89. ДОНСКОЙ АТАМАН БУДЕТ ПОСЛАН ПЕТРОМ ПРОТИВ ШВЕДОВ

По морю синему по Каспийскому плывет корабличек,
 На корабличке, на носу, знамя царское, государево,
 А под знамечком стоит стулечко золотое,
 На стулу сидит наш батюшка государь,
 Молодой царь царевич Петр Алексеевич,
 Перед ним стояли генералы и сенаторы,
 Они все думали думушку единую:
 «Кого нам послать на шведскую границу?
 Послать ли нам московского генерала?
 У московского генерала управушки не бывало.
 А послать нам с тихого Дона войскового атамана —
 У него стоит конь оседлан, взнуздан!»

90. ПЕТР СКОРБИТ О ПОТЕРЕ ПОЛКОВ

Как во светло было во Христово воскресенье,
 Стоял наш государь-царь у заутрени,
 Во черном платье государь-царь во кручинном.
 Позади его стояли князья-бояре,
 Промеж собой бояре слово молвили:
 «Мы, князья-бояре, в платье цветном,
 А наш государь-царь в платье черном и в кручинном».
 Свирепо государь-царь оглянулся на бояр:

«Ох вы, глупые бояре, неразумные,
Вы не знаете моей кручины и не ведаете.
Изменил мене изменник большой боярин,
Артамон Головин сын Михайлович.
Потерял он три полка, три любимые:
Первый полк потерял Измайловской,
Второй полк потерял Ермолаевской,
Третий полк потерял донских казаков.
Не жаль мне столь двух полков,
Как жаль донских казаков, славных воинов».

91. НАБОР В АРМИЮ

Ой ты, матушка родная,
Спеть ли песенка новая,
Ой, спеть ли песенка новая,
Что новая недавная,
Ой, что новая недавная,
Недавная, забавная.
Как у нас было в Кронштате,
Среди торгу-базару,
Середь площади красивой,
Тут стоит нова горница
Со косяшным со окошкам,
Со хрустальным оконцам.
Что во той новой горнице
На ременчатом на стуле
Тут сидит большой боярин,
По имечку Борис Петрович,
По фамилье Шелементьев.
Он наборы набирает,
Солдатиков забривает.

Все солдаты стоят, плачут,
 Что один солдат не плачет —
 Вдоль по ярмарке гуляет,
 В золоту скрипку играет,
 Солдати́ков забавляет:
 «Вы не плачьте-ко, ребята,
 Не тужите, новобраны:
 Нам не пашенька пахати,
 Не работа работати,
 Только в фрунты постояти,
 Только ружья заряжати». —
 «Это как же нам не плакать:
 Наши домики пустеют,
 Отцы, матери стареют,
 Молоды женки вдовеют,
 Малы дети сиротеют».

92. ГОСУДАРЕВА СЛУЖБА

Как за реченькой за Волгою
 Не камыш-трава в поле шатается —
 Зашатался душа добрый молодец;
 Он не сам собой, не своей охотою,
 Он не охотушкой — большой неволюшкой.
 Как неволюшка — наша жизнь боярская,
 Жизнь боярская, служба государская,
 Нашего царя Белого, Петра Первого.
 Петр Первый же объявил солдащину,
 Молодых ребят идут во солдаты брать.
 У солдатушки нам идти не хочется,
 А хоть и хочется — назад не ворочаться;
 Хоть и вернемся, — к сердцу не привернемся.

93. БОИ ПОД КРАСНОЙ МЫЗОЙ И ГУММЕЛЬСГОФОМ

Из славного из города из Пскова
Подымался царев большой боярин,
Граф Борис сударь Петрович Шереметев,
С конницею, со драгуны,
Со пехотными солдатскими полками.
Не дошедши Красной Мызы становился,
Он ставил полки городками.
Не ясен сокол по поднебесью летает,
Боярин по таборам гуляет.
Что не золотая трубочка вострубила,
Да что зговорит царев большой боярин,
Граф Борис сударь Петрович Шереметев:
«О вы детушки, драгуны и солдаты,
Можно ли мне на вас понадеяться —
Супротив неприятеля постояти?»
Да что зговорят драгуны и солдаты:
«Мы ради государю послужити,
Един за единого умерети!»
Тут скоро боярин подымался
Со конницей и со пехотой.
Нашли они на шведские караулы.
Они шведские караулы сами скрали,
Маиора в полон к себе взяли,
Привели они майора к генералу,
Напольному кавалеру;
Приказал его генерал допросити:
«Скажи ты, майор земли Шведской,
Скажи нам всю истинную правду,
Не моги ты у царя утаити:
Далече ли стоит ваша сила,
И много ли силы с генералом,

С самым генералом Шлюшенбахом?»
Что зговорит майор земли Шведской:
«Ах ты гой еси, царев большой боярин,
Граф Борис сударь Петрович Шереметев!
Не могу я у царя утаити,
Скажу я всю истинную правду:
Стоит наша сила в чистом поле,
За теми за мхами, за болоты,
За той за великой переправой,
По край близ Варяжского моря,
А силы с генералом сорок тысяч,
С любимым генералом Шлюшенбахом».
И тут боярин не уstraшилcя,
Он скоро с полками подымался.
Не две грозные тучи на небе восходили,
Сражались два войска большие,
Московское войско со шведским,
Запалила тут Шереметева пехота
Из мелкого ружья из мушкетов.
Как не гром пред тучею грянул,
Троил-пушка разродилась.
У боярина сердце разъярилось.
Не сыра мать земля расступилась,
Не синее море всколебалось,
Примыкали штыки на мушкеты,
Бросали ружья на погоны,
Вынимали вострые сабли,
Приклонили булатные копыа,
Гнались за шведским генералом
До самого города, до Дерпта.
Как расплачутся шведские солдаты,
Во слезах они едва сие промолвят:
«Лихая-де московская пехота

Что часто на вылазку выступает
И тем нас жестоко побеждает!»
Тут много мы шведов порубили,
А втрое и больше в полон взяли;
Государю тем прибыль учинили.

94. СОЛДАТЫ ГОТОВЫ ШТУРМОВАТЬ ОРЕШЕК

Злодей, злодей, ретиво сердце,
Что ты ныло, ретивое, занывало,
Ничего ты мне, сердечко, не сказало,
Да что быть мне, молодцу, в рекрутах,
Во солдатах быть мне и в походе
Что под славным городом под Орешком,
А по нынешнему званью Шлиссельбургом.
Что, заслышав, воры-шведы догадались,
Что ударили они в барабаны,
Наши русские солдатушки — в литавры,
Да что взговорит наш государь-царь:
«Ах вы гой еси, братцы-генералы!
Вы придумайте мне, братцы, пригадайте,
Еще как нам будет взять Орешек?» —
«Ах ты гой еси, наш батюшка государь-царь!
Что не лучше ль нам от города отступить?»
Что возговорит государь-царь ко солдатам:
«Ах вы гой еси, мои детушки-солдаты!
Вы придумайте мне думушку, пригадайте,
Еще брать ли нам иль нет Орех-город?»
Что не ярые пчелушки во улье зашумели,
Да что взговорят российские солдаты:
«Ах ты гой еси, наш батюшка государь-царь!
Нам водою к нему плыти — не доплыти,

Нам сухим путем идти — не досягнути,
Мы не будем ли от города отступить,
А будем мы его белою грудью брати».

95. ВЗЯТИЕ ОРЕШКА

Как по славной матушке Неве-реке,
Подле устья ее широкого,
Что при самом ли истоке быстром,
Как плавали-гуляли три легкие стружка:
На первом стружке Шереметев был,
На другом стружке офицеры сидят,
А на третьем стружке все солдатушки,
Преображенские и семеновские.
По реке они бежали к круту-красну берегу,
К круту-красну берегу, ко Слюсбургскому.
Подбирали они парусы полотняные,
Что того ли полотна все олонецкого,
Они якоря метали все булатные,
Что того ли булата сибирского,
Приставали к круту-красну берегу.
Они лесенки метали все дубовые,
Выходили на желты пески сыпучие,
Начинали рыть подкопы глубокие,
Накатили бочки с лютым зелием,
С лютым зелием — с черным порохом,
Становили свечи воску ярого,
Зажигали те подкопы глубокие,
Оттого ли красной берег взорвало,
Развалило стену белу каменну,
Потрясло всю крепость шведскую,
Устрашило храбрых неприятелей.

96. КАЗАКИ И КНЯЗЬ ДОЛГОРУКИЙ

Изволил наш Долгорукий-князь
Да он на тихий Дон погулять.
Встречали князя Долгорукого
С тихого Дона его казаки,
Подхватили князя Долгорукого
Под белые руки его,
Повели же князя Долгорукого
Во станичную избу,
Посадили его, князя Долгорукого,
На большое место его, под окно,
Стали князя Долгорукого
Крепко спрашивать его:
«Ты скажи-ка, скажи,
Князь Долгорукий наш,
Скажи всю правдицу:
Еще сколько у нас на тихом Дону
Донских казаков?» —
«На всякого казака
По пятисот бурлаков».

97. ВЕСТИ О ВОССТАНИИ НА ДОНУ

Ах, служили мы на границе три годочка:
Нам ни весточки, ни грамотки с Дону нету,
Ни словесного челобитьица нам не прислано.
На четвертом годочке перепала весточка.
Не полуночная звезда с небес упала,
А скорая почта прибегала
Ко походному нашему атаману
Ко Иванушке Ивановичу Фролову:

«Уж ты здравствуй, походный наш атаман,
 Уж ты здравствуй с походными старшинами,
 Уж ты здравствуй со служащими казаками!
 Как у нас-то на тихом Дону нездорово:
 Как приехали к нам на тихой Дон все рассылыщики,
 Во рассылыщиках были два боярина,
 Без указа-то они государева нас разоряют,
 И они старых стариков всех ссылают,
 Молодых-те малолеток берут во солдаты.
 Оттого-то наш славный тихий Дон возмутился,
 Возмутился славный тихий Дон вплоть до устья,
 Как и до славного до города Черкасского».

98. НЕКРАСОВ УБИВАЕТ ДОЛГОРУКОГО

Не красное солнце из-за гор выкаталось,
 Собиралось войско донское ко тому двору Долгорукову.
 Как выходит же Долгоруков-князь на красен крылец,
 Выносит же он указушки скорописные,
 Скорописные все фальшивые.
 Как прослушавши указушек, Некрасов-сын
 Подходил к Долгорукову близехонько,
 Говорил речи с ним смелехонько;
 Как отвел же Некрасов свою руку правую,
 Ссек-срубил с Долгорукова буйну голову
 И потом стал объяснять старикам;
 И набрал он с собою силы, Некрасов-сын,
 Много-множество — тысяч до сорок,
 Кроме старого и малого, все военного,
 И повел эту силу через Кубань-речку;
 Переправу имел трое суток;
 Переправившись через Кубань-речку, Богу молился.

99. НЕКРАСОВ ПИШЕТ ЦАРЮ

Ой, возмутился да наш батюшка Дон, возмутился,
Да он от самой было вершинушки до самой устюжи,
До самой устюжи, да до острова было Черкасского.
Возмутил же батюшку тихий Дон Иванович, братцы,
А он донской казак Игнатьюшка Некрасов,
А он, братцы, Игнатьюшка да сын Некрасов.
Ой да он собрал-то вот казаков сорок тысячей,
Окромя малого, окромя старого, толечка одних служивых.
Собирал он донцов-казаков, братцы, во единый круг,
Ой да во единый-то было круг да на единый луг.
Ой, со вечерней-то зари они, казаки, собиралися,
А на утренней зорюшке они, братцы, во поход пошли,
Да переправившись, они, донцы, через Дон батюшку,
Ой да во поход-то они пошли да на Кубань-речку.
Как во чистом степу они, братцы, становилися,
Становилися они, братцы, во казачий-то круг,
Ой, посреди-то круга казачьего стоит, стоит знамя,
Ой да стоит знамя, она, братцы, развевается,
Позади-то стоит а он вот раздвижной стул,
А на ем-то сидит а он да молодой атаманушка,
Молодой атаманушка Игнатушка, а он сын, братцы,
Ой да а он сын, братцы, Некрасов — донской казак.
Перед ним-то стоят они всё ды полковнички,
А за ним-то стоят они, удалые сотники.
Тут писал-то, писал он, братцы, Игнатьюшка,
Ой, он писал письма да всё скорописные,
Он писал, братцы, письма шельме царю Белому,
Царю Белому, князю неверному, шельме Долгорукову:
«Ай, спасибо тебе, царь Белый, что поил нас, что кормил,
Ой да берёг нас, дюже жаловал войско донское.
Ты в одном-то, царь Белый, нас дюже не жаловал:

Ты прислал на тихий Дон шельму посыльщика,
 Ой да всё посыльщика шельму князя Долгорукова.
 Ой да он прибег-то на Дон да разорять нас стал,
 Нашу братию донских казаков без вины казнил-вешал,
 Ой, малолеточков наших он в солдаты брал,
 А малых детушек наших а он в тихий Дон бросал,
 Стариков-то наших а он батогам бил.
 Уж мы бросили свое житье-бытье, свои именьяцы,
 Да оставили тебе, царь, Дон со всеми притоками,
 Ой, пошли мы все казаки на Кубань-реку».

100. ШВЕДСКИЙ КОРОЛЬ ХОЧЕТ ЗАХВАТИТЬ ПОЛТАВУ

Как во славной во степи во Черкасской,
 Как под славным городом Платавой,
 Как стоял тут король земли Шведской.
 Он почасту ко Платаве приступает,
 Он приступом Платаву взять не может.
 Во Платаве есть московская пехота,
 Ох, со конницей, со драгуны.
 Генералы к королю приходили,
 На словах к королю доносили:
 «Ох ты гой еси, король наш яснейший,
 Как нам столько под Платавой ни стояти,
 А приступом Платаву не взяти!»
 Что возговорит король земли Шведской:
 «Как вы, храбрые мои генералы,
 Вы, военные свирепые кавалеры!
 Не выдавши, вы батальи убоялись,
 Послужите королю всею правдой,
 Мы возьмем ли Платаву мимоходом.
 Как я дам ли вам великую выгоду:

Распишу ли вам пространные кварталы
 Да и во том ли во Московском государстве;
 Ох, я сам ли, король, встану в Кремле-граде.
 Я драбантов поставлю в Москворечье,
 А ашиквандронов поставлю по Мясницкой,
 А драгунов поставлю по Неглинной,
 А пехотные полки — по всей Москве».

101. ШЕРЕМЕТЕВ В СОБОРЕ

Еще что у нас в Москве, братцы, за кручина?
 Накануне было Светлого воскресенья,
 Заунывно в царь-колокол звонили,
 Съезжались князья и все бояре
 Во Успенский собор Богу молиться:
 Молились они Господу со слезами.
 Что один из них боярин не молился —
 Генерал Борис Петрович Шереметев.
 Почастешеньку вон из церкви выступает,
 Ко белой каменной оgrade припадает,
 Горючьми слезами обливается,
 Миткалиным он платочком утирается:
 «Уж тошно мне, боярину, тошненько,
 Никогда-то мне так тошно не бывало!
 Что болит-болит у барина головка,
 Щемит-щемит ретивое сердечко:
 Что сказана боярину царска служба,
 Указан путь — широкая дорожка
 Под славной под город под Полтаву.
 Как быть-то мне, боярину, убиту
 Под славным под городом под Полтавой
 На чистом на поле лебедином».

102. МОЛОДЕЦ СОБИРАЕТСЯ ПОД ПОЛТАВУ

Что за реченькою было за Небрагою,
 За быстрой речкой было Перебрагою,
 Не полынь-то ли травонька в поле качается,
 Что качается, шатается добрый молодец,
 Добрый молодец да душа моя.
 Он не сам пошёл, не своей охотою,
 Повели его барскою большею неволею.
 Ты неволя, неволя, жизнь господская,
 Жизнь господская, служба государева,
 Государя-то царя Белого,
 Царя Белого Петра Первого.
 Что со вечера было, со полуночи,
 Не частые звезды с неба сыпались,
 Рассыпались звезды по чисту полю,
 По чисту полю, зеленым лужкам.
 То солдатики во поход пошли,
 Во поход пошли во Полтавушку,
 Они бить-губить неприятеля,
 Неприятеля — царя шведского,
 Царя шведского, короля немецкого.

103. РУССКИЕ ГОТОВЯТСЯ ВСТРЕТИТЬ
ШВЕДСКОГО КОРОЛЯ

Как далеченько было во чистом поле,
 Как ещё-то того подале, при долинушке,
 При широкой, при зеленой вот при дубровушке
 Как не белые в поле лебеди забелелися,
 Не лазоревы цветочки покраснелися —
 Забелелися в поле шатрики полотняные,

Закраснелись у нас знамёнушки государевы.
 Государевы все шатры, вот, шатёрики при долу¹ стоят.
 Как один-то единый вот шатёрик-от при бугре стоит,
 При бугре стоит, при бугрике, при бугорчике,
 Что свеча горит, что свеча горит,
 При бугре стоит, что свеча теплится,
 Что свеча теплится воску ярого.
 Ой да полочки, и подполочки, и подзорушки были с позуменами,
 Да и крыша на этом шатёрике плису-бархату,
 Как на самой на вершинушке чуден зóлот крест.
 Как во этом шатёрике стоял Белый царь,
 Как государь наш батюшка Пётр Алексеевич
 Во этом шатёрике погуливал, он погуливал,
 В подзорную во трубочку сам поглядывал, он поглядывал,
 Во серебряную во сиповочку выговаривал, выговаривал,
 На своих-то он детушек сам поглядывал.
 «Уж вы детушки мои ребятушки!
 Что нам делать, что нам делати?
 К нам хотел шведский король в гости побывать, хотел в гости
 побывати;
 Да и чем его, детушки, будем подчивать, будем подчивати?
 У нас, детушки-ребятушки, пиво не варено, зеленого вина нет». —
 «У нас, батюшка православный царь, все готово, все
 приготовлено,
 Как у нас, братцы-ребятушки, в Москве пироги печены,
 В Москве пироги печены, в сухари они крошены,
 В сухари они крошены, в Туле сушены,
 В Туле сушены, по солдатам розданы».

104. ПОБЕДА ПОД ПОЛТАВОЙ

Тысяча семьсот девятого года
Того было месяца июля
И тех было чисел двадцатых;
Хвалился собака король шведский,
Хвалился собака, похвалялся,
Со многою силою собирался.
Он хочет качнутья на Рассеюшку,
Что под славный город, под Полтаву.
Подкупил он русского Мазепу,
Но Мазепа ему не попрочил
И повел его не путем, не дорогою,
А повел его топами, водами
Да быстрыми реками;
Вот дошли они до речки Ворсклы,
Стали через речку переправляться.
Переправясь через речку, становились,
Шанцы-батареи высыпали,
Да отъезжие бакеты становили.
Там далече-далеко в чистом поле,
Там лежала новая дороженька,
Да никто по ней, по дороженьке,
Не пройдет, не проедет.
И по ней-то шел-прошел боярин,
То Борис Петрович Шереметьев,
Со своими ли московскими полками,
Со своими ли донскими казаками.
На подмогу взял охотничка,
Разудалого полковника
С гребенскими казаками.
Там поймали они шведского майора,
Поймали, связали,

Связали, спросили:
 «Скажи, майор, не утайся,
 Всею правдою откройся:
 Сколько с вами пришло силы?» —
 «Пришло силы сорок тысяч».
 Не громы громкие гремели,
 Не светлы молнии светлели,
 То гремели пушки ломовые,
 То блистал ручной огонь
 Да летели ядерцы чугунные.
 От того-то король шведский ужаснулся,
 От города Полтавы откачулся.

105. ВОЙСКА ШЕРЕМЕТЕВА РАЗБИВАЮТ ШВЕДСКИЕ ПОЛКИ

За темными, братцы, лесами,
 За высокими каменными горами
 Тут стоял наш император со своей силой,
 А силы с ним было сорок тысяч,
 А с ним был царев большой боярин
 Генерал кавалер и фельдмаршал,
 Генерал кавалер и фельдмаршал
 Князь Борис Петрович Шелеметьев
 Со своими урядными полками,
 С удалыми добрыми молодцами.
 Вечер было поздно-поздненько,
 Ах, утрось было рано-раненько,
 На светлой заре ранеутрянной,
 На выкате было красного солнца,
 Не грозна туча подымалась,
 Не облаки, братцы, накатались,

Наступила тут шведская сила,
Со всех со четырех со сторонок,
Благоверного царя хочет обсадить.
Благоверной царь во силе прослезился,
Шелеметьеве, во полках стоя, заплакал.
Он со вечера добра коня имает,
Изымавши, добра коня уздает,
Обуздавши, добра коня седлает,
Обседлавши добра коня, сажился.
Он сам по полкам разъезжает,
Офицерам приказы отдает:
«Вы гой еси, храбрые офицеры,
Уряжайте полки все наготово;
Вы, батюшки московские драгуны,
Вы садитесь на добрых своих коней,
Обнажайте свои вострые сабли;
Вы, детушки, российские солдаты,
Заряжайте оружие долгомерно,
Послужите государю верой-правдою,
Вочью и заочью неизменно».
Вечер было поздно-поздненько,
Утрось было рано-раненько,
На светлой заре ранютрянной,
На выкате красного солнца,
Барабанщики в барабаны пробивали,
И сыповщики в сыповки заиграли.
Как не грозной, братцы, гром перед тучей грянул,
Грянули пушки боевые,
Боевые пушки полковые,
Полковые пушки-галанки
На все на четыре на сторонки,
А и сколько-то оне силы прибили,
Вдвое того силы примяли:

Запалила Шелеметьева пехота,
 Первая рота запалила,
 Шведская сила испужалась;
 Вторая рота запалила,
 Шведская сила перепалась,
 Перепалась сила шведска, помешалась;
 Третья рота запалила,
 Шведская сила отступила,
 Шелеметьев, во полках стоя, возъярился,
 Он скоро на добра коня садился,
 За королем во чисто поле погонился.
 «Вы, батюшки московские драгуны,
 Постигайте ту шведскую силу,
 С головы их на голову колите!»
 Ах, затем, братцы, здравствуй
 Наш благоверный царь
 Всея России Петр Алексеевич,
 На всероссийском отеческом престоле
 Со своими князьями и боярами,
 Со храбрыми людьми да генералами!

106. ПОД ВЫБОРГОМ

Ах ты, ноченька, ты ноченька осенняя,
 Надоела ты мне, молодцу, наскучила.
 Стоючи, братцы, на карауле государевом,
 Что под славным ли под городом под Выбургом,
 Что под той ли под стеною белокаменной,
 Что под высокой под башней под проезжею!
 Не зверинушка из башенки возрыкнула,
 Что взрыкнула тут пушечка боёвая,
 Боевая-полковая, шведская.

Никого она в полку, братцы, не ранила,
 Что убила ли полковника, как пить дала.
 Как растужутся-расплачутся солдатушки:
 «Ах ты, свет наш батюшка полковничек!
 Что кому нас, сирот, будет поить-кормить,
 Кому нас, солдат, содержать будет?»
 Ах что взговорят майоры с подполковником:
 «И вы, глупые солдаты, неразумные!
 Как поить будет кормить православной царь,
 Содержать будем мы, майоры с подполковником».

107. ВЗЯТИЕ РИГИ

По морю, морю синёму
 Плыло-выплывало три ветлёные стружка.
 На первом стружочке император-царь сидит,
 На втором стружочке князи-бóйра сидят,
 На третьём стружочке всё солдатики сидят.
 Сидели солдаты полку Семеновского
 Той же первой роты гренадерское.
 Их же приносило к Риги, к каменной стены,
 К той же к круглой башни трехугольное.
 Якори метали всё булатные,
 Шеймы выпускали всё шелковые,
 Дорогого шелку шахматинского,
 Сходенки метали всё дубовые,
 Дорогого дубу, дубу польского,
 Сами выходили на крут-красен бережок,
 Думали-гадали думу крепкую.
 Подкопы копали всё глубокие,
 Бочки выкатали со лютым зельём,

Со лютым со зельём — с черным порохом,
 Свечки зажигали воскояровые,
 Свечки догорели — бочки р^озорвало,
 Скинуло-сбро́сило Ригу — каменну стену
 С той же с круглой башни с трехугольное.
 Стали проздравляти императора-царя:
 «Здравствуй, император, с Ригой — каменной стеной,
 С той же с круглой башней с трехугольн^юю».

108. ВЗЯТИЕ КОЛЫВАНИ

Как во славном было городе Колыване,
 Что стояли тут белокаменны палаты;
 Что в тех ли белокаменных палатах
 Как стояли тут столы дубовые;
 За столом сидит шведская королева,
 Перед ней стояли шведские генералы.
 Что возговорят шведские генералы:
 «Ах ты гой еси, шведская королева!
 Ты зачем к королю-брату не пишешь,
 Чтоб прислал он силы на подмогу,
 Что за силою прислал бы провианту?»
 Что возговорит тут шведская королева:
 «Ах вы гой еси, мои шведские генералы!
 Уж я и так к королю-брату писала
 И нарочных курьеров посылала,
 Чтоб прислал он мне силы на подмогу,
 Он за силою прислал бы провианту».
 Не успела королева слова молвить,
 Уж как Белой царь к городу подступает,
 И он шанцы-батареи отбивает,

В белокаменну стену стреляет,
 А в город армию свою впускает,
 И он шведские караулы все снимает,
 Он российские караулы расставляет.

109. ПЕТР I НА КОРАБЛЕ

Ах, по морю, морю синему,
 По синему морю по Хвалынскому,
 Что плывут тут, vyplывают тридцать кораблей.
 Что один из них корабль, братцы, наперед бежит,
 Впереди бежит корабль, как сокол летит;
 Хорошо больно кораблик изукрашен был:
 Парусы на корабле были тафтяные,
 А тетивочки у корабля шемаханского шелку,
 А подзоры у кораблика рытого бархату.
 На рулю сидел наш батюшка православной царь.
 Что не золотая трубушка вострубила,
 Да что взговорит наш батюшка православной царь:
 «Ах вы гой еси, матросы, люди легкие!
 Вы мечитесь на мачты корабельные,
 Вы смотрите во трубочки подзорные,
 Что далеко ли до Стекольного».

110. ЛАДОЖСКИЙ КАНАЛ

Поутру то было раным-рано,
 На заре то было на утренней,
 На восходе красного солнышка,
 Что не гуси, братцы, и не лебеди

Со лузей, озер подымались,
 Поднимались добрые молодцы,
 Добрые молодцы, люди вольные,
 Все бурлаки понизовые,
 На канавушку на Ладожску,
 На работушку государеву.
 Провожают их, добрых молодцов,
 Отцы, матери, молоды жены
 И со малыми со детками.

111. КАЗАКИ БРАНЯТ МЕНШИКОВА

Что пониже было города Саратова,
 А повыше было города Царицына,
 Протекала тут Камышенка-река,
 Она пала устьищем в Волгу-матушку-реку.
 Как и вниз было по матушке по Волге по реке,
 Тут и плыли-восплавали нарядные стружки,
 Хорошо стружочки изукрашены,
 Копьями, знаменами установлены.
 На стружочках сидят гребцы, добры молодцы,
 Что донские, гребенские, запорожские казаки.
 На них шапочки собольи, верхи бархатные,
 Александрийские рубашки с золотым галуном,
 Сафьянные сапожки на высоких каблуках.
 Они веслами гребут, сами песенки поют.
 Они хвалят, величают православного царя,
 А бранят они, проклинаят князя Меншикова:
 «Заедает вор-собака наше жалованье,
 Кормовое, годовое, третье денежное,
 Не пукает вор-собака нас по Волге погулять,
 Нас по Волге погулять, громки песни распевать».

112. КНЯЗЬ ГАГАРИН

Как по речке, по реке, тут пятьсот стружков плывут,
 А на всяkiem стружочке по пятисот человек,
 Они едут — в вёслы бьют, сами песенки поют,
 Разговоры говорят, князь Гагарина бранят:
 «Заедает князь Гагарин наше жалованье,
 Небольшое, трудовое, малоденежное:
 Со всякого человека по пятнадцать рублей.
 Он на эти-то на денежки поставил себе дом,
 Он поставил себе дом на Неглинной, на Тверской,
 На Неглинной, на Тверской, за Мучным большим рядом,
 За Мучным большим рядом, потолочек хрустальной,
 А парадное крылечко белокаменное,
 Белокаменное, стены мраморные,
 Стены мраморные, пол-от лаком наведен.
 Как на этом-то поло́чке москворецкая вода,
 Москворецкая вода по фонтану ведена,
 По фонтану ведена, жива рыба пущена́,
 Жива рыба пущена, кроватушка смощена.
 Как на этой на кровати сам Гагарин-князь лежит,
 Сам Гагарин-князь лежит, таки речи говорит:
 «Уж и дай Боже пожить, во Сибири послужить,
 Не таки бы я палатушки состроил бы себе,
 Я не лучше бы не хуже государева дворца,
 Только тем разве похуже — золотого орла нет».
 Уж за эту похвальбу государь его казнил.

113. ПЕТР РАЗДАЕТ ДЕНЬГИ

Среди было царства Московского,
 Что среди государства Российского,

Середина Москвы, в Крѣмле-городе,
Еще удеялося да учинилося
У того у дворца у государева,
У того у дворца у прекрасного.
Что то не грозная туча подымается,
Что то не синее облако выкатается,
Что не светѣл месяц выкатается,
Как то не ясное солнце выкаталоя,
Выходил ведь наш надежда православной царь,
То ведь бывший царь Петр Алексеевич.
Он сажился, государь, в катеру золотую,
Покатился государь наш ко Божьей церкви,
Ко Божьей церкви ко соборной,
Ко соборное ко Благовещенью.
Становился государь на место царское,
Он служил-то, государь, Божьи службы да молебены.
Покатился государь наш от Божьей церкви,
От Божьей церкви от соборной.
Впереди царя несут знаменьѣ царское,
Позади-то несут мисѹ серебряную,
Что на мисы той золотых много,
Еще больше того всё серебряных.
«Вы берите, ребята, сколько надоть вам!»

114. СМЕРТЬ ПЕТРА I

Во славном городе во Санкт-Питере
Стояли палаты белокаменные.
Во тех во палатах белокаменных
Состроена тут кроватушка тесовая,
На кроватушке изголовьицо точеное,
Точеное, позолоченное,

На изголовьице подушечки шелковые,
Шелковые и парчовые,
На подушках одеяло соболиное,
Того соболя сибирского,
Под одеялечком лежит удалый добрый молодец,
Удал добрый молодец, наш православный царь,
Царь Петр Алексеевич.
Перед ним стоят все князья-бояре,
Все старшие фельдмаршалы.
Возговoryт все князья-бояре,
Все старшие фельдмаршалы:
«Тебе, видно, худо можется, конец близится.
На кого ты свое царство приказываешь,
На кого ты свое государство отказываешь?»
Кому у нас будет сенат судить,
Кому у нас владеть каменной Москвой,
Каменной Москвой, всей Россией?»
Как не золотая трубынька вострубила,
Как не серебряная сиповочка возыграла,
А возговорил наш батюшка православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич:
«Сенат судить вам, князьям-боярам,
Каменна Москва и Россия вся — моей государыне».
Услыхала государыня,
Из палат идет, сама вопит:
«О ты гой еси, мой мил-сердечный друг,
Православный царь!
На кого ты свое царство приказываешь,
На кого ты свое государство отказываешь?»
Не золота трубонька вострубила,
Не серебряная сиповочка возыграла,
Ан возговорит наш православный царь
Петр Алексеевич:

«Сенат судить князьям-боярам,
Всем старшим фельдмаршалам;
Каменная Москва тебе, моя государыня,
Каменная Москва и Россия вся».

115. ЧАСОВОЙ У ГРОБА ПЕТРА I

Ах ты, батюшко светел месяц,
Что ты светишь не по-старому,
Не по-старому и не по-прежнему,
Все ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей темною.
Что у нас было на святой Руси,
В Петербурге в славном городе,
Во соборе Петропавловском,
Что у правого у крылоса,
У гробницы государевой,
Молодой солдат на часах стоял.
Стоючи, он призадумался,
Призадумавши, он плакать стал,
И он плачет что река льется,
Возрыдает что ручьи текут,
Возрыдаючи, он вымолвил:
«Ах ты, матушка сыра земля,
Расступися ты на все стороны,
Ты раскройся, гробова доска,
Развернися ты, золота парча,
И ты встань, проснись, православной царь,
Посмотри, сударь, на свою гвардию,
Посмотри на всю армию.
Уже все полки во строю стоят,
Все полковники — при своих полках,

Подполковники — на своих местах,
Все майоры — на добрых конях,
Капитаны — перед ротами,
Офицеры — перед взводами,
А прапорщики — под знаменами.
Дожидают они полковника,
Что полковника преображенного,
Капитана бомбандирского».

ЦАРСТВОВАНИЯ ПРЕЕМНИКОВ ПЕТРА

Этот раздел охватывает песни, отзывавшиеся на события такой же общей протяженности, как одно правление Петра Великого. Но царствовали за это время три императрицы и два императора: Екатерина I (1725 — 1727 гг.), Петр II (1727 — 1730 гг.), Анна Иоанновна (1730 — 1740 гг.), Елизавета Петровна (1741 — 1761 гг.), Петр III (1761 — 1762 гг.). Основная часть исторических песен этого времени отобразила успехи русских войск в Семилетней войне с прусским королем Фридрихом II (№ 125 — 135). К правлению Елизаветы Петровны относится и победоносное отражение попыток реванша со стороны Швеции (песни № 120 — 124). Успешный отпор крымским татарам и взятие Азова при Анне Иоанновне, а также некоторые частные события, в основном внутридинастического характера, переданы содержанием остальных песен.

116. СОЛДАТЫ И КНЯЗЬ ДОЛГОРУКИЙ

Нам не дорого ни золото да чистое серебро,
И дорогая-то наша любовь да молодецкая:
Ищю золото, чисто серебро скоро минуется,
А и дорога-то наша любовь не позабудется.

Среди то было Китаю да славного города,
А и тут стояли палаты да белокаменны.
Что во тех жа да во палатах было да белокаменных,
Тут не мурава-трава в поли да шаталася,
Не лазурьевы цветочки к земле преклонялися —
Тут и бьют челом царю солдаты да низко кланяются:
«Уж ты гой еси, надежда да православной царь!
Уж ты дай нам суд на князя да Долгорукого».
Говорил как тут надежда православной царь:
«У меня на Долгорукого суда нету,
Вы судите-ко Долгорукого своим судом,
Вы своим судом судите да рукопашкою,
Вы берите-ко слегу да долгомерную,
Долгомерную слегу да семи аршин,
Семи она аршин да семи она верхов.
Вы ломайте у Долгорукого хрустальны ворота».
Тут берут ведь как солдаты да все долгу слегу,
И долгу слегу да все семи аршин,
И семи-то аршин она была; семи верхов,
Они ломают у Долгорукого хрустальны ворота.
Как выходит Долгорукой он на красно крыльцо.
«Уж вы гой еси, солдаты да новобраны,
Ищо что да вам, робята, да тако надомно?
Ищо надо вам, робятам, да разе чисто серебро?»
Тут спроговорят солдаты да новобраные:
«Нам не надомно, солдатам, чисто серебро,
Ты отдай нам наше жалованье
Хлебно, и мундерно, и денежно».

117. БЕГСТВО ЛЕЩИНСКОГО

Ох, не три поля кручинушки изнасяно,
Уродилось кручинушки три долинушки.
Что под славным под городом подо Гранским
Что расплачутся солдаты да со драгунами:
«Ох ты, служба да наша служба да государева,
Зачалася наша служба да бесконечная,
Что на наши на солдатские на головушки,
Что повывела на святой Роси добрых молодцев.
Ох, что хвалится Лещинской-вор, похваляется,
Да что хочет побывать у нас на святой Роси,
Что во стольное во царство во Московское:
«Соберу я себе силы да, братцы, трех земель.
Еще первую силу земли Пруссие,
Еще другую сберу силу земли Французские,
Еще третью силу да земли Польские.
Еще-от Псков и Новгород во ногах стопчу,
Еще села и деревни да выжгу, вырублю.
Я и церкви и деревни да все на дым спущу,
Ох, я девок и баб всех на блуд возьму!»
Не успел тута Лещинской-вор похвалиться,
Светлорусская да сила облегла
Что со всех, братцы, с четырех да сторонушек,
Что да насили тут Лещинской сам-третей ушел,
Бегучи, сам Лещинский да заклинается:
«Что не дай, Боже, бывать да на святой Руси,
Что да во сильном во царстве да во Московском,
Что ни мне, братцы, Лещинскому, ни моим детям!»

118. ШТУРМ АЗОВА

Не сон меня клонит,
Не дремота валит:
Сыпит, валит зла кручина,
Валит добра молодца.
Стоючи на карауле
Да на государевом,
Смотрючи на Азов-город
Что на стены на турецкие.
Как со вечера солдатам
Приказанье отдано:
Чтобы ружья были чисты
И кремни чтоб были остры;
Палаши отпущены,
Штыки все примкнуты,
Чтобы ремни, портупей
Были налощены.
Что поутру нам на штурм идти
С нашим Левашовым,
Со любимыми полками —
С храброю пехотою,
С белокаменной стеною —
Да со гренадерами,
Со большими лбами-калмыками,
Со донскими казаками.

119. ДОЛГОРУКОГО ВЕДУТ НА КАЗНЬ

«Ах ты, умная, разумная,
Ты о чем же вечер плакала,
По новым-то сеням ходючи?» —
«Да уж как же мне, как не плакать —

Сами плачут очи ясные,
 Льются сами слезы горючие,
 Возрыдает ретиво сердце;
 Один свет был во моих очах,
 Да и тот вон выкатается,
 У меня один был милый друг —
 Он со мною разлучается».

Как по Питерской дороженьке
 Вели князя Долгорукого,
 Руки, ноги крепко скованы
 По-немецки сталь-железами.
 Впереди его идет палач,
 Об руку идет отец и мать,
 А позади молодая жена.
 Она плачет, как река льется,
 Возрыдает, как волна бьется.
 Взговорил ей Долгорукий-князь:
 «Полно плакать, моя разумная!
 Отказать мне тебе нечего:
 Поместья мои и вотчины
 На царицу все описаны.
 Злата казна запечатана,
 Только есть один золот перстень,
 И тот отдать надо палачу,
 Смерти скорой чтоб предал меня».

120. ШВЕДСКИЙ КОРОЛЬ ТРЕБУЕТ ГОРОДА

Пишет, пишет король шведский свое грозное письмо,
 Свое грозное письмо к государыне нашей в Синод:
 «Ты российская государыня, замиримся мы с тобой!
 Замиреннице положим на трех славных городах:

Отдай Ригу, отдай Ревель, отдай славный город Коронштат.
 Не отдашь ты мне этих городочков, я не честию возьму,
 Я не честию возьму — батальицу сочиню,
 Батальицу сочиню, Петербург с Москвой возьму.
 Я в Питере переднюю, в Москве приду ночевать.
 Распиши-ко ты мне квартирушки по всей каменной Москве:
 Моим славным бригадирам — по господским домам,
 Моим славным всем солдатушкам — по всей каменной Москве,
 Вот и мне ли, королю шведскому, — в государевом дворце!»
 Испугалась, оробела государыня наша,
 Закричала же государыня громким голосом своим:
 «Ох вы гой еси, мои слуги, слуги верные мои!
 Вы подите приведите Суворова-графа ко мне!»
 Вот приходит граф Суворов к государыне самой:
 «Уж ты гой еси, государыня, не страшися ничего!
 У нас есть чем принять, есть чем потчевать его:
 У нас есть ли пироги, они в Туле печены,
 Они в Туле печены, в Москве маком чинены;
 У нас есть ли сухари, они в Туле крошены,
 Они в Туле крошены, в Москве высушены;
 Еще есть ли у нас похлебочка — у солдата на бедре,
 У солдата на бедре, да что на левой стороне!»

121. СМЕРТЬ ИВАНА КРАСНОЩЕКОВА

Ах, во тысяча семьсот сорок втором году
 Под славным было городом под Гельсемфорсом.
 Ах, не лютая змея в поле извивалася,
 Извивалася тут пуленка свинцовая.
 Она не падала ни на землю, ни на воду,
 Она падала во армию во московскую.

Полюбила-излюбила она казачий полк,
 Ах, убила она казачьего полковника,
 Ах, того ли кавалера Краснощекова самого.
 Перепала скоро весточка в Санкпитербург,
 Пишет государони сама грамотку:
 «Ах вы гой еси, генералы и фельдмаршалы мои,
 Ах вы сделайте добру молодцу дубовой гроб,
 Постелите во гробницу черного бархату,
 Проводите вы доброго молодца, в Санкпитербург,
 Погребите добра молодца в Успенском соборе».
 Ах, нет у добра молодца отца и матери,
 Нет у добра молодца роду и племени,
 Только есть у доброго молодца два сына.

122. СЛУХ О ГИБЕЛИ ИВАНА КРАСНОЩЕКОВА

Как затеемте, ребята, песню старую,
 Мы которую певали — сами плакали,
 Что про храброго кавалера Краснощекова.
 Отчего ему скоро смерть случилась?
 Случилась ему скоро смерть от изменника,
 От Петра Петрова сына Лессена.
 Он писал ли о нем к неприятелю,
 К неприятелю, в землю Шведскую,
 К генералу ли над той армией:
 «Мы хотели залучить своего недруга;
 Что завтра Краснощекову в разъезд ехать,
 Как со малой с партией с казаками».
 Оттого-то ему смерть и случилась,
 От Петра Петрова сына Лессена.

123. КРАСНОЩЕКОВ НА ДОПРОСЕ

Приутихло, приумолкло наше войско донское
 Без своего генералушки Ивана сына Матвеевича Краснощекова.
 Как поймали-то его, добра молодца, шведы, во полон взяли,
 Связали ему, добру молодцу, назад рученьки белые
 И сковали ему, добру молодцу, резвы его ноженьки,
 Посадили его, добра молодца, во ямскую во колясочку,
 Повезли-то его во землю Шведскую
 Ко тому ли князюшке, князю к Евангуртову.
 Евангуртов-князь стал его выпрашивать,
 Из ума-то стал его выведывать:
 «Ты скажи-ка, скажи, добрый молодец,
 Ты кем служил своему царю Белому?» —
 «Я служил-то, служил своему царю Белому верой-правдою,
 Служил простым казаком». —
 «Нет уж, добрый молодец, я вижу, на тебе справушка не казачая,
 На тебе справушка была благодеецкая». —
 «Не тебе бы меня, доброго молодца, из ума выведывать;
 Кабы была при мне моя шашка вострая,
 Срубил бы я тебе буйну голову,
 За то меня православный царь еще много жаловал бы».

124. МОЛОДЕЦ ТУЖИТ О ДОМЕ

Ах, не шатайся ты, не валяйся ты,
 В поле травушка!
 Как под шведом простояли мы
 Ровно три годочка,
 Не пиваючи, ах, да не едаючи
 Ровно три денёчка.

Нет ни весточки, нет ни грамотки,
 С Руси нету!
 На четвертый-то на годочек-то
 Вестка пала.
 Пришла весточка, пришла грамотка
 С Руси невесёла:
 Мого батюшки, моей матушки
 Вживе нету;
 Молодая-то жена, шельма-разбестия,
 Давно замуж вышла;
 Малы детушки, голубятушки,
 Все осиротели,
 Ах, никто-то по мне, по мне, по мо́лодце,
 Никто не потужит.
 Только тужит-плачет по мне, по мо́лодце,
 Душа красна девка.

125. ПРУССКИЙ КОРОЛЬ НАЧИНАЕТ ВОЙНУ

На заре то было, как на зорьке,
 На зорьке ранней утренней,
 Сила-армия во поход пошла,
 Эх да во поход пошла;
 Во поход-то пошла в дальни стороны,
 В дальни стороны, в славны слободы.
 Наперед-то идет сам прущкой король,
 А за ним-то идет сила-армия,
 Сила-армия, конногвардия,
 Позади-то идет артиллерия.

126. РУССКОЕ ВОЙСКО ВЫСТУПАЕТ В ПОХОД

По Московской по широкой по дороженьке
Не ковыль-трава, братцы, зашаталася,
Не алы цветы, братцы, развевались,
Зашаталася тут сильна армия,
Сильна армия царя Белого,
Идучи, братцы, в землю Прусскую,
На чужу дальну на сторонущку,
На чужу дальну незнакомую.
Раздувались знамены белые.
Наперед идут новокорпусны,
Всереди везут артиллерию,
Позади едет сильна конница,
Славна конница, кирасирская.
Уж как все веселы идут,
Веселы идут, принапудрены.
Что один из них невесел идет,
Невесел идет, призадумавшись.
Что за ним идет красна девица,
Она плачет, как река льется,
Возрыдает что ключи кипят.
Уж как взговорит удалой доброй молодец:
«Ты не плачь, не плачь, красна девица,
Не слези лица румяного,
Не вздыхай, моя разумная!
Не одной-то ведь тебе тошно,
И мне, молодцу, груснихонько,
Что иду-то я на чужую сторону,
На чужу дальну незнакомую,
Что на службу я государеву».

127. ГИБЕЛЬ ЛОПУХИНА

Как не пыль в поле пылит,
Не дубровушка шумит, —
Пруссак с армией валит,
Близёхонько подвалили,
В полки они становили.
Они зачали палить —
Только дым с сажей валит.
Нам не видно ничего,
Только видно на прекрасе,
На зеленом на лугу
Стоит армия в кругу,
Лопухин ездит в полку,
Курит трубку табаку.
Для того табак курит,
Чтобы смело подступить,
Чтобы смело подступить
Под лютого под врага,
Под лютого под врага,
Под прусского короля.
Они билися-рубилися
Четырнадцать часов.
Утолилася баталья,
Стали тела разбирать:
Находили во телах
Полковничков до пяти,
Полковничков до пяти,
Генералов десяти.
Еще того подале
Заставали душу в теле,
Заставали душу в теле —
Лопухин лежит убит,

Лопухин лежит убит,
 Таки речи говорит:
 «Ох вы гой еси, робята,
 Мои верные слуги!
 Вы подайте лист бумаги
 Да чернильницу с пером!
 Напишу я тако слово
 К сударыне самой,
 Что Потемкин-генерал
 В своем полку не бывал,
 В своем полку не бывал.
 Всеё силу растерял,
 Которая на горе,
 Стоит по груди в крове;
 А котора под горой,
 Заметало всю землей».

128. ОСАДА КЮСТРИНА

Еще тысяча семьсот было в пятьдесят седьмом году,
 Что у нашей было матушки государыни,
 Соезжались генералы к графу Фермору,
 Они думали крепкую думушку заединую:
 «Еще как бы нам, генералам, во поход иттить,
 Во поход иттить генералам в землю Прусскую».
 Что со вечера при пароле приказ отдан был,
 Чтобы были все солдатушки во готовности,
 У них ружья были чисты и кремни востры,
 Палаши были припущены, штыки примкнуты.
 Что заутра вам, солдатам, во поход иттить,
 Во поход иттить солдатушкам в землю Прусскую.

Что на Вислу наша армия собиралася,
Через Вислу да по дивизиям переправлялась.
Переправившись, наша армия во поход пошла,
Недалече отошедши, становилася.
Они лагеря разбивали в зеленых лугах,
Оне ждали-ожидали нова корпуса,
Не дождавши нова корпуса, во поход пошла.
Чернышев шел с кавалериею через Саксонию,
Князь Краснощекой с казаками шел Померанией,
Граф Фермор со пехотою шел землею Польскою.
Не дошед они до Кистрина, становилисе,
Они лагеря разбивали в зеленом бору.
Что со вечера гранодерам приказ отдан был,
Чтобы были гранодеры во готовности,
У них ружья были чисты и кремни востры,
Палаши были припущены, штыки примкнуты,
Что заутра вам, гранодерам, во поход иттить.
Со полуночи гранодеры под Кистрин пошли,
Они пушечки, мортиры на себе везли,
Кананеры с бомбандирами фитили несли.
Не дошед они до Кистрина, становилися,
Они шанцы-батареи испоставили,
Они пушечки-мортиры изнаставили,
Они ждали-ожидали графа Фермора.
Не дошедши, граф Фермор, он рукой махнул:
«Помози, Боже, гранадерам с конанирами».
Они с третьего каркасу и Кистрин-город зажгли.
Что растужатся кистринские обыватели:
«Еще Бог судить королю земли Прусские —
Разорил ты наши квартиры обывательские».

129. ВЕСТЬ О ПОРАЖЕНИИ НОВОГО КОРПУСА

Ах да невесела наша государыня пребывала,
 Она кручинное черное платье надевала,
 Она по белым палатушкам ходила-гуляла,
 Младого своего князя она пробуждала:
 «Ты вставай-проснись, великий князь, пробудись.
 Вечор ко мне курьерушки прибегали,
 Нерадостные грамотки они подавали,
 Что побил, порубил король прусской новый корпус.
 Ах да мне жаль-то, жаль, государыне, новый корпус,
 А жалчей-то, государыне, трех генералов.
 Что как первого генералушку — Чернышова,
 А другого генералушку — Познышова,
 А третьего генералушку — Салтыкова!»

130. СОЛДАТЫ ПОД КЮСТРИНОМ

Травынька-муравынька, ковылочек!
 Не одной-та тебе, травыньке, в поле тошно:
 И нам, солдатушкам, жить несладко!
 Мы стояли во прутской земле, на границе,
 Под Кистрином-городочком три годочка:
 Нам ни весточки, ни грамотки с Руси нету;
 На четвертым годочке весточка пала,
 И за весточкой указы присылали,
 Как у нас, братцы, на святой Русе нездорово:
 Смутился-помешался весь тихой Дон.
 Случилась батальица генеральна
 На славным чистым поле Лебедяне.
 Поступает прутской король очень крепко,
 Разбивает наш молодецкой новой корпус

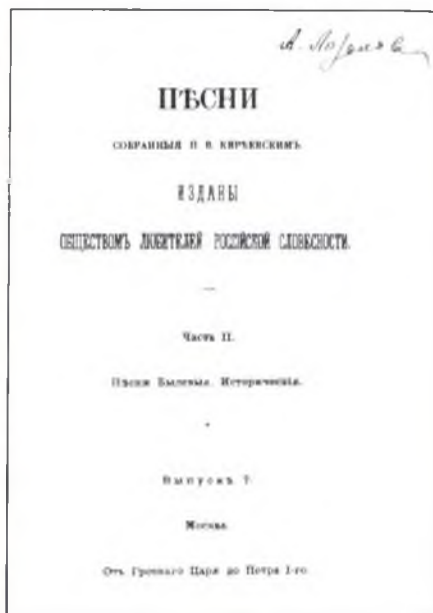

Россиянин. Хромофотография. 1878

П. В. Киреевский
(1808–1856)

Песни, собранные П. В. Киреевским.
М., 1868. Титульный лист

П. А. Бессонов
(1828–1898)

Изъ Песенъ С. С. Срезневскаго, 1880 г.

И. И. Срезневский
(1812–1880)

М. Н. Сперанский
(1863—1938)

Н. Пашкевич

Н. П. Дашкевич
(1852—1908)

Великомученики Борис и Глеб. Раскрашенная гравюра. Первая четверть XX в.

Св. Александр Невский в 1242 году
победил немцев на льду Чудского озера.
Литография. Первая четверть XX в.

Смерть князя Михаила Черниговского и боярина его Федора. Литография. 1868

Мамаево побоище. Литография. 1872

Димитрий Донской объезжает Куликово поле после битвы
8 сентября 1380 года. Литография. 1868

Уничтожение Новгородского веча. Литография. 1871

Царь Иоанн Васильевич Грозный. Литография. 1865

Послы Ермака Тимофеевича перед Иоанном Грозным. Литография. 1862

Убиение царевича Дмитрия. Хромолитография. 1904

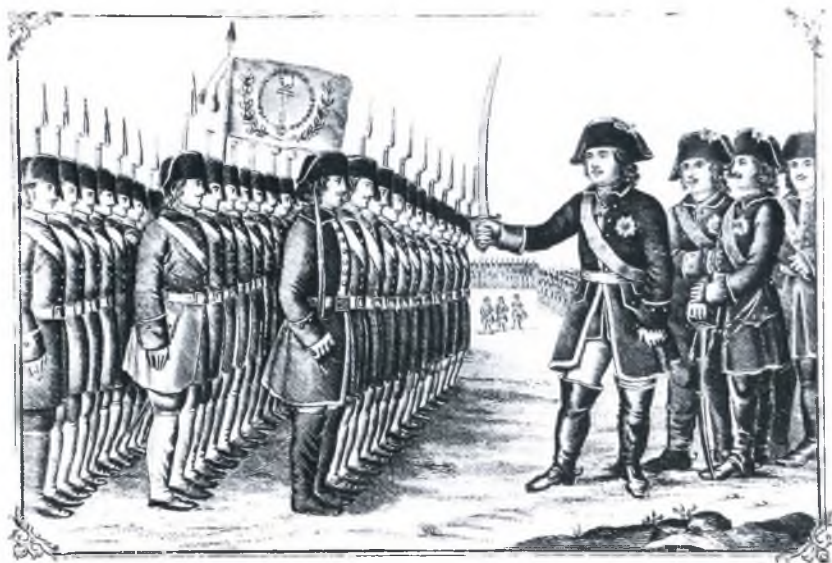

Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Литография. 1867

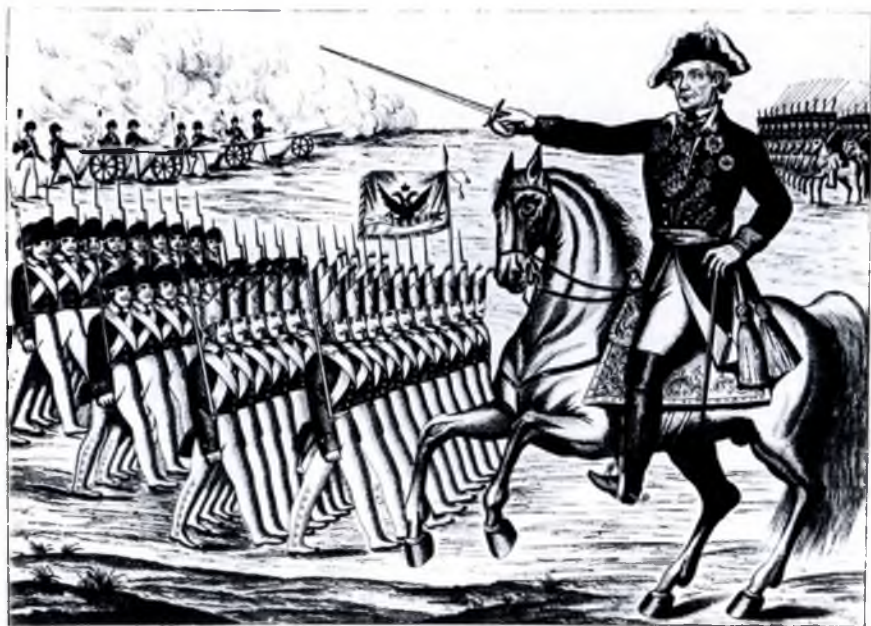
Степан Разин. Хромолитография. 1900

Петр Великий, построив стоявшую под Полтавой армию свою в боевой порядок.
Гравюра. 1850

Петр Великий Император и Самодержец Всероссийский. Гравюра. 1851

Князь Италийский. Граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский.
Генералиссимус. Гравюра. 1852

Граф Платов Войска Донского войсковой атаман. Гравюра. 1852

Сражение при Тарутине 6 октября 1812 года. Хромолитография. 1891

Разбитие Наполеона при переправе через реку Березину. Хромофотография

Битва русских с кабардинцами. Литография. 1866

Размен с Шамилем и выкуп из плена семейства князя Давыда Александровича Чавчавадзе и княгини В. И. Орбелиан, с малолетними их семействами, 1855 года, 12 марта. Литография. 1870

Николай I Император и Самодержец Всероссийский. Гравюра. 1854

Синопское сражение 18 ноября 1853 года. Гравюра. 1854

Нападение англичан на Ставропигиальный Соловецкий монастырь.
Гравюра. 1854

Переправа через реку Дунай российских войск 1854 года марта 11 дня.
Гравюра. 1854

1854 года октября 24 дня сражение при Севастополе во время большой вылазки под командой генерал-адъютанта князя Меншикова. Гравюра. 1855

Сдача города и крепости Карса 16 ноября 1855 года. Раскрашенная гравюра. 1856

Взятие Шипки. Хромофотография. 1880

Взятие турецкой крепости Ловчи. Хромофотография. 1877

Взятие Плевны и сдача Осман-паши 1877 года ноября 28 дня. Хромолитография. 1877

Свиты Его Величества генерал-лейтенант Михаил Дмитриевич Скобелев.
Хромофотография. 1877

Злодейское покушение на Священную Особу Царя Освободителя
Государя Императора Александра II. Хромофотография. 1881

Первая схватка казаков с прусскими драгунами 20 июля 1914 года. Хромолитография. 1914

Русско-японская война. Атака казачьей лавы в бою у Вафангоу. Хромоилитография. 1904

Разгром австро-германской армии под Ярославом. Хромофотография

И со правого фланга да на левой.
 Генералушки-бригадеришки испугались,
 А полковники со майорами разбежались,
 Из пушечек палили всё сержанты,
 Свинец-порох развозили маркитанты.

131. ЧЕРНЫШЕВ В ПЛЕНУ

Ты звезда, звезда восточная!
 Высоко звезда восходила:
 Выше светлого месяца.
 По заявью красна солнышка
 Во земле было во Пруссии,
 Во Кистрийне славном городе,
 За кистрийскими воротами,
 Во саду было, во вишенье,
 Во зелёном виноградыце,
 Тут стояла светла светлица,
 Заключевна заключевница,
 Со косящатым окошечком,
 Со стекольчатой околенькой,
 Со железной со решеточкой.
 Что у этой светлой светлицы,
 Заключевной заключевницы,
 Были двери всё железные,
 Ободверины укладные,
 А пробойцы-то булатные,
 А замок был в полтора пуда,
 Полтора пуда с четвертью.
 Как во этой светлой светлице
 Тут сидел да посидельщик.
 Он по светлице погуливает,

Золоту трубку раскуривает,
Запевает свою песенку,
Свою песенку любимую,
Свою песенку служивую:
«Та талан ли мой, талан лихой,
Злая участь, горе горькое!
На роду мне Господь писал
Одному горе измыкати!»
Мимо этот сад и вишенья
Случалось идти-ехати
Самому королю прусскому,
Королевскому величеству.
Как завидел посидельщик
Из косящата окошечка
Во стекольчату околелку:
«Ах гой еси, прусской король,
Королевское величество!
Ты умел меня в полон поймать,
Ты умел меня в тюрьму садить,
Прикажи меня поить-кормить.
Не прикажешь поить-кормить,
Прикажи меня на Русь пустить,
Прикажи меня скорей сказнить!»
Остоялся сам прусской король,
Королевское величество:
«Ах гой еси, российский граф
Чернышев Захар Григорьевич!
Уж ты будешь ли по мне служить?
Коли будешь ты по мне служить,
Прикажу тебя поить-кормить,
Прикажу дать двойно жалованье».
Закричал тут российский граф
Чернышев Захар Григорьевич:

«Ах ты гой еси, прусско́й король,
Королевское величество!
Кабы был я на своей воле,
Я бы рад был тебе служить
На твоей бы буйной го́лове,
На твоей бы шее белые!»
Как спроговорит прусской король,
Королевское величество:
«Посиди-ко ты во той тюрьме,
Наберешься ума-разума!»
Закричал тут посидельщик
Чернышев Захар Григорьевич:
«Напишу я свою грамотку
Не пером, не чернилами,
А своими горячими слезьми
Превеликой государыне.
Еще нечто наша матушка,
Превелика государыня,
На подмогу бы силы прибавила,
Артиллерии бы к нам подкатила!»
Еще прусско́й король
Не доехал до своего дворца,
Уж и пушечки запукали
Во славной Кистри́н-город.
Обездолился прусской король,
Королевское величество,
Выпускал же он посидельщика,
Отвозили к царю Белому,
Превеликой государыне,
Он просил замиреньица:
«Превелика государыня!
Помирися со мной, прусски́м королем».
Говорит тут посидельщик

Чернышев Захар Григорьевич:
«Превелика государыня!
Не мирися с прусским королем:
Мы возьмем его Кристиин-город,
Разобьем кристински крепости!»

132. БОЙ ПОД БЕРЛИНОМ

Что победы наши головушки солдатские,
На горе наши головушки породилися,
Отцу, матери на жалобу на великую,
Молодым женам на слезы на горячие.
Что со вечера солдатушки думу думали,
Со полуночи солдатушки ружья чистили,
На белом-то свету солдатушки причащались,
На восходе красного солнышка на приступ пошли,
На приступ пошли солдатушки под Берлин-город.
Вочью кровью их ретиво сердце обливается,
Покатились из ясных очей горячи слезы —
Они билися, дралися день до вечера.
Что со вечера дрались, бились до полуночи,
Со полуночи дрались, бились до бела свету.
Не спасибо генералу Чернышевскому,
Не пиваючи, не едаючи, морит силу.
Поморил-то нашу силу государеву.
Не с крутых-то гор камень покатилося,
Покатилися головушки солдатские,
Что солдатские головушки, молодецкие.

133. ВЗЯТИЕ БЕРЛИНА

Что не белая береза к земле клонится,
 Не шелковая во поле травушка застилается,
 Расстилалась, сувивалась полынь-травушка,
 Что горька, горька полынь-травушка,
 Горчей в поле нет;
 Что тяжка, тяжка служба царская,
 Тягчей в свете нет.
 Собирался наш прущкой король
 С своей армией на круту гору,
 Становился наш прущкой король под дубровою,
 Под дубровою зеленою под высокою,
 Он глядел, смотрел в свою сторону:
 «Сторона ль ты моя, сторонушка, Берлин-город,
 Ты укрепа ль моя, укрепушка,
 Ты укрепа моя крепкая!
 Ты кому ж, моя укрепушка, достанешься?
 Доставалась моя укрепушка царю Белому,
 Царю Белому, енералу Краснощекому».
 Краснощекой-енерал, он догадлив был,
 Он ходил-гулял с купцом по торгу,
 Закупал наш енералушка сорок семь пушек,
 Разбивал наш енерал стены каменны,
 Через речку, через быструю мосты вымостил,
 Молодую королеву во полон брали.

134. ФЕДОР КРАСНОЩЕКОВ У ПРУССКОГО КОРОЛЯ

Эх ты, Россейя, матушка Россейя,
 Ты Россейская земля!
 Эх, по тебе ли, матушка Россейя,
 Много силушки прошло,

Много силы-силушки прошло,
Много крови пролито.
Как и шла-то там, прошла царица,
Государыня сама,
Казака-то Краснощекова
Генералом назвала.
Краснощеков-то наш генерал
К пруссу в гости приезжал.
Он без спросу-то, без доклада
К королю в гости попал.
Король прусский его не узнал,
За купчика признавал.
За дубовый стол купца сажал он,
Рюмку водки наливал: .
«Выпей рюмку, выпей, купец, две,
Расскажи всю правду мне.
Во российской вашей во сторонке
Генералов знаю всех.
Одного я только и не знаю —
Краснощекова-казака.
Уж я много, много бы казны дал,
Кабы его увидал».
Краснощеков-то наш генерал
Таки речи выражал:
«Зачем деньги ты будешь давать,
Его можно так признать.
Куделюшки растут у него,
Как у батюшки мово;
Черна шляпа, шляпонька на нем,
Как на братце на родном».
Не успел король прусский очнуться —
Краснощеков на коне.
Соезжает со двора он соколѳм

И смеется над пруссом:
«Ты ворона, ты, пруссак, ворона,
Подгумённый, пруссак, грач!
Не сумела, глупая ворона,
Ясна сокола поймать,
Ясна сокола меня поймать,
В когтях своих удержать».

135. ВОЗВРАЩЕНИЕ КРАСНОЩЕКОВА

Как по Питерской было по дорожке,
По Московскою, по широкою:
Тут шли-прошли солдаты,
Веселы полки, очень радочны,
А один-то полк невесел идет,
Невесел и нерадочен.
Добрых коней в поводу ведут,
Краснощекова на руках несут.
Увидала его родна матушка:
«Ох ты, дитятко мое милое,
Ты зачем больно пьян напиваешься?» —
«Государыня моя, родна матушка!
Я не сам-то пьян напиваюся,
Напоил-то меня супостат прусской король
Тремя пойлами, тремя разными:
Первое пойлицо — сабля вострая,
Другое пойлицо — ружье огненно,
Третье пойлицо — калена стрела».

136. ЖАЛОБЫ ЕКАТЕРИНЫ

Мимо рощи шла одиныхонька,
Одиныхонька, молодехонька,
Никого в роще не боялася,
Я ни вора, ни разбойничка,
Ни сера волка — зверя лютого.
Я боялася друга милого,
Своего мужа законного.
Что гуляет мой сердечный друг
В зеленом саду, в полусадничке,
Ни с князьями, мой друг, ни с боярами,
Ни с дворцовыми генералами,
Что гуляет мой сердечный друг
Со любимой своей фрейлиной
С Лисаветою Воронцовою.
Он и водит за праву руку,
Они думают крепку думушку,
Крепку думушку заединае.
Что не так у них дума сделалась,
Что хотят они меня срубить-сгубить,
Что на мне хотят жениться.

ЦАРСТВОВАНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II И ПАВЛА I

Тридцатипятилетнее правление Екатерины II, получившей, как и Петр I, при жизни прозвание Великой (1762 — 1796 гг.), и недолгое царствование ее сына Павла I (1796 — 1801 гг.) объединяют подвиги великого русского полководца А. В. Суворова, которому посвящена значительная часть исторических песен этого раздела (№ 145, 157 — 161, 164, 166). Он участвовал весьма активно в обеих победоносных войнах с Турцией, о которых идет речь в большинстве песен (№ 137 — 146, 155 — 162), хотя далеко не всегда в них упомянут (см., например, № 155 — 156 об осаде и взятии Очакова). Помимо турецких войн, песни отобразили восстание Пугачева (№ 147 — 151) и некоторые частные факты.

137. РУССКИЙ ФЛОТ В СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ

Не бушуйте вы, ветры буйные,
Вы буйные, ветры осенние.
Успокойся ты, море синее,
Не волнуй, море Средиземное.
Ты постой, постой, лето теплое,
Не теки, постой, солнце красное.
Я не сам велю, вам указ велит,

Со страны указ пришел, с страны северной.
 Что давно течет солнце красное,
 Что давно веют ветры буйные,
 Не видали вы такого дива:
 По указу ли царя Белого,
 Наказать царя вероломного,
 Снаряжался флот со Белой Руси,
 С берегов Невы-реки славные.
 Снарядившись, он протекал моря,
 Все препятствия ни во что вменял,
 Приближался он к Царю-граду.
 Адмирал вскричал громким голосом:
 «Ой ты гой еси, ты неверный царь,
 Прогневивши ты своею гордостью
 Нашу мудрую государыню,
 Прогневляешь ты самого Творца —
 Я за то прислан наказать тебя!
 Пospеши ты упасть ко стопам ее,
 Ты успеи попросить прощенья;
 Не успеешь коли испросить его,
 Опровергнем мы трон неверного».

138. СПИРИДОВ И МАТРОСЫ

Не цветами сине море покрывалось,
 Не лазоревыми Средиземное украшалось,
 Расцветало сине море кораблями,
 Белыми полотняными парусами,
 Разными российскими флагами.
 Не ясен сокол по поднебесью летает,
 Спиридов-генерал по кораблику гуляет,

Он российских матрозов утешает,
 Утешает их, забавляет:
 «Не тужите вы, дети, по своей отчизне,
 Не вовсе мы на синем море погибнем,
 Воротимся мы в Русь с победой,
 Увидимся с отцами-матерями,
 Со братьями и сестрами,
 Со молодыми своими женами,
 Со милыми детьми со родными».
 Матрозы печаль забывают
 И с радости еще пробыть там желают.

139. ВЗЯТИЕ ХОТИНА

Как мы Польшею идем,
 Сами песенки поем.
 Идем братъ Хотин,
 Промеж собой говорим:
 «Ах ты славной наш Хотин,
 Мы стоять в тебе хотим».
 Становились во садах,
 Во зеленых лугах.
 Ровно месяц мы стояли,
 Все приказу ожидали.
 Прозоровский-генерал
 По корпусу разъезжал,
 По корпусу разъезжал,
 Всё приказы отдавал:
 «Ах вы егари-стрельцы,
 Гарнадеры-молодцы,
 Гарнадеры-молодцы,

Бонбандиры-удальцы,
Вы стреляйте, не робейте,
Пуль-пороху не жалейте».
Только начали стрелять —
Турки прочь от нас бежать.
Бонбандиры осерчали
И мортиры заряжали,
Мортиры заряжали,
В шанцы бонбы бросали.
В шанцах бонбы разрывало —
Много турок погибало.
Мы до шанцев не дошли,
На штыках прямо пошли,
На штыках прямо пошли,
Во Хотин-город взошли.
Пришла в Хотин Москва,
А турок взяла тоска.
Не узнали турки мост,
Разбежались все врозь.
Прозоровский-генерал
Он в погоню догонял:
«Казачи-молодцы,
Вы гусары-удальцы,
Коли турок, и руби,
В полон живых не бери!»
Караман-паша бежал,
Он в Бендеры поспешал,
В Бендеры поспешал,
Всем визирам объявлял:
«У нас силы было много,
Осталось очень мало,
Российской силы мало,
Но в поступочках удаля:

Где один солдат бежит,
Тут пять-шесть турок лежит,
А где корпус-от бежал,
Тут и мост турок лежал».

140. УБИТ ДОЛГОРУКОВ

Не черные вороночки в поле вылетывали,
Вылетывали ядрушки турецкие
К тому ли предводителю, князю Голицыну.
Тогда князь Голицын весьма приужахнулся,
Закричал князь Голицын своим громким голосом:
«Господа вы генералы, молодые полковники,
Вы подите, победите силу неприятную».
Господа-генералы все отказались,
Только из них выбрался Долгоруков-князь.
Получил он себе ранушку нелегкую,
Он от той раны лежал девять дней,
На десятый денечек князь преставился.
Что встужалася, взгоревалася по нем вся дивизия:
«Что не стало у нас, братцы, верного старателя,
Верного старателя, князя Долгорукова».

141. МУРЗЫ УЗНАЮТ О ПОБЕДАХ РУССКИХ

Не белы то снежки во чистом полечке,
Снежки забелелися,
Забелелися только во чистом-то поле
Шатры полотняны.
Они все-то белы батюшки, белы шатрики,

А один-то из них побелее всех,
Побелее всех батюшка белой шатер,
Да он на отшибе стоял,
На отшибе-то стоял батюшка белой шатер.
Да он в полугоре,
Во полу-то горе батюшка белой шатер,
Да он против солнышка,
Спротив солнышка стоял батюшка белой шатер,
На вешней проталинке,
На вешней проталинке стоял батюшка белой шатер,
Да он на мелкой травоньке.
Что никто-то к нему, к батюшке белому-то шатру,
Никто не пришатнется,
Пришатнулись-то к нему, белу шатрику, мурзы крымские,
Мурзы крымские, белгородские.
Послезали они, мурзы крымские, со добрых коней
И попривязали их все по коновязям.
Всходили они, мурзы крымские,
Во батюшку белой шатер.
Выезжает к ним из Царя-града Росланбег-мурза
И слазит со добра коня,
Никому не приказывает и ни к чему его не привязывает.
Он восходит во белой шатер.
Сажают его на шелков ковер, наливают и подают ему
Чару зелена вина.
И всех он своих подчиненных бояр-князей перездравствовал:
«Здравствуйте, все мои князья-боярушки!
Послушайте от меня нынче новые новости:
Услышал я, что земля Русская
Взяла наши три города».

142. ПОБЕДА ПРИ КАГУЛЕ

Ах ты поле, поле чистое,
Ты чисто поле бугжацкое,
Уж когда мы изойдем тебя,
Все бугры твои перевалимся?
Как давно пора сойтитися
Что со той ордой неверною,
Что со той силою турецкою,
Нам исполнить волю царскую,
Нашей мудрой государыни.
Что не облаки подымались,
Не грозны тучи соходилися,
Собирались тмы неверных враг,
Что острили мечи черные,
Мечи черные, булатные.
И хвалилися, наехавши,
Не срубити, но отрезати
Буйны головы солдатские.
Не громка труба воскликнула,
Как возговорил Румянцев-граф:
«Добры молодцы, товарищи,
Наши храбрые солдатушки!
Не дадим врагам хвалитися,
Пойдем сами против злости их».
За ним двинулась вся армия,
Восклидая: «Мы пойдем с тобой!»
На рассвете было в среду
На дороге на Трояновой,
Подошли мы близко к лагерю,
Окружили нас агаряне,
Отовсюду с равным бешенством
Янычаров тьма ударила,

На пехоту вдруг российскую,
Буйны головы валилися
Что от зверства их и множества.
То увидя, с кавалерией
Где ни взялся Долгоруков-князь.
С мечом острым так, как с молнией,
Он пустился в кучу вражию,
Где мечом сверкнет, тут улица;
Где вернет коня, тут площадь тел.
В то же время с гранодерами
Сам Румянцев ли ударил в них,
Руку тяжку гранодерскую,
Предводительство румянцево
Тут познали турки гордые.
Они бросились бежать тогда,
Но и мосту не нашли уже,
А увидели позадь себя
Храбра Боура со егерями,
С легким войском, со гусарами.
Полилась тут кровь турецкая
Не ручьями — рекой сильною,
Их остатки потопилися
Во глубокой во Дунай-реке,
А другие с визирем своим
За ним скрыли стыд и ужас свой.

143. СУВОРОВ ПЕРЕПРАВЛЯЕТ ВОЙСКО НА ПЛОТАХ

Собиралася да снаряжалася
Наша армия в путь-дороженьку,
В путь-дороженьку, во Туречину —
Полонить царя-салтана турецкого,

Некрещеного басурманина.
Надевали солдатушки ранцы тяжелые,
Брали ружья, сабли острые,
Подходили-то наши солдатушки
Да ко морю синему.
На синем-то да на морюшке
Нет ни лодочки, ни кораблика.
Приздумались солдатушки,
Приздумались, закручинились:
«На чем же мы, добры молодцы,
Переедем да переправимся
Во неверную во Туречину?»
Глубоко ли море синее,
Далеко ли, широко раскинулось?»
Как выходит тогда ко солдатушкам
Енерал седой да Суворов-князь,
Да как глянул он на солдатиков,
Веселешенько улыбаючись:
«А пошто, мои детоньки, приздумались?»
Аль уstraшились моря синего,
А за морем силы неверные?» —
«Ой ты гой еси да Суворов-князь,
Командир ты наш, начальничек!
Не страшна-то нам сила вражия,
Сила вражия, злая Туречина,
Да страшно-то нам окиян-буян,
Окиян-буян, море синее:
Нет на море том перевозчика,
Ни весельца-то да ни лодочки».
Уж как гаркнет тут Суворов-князь:
«Ой вы гой еси, братцы-солдатики!
Вы снимайте-ка с плеч ранцы тяжелые,
Уж и ставьте-ка в козлы ружья меткие,

Вы берите-ка топорики острые,
 Вы плотите-ка мосты, плоты широкие».
 Что не гул гудит по поднебесью,
 Что не шум шумит по темным лесам,
 То плывет-летит наша армия.
 Злая некресть, турки, испужалися,
 По разным сторонушкам разбежались.

144. НА ВОЕННОМ КОРАБЛЕ

Ах как сядем-ко, братцы, во единый круг,
 Мы задумаем думушку заединое,
 Запоем-ко мы, братцы, песню новую,
 Что которую песню пели на синем море.
 Как на батюшке на соколе на корабле,
 Утешаячи полковничка молодого,
 Подавали голосочек другу милому,
 Еще кто же кого любит, тот послушает.
 Еще есть ли на святой Руси такова трава,
 Чтоб которая росла, трава, без корени,
 Без корени трава росла, без цветов цвела;
 Чтоб которая матушка не плакала,
 Отпускаючи свое ли чадо милос
 Ах на чужую на дальнюю на сторону,
 Ах на грозную службу государеву
 В Турецкую землю, в Черное море,
 Еще бой чинить с силой турецкою,
 Со той силой турецкой, бусорманскою.

145. КАЗАКИ СНИМАЮТ ТУРЕЦКИЕ КАРАУЛЫ

Что же, робята, вы невесело садите,
 Вы невесело сидите, ничего не говорите?
 Кто из вас, робята, в каменн^{ой} Москв^е бывал,
 В каменн^{ой} Москв^е бывал, про визиря кто слышал,
 Про того ли про визиря, про турецкую войну?
 Мы под городом стояли, много горя принимали,
 Много горя принимали, стену каменну пробивали.
 Мы ст^енушки не пробили, только турка рассердили.
 Наперед идет визирь, генералам всем грозил:
 «В каменну Москву взойду, всю ногами растопчу!»
 Генералы отвечали на визиревы слова:
 «Не бывать тебе, собаке, в нашей каменн^{ой} Москв^е!»
 Князь Румянцев-генерал всеё силу утверждал,
 А Суворов поскакал к донским казакам:
 «Ой вы ой еси, робята, вы донские казаки,
 Вы донские, гребенские, запорожски молодцы!
 Уж вы пейте-ка безденежно зеленое вино,
 Вы берите без расчета золотой нашей казны,
 Сослужите таку службу, какую я велю,
 И какую я велю, какую прикажу:
 Не можно ли вам, робята, караулы турски скрасть?» —
 «Не велика, сударь, страсть — караулы турски скрасть!»
 Тихо ночью подъезжали, караулы турски скрали,
 Мелки пушки заряжали, мы и турков в полон брали.

146. КАМЕНСКИЙ ЗА ДУНАЕМ

За славной то было за речушкой быстр^{ым} Дунаем,
 Собиралась там наша армеюшка.
 Повелитель у ней был сам Каменский-граф,
 У турецкой было армеюшки — паши-мурзы.

Пишет паша-мурза ко графу Каменскому:
 «Прошу тебя, Каменский-граф, не прогневаться.
 Ты зачем зашел-завел армию российскую?
 Я солдат-драгун повырублю,
 А донских-то казаков во полон возьму,
 Со донскими казаками я служить пойду!»
 А Каменский-то граф во ответ ему:
 «Врешь ты, паша-мурза, облыгаешься,
 Небылыми речьми забавляешься.
 Не поймавши гуся серого, ты щипать стал;
 Я твою-то братию повырублю,
 Я с тебя-то кожу сниму, соломою набью!»

147. НАЧАЛО ПУГАЧЕВСКОГО ВОССТАНИЯ

В тем сударыня простили,
 Жить по-старому пустили,
 Полтора года страдали —
 Все царя себе искали.
 Нашли себе царя —
 Донского казака
 Емельяна Пугача,
 Сын Ивановича.
 Он со силой собрался,
 Под Гурьев поднялся.
 Стрельба была несносна,
 Стоять было невозможно.
 Он видит, что не взять, —
 Воротился взад.
 С большой силой собрался,
 Под Яик поднялся.
 Под Яик подходил,
 Батальицу сочинил.

Они зачали палить,
Силу-армию валить.
Из Яика-городка
Протекла кровью река,
Круты горы закачались,
Сыра земля затряслась,
Сыра земля затряслась,
Мелка рыба вниз пошла,
Мелка пташка — со гнезда
Укрепила Пугача
Сын Ивановича.

148. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПУГАЧЕВЦАМ

Из Гурьева-городка
Протекла кровью река.
Из крепости из Зерной
На подмогу Рассыпной
Выслан капитан Сурин
Со командою один.
Он нечаяно в крепость въехал,
Начальников перевешал,
Атаманов — до пяти,
Рядовых — сот до шести.

149. СОЛДАТА НЕ ПУСКАЮТ В ОРЕНБУРГ

Ох ты батюшка, Ленбурх-город!
Про тебя, Ленбурх, идет славушка,
Слава добрая, наречье хорошее:
Будто ты, Ленбурх, на красе стоишь, на крутой горе,

На крутой горе, на желтом песке,
 На желтым песке рассыпчатым,
 На трех речушках, да на устьицах.
 Да первая речушка течет — Самарушка,
 Другая речушка — Яик-река,
 Третья речушка — Урал-река.
 По Урале-реке живут казаченьки,
 По Яик-реке — калмыченьки,
 По Самарушке живут татарушки.
 По Уралу гулял генерал Пугач.
 Как во матушке было во каменной Москве,
 Молодой-то солдат на часах стоит,
 На часах стоит, себе речи говорит:
 «Не дают-то мне, доброму молодцу,
 Волюшки во Ленбурх сходить,
 Во Ленбурх сходить, Пугача убить!»

150. ПУГАЧЕВ КРУЧИНИТСЯ

Из-за леса, леса темного
 Не бела заря занималася,
 Не красно солнце выкаталось,
 Выезжал туто добрый молодец,
 Добрый молодец Емельян-казак,
 Емельян-казак, сын Иванович.
 Под ним добрый конь сив-бур-шахматный,
 Сива гривушка до сырой земли,
 Он идет — спотыкается,
 Вострой сабелькой подпирается,
 Горючими слезами заливается:
 «Что ты, мой добрый конь, рано спотыкаешься?
 Али чаешь над собой невзгодушку,

Невзгодушку, кроволитьице?»
 Мы билися трое суток,
 Не пиваючи, не едаючи,
 Со добра коня не слезаючи.

151. ПУГАЧЕВ И ПАНИН

Судил тут граф Панин вора Пугачева:
 «Скажи, скажи, Пугачинька Емельян Иваныч,
 Много ли перевешал князей и боярей?» —
 «Перевешал вашей братьи семьсот семи тысяч.
 Спасибо тебе, Панин, что ты не попался:
 Я бы чину-то прибавил, спину-то поправил,
 На твою-то бы на шею воробвинны вожжи,
 За твою-то бы услугу повыше подвесил!»
 Граф и Панин испужался, руками сшибался:
 «Вы берите, слуги верны, вора Пугачева,
 Поведите-повезите в Нижний-городочек,
 В Нижнем объявите, в Москве покажите!»
 Все московски сенаторы не могут судити.

152. ВАНЬКА КАИН

Ах, тошным-то мне, доброму молодцу, тошнѣхонько,
 Что грустным-то мне, доброму молодцу, грустнѣхонько,
 Мне да ни пить-то, ни есть, доброму молодцу, не хочется,
 Мне сахарная сладкая ества, братцы, на ум нейдет:
 Мне Московское сильное царство, братцы, с ума нейдет,
 Побывал я, доброй молодец, в каменной Москве:
 Только лих-то на нас, добрых молодцев, новой сыпчикек,

Он по имени по прозванью Иван Каинов.
 Он не даст нам, добрым молодцам, появиться
 И он спрашивает пашпортов всё печатных:
 А у нас, братцы, пашпорты своеручные,
 Своеручные пашпорты, всё фальшивые!

153. ТОТЛЕБЕН ЗАСТУПАЕТСЯ ЗА КАЗАКОВ

Как не сизые орлы ко ясному соколу солетались,
 Солетались, соезжались князья-генералушки,
 Соезжались они только ко фельдмаршалу,
 Они думали, братцы, крепкую думушку,
 Они думали ее только заединую.
 Как сочли-то они, сочли казачью службу,
 Сочли-то они ее за изменушку.
 Как легка-то, легка казачия служба,
 Легче ее во всем свете нет.
 Как никто за нас, за казаченьков,
 Никто за нас слова не замолвит.
 Замолвил за нас, за казаченьков,
 Что один ли князь он Тотлебен:
 «Господа ли вы мои, господушки,
 Что и глупое ваше рассужденьице!
 Я и сам-то служил с гребенскими со казаченьками,
 Никакой-то я от них изменушки не видывал.
 Казаки-молодцы, они темную ноченьку
 Напролет ее всю не спали,
 До белой до зореньки секретушки занимали!»

154. НАБЕГ ШЕЙХ-МАНСУРА НА МОЗДОКСКУЮ ЛИНИЮ

Служба моя, служба, служба нужная,
Надостыла, надокучила.
Надостыла служба, надокучила —
Всех коников позамучила.
Стоят наши кони пооседланы,
Винтовочки позаряжены.
За речкою было за Тереком,
За речушкой, да за быстрою.
Стояла редуточка новая, дерновая,
А покрыта черепицею.
Как в этой редуточке стояла командушка
Без сотничка, без полковничка.
За старшова в этой да командушке
Молодой был да приказненькой.
На первую ноченьку сердечко почуяло,
На вторую предвещать стало,
А на третью ноченьку стало сказывать:
Ребятюшки худо сделали,
Коней не попутали, пустили простых
И без караульчика положились спать.
Не видать нам, братцы, Дону тихого,
Не слышать звуку колокольного;
Как наехали на них злые турочки,
Порезали до единого;
Добрых коников в плен позабрали всех,
Редуточку всю огнем сожгли.

155. ОСАДА ОЧАКОВА

Перезяб-то я, передрог, добрый молодец,
 В коротенькой оде́же, в полушубочке,
 Во сафьянных во сапожках, во портяночках,
 Стоючи, братцы, под стеной белокаменной,
 Глядячи, братцы, на город на Очаковский.
 Как во славном во городе во Очакове
 Крепко заперты воро́течки, запечатаны,
 Караульные солдатушки очень крепко спят,
 Очень крепко спят, не про́снутся,
 К сраженьи́цу служивые не готовятся.
 Ах вы братцы мои, вы товарищи,
 Мы сразимся все по-российскому!
 Как со по́лома очи наши стали красные,
 А на личиках служивые стали черные,
 Со прику́сочки уста наши прихватились,
 С больших маршов резвы ноженьки спотыкались!

156. ВЗЯТИЕ ОЧАКОВА

Мы в лагерях стояли,
 Все дни красны провождали;
 На уче́нье мы ходили,
 Ружью строго нас учили;
 Скоро ружья заряжать
 И плутонками стрелять.
 Мы собой не дорожили,
 Командиры нас хвалили.
 Нам сказали новину:
 Турок объявил войну.
 Мы недолго там стояли,

Нам в поход идти сказали.
Мы шли к туркам войной
И дорогой не одной;
Проходили мы деревни,
Многочастые селеньи,
Перешли мы реку Буг,
Нам сказали славный слух:
Запорожцы к нам склонились,
На мелкие суда садились;
К нам еще полки пришли
И в поход вместе пошли.
Горы, холмы проходили,
В степях лагерь становили.
Мы пришли к славну лиману,
К устью речки Березани.
Там мы лагерь становили,
Весь Очаков окружили.
Три недели мы стояли,
С флота пушки выгружали.
Мы там время не ронили,
Ближе к граду подходили.
Ближе к морю мы пришли,
В садах турок мы нашли.
Мы еральско поступили,
В садах турок полонили.
Турки, видя нашу смелость,
Побежали назад в крепость.
Батарей становили,
На град пушки наводили,
Когда утрення заря,
У нас пушечна пальба.
В дыму головы нам ломит,
Стужа сердце переломит;

Не покрытый льдом лиман,
Флотом взята Березань;
С флота в город вобрались,
С нами турки не дрались.
Мы на том лишь утвердились,
На Очаков устремились.
День и ночь мы в шанцах были,
Осторожно всегда жили,
И палаток не снимали,
Зиму в лето поверстали.
Батареи опраляли,
С нами егеря стояли.
Нас в колонны становили,
Смело в шанцы заводили;
Кирки мы, лопатки подбирали,
Свои шанцы прорывали,
Мелкие пушки там выправляли
И лестницы подымали,
И фашинник зажигали,
Страшны мины обходили,
Палисадники рубили.
Закричали мы: «Ура!»
А турки кричат: «Алла!»
Мы на крик их не смотрели —
Всех без милости их били,
И кололи, и рубили,
И в полон много склонили;
А еще свет не открылся,
Весь град кровью облился.
Страшны мины мы взрывали,
Прах на воздух поднимали.
Ярославцы в крепость тут вскочили
И пашу там захватили,
К светлейшему князю приводили.

С Божьего благословенья
И княжьего повеленья
Трое суток мы гуляли,
Все Очаков поздравляли.
Предводитель, наш отец,
Так сказал нам наконец:
«Поздравляю вас с победой,
Победили вы турок, неприятелей своих,
И достойны вы хвалы монархини своей».

157. ОБОРОНА КРЕПОСТИ КИНБУРНА

Ныне времечко военно,
От покоя удаленно;
Наша Кинбурнская коса
Наделала чудеса.
Флот турецкий подступает,
Турок на косу сажает;
Как в день первый октября
Выходила тут их тьма.
Они шанцы тут копают,
Из судов припас таскают,
Чтобы Кинбурном овладеть
И себя в победе зреть.
Но наш Суворов-генерал
Тогда не спал и не дремал,
Свое войско учреждал,
Турок больше поджидал.
Турки вскоре накопились,
Во предместия набились;
Тут Суворов выступает,
Всю опасность презирует;

Он приказ войску отдал,
Во сражение сам стал,
Турки бросились на саблях,
Презирая свою смерть.
Их Суворов видя дерзость,
Оказал тут свою ревность;
Закричал: «Забудем страх,
Ступай наши на штыках!»
Приказ только получили,
Турок били и топили,
А которых полонили
И отставших порубили...
Уж не видя пред собой,
Что вновь скоро будет бой,
Песни громко мы запели,
На покой в Кинбурн пошли.
Ты, Суворов, — победитель,
Наш отец и предводитель!
За твои храбрые дела
Закричим тебе: «Ура!»
С предводителем таким
Воевать всегда хотим;
За его храбры дела
Закричим ему: «Ура!»

158. СУВОРОВ РАНЕН

А да не вечерняя эта звездочка,
Ай да звезда она высоко взошла,
Ой да осветила да эта звездочка,
Ой звезда она поля чистая.
Ой да во этим-то бы ну во полюшку

Да стоят белые палаточки.
 Да как эти-то да палаточки
 Да стоят в поле распушённые,
 Да стоят в поле они распушённые,
 Ну стоят в поле разорённые.
 Ой да как во этих ай ну палаточках
 Да лежал русской больно раненный.
 Ай вскричал этот да русской раненой,
 Вскричал да Суворов-князь:
 «Ай-я вы слуги, вы слуги мои,
 Да слуги вы вот мои верные!
 Ай вот вы подайте, вы слуги мои,
 Да подайте пару вороных да коней».

159. ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА

Ночи темны, тучи грозны
 По поднебесью плывут —
 Наши стройные казаки
 Под Измаил-город идут.
 Идут, идут казаченьки
 Своим тихим маршем,
 Идут, идут, маршируют,
 Меж собою говорят:
 «Трудна служба нам, казакам, —
 Под Измаил-город поход,
 Да еще того раструднее
 Под пушечки подбежать».
 Под пушечки подбежали,
 Закричали враз «ура!»:
 «Ура, ура! город взяли,
 Потрясли мы стены, вал».

160. СУВОРОВ И СОЛДАТЫ

Как у нас было за городом за Вендерой,
Не две тученьки, не две грозные они выкатались,
Выкаталася сила-армия во чистое поле,
Во чистое поле, в широкое раздолье.
Выходил тут сам-ат батюшко граф Суворов,
Камышовой своей тросточкой он комендует:
«Становитесь вы, солдатухи, по правому флангу,
Вы берите, робята, и не робейте,
Своих белых рук не жалейте!»

161. СУВОРОВ ЕДЕТ ПО ПОЛКАМ

Полно пороше
На талой земле лежать,
Полно, ребята,
Нам горе горевать!
Есть у нас и крупа, и мука.
С крупы каши наварим,
С муки хлеба напекем.
Мы зложимся, ребята,
На полсмущечки винца;
Выпьем по рюмочке,
Разгуляемся;
Выпьем по другой,
Сами песни запоем,
Мы не сами про себе —
Про солдатское житье.
Это очень хорошо:
Они ходя наедятся,
Стоя выпьются.

Не пташки, не касатки
 В зеленом саду поют —
 Молодые ребятки
 Песни згукивают.
 А Суворов-генерал
 По корпусам разъезжал,
 Всем приказы приказал:
 «Арнадеры, мушкетеры,
 Удалые молодцы,
 Удалые молодцы
 Чтоб стройненьки были,
 Чтоб кремни были вострые,
 Штыки точеные,
 Сабля клёпаная».

162. КАЗАКИ ВО ГЛАВЕ С ГУДОВИЧЕМ СРАЖАЮТСЯ ПРОТИВ ТУРОК

Что не белая заря занималася,
 Не красное солнышко выкаталось,
 Выходила она, наша армеюшка,
 Со боярами большими, князем Гудовичем,
 Да со храбрыми казаченьками:
 Со донскими, гребенскими, со семейными.
 Наперед-то идет добрый молодец,
 Гребенской-от казак, атаман большой,
 Что не сам-от Сехин-атаманушка.
 А за ним-то идет Варяжский-князь,
 Со полками идет со армейскими.
 И куда же ты, Варяжский-князь,
 Ты куда идешь, направляешься?
 Через речушку Кубанушку ты переправляешься.

Понаделал-то ты заставишек не махоньких,
 Понастроил шанцев-батареюшек много-множество.
 Вдруг погодушка с гор Казбецких
 В среду поутру она подымалася,
 Подымалася, соходилася рать большая, сила неверная.
 То не злые турушки с атакуйцами,
 С атакуйцами, бжедухами, темергоевцами.
 Не хотели они пустить вот нашу армеюшку...
 «Уж я сам, атаман Сехин, наперед пойду,
 Возьму вырублю рать поганую,
 Самого-то Мустафу-пашу во полон возьму.
 Уж вы други мои, вы казаченьки,
 Вы да славные мои станичники!
 Вы постойте-ка, братцы, животом своим
 За царицу ли за матушку, за Гудовича за князюшку,
 За родимую за сторонушку, что за буйные головушки».

163. ДОН ВОЗМУТИЛСЯ ОТ ТРЕХ ГЕНЕРАЛОВ

Никто-то про то не знает, да никто не ведает,
 Отчего же наш славный тихий Дон возмущается.
 Воскутился, возмущился славный тихий Дон от трех генералушек:
 Как от первого генералушки — от Гудовича,
 Как от второго генералушки — князя от Черкасского,
 Как от третьего генералушки — князя Иловайского.
 Как вчор-то, ночесь Иловайский-князь во игры играл,
 Он не в карты играл и не в наперсточки, а во бильярд катал:
 Прокатал-прогулял Иловайский-сын пару вороных коней со
 колясочкой,
 Еще пропил-прокатал Иловайский-сын все житье-бытье, все свое
 именьеце,

Еще пропил-прогулял Иловайский-сын весь наш славный тихий
Дон.

Как пропивши, промотавши, сел на лавочку он,
Потупил свои очи ясные и призадумался:
Он, призадумавшись, стал указы фальшивые писать и по войску
рассылать:

Старых стариков во Кубань-реку бросать,
А девушек на фабричный двор брать,
А молодых ребят во солдаты брать.

164. СУВОРОВ БЕРЕТ ВАРШАВУ

Как не туча находила
И не сильны дожди льют:
Граф Суворов показался,
Полки в Польшу с ним идут.
Он имел то повеленье,
Чтобы Польшу усмирить,
И не мудро угожденье, —
Взять Аршаву, покорить.
Где он шел скоро по Польше,
Войско следовало с ним.
Как Аршав-город узнала,
Что Суворов к ней идет,
Воздохнул' тяжело Аршава,
Все заплакали места:
«Лучше скрозь земли пройтить,
От Суворова уйтить!»
Не туман с войска поднялся
И военный грянул гром:
Город ядрами покрылся,
Полчаса не виден был.

Нам Суворов волю дал
 Ровно три часа гулять:
 Погуляемте, робята,
 Нам Суворов приказал!
 За его выпьем здоровье,
 Мы проздравимте его:
 «Здравствуй, здравствуй, граф Суворов,
 Что ты правдою живешь,
 Справедливо нас, солдат, ведешь!
 Ты военностей не тужишь,
 Рад хочь в воду и в огонь,
 Ты царице верно служишь!»

165. ЧАСОВОЙ У ГРОБА ИМПЕРАТРИЦЫ

Во столичном было городе,
 Что во городе во Питере,
 Во дворце было катерининском,
 У ворот было воскрашенных,
 Молодой солдат на часах стоял.
 Молодой солдат — рядовой служак.
 Он бьет ружьем о сыру землю,
 Он бьет ружьем, кричит голосом,
 Кричит голосом самым слезным:
 «Уж ты встань, проснись, наша матушка,
 Наша матушка Катерина Алексеевна!
 Без тебя нам жизнь похужела,
 Жизнь похужела, поплошела,
 От твою сына любимого,
 Что от Павла от Петровича.
 Стал он слушать иноземщину,
 Иноземщину неверную,

Немчуру ли некрещеную,
 Ведет службу чужеземную.
 Гонит силушку в Туретчину,
 Во лихую во Немеtчину,
 Мрет там сила православная
 Что от холода, от голода.
 Встань, проснися, наша матушка,
 Заступись за нас, служивых,
 За служивых, за верных».

166. У МОГИЛЫ СУВОРОВА

Свети, свети, месячку, и ты, ясна зоренька.
 Просвети дороженьку до нового гробику,
 Как у том гробику да лежит наш батюшка.
 В головах горят золоты лампадушки,
 По бокам высокие горят свечи яркие,
 Во ногах стоит млад донской казак,
 Стоит Богу молится, слезью заливается
 По кончине батюшки, славного Суворова.
 «Увстань, проснись, батюшка, увстань, наш родимый,
 Посмотри на армию, на солдатску гвардию,
 Как у той армии, у солдатской гвардии
 В поход снаряжаются, с родными прощаются,
 С родными прощаются, плачут и кручинятся —
 Нету с нами батюшки славного Суворова!
 Как он нам приказывал: «Вы ли храбры воины,
 Вы ли все солдатушки царя православного,
 Вы не бойтесь холоду, вы не бойтесь голоду,
 Не бойтесь, солдатушки, наших злых злодеев!»
 Кланялся солдатушкам головой седою.
 И пошли солдатушки за ним припеваючи:

Пошли, забиралися на горы крутые,
 Головой хваталися под черные тучи,
 По Чертову мосту что не перекинулись!
 Не глядя на зимушку ветряну, холодную,
 Одну думу думали — гнать злодея по следу.
 И с тобою, батюшка, над злодеем тешились,
 И всегда-то с радостью по всей Руси-матушке,
 По всей Руси святой Суворова славили.
 Уж помнить будешь ты, злодей, православных,
 Что ни храбра воина нашего Суворова».

167. СЫН У ГРОБА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА

Что ж это в каменной Москве за тревога,
 Во призывный новый большой колокол прозвонили,
 Во печальны славны барабанчики указы били?
 Переставился наш родный батюшка Павел-император.
 По всей матушке каменной Москве ладан спошибает.
 Из палат несут его гробницу, несут золотую.
 Во перед-то идут самой гробницы попы-патриархи,
 Позади идут самой гробницы все князья, баря;
 По правую руку идет гробницы сам сын царев,
 Он не так плачет, младый сын царев, только что река льется,
 Он не так плачет, младый сын царев, только что быстра льется.
 «Ты не плачь-ка, младый сын царев, не плачь, не печалься!» —
 «Да как же мне не плакать, да как не тужить?»
 Подошли-то года плохие, господа лихие:
 Изведут-то меня, млада царевича, за молодые лета,
 Не дадут мне, младу царевичу, да мне спомужати».

ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I

Четверть века, в течение которых Россией управлял император Александр Благословенный (1801 — 1825 гг.), ознаменована непродолжительной, но действительно великой и всенародной Отечественной войной 1812 года. Ей и последовавшей войне за освобождение Европы посвящена основная масса исторических песен этой эпохи (№ 173 — 198). Остальные песни — о более ранних победоносных войнах с Персией и Турцией (№ 169 — 172); есть произведения о самом Александре I (№ 168, 203, 204) и о некоторых фактах, относящихся к его внутренней политике (№ 199 — 202).

168. КОРОНАЦИЯ АЛЕКСАНДРА I

Ай да вот как не буйненькие
Ой они были в поле ветрики они подымались.
О да вот ды не тепленькие они с моря воздуха
Ай с моря в поле расстилались.
Ой да вот не зелененькая
Ой она стала, скажем, лес-дубровушка,
Дубровушка разверталася.
Ой да вот и не лазоревыми с поля она светочками

Поля она украшалася.
 Ай да вот и как на тех жа ну было, скажем, на светиках
 Русский царь ён коронуется.
 Ай да ой, посылает жа ён то ли ай да посолничков,
 Ай да ён по всем землям.
 Ай да ой, изо всех-то земель
 Ай да короли, князья яны соезжались.
 Ай да как один-то из них только да шах персидский
 Один не пожаловал.
 Ой да вот и приезжали к нему, к нашему ему Александру-царю,
 Они все князья-бояры,
 Ой да вот и сы такими да яны, скажем, сы подарками,
 Подарками с драгоценными.
 Ой да вот и яны просят ды яго, нашего Александру-царя,
 Яго было все на пир погулять.

169. ГУДОВИЧ И ПЕРСИДСКИЙ ШАХ

На заре то было все на зорюшке,
 На белой заре, на утренней,
 На закате было месяца ясного,
 На восходе было солнца красного.
 Проявились у нас вести новые, грузинские,
 Растворялись горы крутые Кавказские,
 Засверкали пики острые казацкие.
 Как пошли войска российские
 На того шаха персидского.
 Напередидет Гудович-граф,
 Он грозит шаху персидскому:
 «Ты с...., ты персидский шах,
 Ты почто отрезал голову

Славному князю Циндианову?
 На кого ты, с..., понадеялся?» —
 «Я понадеялся на Грузию, на грузинских князей,
 Больше всего на Александрushку, на царевича!»

170. КАЗАКИ ПОД ЛЕНКОРАНЬЮ

На заре то было, на заре на утренней,
 Да на утренней,
 На восходе было, было солнца красного,
 Солнца красного.
 Не белой-то ли кречет, белый кречет он кричал,
 Да кречет кричал,
 Есаул-то ли Попов по сотням он гулял,
 По сотням гулял.
 Он гулял-то гулял, есаулушка, погуливал,
 Да погуливал,
 Молодых-то своих казаченьков побуживал,
 Да побуживал:
 «Вы вставайте поутру, вставайте раненько,
 Да ранехонько,
 Умывайтесь, казаченьки, вы беленько,
 Да белехонько,
 Утирайтесь полой правой да шинельною,
 Вы казаченьки,
 Да молитесь Богу, молитесь на восход
 Красна солнца».

171. КУТУЗОВ И КАЗАКИ

Что не соколы крылаты
 Чуют солнечный восход —
 Царя Белого казаки
 Собираются в поход.
 Как задумал князь Кутузов
 Со дружиною своей:
 «Как бы нам, братцы казаки,
 Нам турецкий город взять?»
 Тут казаки в черных бурках;
 Они строят свой завал,
 Они строят, поспешают —
 Турка в гости к себе ждут.

172. ПЛАТОВ ВСТРЕЧАЕТ КАЗАКОВ

Не травушка, не ковылушка к земле клонится,
 Царя Белого армюшка Богу молится,
 Царя Белого армюшка — донские казаки:
 Помолившись, распростившись, на конь садились,
 Приложили свои острые дротики на черну гриву,
 Закричали-загичали, на удар пошли;
 Они билися-рубилися день до вечера,
 Со вечера до полуночи, а с полуночи до белой зари!
 Не гусюшки и не лебеди напролет летят,
 Идут-то, идут донские казаки с батальицы,
 Со страшного кровопролития турецкого.
 Притомленных добрых коней в поводу ведут,
 Кровавое свое платье цветное в тороках везут,
 А царское знамечко-то на плечах несут.

Навстречу донским казакам генерал Платов:
 «Где были вы, слуги верные, где вас Бог носил?» —
 «Мы идем-то, идем сы батальицы,
 С того страшного кровопролитьяца турецкого!»
 Стоит тут генерал Платов, призадумался,
 Призадумавшись, он слезно плакать стал.

173. НАПОЛЕОН ПИШЕТ АЛЕКСАНДРУ

Наполеон-король пишет нашему царю Белому:
 «Я прошу тебя, православный царь, не прогневаться,
 Распиши мне квартирушки на семьсот тысяч
 В своем стольном городе, в кременной Москве,
 Господам нашим генералушкам по своим по купцам,
 А мне, Наполеону-королю, свои царские палаты!»
 Тут наш православный царь крепко призадумался,
 Повесил свою буйную голову на белые груди,
 Утупил свои очи ясные во сыру землю;
 Перед ним-то стоит граф Кутузов,
 Он речи говорит что в трубу трубит:
 «Что вы, православный царь, крепко призадумались?»
 Мы его, собаку, встретим среди поля,
 Среди поля, среди Можайского,
 Мы поставим ему столы — пушки медные,
 Как скатерть постелим ему — гернадерушков,
 Закусочку ему положим — ядра чутунные,
 Поилище ему нальем — зелен порох».

174. БОЙ У ПЕРЕПРАВЫ

На границе мы стояли,
Мы не думали ни о чем,
Сколько думали-гадали
Снарядиться да хорошо,
Снарядиться, приубраться,
Разгуляться молодцам.
Мы недолго разгулялись,
Засылали, засылали приказы в поход.
Скоро идти — мы ни день ни ночь не спали,
Маршем шли мы, до речки доходили в походе,
Перевозы снимали.
Разбессчастный перевозчик.
Нас встретили враги среди белого дня,
Вечером позднешенько
Француз берег занимал.
Поутру рано-ранешенько
С нами баталию открывал.
Мы из пушек-то палили,
Ровно туча с громом шла,
Из оружий-то стреляли,
Будто градом сыпало.
Много раненых, убитых
По колен в крови стоят,
Уходила вся баталия,
Стали тела разбирать,
Не нашли таких генералов ровно трех,
Полковников до пяти,
Как солдат пехоты —
Сметы дати не могли.

175. КАНУН БОРОДИНА

Как не золотая, братцы, трубонька вострубливала,
 Ай да не серебряна, братцы, сиповочка возыгрывала,
 Не серебряна, братцы, сиповочка возыгрывала,
 Ай да как возговорил, братцы, промолвил князь Кутузов-генерал:
 Как возговорил, братцы, промолвил князь Кутузов-генерал:
 «Ай да господа вы наши генералы со полковничками,
 Господа вы наши генералы со полковничками,
 Ай да вы отдайте скорый приказ по всей армии зараз,
 Вы отдайте скорый приказ да по всей армии зараз,
 Ай да чтобы были все наши военны во исправности своей,
 Чтобы были все наши военны во исправности своей.
 Ай да у пехоты ружья все в порядке, во замках кремни остры,
 У пехоты ружья все в порядке, во замках кремни остры.
 Ай да у казаков кони доброезжи, призаседланные,
 У казаков кони доброезжи, призаседланные.
 Ай да к нам под утро хотел быть, ребята, со всей ратью
Бонопарт,
 К нам под утро хотел быть, ребята, со всей ратью Бонопарт,
 Ай да за Россию, за царя, за веру нужно гостеньку принять,
 За Россию, за царя, за веру нужно гостеньку принять,
 Ай да как на поле славном Бородинском поплотней дружка обнять!»

176. КУТУЗОВ ОБОДРЯЕТ СОЛДАТ

Как заплакала Россиюшка от француза,
 Ты не плачь, не плачь, Россиюшка, Бог тебе поможет!
 Собирался сударь Платов да со полками,
 С военными полками да с казаками.
 Из казаков выбирали да есаулы,
 Есаулы были крепкие караулы,

На часах долго стояли да приуспали,
 Белье ручушки, резвы ножечки задрожали.
 Тут спроговорил-спромолвил да князь Кутузов:
 «Ай вы вставайте ж, мои деточки, утром пораняе,
 Вы умывайтесь, мои деточки, побелея,
 Вы идите, мои деточки, в чистое полё,
 Вы стреляйте же, мои деточки, не робейте,
 Вы своего свинцу-пороху не жалейте,
 Вы своего же французика побеждайте!»
 Не восточная звезда в поле воссияла —
 У Кутузова в руках сабля воссияла.

177. НАЧАЛО БОРОДИНСКОГО БОЯ

Как не две тученьки, не две грозные
 Вместе соходилися —
 Как две силы-армеюшки
 Вместе соезжались.
 Как одна сила-армеюшка
 Она царя Белого,
 Как вторая сила-армеюшка
 Короля французского.
 Господа ли генералушки
 Вместе соходилися,
 Они думали крепку думушку
 Все заедино:
 «А когда же у нас, братцы, будет
 Бой-батальица?» —
 «На осенний первый праздничек, братцы,
 На Семенов день».
 Как Семенов день приходит, братцы,
 Как гора валит;

Как Семенов день проходит, братцы,
 Как река бежит.
 Как ударили из пушек, братцы,
 Из винтовочек —
 Покатились с могучих плеч
 Головушки.
 Полилася басурманская кровь
 На все четыре стороны.

178. БИТВА С ФРАНЦУЗАМИ

Вы кусты мои, кусточки,
 Вы ракиовы кусты,
 Вы скажите-ка, кусточки,
 Всее правду про сынка:
 Где сыночек пьет, гуляет,
 Где надежа мой пребыл?
 Пребывает мой надежа
 В чужой дальней стороне,
 Во матушке, во Москве,
 У француза на войне.
 Уж мы билися-рубился
 Разосенню темну ночь,
 Разосенни ночи темны, долги,
 Близ четырнадцать часов.
 Как во первом часу ночи
 Сабли, ружья гремели,
 Во втором часу ноченьки
 С плеч головки летели,
 Как во третьем часу ночи
 Кроволияе протекло.
 Протекло же это кроволияе,

Словно полая вода,
 Заливало же это кроволитье
 Все губернии, города.
 Выходили ж царь с царицей
 На прекрасное крыльцо,
 Они крестились и молились,
 Чтоб это кроволитье унесло.

179. ПЛАТОВ ВО ВРЕМЯ БИТВЫ

От своих чистых сердец
 Совью Платову венец.
 На головушку наденем,
 Сами песни запоем,
 Сами песни запоем,
 Как мы в армии живем.
 Мы в армейюшке бывали,
 Провианты получали,
 Провианты получали,
 Ни в чем горя не знали,
 У нас много пуль-картечь,
 Нам некуда беречь.
 Наши начали палить —
 Только дым столбом валит:
 Каково есть красно солнышко,
 Не видать во дыму,
 Во солдатским пылу.
 Не ясён сокол летает,
 Казак Платов разъезжает,
 Он по горке по горе,
 Сам на вороном коне.
 Он проехал-проскакал,

Три словечушка сказал:
«Ой еси, воины-казаки,
Разудалы-молодцы!
Вы пейте-ка без мерушки
Зеленое вино,
Получайте-ка без расчету
Государевой казны!»
Как не пыль в поле пылит
Француз с армией валит,
Генералушкам грозит:
«Уж и я вас, генералы,
Во ногах всех вотопчу,
В каменну Москву взайду,
Стену каменну пробью,
Стену каменну пробью,
Караулы все сменю —
Караулы крепки,
Перемены редки,
Свои новы постановлю!»

180. ПЛАТОВ И КАЗАКИ

Не пыль во поле пылит,
Не дубровушка шумит —
Француз с армией валит,
Генералам говорит:
«Генералы, генералы,
Я возьму вашу Москву,
Я со ваших со церквей
Кресты-главы пособью!»
Уж как стал француз палить,
Только дым-сажа валит:

Во том ли во чаду
Красна солнца не видать.
Граф Платов-генерал
Разъезжает на коне,
На своем добром коне
По крутой по горе.
Подъезжает граф Платов
Ко силушке своей,
Ко донским казакам:
«Ох вы братцы-молодцы,
Вы донские казаки!
Нельзя ли вам, ребята,
Караулы крепки скрасть?» —
«Не велика эта страсть —
Караулы крепки скрасть!»
Караулы покрадали,
За Дунай-реку метали.
Граф Платов-генерал
Усю силушку побил,
Он которую побил,
Которую потопил,
Остальную его силушку
Он у плен забрал,
Во Сибирь-город сослал.

181. НАПОЛЕОН ПОД МОСКВОЙ

Наполеон наш, Наполеон
Шел на Россию, шел он воевать,
Да на Россию шел он воевать,
Да он хотел же всем светом владать.

Он хотел же всем светом владать,
 Да Александре-царё страх задать.
 Александра наш, наш не утратился,
 Назад ему письмо отписал.
 Господа же все наши дворяне перепугались,
 Перепугались, они стоят, они стоят,
 Перепугались, все врозь разбежались, разбежались —
 В Москве нету господ никого.
 Ой да как один из них не утратился,
 Один Платов, Платов-генерал,
 Один Платов, Платов-генерал,
 Да донской храбрый, храбрый атаман,
 Ой да он добра коня своо седлает,
 Он подпругу туго подтягал,
 На добра коня своо садился,
 Ко армейюшке быстро бежал,
 Ко армейюшке быстро бежал,
 Да вот «здорово!» нам, донцам, сказал:
 «Вы здорово, вот вы, мои дети, здравствуйте,
 Храбрые мои донцы!
 Ай да послужите вот, мои дети,
 Как деды ваши и отцы!»

182. ГЕНЕРАЛ ЗАПРОДАЛ МОСКВУ

На гороньке было, на горе,
 На высокой было, на крутой,
 Тут строилась нова слобода,
 По прозваньицу матушка Москва.
 Всем губернкам Москва красота,
 Серым камешком Москва устлана,

Серым камешком, камнем-скипером,
 Размосковский был злой генерал,
 Три суточки запил-загулял,
 Он запродам матушку Москву
 За три бочечки злата-серебра,
 За четвертую — зелена вина!
 Распечатали — мелкой желтой песок.
 Сподымался с полдён вихорёк,
 Разносил он по полю желтой песок.

183. ЗАНЯТИЕ ФРАНЦУЗАМИ МОСКВЫ

Хоть Москва в руках французов,
 Это, право, не беда:
 Наш фельдмаршал князь Кутузов
 Их на смерть впустил туда.
 Вспомним, братцы, что поляки
 Встарь бывали также в ней;
 Но не жирны кулебяки —
 Ели кошек и мышей.
 Напоследок мертвечину —
 Земляков пришлось им жрать;
 А потом пред русским спину
 В крюк по-польски изгибать.
 Свету целому известно,
 Как платили мы долги;
 И теперь получают честно
 За Москву платеж враги.
 Побывать в столице — слава,
 Но умеем мы отмщать:
 Знает крепко то Варшава,
 И Париж то будет знать!

184. ФРАНЦУЗ ЗАЖЕГ МОСКВУ

Ох ты горе мое,
Ты великое,
Тоска-печаль
Несносная.
Находила на нас
Туча грозная,
Туча грозная
Французская.
Как в двенадцать часов
У полуночи
Француз, наш враг,
В Москву зашел,
Москву зажег.
Москва землею
Вздронулася.
Из окон стекла
Повылетали;
Из домов жители
Повыбегали.
Ой, купцы-братцы,
Вы товарищи,
Вы отстойте мои
Три лавочки.
В одной лавке —
Дорогой товар,
В другой лавке —
Весовой жумчуг,
В третьей лавке —
Казны счету нет.
На меня, молодца,
Давно смерти нет.

185. НАПОЛЕОН В МОСКВЕ

Как на горочке было, на горе,
На высокой было, на крутой,
Тут стояла нова слобода,
По прозваньицу матушка Москва,
Разоренная с краю до конца.
Кто, братцы, Москву разорил?
Разорил Москву неприятель злой,
Неприятель злой, француз молодой.
Выкатал француз пушки медные,
Направлял француз ружья светлые,
Он стрелял-палил в матушку Москву.
Оттого Москва загорелася,
Мать сыра земля потрясалася,
Все Божьи церкви развалилися,
Все Божьи церкви развалилися,
Златы маковки покатилися.

186. БЕССЧАСТНЫЙ СОН

Привиделся несчастный сон —
Дуют ветры со вихрями,
С хором верхи сорывают
По самые по окны,
По хрустальные по стёкла;
Француз Москву разоряет,
С того конца зажигает,
В полон девок забирает.
Одна девка слезно плачет,
Француз девуку унимает:
«Не плачь, девка, не плачь, красна!

Куплю тебе три подарка:
Первый подарок — алу ленту в кбсу,
А другую голубую,
А третью разноцветну». —
«Не надо мне твоих трех подарков:
Пусти меня в свою землю,
Мне с батюшкой повидаться,
Мне с матушкой распроститься».

187. ВЫСТУПЛЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ ИЗ МОСКВЫ

Станем, братцы, вкрутовую,
Грянем песню удалую, —
Как живали мы!
Вспомним про житье бывшее,
Бородинское раздолье —
Бородинский бой!
Как наш дедушка Кутузов
Заманил в Москву французов —
С нами поплясать!
Бонапарту не до пляски,
Растерял свои подвязки,
И кричит «пardon!»
Россы просят продолжать —
Бонапарт скорей бежать —
Прямо в свой Париж!
Как в Париж он прибежал,
То открыто зарок дал —
С русским не плясать.
Не умел плясать по-русски,
Потанцуй-ка по-французски,
Ты, Наполеон!

188. КУТУЗОВ И ФРАНЦУЗСКИЙ МАЙОР

Наш батюшка казак Платов вору¹жался,
 Под Москвою со полками собирался,
 Набирает казак Платов есаулов,
 Посылает есаулов под француза.
 Есаулы-то француза порубили,
 А французского майора в полон взяли;
 Повели этого майора ко фельдмаршалу,
 Ко тому ко фельдмаршалу ко Кутузову,
 Стал его Кутузов выпрашивать:
 «Ты скажи-скажи, маиорик, ты скажи, французский,
 Уж и много ль у тебя силы во Париже?» —
 «У меня силы в Париже сорок тысяч,
 У самого Наполеона сметы нету».
 Как ударил его Кутузов его в щеку:
 «И ты врешь ли всё, маиорик, лицемеришь!
 Я угрозу ваших французских не боюсь,
 До самого Наполеона доберуся,
 Доберуся, доберуся, я с ним порублюсь».
 Не красно² солнце в чистом поле воссияло —
 Воссияла у Кутузова вострая сабля
 Над твоей ли над французской головою.

189. ПЛАТОВ У ФРАНЦУЗОВ

Святорусская земля,
 Много славы про тебя,
 Много славы про тебя,
 Про Платова-казака.
 У Платова-казака
 Небритая борода,

Нестрижены волоса.
Платов голову остриг
И бородушку обрил,
У француза в гостях был.
Француз его не узнал,
За купчину почитал,
На улочку выбегал,
За оградой встречал,
За белые руки брал,
В нову горницу вводил,
За дубовый стол сажал,
За дубовый стол сажал,
Чаем, кофеем поил.
На серебряном подносе
Сладкой водкой подносил.
«Выпей рюмку, выпей две,
Всю ты правду скажи мне.
Уж я всех же в Москве знаю
Генералов и господ,
Одного только не знаю
Я Платова-казака.
Кто бы, кто бы мне сказал,
Тому б много злата дал,
И в полон бы его взял,
И с живого кожу снял».
Выпил рюмку, выпил две,
Зашумело в голове.
«А начто злато терять,
Можно так его узнать:
Он со личика беленок,
Ростом, корпусом с меня,
Русы волосы его,
Как у брата моего».

У француза дочь Орина,
Что догадлива была,
Из палаты выходила,
С купцом речь говорила:
«Ах ты купчик, мой голубчик,
Ты удалый молодец,
Ты подай мне свой портрет».
Портрет Платов вынимал,
На белые руки клал,
Из палаты вон бежал,
Зычным голосом кричал:
«Уж вы гой еси, ребята,
Вы донские казаки,
Вы подайте мне коня,
Как ясного сокола».
На коня Платов садился,
Как соколик ясный, взвился,
Под окошки подбегал,
Таковы слова сказал:
«Ты, ворона, ты, ворона,
Подгуменная карга!
Не умела ты, ворона,
Сокола в руках держать,
Что ясного сокола,
Платова-казака».

190. РУССКИЕ ПРЕСЛЕДУЮТ АРМИЮ НАПОЛЕОНА

Восхвалялся вор француз
В Россеюшке царем быть.
Мы встречали его с мечами,
Накрывали на столы.

Ему хлеб-соль не казалась —
Из Москвы француз пошел,
Недалеко поход сказал:
До Березы до реки,
До Березы до реки,
Дальше некуда идти.
Выпадали тут снежки.
Выпадали тут снежочки
По колени в один час.
Ручки-ножки познабили,
Огонечки развели.
Огонечки разводили,
Мы повыстроим дома,
Повыстроим домочки —
Полотняные шатры,
Полотняные шатрочки,
Засмоленные верхи;
Станем зиму зимовать,
Станем зиму зимовать,
Провиант мы получать.
Провиант-то получали:
Фунт три четверть сухарей,
Фунт три четверть сухарей,
По манерочке воды,
Чтобы пьяным нам не быть
Государю послужить.

191. ОСВОБОЖДЕНИЕ СМОЛЕНСКА

Как повыше было Смоленска-города,
Что пониже было села Красного,
Что под рощею под зеленою,
Под березою кудрявою,

На большом зеленом лугу
Стоял тут лагерь русской армии,
Русской армии, гвардейских солдат.
Призадумавшись сидят, на Смоленск-город глядят:
Овладели славным городом неприятельски полки,
Уж досталось все святое неприятельским рукам.
«Как бы, братцы, нам приняться, Смоленск-город свободить?
Смоленск-город свободить, неприятеля побить?»
Вдруг посылашалась тревога
У палатки командирской,
Все солдаты встrepенились,
Ружья взявши, в ряды становились.
Как и вышел перед войско Волконский-князь,
Волконский-князь, командир этих солдат;
Уж и взговорит солдатам Волконский-князь:
«Ох вы храбрые солдаты, государю верные,
Государю верные, командиру послушные!
Мы пойдем-ка к неприятелям гостить,
К неприятелям гостить, Смоленск-город свободить!»
Как пошли-то солдатушки Смоленск-город освободать,
Смоленск-город освободать, французов выгонять.
Ко Смоленску приступили, они ружья зарядили,
Они ружья зарядили, в неприятеля палили,
Много били, истребили, остальных-то полонили,
Полонивши, их топили во Березоньке-реке,
Потопивши, отдыхали на зеленом на лугу,
На зеленом лугу песни пели во кругу.

192. ПЕРЕХОД ГРАНИЦЫ

Пойдем, братцы, за границу,
Бить отечества врагов,
Вспомним матушку-царицу,
Вспомним, век ее каков.
Славный век Екатерины
Нам напомнит каждый шаг,
Те поля и те долины,
Где бежал от русских враг.
Вот Суворов где сражался,
Вот Румянцев где ходил;
Каждый воин отличался,
Путь ко славе находил.
Каждый воин дух геройский
Среди мест сих доказал.
И как славны наши войска
Целый свет об этом знал!
Между славными местами
Устремимся дружно в бой:
С лошадиными хвостами
Побежал француз домой.
За французом мы дорогу
И к Парижу будем знать.
Зададим ему тревогу,
Как столицу будем брать.
Там-то мы расположимся,
В прах разбив богатыря,
И тогда повеселимся
За народ свой и царя.

193. РУССКИЕ ВОЙСКА РАЗБИВАЮТ ФРАНЦУЗОВ

Что во городе в Морше читали указы,
Пишет, пишет злой французик Россеюшку взять.
Расплакались, разрыдались наши сенаторы.
«Вы не плачьте, не рыдайте, авось Бог поможет!»
Мы поутру рано вставали в поход с полуночи,
Уж мы ночью с полуночи коней оседлали.
Оседлавши своих коней, под город Варшаву
В чисто поле выезжали, во фронт становились.
Глядел, смотрел злой французик в подзорную трубку,
В подзорную трубку в россейскую силу.
Валит сила по всем сторонам, по всем четырем,
Генерал казак Денисов по правому флангу.
Приказывал, наказывал своим бомбардёрам:
«Вы женжуры, бомбардёры, слушайте приказу,
Пушки, ружья заряжайте, сабли вынимайте,
Без мово ли приказанья огня не открывайте!»
Не успел сказать он речи, вдарил француз в плечи,
Застрелил его вор французик из пушки картечью.
Как россейский огонь горячий начал нагонять,
Солдатушки-ребятушки пошли в мостовую.
К быстрой речке подходили — перевозу нет:
Эта реченька Мяснушка — стоит вор французик.
Мы на лодках перъезжали, французa нагоняли,
Французa нагоняли, знамена отбирали,
Французa нагоняли, знамена отбирали,
Отобравши знамена, в полон его взяли.

194. ПОБЕДА ПОД ЛЕЙПЦИГОМ

Ай не две-та тучушки грозные
Вместе они сходилися —
Ой две армеюшки они превеликие,
Вместе они съезжались.
Ой они билися только все рубилися,
Они троя суток.
Ай как французская она все российскую
Войску она призабидела.
Ой как и тут-то бы вот наш Александра-царь
Ой смутной конем бегают.
Ой как журит-бранит вот наш православный царь
Свово благодетеля,
Ой как того-то бы того повелителя,
Все графа Кутузова:
«Ай отчего жа ты, с чего не успел послать
С Дону полки донские?»
Ой не успел жа тут вот наш православный царь
Он тут слова молвити,
Ой как со правой-то, со правой сторонушки
Бегут они, полки донские.
Эх впереди-то бы, впереди казаченек
Бежит генерал Платов.
Эх обнажил-то он свою саблю вострую,
Несет наголо несет,
Ой обнажимши он свою саблю вострую.
«Ох приклоняйтя вот вы, мои казаченьки,
Свои пики вострые,
Ах приклоняйтя вы свои пики длинные
Коням на черну гриву!»
Эх приклонемши свои пики длинные,
Сами вперед кинулись,

Ай закричали ли то они, загичали,
Сами ох на «ура» пошли.
Ах они билися, билися, рубилися
Со утра было до вечера,
Ой тут российская армия французскую
Она очень призабидела.
Ой как и тут-то бы вот наш Александра-царь
Весел конем бегаёт,
Ой поздравляет вот наш православный царь
Наша воиска донская:
«Эх да и чем я вас, донских казаченьков,
Чем вас буду жаловать?»
Ах я пожалуйю вот бы казаков донских
Всех вас кавалерами».
Ой как и тут-то бы, тут-то бы наш граф Платов
Царю речь возговорил:
«Ох ты не жалуй нас, своих казаков донских,
Всех нас кавалерами.
Ох как и некого из нас, казаков донских,
Некого-то будет в караул послать!»

195. СРАЖЕНИЕ У ГОССЫ

Молвил царь: «Финляндцы, в дело!»
И Финляндский полк готов.
Сердце каждого кипело
Исполнять священный долг.
Командир всегда удалый,
Крыжановский наш орел,
Молодцов своих за славой
В Госсу на врага повел.

Дружно грянули с налету
 На французов мы в штыки;
 Рукопашная работа
 Нам потеха и с руки.
 Офицеры и солдаты —
 Беспардонный все народ —
 Крикнули: «Валяй, ребята!
 Государь глядит; вперед!»
 Больно тут врагов хватили,
 Силы придал царский взор;
 Вмиг штыком перекатили
 Всех из Госсы на простор.
 Мы не тратили заряды —
 Русь бороться могуча.
 Порешили бой в приклады
 С богатырского плеча.

196. МОСКВА И ПАРИЖ

Разорёна путь-дороженька
 От Можайска до Москвы:
 Еще кто ее ограбил?
 Неприятель вор-француз.
 Разоримши путь-дорожку,
 В свою землю жить пошел,
 В свою землю жить пошел,
 К Парижу подошел;
 Не дошедши до Парижа,
 Стал хвалиться Парижом.
 «Не хвались-ка, вор-француз,
 Своим славным Парижом!

Как у нас ли во России
 Есть получше Парижа:
 Есть получше, пославнее, —
 Распрекрасна жизнь — Москва.
 Распрекрасна жизнь — Москва,
 Москва чисто убрана;
 Москва чисто убрана,
 Дикаречком выслана,
 Диким камнем выслана,
 Желтым песком сыпана;
 Желтым песком сыпана,
 На бумажке списана;
 На бумажке списана,
 В село Урень прислана».

197. ПОД ПАРИЖЕМ

Под славным было городом Парижем,
 Собиралось российское славное войско.
 Они лагеря занимали в чистом поле,
 Шанцы и батареи там порыли,
 Пушечки и мортирушки там становили.
 Константин-то наш по армии разъезживает,
 Он пехоту и кавалерию рассчитывает:
 «Надевайте вы, солдатушки, платье бело,
 Поутру вам, милые, будет дело!
 Когда Бог нам поможет Париж взять,
 Отпущу я вас, любезные, в него погуляти!»

198. НАПОЛЕОН ГОРЮЕТ

Разбессчастненькой, бесталанненькой
Француз зародился,
Он сы вечера рано спать ложился
Долго почивать.
«Ничего ж ли то я, французик ли,
Ничего не знаю:
Что побили его, его армию
Донские казаки.
Что мне жаль-то, мне жаль свою армию,
Есть еще жалчея:
Что вот сняли momy, momy родному,
Да родному братцу,
Что вот сняли ему, сняли йму головку,
Да головку.
Что мене ль то, мене, все французика,
В полон мене взяли;
Посадили мене, все французика,
В темную темницу:
Что вот тошно ли мне, все французика,
В темнице сидети.
Если б знал то бы, знал я, французик ли,
Я б того не делал!»

199. СЕМЕНОВЦЫ В КРЕПОСТИ

У нас было на святой Руси,
На святой Руси, в славном Питере,
В Петропавловской славной крепости,
Что засажены были добры молодцы,
Добры молодцы — все семеновцы.

Молодой-то солдат на часах стоит,
 На часах-то стоит, думу думает.
 Он и бьет штыком об сыру землю:
 «Ох ты матушка сырая земля,
 Расступись-ка на все четыре стороны,
 Поднимитесь с гор буйны ветры,
 Разнесите вы желты пески.
 Ты откройся, гробова доска,
 Распахнися, золота парча,
 Ты восстань-проснись, наша матушка,
 Катерина свет Алексеевна.
 Ты выдь-ка на свой на парадный двор,
 Посмотри-ка на свой на любимый полк,
 На любимый полк на Семеновский.
 У нас ныне в полку не по-старому,
 Не по-старому, все по-новому:
 Начальнички у нас новые,
 Все новые — бестолковые.
 Разбили наш полк по всей армии,
 По всей армии, опричь гвардии,
 По тем полкам по армейским,
 Оставших нас сослали на линию».

200. АРАКЧЕЕВ

Бежит речка по песку
 Во матушку во Москву,
 В разорёну улицу,
 К Аракчееву двору.
 У Ракчеева двора
 Тута речка протекла,
 Бела рыба пущена;

Тут и плавали-гуляли
 Девяносто кораблей:
 Во всяkiem корабле
 По пятисот молодцов,
 Гребцов-песенничков,
 Сами песенки поют,
 Разговоры говорят,
 Всё Ракчеева бранят:
 «Ты, Ракчеев-господин,
 Всю Россию разорил,
 Бедных людей прослезил,
 Солдат голодом поморил,
 Дороженьки проторил,
 Он канавушки прорыл,
 Березками усадил,
 Бедных людей прослезил!»

201. ВАСИЛИЙ И АНДРЮШКА-ПАЛАЧ

Как за теми за рядами,
 Все за лавочками,
 Тут и шли-прошли солдаты,
 Заслуженные господа,
 У них ружья за плечами,
 Штыки примкнутые.
 Наперед идет Андрюшка,
 Андрей — грузинский палач.
 Позади ведут Василья,
 Васю Демидова.
 Как возговорит Василий
 Андрюшке-палачу:

«Ах ты, братец мой Андрюшка,
Андрей — грузинский палач,
Ты послушай, брат Андрюшка,
Моих глупых речей:
Уж вешай меня скоро,
Ты скорым меня скоро,
Не повесишь меня скоро —
Сам туда же угодишь!»
Испугался, вор-собака,
Он Васильевых речей,
Он со этого испугу
На рессорны дрожки сел,
Он поехал, вор-собака,
На Гражданску улицу,
Он заехал, вор-собака,
Ко Васильевой жене,
Он разрезал, вор-собака,
Белу грудь у ней.

202. НАБОР ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНЦЕВ

Загоняли нас, добрых молодцев, в Великое село,
Становили добрых молодцев в шеренгу всех,
Снимали с нас, добрых молодцев, шелковы волосы,
Нам бороды выбривали и шинели надевали.
Мы с манежи выходили ко цареву кабаку,
У царева кабака закричали все: «Ура!»

203. СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА I

Как задумал Александро
Свою армию смотреть,
Обещался Александро
К Рождеству домою быть.
Рождество-праздник проходит —
Александра дома нет.
Его маменька родная
Слезно плакала об нем,
А княгиня молодая
День тоскует, ночь не спит.
«Пойду-выйду на обвахту,
Коей выше у меня нет,
Посмотрю я в ту сторонку:
Александра должен быть».
Вот по Питерской дорожке,
По широкой столбовой,
Что не пыль столбом пылит —
Молодой курьер спешит.
«Ты, курьерчик, мой голубчик,
Ты куда ж скоро спешишь?» —
«Я спешу и тороплюсь я,
Я из Питера в Москву.
Скидывайте цветно платье,
Вы смывайте всю красу,
Надевайте черный траур,
Тогда всю правду скажу:
Наш отец-то Александро
В Таганроге жизнь скончал,
И двенадцать генералов
На главах его несут,
И двенадцать офицеров
Со знамям сзади идут».

204. ЧАСОВОЙ ОПЛАКИВАЕТ АЛЕКСАНДРА I

У Ивана-то было у Великого,
Приударили в большѣй колокол,
Чтобы было чють на всю Русь-землю,
Во всю Русь-землю в конну гвардию:
У нас помер-то, помер благоверной царь,
Благоверной царь Олександр Павлович.
Он ведь помер не в своем дому,
Не в своем дому да во Таганорге,
Во Таганорге да в славной крепосте.
В славной крепосте да в Петропавловской
Молодой солдат да на часах стоял,
На часах стоял да перемены ждал.
Он упёрся копьем да во сыру землю:
«Ты раздайся, раздайся, мать сыра зѣмля,
Расколись-колись да гробова доска,
Развернись ты, развернись, золота парча.
Уж ты стань-ставай, благоверной царь,
Благоверной царь Олѣксандр Павлович —
Да у нас-то теперь да не по-старому,
Не по-старому да не по-прежнему,
Молодые-те солдаты на часах стоят,
На часах стоят, перемены ждут».

ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ I

Тридцатилетнее правление императора Николая Незабвенного (1825 — 1855 гг.) запомнилось целым рядом героических дел русской армии и русского флота; эта эпоха отображена наибольшим числом исторических песен. Победоносно для нас окончились войны, начатые против России Персией в 1826 году, Турцией в 1828 году (№ 207 — 215), и война, затеянная в 1830 году поляками, желавшими отторгнуть от России не только свои земли, но также Украину и Белоруссию (№ 216 — 222); война, развязанная в 1830-х годах мюридами на Кавказе, хотя и не была окончена при Николае I, но ознаменовалась множеством блестящих побед (№ 223 — 233). В ходе так называемой Восточной войны песнями были отображены Синопская победа Нахимова (№ 236, 237), неудачи противников России в других морских предприятиях (№ 238 — 243), победы русской армии над турками в Закавказье (№ 244 — 248) и, наконец, беспримерная оборона Севастополя (№ 250 — 255). Некоторые песни относятся к лицам императорской семьи и самому Николаю I (№ 205, 206, 256).

205. НИКОЛАЙ I И ЕГО БРАТ

Собирайтесь, мелка чернядь,
Собирайся на совет.

Время тяжкое приходит —
Ладит турка воевать.
С англичанином они скумились,
Не могли России взять...
Не в показанное время,
Не в указные часы,
Не в указные часы,
Да во самую во полночь,
Во самую во полночь
Да царя требуют во сенот.
Царь недолго сподоблялся,
На ямских он отправлялся,
Родну братцу говорил:
«Чтобы за мной погоней был».
Брат недолго сподоблялся,
На ямских он отправлялся,
Ко сеноту подъезжал,
Да часовых-от переспрошал:
«Господа вы часовые,
Часовые страждовы!
Не видали ль здесь, ребята,
Офицера со вестям
Да государя со кистям?»
Друг на друга поглядели
И сказали: «Не видал».
Один солдатичок-провор,
Левым глазиком повел.
Никого князь не спрашался,
Часовых всех прирубил,
До сеноту доступал.
Трои двери изломал,
Он на четвёрты отворял —
На коленях брат стоял.

Перед ним стоит полковник —
 Сенаторская судья —
 И держит саблю на весу:
 «Что царю голову снесу».
 Царь да брата увидал,
 На резвы́ ноги ставал.
 «Те спасибо, братец милый,
 Те спасибо, брат родной,
 Помани́л бы час-минуту,
 Скоро не было меня.
 Скоро не было меня,
 Срубили голов у меня!
 Нам не дороги сеноты,
 Сенаторские судьи.
 Из сеноту мы пойдем —
 Сенаторов всех прибьем.
 Из сенотов вон пойдем —
 Все сеноты, все сожжем!»

206. СОЛДАТ ПЛАЧЕТ ПО ГОСУДАРЫНЕ ЕЛИЗАВЕТЕ АЛЕКСЕЕВНЕ

Как у нас было на старой Руси,
 Во старой Руси, в каменной Москве,
 А у Ивана було у Вяликого.
 Ай да ударили у большой колокол,
 Чтоба было слышно на усей Москве,
 По усей Москве, по усей вармии,
 По усей вармии, по усей гвардии.
 Во соборе було, во Успенском,
 Ды во Успенским молодой солдат
 На часах стоять, Богу молится,
 Богу молится, низко кланится,

Бьет штыком мать сыру землю:
 «Расступися, мать сыра земля,
 Ускройся, гробова доска,
 Развярнися, золота парча,
 Устань, матушка государыня
 Лизавета Аляксеивна,
 Посмотри-ка на свою вармеюшку,
 Ведь армеюшка во строю стоять,
 Во строю стоять, по ружью дяржить,
 Приузамлели ихния ноженьки,
 Ихния ноженьки ки сырэй зямли.
 Ты устань, наша государыня,
 Распусти нас по хватурушкам!»

207. СРАЖЕНИЕ ПРИ УШАГЕНЕ

Что-то, братцы, скучно —
 Скучать несподручно!
 Песни заиграем,
 Скуку поскидаем.
 Вспомянем про дело,
 Как ишли мы смело
 С мирзою сражаться,
 Над ним потешаться.
 К монастырю тихо
 Подошли мы лихо —
 Генерал Красовский
 Дал трезвон таковский:
 Десять часов сряду
 Жарил канонаду.
 Персы не сдержали
 И дерка задали!

208. ТУРЕЦКИЙ СУЛТАН ПИШЕТ РУССКОМУ ЦАРЮ

Пишет, пишет султан турецкий
К нашему Белому царю:
«У разор я тебе разорю,
Во Москву стоять ввойду,
Поставлю своих солдат
По всей каменной Москве,
Штапов-офицеров по купеческим домам,
Сам стану, султан турецкий,
В Миколаевском славном дворце!»
Как растужит наш Николай Павлыч,
Сам гуляет по Москве,
Говорит он своим сенатбрам:
«Вы подумайте, братцы, со мной:
Пишет султан турецкий,
Хочет землю у нас отобрать,
Обещается султан турецкий
Во Москву итить стоять».
Обозвался граф Пашкеев,
За дубовым сидя столом:
«Не тужите, наш император,
Вы не думайте ни'б чем:
Набирайте силы много,
Мы пойдем с туркой воевать,
Мы усах турок побьем,
Во полон их заберем,
Во Россееюшку возьмем,
По полкам их разберем,
По хватерам разведем!»

209. ТУРЕЦКИЕ УГРОЗЫ

О поле чистое,
 Поле чистое, поле турецкое,
 Ох да мы когда тебя; поле, пройдем,
 Все бугры ваши, дороженьки,
 Все места ваши прекрасные.
 Мы сходились с неприятелем,
 Со такой силой неверною,
 Со турецким славным корпусом.
 На злосчастный день на середу,
 На турецкий большой праздник
 В кабаках двери растворялись,
 Во хмелюшке похвалялись:
 «Мы Россеюшку наскрозь пройдем,
 Царя русского в полон возьмем,
 А Паскевичу главу несем».
 Повелитель наш Паскевич-от:
 «Вы солдатушки-ребятушки,
 Заряжайте ружья-пушечки,
 Вы палите, не робейте-ко,
 Сами себя не жалейте».
 Злые турки испугались,
 В разны стороны разбегались,
 По чисту полю разбросались.

210. ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ДУНАЙ

Один солдат бравый
 Без горя живет,
 В службе Николая
 Вырастет, помрет.

Идет он походом,
Сухари жует.
Кормит коня сыто,
А сам воду пьет.
В серебре копыто,
А в кармане грош —
Корми коня сыто,
А сам сухарь гложь!
Наведет понтоны,
Наведет мосты,
И чрез Дунай-речку
Пойдет на штыки.
Пойдет на сраженье,
Там его убьют,
Его бело тело
Земле предадут.
С нехристом сразиться
Ему не впервой —
Косточки заркоют
Не в земле родной!
Письмецо напишут,
Родным отошлют,
И в полку в приказе
Об нем отдадут.
Никто не заплачет,
Ни отец, ни мать,
Только и заплачет
Мать сыра земля.

211. ПОД БРАЙЛОВОМ

Под славным городом под Браиловом,
Собиралось тут собрание, собрание немалое;
Предводителем был наш православный царь.
Он журил-бранил своего брата,
Своего брата, брателку родимого, все князя великого:
«И зачем, почто, брателка, сюда зашел?
Ты сюда зашел не в свою землю;
Не один ты зашел, завел силу-армию,
А еще ты завел лейб-гусарский полк.
У гусар в полку случилось несчастье:
Убили в полку старшего полковника,
А еще-то убили пятьсот гусар».

212. ВЗЯТИЕ ВАРНЫ

Ох, скучно мне
На чужой стороне,
Все немило, все постыло.
Нет веселия нигде!
Скучно жить без родных,
Слезно плачу об них!
Разлучился, я лишился
Добрых милых своих.
Вспомнишь край свой родной,
Сам зальешься слезой:
Там ты волен, всем доволен,
Горя по слухам не знал;
А теперь испытал,
Как я в Турции жывал:
В чистом поле — страх и горе

Каждый день и каждый час!
День намокнешь, дрожишь,
Ночь от страха не спишь;
Чуть заслышат наши уши,
Чтоб голову не проспять.
Что ни свет, ни луна,
В чистом поле тишина,
Окликает, озирает
Стража стражу завсегда.
Я под Варной стоял,
Себе смерти ожидал;
Там дерутся и несутся
Ядра с пушек с батарей.
Черно море шумит,
С кораблей огонь летит;
Стены рушат, турок душат,
Воздух пламенью горит.
Кто бежит без руки,
Кто лишился ноги;
Кто изрезан, кто исколот,
А кто плавает в крови.
Крик у турок «алла!»,
Наши русские — «ура!».
Воздух стонет, каждый молит:
«Боже, жизнь сохрани!»
Как покончился бой,
Мы ворочались домой,
Мы дорогу, слава Богу,
До Рассеюшки нашли.

213. ПОЛК ПАДУРОВА В ПОХОДЕ

Уж ты степь ли, наша степь, степь наша широкая!
Широко, долго, степь, ты протянулася.
Пролежала по степи больша дороженька,
По этой дороженьке никто не прохаживал,
Никто следiku не прокладывал,
Тут шел-то, прошел Падуров с полком.
Как за ним-то идет полк казаченьков:
Впереди-то идут brave хорунжушки,
За хорунжушками молодые уряднички,
За урядничками идет полк казаченьков.
Как у нас-то в полку несчастье случилось:
Как убили у нас brave хорунжушку.
Как хорунжушки шашками возбрякнули,
А молодые уряднички песенку возгаркнули,
А полк-казаченьки слезнехонько восплакнули:
Не в чистом поле снежки забелелися,
Не алы цветы заалелися —
Забелелось тело белое,
Заалелася кровь алая.

214. ГИБЕЛЬ ПОЛКА ТАЦИНА

Как под славным было городом под Шумлою,
Что на ровной было площади, на большой поляне,
Стоял там второй Тацин полк,
Стоял он ровно три неделюшки,
На четвертой-то неделе приказ они получили;
Наш молодой полковничек стал читать его;
Прочитавши его, стал он слезно плакать,
Переплакавши, стал он речь сказывать,

Что идтить нам, казаченькам, под Шумлу-город,
 Что по той-то дороженьке по Цареградской,
 Да по тем-то лесам по дремучим.
 Пошел он, молодой полковничек, крутыми горами,
 Он крутыми-то горами, большими лесами,
 Среди пути той дороженьки несчастье случилось:
 Не черные-то вороны из лесов солетались —
 Турки храбрые из-за крутых гор на Тащина нападали,
 Начали рубить донских казачушек, бедных малолеточек;
 Тут-то мои малолеточки дюже перепугались,
 По темным-то лесам они разбежались!
 Молодой наш полковничек крепко испужался,
 На своо доброго коня он скоро метался,
 Кричал он своим громким голосом:
 «Уж вы стойте, мои малолеточки, не робейте,
 Государева свинцу-пороху не жалейте!»
 Бил-пробил молодой полковничек две заставы,
 На третьей на заставе свою головушку сложил!

215. ПОХОД НА ЭРЗЕРУМ

Уж вы горы мои, горы турецкие,
 Уж вы горы, вы крутые мои горы!
 Вы позвольте, мои горы, под собою ночь ночевать,
 Под собою ночь ночевать и ту всю не спать,
 Всю ночку не спать — порох, заряды получать.
 «Стойте вы, турки, не стреляйте,
 Вы заряды свои не теряйте!
 Мелкого ружья да я не боюся,
 До Больбурта я доберуся,
 в Ирзерюме расположуся!»

216. ПОХОД В ПОЛЬШУ

Слава, слава Миколаю,
Слава Белому царю!
Славный храбрый хранцуз воин
Остается ни при чем.
На границе мы стояли,
Мы не думали ни об чем,
Только были у нас думы
Снарядиться хорошо,
Снарядиться, приободриться,
Разгуляться молодцам.
Вдруг последовали указы,
Нам назначен был поход.
Мы и день и ночь не спали,
Скорым маршем в поход шли,
К быстрой речке подходили,
На песочку стояли.
Ставши, ставши на песочку,
Перевозы сымали;
Снявши, снявши перевозы,
Поляк берег занимал;
Занял, занял поляк берег,
С ним сражение пошло:
И шумела, и гремела,
Как сильна, грозна туча шла.
Летят ядры и картечи,
Обсыпает сильный град;
Лежат ранетые, убиты,
С трудом было пройти,
Между ранетых, убитых;
Там ручьем ли кровь бежит.
Спомни, спомни, россияне,
Что несчастны мы теперь;

Мы безвинно здесь страдаем,
Много бедности несем;
Мы и хладу принимаем,
Ну й одежды на нас нет;
Вместо мягкие постели —
Нам соломки было в час;
Вместо пуховых подушек —
Белый камень в головах.

217. СРАЖЕНИЕ ПРИ ГРОХОВЕ

В тридцать первом мы году
С Польшей были не в ладу.
Подле Грохова зимой
Завязался у нас бой.
Ополченцы их косами
Рады были биться с нами.
А у Дибича войска:
Гренадеры, егеря.
Но поляки все зевали,
Только песни распевали.
Как пошли карабинеры,
С фельдмаршалом гренадеры —
Так их главный генерал
Сам в Варшаву ускакал.
Только солнышко зашло,
И сраженье отошло.
За победу и царя
Тут мы гаркнули «ура!».

218. ВИЛЕНСКАЯ ПОБЕДА

Полно, братцы, прохлаждаться,
Все ученье прозводить,
Не пора ли уж подняться,
Поляков нам проучить.
Генерал наш Храповицкий
Много раз уж был в боях,
Воевать ведь он учился
У Суворова в рядах.
Ни банд польских не боимся,
Ни мятежников Литвы —
Мы сто раз еще сразимся,
Пусть подходят к нам враги!
Остен-Сакен наш под Вильной
Уж какой трезвон задал,
Хоть и очень враг был силен,
Сбил его и в плен забрал.

219. НА ПУТИ К ВАРШАВЕ

Наше дело с кем подраться,
С неприятелем всегда.
Мы сами к нему пойдем,
Во прах его разобьем;
Разабивши поляка, станем,
Где нам скажут, отдыхать,
Свою храбрость исполняем,
Всю Расею прославим.
Ночи темны, тучи грозны
По поднебесью идут,
Наши храбры гранадеры

Идут всё поспешным маршем,
 Меж собою говорят:
 «Нам не страшно взять Варшаву
 И поляка победить.
 Когда граф Паскевич с нами,
 Нам и смерть с ним не страшна:
 Он отец нам, тем солдатам,
 Нам и служба с ним красна!»
 Собивай колы, спущайся!
 Под Аршавою устрашал,
 Оставил, сам отправил
 К Радивилому письмо.
 Радивил письмо читает,
 Себе гордо отвечает:
 «Приходи ко мне на штурм,
 А я буду утверждать:
 Докажи свое искусство!»
 У мене есть у примете
 В роцци Марьиной трактир.
 Если хочешь прокатиться,
 Возьми девушек с собой, —
 Девки знают, где денежки девать:
 Без сибирки, без шинельки
 Привезут тебе домой.

220. ПАСКЕВИЧ ПОД ВАРШАВОЙ

Не со моря туман подымался,
 Не с тучи гром прогремел,
 Собирался наш и граф Пашкевич
 В Варшаву город воевать
 Со своими любезными полками,

С солдатами строевыми.
 «Ож ты, батюшка, граф наш Пашкевич,
 С кем ты будешь только воевать?» —
 «Ож вы, глупые шельмы поляки,
 Неразумны дураки,
 Только есть же у мене на подмогу
 Всё донские казаки,
 Они стоятъ, на их кони дрожатъ,
 Ждут приказу моего они».
 Закричали они, завопили,
 Слышно было о всё в небесах:
 «Отцов-матушек спогубим,
 А детушек осиротим!»

221. ПЕРЕД ШТУРМОМ ВАРШАВЫ

Ночи темны, тучи грозны
 По поднебесью плывут.
 Наши храбры гренадеры
 Со ученьица идут.
 Они идут только маршируют,
 Промеж себя говорят:
 «Трудно, трудно нам, братцы-ребята,
 Нам Варшаву город взять.
 Что трудней, трудней того не будет —
 Нам под пушки подбежать».
 Как приехал граф Паскевич,
 Сорок пушек заряжал.
 Мы под пушки-пушки подбежали,
 Закричали все «ура!».
 Предводитель граф Паскевич
 Громким голосом вскричал:

«Уж вы бейте, только не робейте —
 Подаются стены нам,
 Подаются-подаются все назад!
 За морями знают нас.
 Хоть и лихи, лихи вы, поляки,
 Покоритесь вы нам.
 Если ж нам вы, нам не покоритесь,
 Пропадете что трава:
 Вас порубим мы да посечем,
 Во полон с собой возьмем!
 Наша мать славна Россия
 Всему свету голова».

222. ШТУРМ ВАРШАВЫ

Что не туман с моря поднялся,
 Три дня сряду сильный дождь идет,
 Наш-то граф да Паскевич
 Полки в Польшу он ведет.
 Он идет скоро да по Польше
 Со молитвой, да еще с крестом —
 Шел он Польшу усмирить
 И Варшаву покорить.
 Как узнала то Варшава,
 Так заплакала сейчас —
 Запропала вся польская слава,
 И не быть ей никогда!
 Полки строились в порядок,
 Три дня маршем шли в походе,
 Как к Варшаве только подходили,
 Затуманились глаза.
 Граф Паскевич-Эриванский

По всей армии у нас,
 Перед боем под Варшавой
 Отдавал такой приказ:
 «Стройся, армия, в порядке,
 Не забудь пехотный строй,
 Развернитесь да вы в колонны
 И по форме атакуй».
 Тут в полках огонь открывался,
 Загремел да страшный русский гром —
 Застонала тут тогда Варшава,
 Зарыдали поляки.
 Еще Паскевич дал-то нам свободы
 Три часика теперь погулять;
 Три часика мы там погуляли —
 Про то знали небеса!..

223. ГИБЕЛЬ ПОЛКОВНИКА ВЛАСОВА

Как не травушка, не муравушка
 К сырой земле клонится —
 Царя Белого армееюшка
 Стоит, Богу молится.
 Помолившись Богу, она поклонилась,
 Поклонившись, на удар пошла.
 Как и билися, и рубилися целый день до вечера,
 И темную ноченьку до белой зари.
 Да и много ж там побито!
 И убили полковничка Власова,
 Да и там же с ним убили
 Урядничка Дикова.

224. ПОДВИГ РЯДОВОГО ОСИПОВА

Как черкесы к нам ходили,
Будет лет уж пятьдесят.
Подошли черкесы грозно,
Тысяч, кажется, с пяток,
С шумом, с гиком скачут грозно,
Мчатся с гор, как злой поток.
А тенгинцы молодцами,
Не считая тут врагов,
И картечью, и штыками
Их укладывали в ров.
Хороша была та рота,
Славен был их командир;
Их чиста была работа,
Задали черкесу пир!
Но врагам пришла подмога,
Стали снова напирать;
Помощь нам <была> от Бога,
Чтоб нам крепость не сдавать.
За царя, святую веру
Стал тенгинец умирать,
Басурманов для примеру
Чем попало угощать.
Скоро выбились из силы
Горсть героев-молодцов,
И вблизи уже могилы
Для последних удалцов.
«Крепче, братцы, не сдаваться!
Здесь положим мы живот!
Рады мы теперь стараться,
Русских много славных рот!
Пусть врагам известно будет,

Что за Русская земля!
Враг нас сдаться не принудит —
Ляжем все здесь за царя!» —
Так по долгу по святому
Архип Осипов сказал,
К погребу пороховому
С фитилем у входа стал.
Все враги вдруг побледнели,
Страшен был он с фитилем;
Вместе с погребом взлетели
И погибли все огнем!
В переключке по уставу
Вызывается Архип.
Отвечают, что за славу,
За отечество погиб.

225. ЗИРЯНСКОЕ СИДЕНИЕ

Ну-тка, вспомните, ребята,
Как стояли в Зирянах,
Как не раз Хаджи-Мурата
Мы пугали на горах.
Уж тогда и было время:
Ух! куда не хорошо!
Всё татарское ведь племя
Возмутилось за одно.
Вот они как налегали
На аварский наш отряд...
Пули, ядра осыпали
И картечей, ровно град.
Но нам ядра всем знакомы,
Пули были нипочем —

Апшеронцы все готовы
Встретить нехристя штыком.
Тут проклятый басурманин
Вздумал шутку отмочить:
Пост держать он нас заставил,
Хотел всех переморить.
Но кавказские солдаты
Ходят об руку с нуждой,
Они горем все богаты,
Его носят за спиной.
По привычке наторели —
Доставалось все узнать.
С бедой справиться сумели,
Стали горю пособлять:
Мы рогатую скотину
Всю начисто первели,
Стали есть мы лошадину,
И варили и пекли.
Вместо соли мы солили
Из патронов порошком,
Сено в трубочках курили,
Распростились с табачком;
Обносились, оборвались,
Все свалилось с плеч долой;
Тут хлопот мы понабрались —
Как бы справиться с зимой:
Мы рогожи надевали
Вместо бурок и плащей,
Ноги в кожи зашивали
После съеденных коней.
Но мороз — плоха расправа,
И французы знают все,
Какова есть переправа

На Березиной реке.
Ну, уж долго мы, ребята,
Помнить будем Зиряны,
Приходилось плоховато
Нам и с гладу и с зимы.
Тут проклятый басурманин
Стал в уме себя держать...
Много спеси нам убавил,
Мог живых нас всех забрать.
Ровно мухи с комарами
Налетел со всех сторон,
Но мы встретили штыками
И задали им трезвон.
Враг не знал, что нами правит
Храбрый Пассек командир, —
Он лицом в грязь не ударит,
Где велит — везде пройдем!
Только скажет одно слово:
«Молодцы мои, вперед!»
Лезть на черта мы готовы...
Троих каждый уберет.

226. ПОБЕДА КОЗЛОВСКОГО ПОД ВНЕЗАПНОЙ

Звук победы раздается
Здесь во гибельных горах,
Где мы встретимся с врагами —
Мы сразимся на штыках.
Мы спокойных дней не знаем,
Всегда ходим по горам,
Злых врагов казнить умеем,

Честь и слава будет нам.
За нас мать наша Россия
Молит Бога завсегда,
Нам от горского злодея
Нет покоя никогда.
Двадцать третьего апреля,
На рассвете бела дня,
Запоем мы песню эту
Про изверга Шамиля.
Всех чеченцев и тавлинцев
Он собрал со всех гор,
Во Внезапной кабардинцев
Обступил со всех сторон.
Нам стоять было опасно,
Войска множество его;
Ожидали ежечасно
Мы героя своего.
Генерал-майор Козловский —
Закавказский наш герой,
Знаем дух его геройский,
С ним снесем мы все долой.
Гром гремит, земля трясется,
Запылали в нас сердца,
Конь, как лев, под ним несется,
Мы узнали тут отца.
Вдруг увидел он чеченцев,
Свою шашку обнажил,
Да с горстию кабардинцев
Врага тут же порешил.

227. ВОРОНЦОВ ПОБЕЖДАЕТ ШАМИЛЯ

Хорошо нам жить в отряде
С Воронцовым молодцом,
И нетрудно нам сражаться
Все с чеченцем хитрецом.
Как из гор-то, гор Кавказских
Во поход Шамиль вступил,
Увидавши отряд русских,
Свою шашку обнажил.
Он задумал с нами драться,
За Ишкерским лесом ждет.
Поскорей, Шамиль, спасайся,
Воронцов к тебе идет.
Проходили горы, скалы,
И сразились со врагом,
Позабрали все завалы,
Где мы шашкою, штыком.
Впереди стрелки-стрелочки
Подбирались ко врагу,
Казаки по одиночке
С флангов смерть несли ему.
Побежал Шамиль от страха
И от злости задрожал...
Воронцов наш не дал маху,
И такую речь держал:
«Набирайтесь силы, братцы,
Будет с нами, с нами Бог;
Мы пройдем горы Кавказски,
Уничтожим всех врагов!»

228. СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА ПАССЕКА

Князь Воронцов наш похвалялся,
Хотел штурмом горы взять.
Мы штурмом горы проходили,
Разнесли врагам поклон!
Из-за гор, ворот индейских,
Шамиль с войском выходил,
Востро шашки наострил;
Наостримши Шамиль шашки,
Воронцова в гости ждал,
Воронцов идет с отрядом,
С генералом Пассеком.
Генерал наш храбрый Пассек
Наперед кричит: «Ура!»
Как и тут вдруг уязвила
Чеченска пуля белу грудь,
Как со этого удара
Пассек на землю упал;
Он упавши-то, валялся,
А сам речи говорил:
«Ой вы, братцы, мои братцы,
Вы донские казаки!
Чечню бейте, не робейте:
С вами Бог и Воронцов.
Тело мое не покиньте
На чеченской стороне!»

229. ГЕНЕРАЛ МИЛЛЕР И ШАМИЛЬ

Скоро день уже настанет...
В бою кто нас устрашит?
К громкой славе путь конями

Мы сумеем проложить.
Наша грудь всегда готова
Встретить вражескую рать:
Полк отважный наш Моздокский
Не учился отступать.
Лишь увидим супостата,
Кровь възграется волной;
В руках шашки и кинжалы —
Полетим в кровавый бой.
И Шамилеву таланту
Мы потачки не дадим,
И у нас, на левом фланге,
Пользы мало будет им.
В Кабарду Шамиль шел открыто:
Там он Миллера, не ждал.
«Без него — плоха защита, —
Возмутитель рассуждал; —
Там Миллеру нужды мало,
Что иду я в Кабарду,
А другого отрядного
Там я, верно, не найду.
Кабарда пойдет за мною
И платить мне будет дань;
А как этак я устрою,
Путь направлю за Кубань».
Верст сто сорок пробежали
В тридцать с небольшим часов
И настигнуть подоспели
Кабардинцев-беглецов.
Нам в добычу все досталось —
Кабардинский весь обоз,
А Шамиль назад убрался
В дураках, повеса нос.

230. ГЕНЕРАЛ СЛЕПЦОВ СМЕРТЕЛЬНО РАНЕН

Ой да ты заря,
 То ли заря,
 Да ясная наша зорюшка,
 Ой да полуношная звезда
 Она высоко взошла.
 Ой да освети, да ты освети,
 Освети нам штаб-квартирушку.
 Как у нас во полку
 Несчастье да случилось:
 Генерал Слепцов
 Крепко раненный.
 Перед ним стоят
 Суньжанцы, младцы казаченьки,
 Стоят они, слезно плачуть.
 «Ой да вы не плачьте,
 Суньжанцы, младцы казаченьки,
 Не плачьте вы,
 Да вы не тужите,
 Ой да поручаю я вас,
 Суньжанцы, младцы казаченьки,
 Все майору Предимирову».

231. ВЗЯТИЕ АУЛОВ АВТУР И ГЕЛЬДИГЕН

Эй, сунженцы-молодцы,
 Вспомним, как недавно,
 Разудалые бойцы,
 Мы дралися славно.
 За Аргуном за рекой,
 В стороне чеченской,

Мирно двинулся наш строй
В светлый день крещенский.
То-то славный был денек!
А второй был краше:
Автуры и Гельдиги
Взяты грудью нашей.
Бой был страшен, но для нас
То была потеха:
Мы дралися целый час —
Скоро и с успехом.
Смотрит князь наш Воронцов,
На коне пред строем
Ободряет молодцов,
Действует героем.
Князь Барятинский нас вел,
Крюковской был с нами, —
На чеченцев страх нашел,
Дрогнули сердцами.
Задрожал Шамиль, уныл
И рванулся к бою;
Видит — плохо, но палит
С буйной головою.
Все бежат, Шамиль бежит
От большого страху.
Говорят, плакал Шамиль,
Рвал свою папаху.
Вмиг винтовку он схватил,
Князю в грудь направил,
Пуль четыре отпустил,
Не попал, оставил.

232. СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА КРУКОВСКОГО

Хорошо, братцы, было в отряде
С Круковским, братцы, молодым.
Он идет с своим отрядом
В черной шапке впереди.
В горы круты мы пойдем,
Горы круты мы пройдем,
Здесь Шамиля подождем,
В атаковке постоим.
Пули три Шамиль пустил,
Князя с лошади не сбил,
Как с четвертого удара
Князь на землю-мать упал,
Громким голосом вскричал:
«Уж вы, братцы-казаки,
Не покиньте вы меня
На поругань подлецам;
Вы возьмите мое тело
На бурочку на мою,
Понесите мое тело
В кладбище Мартанское».

233. КАЗАКИ БАКЛАНОВА ДОБЫВАЮТ ПОБЕДУ

Выше гор, выше гор и мечетей
Идет сотня казаков-усачей.
Вперед идет командир молодой,
Ведет бравых казаков за собой:
«Со мной, братцы, не робей,
На завалы поживей!

Скорым шагом на завал —
К кресту, первый кто вперед прибежал!»
Чударочков впереди усачей,
Шашку в зубы — и в воду вскочил.
Вспомним, братцы, как громили Мечуки
Мы с Куринской высоты, высоты!
Смотрим, братцы, как быстра речка течет,
Полк бакланов нам дорожку просечет.
Это, братцы, пустяки, пустяки,
Мы поднимем здешних горцев на штыки.
Как увидим мы значки у татар,
Приготовим им баклановский удар.

234. ЗАЩИТИМ РОДИМЫЙ КРАЙ

Что не ветры, не туманы
Идут в западных краях.
Не прокляты ураганы
Возмутились в степях —
К нам в Россию басурманы
Идут силу испытать,
Как французы англичанам
Дали слово помогать,
С гор пытается турок биться,
Россию хочет покорить.
Знать-то, братцы, ему не придется,
Не придется Россию спокорить:
Мы заступим правою ногою
И защитим родимый край.

235. КАЗАКИ ИДУТ В ПОХОД

Сине море зашумело,
Берега-то встрепенулись:
Как по линии уральской
Не ясен сокол летал...
Меж народа пролетела
Весть — идти весной в поход.
Как по линии уральской
Не сизой орел летал,
Он к нам весточки приносит —
Царя Белого приказ:
«Двум полкам идти в поход,
Ружья новые, пистоны,
Шашки острые иметь».
Под начальством Горчакова
Лестно будет умереть.
Он нам слова два-три скажет —
Шашки вон, пойдем на смерть!
Мы французов не боимся,
Полетим туда стрелой,
С басурманом мы сразимся
На смерть, не на живот.
Под кустиком ракитовым
Казак голову склонил,
Вдруг пронзила его сердце,
Свинцова пуля прошла;
Кровь бежит из этой раны
На источник на песок.
«Солетайтесь, вороны,
Из дремучих лесов,
Растерзайте мое тело
По мелким по частям,

Растаскайте мои кости
По ракитовым кустьям,
Вы положьте мои кости
По ракитовым кустьям.
Вы засыпьте мои кости
Тем источным песком».

236. СИНОПСКИЙ БОЙ

Турки наши лиходеи,
Христианских душ злодеи,
За морем живут.
Кораблей наших боятся,
Моряков русских страшатся —
В море не идут.
А ведь мы их поджидаем,
Праздник им подготавливаем —
Фейерверк большой;
Праздник будет всем по праву —
Угостим мы их на славу,
Просто на убой!
Так мы, братцы, рассуждали,
И без дела все скучали —
Злобясь на врагов;
Да и Черное-то море
Разгулялось на просторе,
Лезло из берегов...
Вдруг Нахимову от князя
Пришли разом два приказа
Жданных, дорогих:
Приказ первый — ехать в море,
А второй — поймать там вскоре

Басурманов злых!
Мы, по первому приказу,
Той же ноченькой, все сразу
Двинулись с земли...
Плыли быстро... На рассвете
У нас были на примете
Вражьи корабли.
Турки нас уж поджидали,
Наготове все стояли,
Окружив Синоп.
Корабли их стали цугом,
Батареи полукругом,
К нам подставив лоб.
Пятьсот пушек зарядили,
Изо всех из них палили
Турки в русский флот.
Но он помнит долг обычный:
Без резону, без добычи
Славы не уйдет!
Враги жарят... А мы тихо,
Бодро, дружно, смело, лихо
Стали по местам.
Да как грянем в них по-свойски,
По-российски, по-геройски —
Дрогнул басурман!
Мы и ну тогда чудесить,
Потешаться, куролесить,
Бить, топить, все жечь.
Все вверх дном перевернули;
С моря вражий флот стряхнули
Словно кудри с плеч!
От стыда Синоп зарделся,
Светло, жарко загорелся,

Жить не захотел.
И луна его затмилась,
В русском дыме закоптилась,
Город опустел!
Вот с таким-то мы манером
Рассчитались с изувером
За его постой.
И пока жив турок будет,
Никогда не позабудет
Он Синопский бой!

237. НАХИМОВ В СИНОПСКОМ БОЮ

Вы послушайте, ребята,
Как Нахимов адмирал
Со своими моряками
Под Синопом воевал.
Воевал он очень смело,
Бить врагов ему поддела.
А вы, слушай, не зевай,
Да на ус себе мотай!
Лишь пахнет у нас войной,
Мы всегда готовы в бой
И по царскому указу
Выступали все мы сразу.
Было нас тогда немного,
Всего восемь кораблей,
Да приказано нам строго
Со врагом быть посмелей.
Но в Российском нашем флоте
Нету места трусакам;
Все рвались мы по охоте

Поскорей бы на врага.
Лишь узнали, что в Синоп
Собрался весь вражий флот,
Наш Нахимов дал приказ
Окружить их в бухте враз.
На «Марии»-корабле
Удалой Нахимов плыл,
И с ним рядом на «Париже»
Новосильский храбрый был.
Смело фронтом, как в парад,
Мы явились пред врагом,
И хоть турок был не рад,
Все же встретил нас ядром.
Только в бухту мы вступили,
Со всех вражьих кораблей
Вмиг огонь по нас открыли...
Тут уж, братцы, не робей!
Наш Нахимов адмирал
Под огнем приказ отдал,
Чтоб назад не отступали.
Все мы якоря отдали.
Завязался бой ужасный,
Жаркий был Синопский бой!
Но и в битве был прекрасный
Наш Нахимов, наш герой!
Много турок утопили,
Уничтожен вражий флот...
Всю Европу удивили —
Будет памятен Синоп!
Доказал врагу Нахимов,
Что для русских нипочем
Бить врага на море, суше,
Быть под вражеским огнем.

Пой же песни, веселися,
Вы, матросы удалцы!
В рядах ваших были, будут
Постоянно храбрецы!

238. ФРАНЦУЗЫ ГОТОВЯТСЯ К ДЕСАНТУ

Не со гор-то, со гор,
Со гор было, братцы, со высоких
Снега белы сокатилися;
По лугам-то, лугам
Вода полая разливалась,
Не во крутенькие бережочки
Она, братцы, не вбиралася...
Как не легонькие кораблички
Со моря они во поход пошли;
Не со дорогими они со припасами —
Со свинцом они, со порохом.
Не французский король,
Король, братцы, царю Белому
Письмом грозным отсылаися —
Он велел припасти, велел приготовить
Во Москве квартирушки,
Как не малое число квартир —
Семьсот сорок тысячев;
Самому-то королю,
Королю французскому
Во святом Кремле
Белы царские палатушки.

239. НЕПИР У КРОНШТАДТА

Вот, француз у турка в службе,
Англичанин с ними в дружбе,
Покумились, знать.
Времена настали тяжки,
Два союзника в пристяжке,
А султан в корню.
И кричат, что Русь погибла,
А на деле, смотришь, рыло
У самих в крови.
Вот Непир под парусами
Стал над финскими водами,
Всё погоды ждет.
На Кронштадт он лорнирует,
Оком видит, носом чует,
Только зуб неймет.
Взять Кронштадт — плохие шутки,
Ну-тка, суньтесь — дудки, дудки,
Обожжете нос.
Видно, вас еще так мало
Наше море покачало —
Покачаем мы.
Ждут вас чудные закуски,
Уж на славу же, по-русски,
Зададим вам пир.
Пир уже такой, что вспашет,
Сам Непир старик запляшет
Русского бычка.
Хлебом-солью Русь богата,
На приемы таровата,
Любит угостить.
Для друзей почнет картузы,
И чугунные арбузы

Будут вам в привет.
А как ближе будет к встрече,
Вместо сладких дуль картечи
К вам пошлем на борт.
А от скуки, для потехи,
Есть свинцовые орехи,
Только раскуси.
Как сойдемся носом к носу,
Русский штык задаст вам чесу —
Дыбом встанет чуб.
Не узнавши прежде броду,
Не соваться б было в воду,
С бухты чебурах.
Вам друзья французы? Враки —
Кинь лишь кость, то как собаки
Загрызетесь вы.
Уплетайтесь без оглядки!
Нет, ведь с русским взятки гладки,
Знает целый свет!
К долгу верностью пылая,
За отчизну, Николая
Ляжем все костями.
С вами зависть, зло, киченье,
С нами вера и смирение,
С нами правда, Бог!

240. АНГЛИЧАНЕ ОБСТРЕЛИВАЮТ ДЕРЕВНЮ

Из заморской за земли
Выходили корабли
Под Кронштадт гулять,
Под Кронштадт гулять.

Увидали деревушку,
Зарядили туго пушку
И давай стрелять.
Во Кронштадте было пышно,
Собирались, было слышно,
В Питер на обед.

241. ОБОРОНА БАЛТИЙСКИХ БЕРЕГОВ

Как мы в Ревеле стояли
Очень близко ко врагу,
Его там мы ожидали
На балтийском берегу.
Зорко смотрим мы на море,
Ожидаем каждый час.
Наберется от нас горя,
Угостим его как раз!
Как задумал англичанин
На Россеюшку идти:
Полно, полно, басурманин,
Тебе в Ревель не войти!
Позабудь ты свои думки,
Возвратись ты, враг, назад;
Ты не пробал русской булки,
Русский любит угощать.
У нас войска очень много,
Все лихие молодцы;
Мы надеемся на Бога
И на русские штыки!..
Наш товарищ — штык трехгранный
Хочет кровь врага пролить;
Мы на то его точили,
Чтобы грудь твою пронзить!

242. ГРАФ ИГНАТЬЕВ И МАТРОСЫ

Мы во флотиках живали,
Ни о чем горя не знали,
Много пули и картечь
Нам не для чего беречь.
Начинайте-ка, ребята,
Палить с правой стороны.
Наши начали палить,
Только дым столбом валит.
С жару голову не ломит,
С дыму слезы не текут,
Каково есть красно солнышко,
Не видно во дыму.
Только видно и мелькает —
Граф Игнатьев разъезжает
Он по крутой по горе,
Да сам на вороном коне.
Шибко, громко прокричал,
Три словечушка сказал:
«Вы здоровы ли, ребята,
Военны матросы?»
Вы без мерушки пьете
Зеленое вино.
Без расчета получали
Государевой казны.
Сильно много получали
Генеральской похвальбы».

243. ОБСТРЕЛ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Ну-ко, братцы, круговую
 Постановимте сейчас!
 Грянем песню мы такую,
 Как сражались первый раз.
 Мы спасали всю обитель,
 Соловецкий монастырь.
 В то у нас был предводитель —
 Славный русской богатырь.
 Но ведь не испугались
 Мы на это несмотря,
 Служим честью без обиды,
 Всем довольны от царя.
 Слух прошел, что англичане
 На огромнейших судах
 Близко едут, басурмане,
 Задавать монахам страсть.
 Тут явились пароходы,
 Иностранны корабли.
 «Ах вы вражие народы», —
 Мы подумали тогды.
 «Что задумались, робята? —
 Возгласил архимандрит. —
 Что нам трусить супостата?
 За то Бог не ободрит.
 Нас команды очень мало
 И начальник молодой!»
 И подумали робята,
 Закачали головой —
 «С нами сам Господь Спаситель,
 Преподобны Сила-Власть.
 С крестной верой и надеждой

Есть духовной предводитель,
Что нам русским за напасть.
Ну-ко, братцы, не робейте,
Отправляйтесь с Богом в бой!
Слава русским всем солдатам
И обители святой!»
Стали палить басурмане,
Ядры рвутся пополам;
Святой церквы стекла бьются —
Весь трясется Божий храм.
Видно, так достойно Богу,
Зачинать пора и нам.
Старший крикнул: «В одну ногу
Марш, робята, на ура!»
Мы за им громко скричали,
Громко радостно «ура!»
Пушки-ядра запищали
И убили шкипаря.
Испугались басурмане,
Посмотря нашо ядро:
«Ах вы, хитры русовляне,
Прямо шкиперу в ребро».
Сколько били, не палили,
Убить чайку не могли.
Будто звери разъярели —
Воротились опять.

244. ПОБЕДА ПРИ АХАЛЦИХЕ

За высокими горами,
Между быстрыми реками
Ахалцих стоит.
Вдруг несметными толпами,

С регулярными войсками
Турок к нам валит.
Ахалцых атаковали,
Штурмом взять его мечтали,
Заняли Суплис.
И султану доносили,
Русских будто бы разбили
И берут Тифлис.
Князь Андроник с егерями
Да с горийскими князьями
Вовремя поспел.
Приготовился он к бою,
Взял и виленцев с собою,
Всем идти велел.
Тут-то пушки заревели,
Пули, ядра засвистели —
Потряслась гора.
Вдруг отважно, молодцами,
Наши бросились с штыками,
Гаркнули «ура!».
Турки дрогнули, бежали,
Пушки, ружья побросали —
Еле уплелись.
Все пожитки побросали
И бежавши повторяли:
«Вот те и Тифлис!»

245. КНЯЗЬ БЕБУТОВ РАЗБИВАЕТ АХМЕТА-ПАШУ

Целый месяц с штаб-квартиры
Все вели нас командиры
Воевать с врагом.
Для кавказского ж солдата

Не в первой раз супостата
Угощать штыком.
Наших девять тысяч было,
Турок в пять раз больше сила
Вышло против нас.
Приготовили канаты,
Чтоб вязать нас, как пернатых,
И вести всех в Карс.
Вот сражение началось,
Нам под ядрами пришлось
Два часа стоять.
Но начальник наш любимый,
В строй нас ставил невредимый —
Ядра вдаль летят.
А чтоб пушки не вредили,
Левый фланг в обход пустили —
Чтобы их отнять.
Турки видят, дело скверно,
С нами им не сладить верно —
Стали отступать.
Мы же все перекрестились,
Да вдогонку им пустились —
С нами был Господь!
И тогда-то, как баранов,
Вероломных всех османов
Стали мы колоть.
А одежду, лагерь, пушки
Все забрали, как игрушки
У малых детей.
Хоть свинцовые орехи
Нам и сделали прорехи —
Да не в первый раз.
Мы опять готовы биться,

А героизму не учиться
 На Руси у нас!
 Лишь бы Бебутов был с нами,
 Так уж верно за врагами
 Далеко пойдем!
 Он герой и старый воин,
 Каждый может быть покоен:
 Всех врагов побьем!

246. БОЙ У РЕКИ ЧОЛОК

Станем, братцы, вкруговую,
 Грянем песню удалую.
 Станем, братцы, в добрый час, да,
 Хлеба много есть у нас, да.
 Ровен речку перешли, да,
 Мы турецкий след нашли, да.
 Мы под Сунжу подходили,
 Много турок там разбили.
 К Озургету подошли, да,
 Мы завалы там нашли, да.
 Что же, братцы, за такие
 За завалы за крутые!
 Под Чолок мы подошли, да,
 Много турок там нашли, да.
 Близко мы к ним подходили,
 Хоть картечью в нас пустили.
 Мы картечи не боялись,
 На «ура!» в штыки бросались.
 Майор с нами справен был, да,
 Он солдатам повторил, да:
 «Вы, ребята, не робейте,

И зарядов не жалейте.
К батареям вы бегите,
Пушки, ружья разберите».
Князь Андроник наш отец, да,
Мы сольем ему венец, да.
Мы сольем ему венец, да,
Из солдатских сердец, да.
На головушку наденем,
Закричим ему «ура!», да.
И от нашего «ура!», да,
Огласится вся земля, да.

247. БАКЛАНОВ ПОД КАРСОМ

Приказал Бакланов палатки снимать,
Верно нам, ребята, в поход выступать.
Поход недалеко, под город под Карс.
Во городе Карсе ни пыль, ни кура,
Молния блистает, сильный гром гремит.
Верно, гренадеры с турком сразились.
Линейные казаки по флангам стоят,
Шашками блискают, подраться хотят.
Мы пробили стену, пошли на ура,
Били, рубили, крепко ранили,
Назад возвращались, слезно плакали.
Наши друзья, братья ранены лежат,
Руки, ноги нету, все смерти хотят.

248. ВЗЯТИЕ КАРСА

Полночь наступает,
 Луна горит светло,
 Отряд наш выступает
 С бивака своего.
 Идем мы тихо, стройно,
 Подходим к высотам,
 Вершины коих грозно
 Выказывались нам.
 Начальник наш Тарханов
 По фронту проскакал.
 «Ребята, не робейте! —
 Солдатам он сказал. —
 Вот нам пора настала
 Подставить грудь свою;
 Ребята, не робейте!
 Ведь сладко бытъ в раю».
 Под карсской батареей
 Там кровь лилась рекой,
 Как наши гренадеры
 Вступали дружно в бой.
 Прощай, моя невеста,
 Прощай, моя любовь;
 Любви твоей нет места
 Среди кавказских гор.

249. ДРУЖИНА В ПОХОДЕ

Как сказали нашей дружинишке:
 «От Питера до Бальбека
 Недолгие версты».
 Ознобила дружинишка

У рук, у ног пёрсты,
Не считала дружинушка
Короткие версты.
Мы к Бальбеку подходили,
На круту гору всходили,
На ту горушку всходили,
Во фрунт становились,
Ставши, ставши мы во фрунты
Направо взглянули:
Едет, едет наш чиновник,
Дружины полковник.
Стал он с нами здоровляться,
Стал нас вопрошати:
«Уж вы братцы дружинники,
Где же ваши отцы?» —
«Наши отцы — тяжелые ранцы
У нас за плечами». —
«Уж вы братцы дружинники,
Где же ваши мамки?» —
«Наши мамки — глубокие ямки
Во чистом поле». —
«Уж вы братцы дружинники,
Где же ваши братцы?» —
«Все армейцы — наши братцы,
С басурманом будем драться
До последней капли крови». —
«Уж вы братцы дружинники,
Где же ваши сестры?» —
«Наши сестры — сабли остры
За левой бедрою». —
«Уж вы братцы дружинники,
Где же ваши жены?» —
«Наши жены — в ружьях заряжены,

Штыком присажены». —
 «Уж вы братцы дружинники,
 Где же ваши дети?» —
 «Наши дети — мелкие картечи
 В пушках заряжены». —
 «Уж вы братцы дружинники,
 Где же ваши тетки?» —
 «Наши тетки — шапки легки
 На буйной головке».

250. В СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОСАДЕ

Мы во лагерях, братцы, стояли
 Под Севастопольским крутым горам,
 Мы не раз, не два «ура» кричали,
 За Рассеюшку мы мать страдали,
 За прекрасный город, за Москву.
 Распроклятый ты наш басурманин,
 Хотел с голоду нас заморить.
 Распроклятую старую лошаденку
 Мы варили, жарили, пекли.
 Вместо соли мы солили
 Из патронов мелким порошком.
 А уж трубочки мы, братцы, курили,
 Распрощались навек с табачком.

251. НАХИМОВ ЗАЩИЩАЕТ СЕВАСТОПОЛЬ

Расскажу я, братцы, вам:
 С англичанкой воевал,

Много горя, братцы, видел,
Много бед я испытал.
Как Нахимов-адмирал
Севастополь защищал.
Он редуты, бастионы
Все песком позасыпал.
Море синее шумит,
С кораблей француз палит,
Стены рушат бастиона,
Огонь пламенем горит.
Тот лежит без руки,
Тот лежит без ноги,
Кто изранен, искалечен,
Всюду лужины крови.

252. ПЕСНЯ СЕВАСТОПОЛЬСКИХ СТРЕЛКОВ

Что ж это мелькает, братцы, меж кустов,
Словно пропадает.
Цепь проворная, стрелки, вперед!
Ружья заряжайте,
Цепь проворная, стрелки, вперед!
Ружья заряжайте.
Без дорожки, братцы, без пути мы
Всюду проберемся.
Ай, без дорожки, братцы, без пути мы
Всюду проберемся.
Где река, где река, плыви смелей,
Выйдем, отругнемся,
Ай где река, где река, плыви смелей,
Выйдем, отругнемся.

Взвод стрелков, взвод стрелков, всегда вперед,
 Сотня врассыпную,
 Ай, взвод стрелков, взвод стрелков, всегда вперед,
 Сотня врассыпную.
 Протрубил, протрубил сигнальный рог,
 Батальон сомкнулся.
 Ай, протрубил, протрубил сигнальный рог,
 Батальон сомкнулся.
 Кто прилег, кто прилег в большой траве,
 Кто за куст пригнулся,
 Ай, кто прилег, кто прилег в большой траве,
 Кто за куст пригнулся.
 Кто первѣй, кто первѣй на вал зайдет,
 Тому честь и слава,
 Ай, кто первѣй, кто первѣй на вал зайдет,
 Тому честь и слава.
 Ай, севастопольцы — друзья, вперед!
 Равненье направо.
 Ай, севастопольцы — друзья, вперед!
 Равненье направо!

253. РУССКИЕ СОЛДАТЫ И ОФИЦЕРЫ В СЕВАСТОПОЛЕ

В Севастополе стояли,
 Горы каменны ломали,
 Батарею выкладывали.
 Мы воды мало видали.
 Нам холодная вода
 Слаще меду и вина.
 Аржаные сухари —
 Все приятели мои.
 А гречушная каша —

Родимая мати наша.
 Эскадронный командир,
 Во крестах его мундир,
 Офицеры молодые,
 Эполеты золотые,
 По траншеюшкам гуляет
 И в нас храбрость пробуждает.
 Вот, бывало, чуть-чуть свет —
 Командир наш на барбет.
 Всех скликает, всех сзывает,
 Песни петь нас заставляет.
 Уж мы песенки певали,
 Англичанку удивляли.
 А как мы пустились в пляс,
 Французик наш кричит: «Пас!»

254. НА МАЛАХОВОМ КУРГАНЕ

На Малаховом кургане
 Дело славное было
 И в военном урагане
 Много храбрых polegло.
 Там бесстрашный был Нахимов,
 Всюду сам он попевал,
 Словом, делом и примером
 Моряков он ободрял.
 Моряки его любили,
 Он был добрым им отцом.
 Под огнем с ним не робели —
 Каждый был там молодцом.
 Были схватки, жарки сечи,
 Нет покоя ночью, днем;

Доходили до картечи,
 Поработали штыком.
 Дорог нам курган пришелся,
 Счастье изменило нам —
 С нами наряду сражаясь,
 В битве пал Нахимов там.
 И примером для потомства
 Будет он служить всегда.
 Его подвигов, геройства
 Не забудем никогда!

255. СПОЕМ, БРАТЦЫ, ВСПОМИНАЯ ПРО ДЕЛА НАШИХ ОТЦОВ

Где вы, соколы былые,
 Черноморцы молодцы?
 Где вояки удалые?
 Где вы, старые бойцы?
 Нет уж вас, но всякий знает
 Ваши славные дела;
 С умилением вспоминает
 Всем родные имена.
 Где Нахимов отличался,
 Где Корнилов отражал,
 Где Истомин появлялся —
 Всюду враг от нас бежал.
 Все вы жизни не щадили,
 Проливая кровь за Русь.
 Много турок уложили,
 Много англов и француз.
 В Севастопольской осаде
 Было много храбрецов.

Каждый воин шел к награде
По следам своих отцов.
Много там героев пало
За отчизну и царя
И над нами засияла
Слава вечна, как заря.
Споем, братцы, вспоминая
Про дела наших отцов,
Песней звонкой прославляя
Чудны подвиги бойцов!

256. СОЛДАТСКИЙ ПРИВЕТ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ

Русского солдата
Знает целый свет,
Грянемте, ребята,
От души привет! Пой!
Царь самодержавный,
Белый русский царь,
Первый православный
В свете государь.
Молви только слово,
Взглядом поведи,
Мы повсюду снова
Будем впереди!

ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА II

Царь-освободитель, правивший с 1855 года до своей трагической гибели в 1881 году, освободил не только крестьян России от крепостной зависимости, но и славянские народы Балкан от жесточайшего гнета османских поработителей. Война за освобождение южных славян отразилась в исторических песнях этой эпохи (№ 269 — 293); представлены ими и победы над турками в Закавказье (№ 294 — 300). Победоносное завершение тяжелой Кавказской войны (№ 258 — 262) и ошеломляющие успехи русских войск в по-своему не менее тяжелых условиях Средней Азии составляют содержание остальных песен этого периода, часть из них посвящена лично императору Александру II (№ 257, 264, 265, 306, 307).

257. КАЗАКИ КАВКАЗА ПРИВЕТСТВУЮТ ВСТУПИВШЕГО НА ПРЕСТОЛ АЛЕКСАНДРА II

Венценосец наш державный,
Мы спешим к тебе с мольбой
И к престолу предков славных
Все с покорной головой.
Прими наше приношение
От сердец, полных огня,

Любви, веры и надежды
К дому Белого царя!
Прими нашу благодарность
За доверенность твою,
И мы славно оправдаем
С неприятелем в бою.
Молим в трудную годину
Нашей родины святой:
Да хранит тебя Создатель
Под десницею Своей
И поможет со врагами
Рассчитаться, как и встарь,
Чтоб не смели спорить с нами,
Православный государь,
Чтобы этих сумасбродов
Гром небесный поразил,
Все их козни, вольнобуйство
Вместе с ними сокрушил!
Повели — мы все готовы
Лечь за родину костями
И по-русски рассчитаться
Нам с незваными гостями.
Смело, дружно, с верой в Бога
На врагов своих пойдем
И мы жизни достоянья
В дар отчизне принесем.
Пусть узнают супостаты,
Каково нас задевать,
Ведь кавказские ребята
Любят лихо пощипать.
И в награду за усердье
Нашу Сунжу посети
Да с собою атамана

Молодого привези.
Пусть сунженцев он узнает
Закаленные сердца
И что пылко обожают
Так же сына, как отца.

258. ПОБЕДЫ НАД ЧЕЧЕНЦАМИ В АРГУНСКОМ УЩЕЛЬЕ

Шамиль вздумал бунтоваться
В прошедшие годы,
А теперь пошел скитаться —
Вышел враг из моды.
По завалам его войско
Все в горах лежало,
Услыхало русский дух,
От штурмы бежало.
А мы штурмою в погонь,
Ковалевский с нами;
Открывали мы огонь
Вперед со штыками.
Вот мы гнали басурманов
Прямо до оврага,
Представлялось им в глазах,
Сбили им отвагу.
Насчитали одних муллов
Больше до десятка,
А под кучами лежат,
Да все без порядка.
А под самым под аулом
Значки отбивали
И со всех сторон «ура»

Громко так кричали.
Течет речка Аргуна
С мутною водою,
Там мы дрались и рубились
С подлою ордою;
Течет речка Аргуна,
Она очень красна,
Представлялась им в глазах,
Им было ужасно.
Вот бросились они с кручи
Со большого страху,
Представлялось им в глазах,
Вот так дали маху!
Остальные басурманы
К аулу бежали,
Наши храбрые саперы
На штык их сажали.
Вот спасибо вам, саперы,
Что с завалу сбили,
На проклятых басурман
Штыки обнажили.
Вот бежали мы на штурму —
Конница, пехота,
И донские казаки,
И саперов рота.

259. ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА НАД ШАМИЛЕМ

Было дело на Кавказе,
Дело славное, друзья,
Мы дрались там с Шамилем
И с мюридами его.

Долго бились мы с врагами,
Гнали их за шагом шаг;
Они в горы, они в доли,
Мы за ними на рысях.
Наши чудо-командиры
Были всем примером нам:
И на битву, и на штурму
Мы идем по их следам.
Где местечко попросторней,
Поспешали поскорей;
Только лесом да горами
Было двигаться трудней.
Много лесу порубили,
Изрубили его тьму;
Уж досталось поработать
Нашей шашке, топору.
Были схватки, да какие,
С дикой горскою толпой;
Соберутся, да как вдарят,
Обожгутся... да домой.
Мы ведь тоже не глупее
Были умников таких —
Они — шашь, а тут гостинец
Припасен давно для них.
Знаем, что их шашки остры,
Ружья целят хорошо;
А картечью мы как брызнем —
Прячутся, как воронье.
Вот залезли они в скалы
На высокий на Гуниб,
Но и там его достали
Русская пуля, русский штык.

Ничего не устояло
Против Бога, против нас.
Пал Гуниб, и с ним Шамиля
Потерял навек Кавказ.

260. ШТУРМ ГУНИБА И ПЛЕНЕНИЕ ШАМИЛЯ

Вот послушайте-ка, братцы,
Я вам песенку спою,
Как вели войну кавказцы
С горцами и с Шамилем.
Мы дралися все в предгорьях,
Жали их со всех сторон,
И во всех былых сраженьях
Враг терпел большой урон.
Горцы в горы забралися,
Горы выше облаков,
Мы за ними поднялися,
Не теряли след врагов.
Что таить, подчас с лесами
Сладить было мудрено,
Да и горцы молодцами
Встали храбро заодно.
Наши чудо-командиры
Всюду были впереди,
Когда есть эти примеры
Хоть куда нас поведи.
То дралися мы, то рубили,
Нарубили лесу тьму
И просеки проложили
К концу-краю самому.

Были схватки впрямь лихие —
Кинжал наголо, на штык
Так и лезут горцы злые
Без обходов напрямик.
Как они уж там ни смелы,
Хоть из них всяк молодец,
Но понять-таки сумели,
Что настал для них конец.
И когда им стало тесно,
Шамиль заперся в Гуниб —
Место это неприступно,
То гора гранитных глыб.
Мы кольцом, штыком обвили
Их орлиное гнездо
И лишь время выжидали,
Чтоб добраться до него.
Вдруг пришел указ начальства:
Апшеронцам начинать
И без всякого коварства
Гуниб-гору штурмом взять.
Хоть отряд наш Дагестанский
На Гуниб вальма валил,
А Шамиль, имам татарский,
Все ж пощады не просил;
Он задал нам бой кровавый,
Но наш штык все порешил —
Шамиля с его войсками
Он разбил и полонил.
Пал Гуниб, и покорились
Дагестан и вся Чечня,
И в странах тех воцарились
Мир, покой и тишина.

261. ЖИЗНЬ КАЗАКОВ В ЧЕЧНЕ
ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Говорят, Кавказу — баста
И Чечне не воевать;
Но нас грабят очень часто
И нет сил орду унять.
Переставши с ними драться,
Мы занялись работать.
Вот и вздумаем остаться
На работе ночевать.
Днем работаешь, потеешь;
Солнце скрылось за бугром,
Тут скотину загоняешь
И стоишь всю ночь с ружьем.
Только сумраком затянет
И покроет все туман,
А уж хищник подползает,
Злой, ехидный басурман.
Слышишь шорох, оглянулся —
Бац с ружья, уже и нет:
Часовой наземь рухнулся,
А скотины простыл след.
Осенью и с каждым годом
У нас идет кутерьма.
Этим варварским народом
Вся наполнилась тюрьма.
Каждый дома из хозяев,
Легши спать, уж не зевай:
Ожидай гостей-лентяев,
Но дверей не отворяй.
Не проходит одной ночи,
Чтобы тихо обошлось:

Бьют тревогу что есть мочи —
 Воровство уж началось.
 Темной ночью по траве
 Наши скот спешат отбить;
 А как след открыт дороги,
 Так успеют их побить.
 Слышишь: плачут иль ликують —
 Иль побили их, иль нет.
 Старики же все толкуют,
 Что, мол, будут грабить век.
 Но уж хвастаться не знаем,
 Сколько наших перебьют,
 В год с десяток насчитаем,
 А из них — не перечтут.
 Хоть начальство нам приказом
 И велит живых ловить,
 Но уж мы по сердцу скажем:
 Когда б всех их перебить!
 Но мы все ж не унываем:
 Пашем, косим и хлеб жнем;
 В гости хищных ожидаем,
 Ночью рубим их и бьем.

262. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ —
 НАМЕСТИК КАВКАЗА

Все в кружок и веселее
 Всяк показывай себя,
 Позабавим Михаила,
 Брата батюшки-царя!
 Он ведь любит нас, казаков,
 Холит, точно как отец;

Сердце радостью забьется,
Когда скажет: «Молодец!»
Если б выпало на долю
С ним идти нам на врага,
Уж потешилась бы вволю
Наша шашка — атага.
Нам лишь нужно его слово:
«Ну-тко, братцы-казаки!» —
И казачество готово
Двинуть в бой свои полки.
Нуте ж дружно вкруговую
И за батюшку-царя
Выпьем чашечку родную
Доморощного вина,
А потом лезгинку хватски
Мы под музыку свою
Отхватает азиатски,
Вспомним службицу свою.

263. ЦАРЬ-ОСВОБОДИТЕЛЬ

За царя, за Русь святую
Кровь пролить нас не страшит.
За царя пасть головою
Долг и честь нам всем велит.
Мы горим к нему любовью,
Любим царский его дом.
Дал свободу он народам,
Цепи крепкие порвал.
Двадцати трем миллионам
«Люди, вольны вы!» — сказал.

И раба не стало имя...
Перестанем тосковать,
Человеческое племя
Станет вольно поживать.

264. СМЕРТЬ НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

Спротив зеркального возморья ну там корапъ: царевич плыл,
На нем заснул младой царевич непробудным крепким сном;
Он плыл ко бережку крутому, где рожден и возвышон.
Ну там стоят войска полками, невеста плакала об нем!
«Не плачь, не плачь, моя невеста, ты с обручением кольцом,
Будешь ты матерью Расеи, женою брата моего!»

265. ПОКУШЕНИЕ КАРАКОЗОВА

В шестьдесят шестом году
Бог пронес мимо беду.
Каракозов ровно крот
Пробирался сквозь народ.
Царь из сада выходил,
Злодей выстрел объявил.
Комиссаров подлетел
И спасти царя успел.
Туча черная прошла:
Царя пуля обнесла.

266. ПОДВИГ КАЗАКОВ ЕСАУЛА СЕРОВА

В степи широкой под Иканом
Нас окружил коканец злой
И трое суток с басурманом
У нас кипел кровавый бой.
Мы шли вперед, ряды редели,
Геройски умирал казак;
Про плен мы слышать не хотели,
И, как косой, косил нас враг.
Три дня холодные, три ночи,
Три ночки длинные, как год,
Мы шли и не смыкали очи
Сквозь тучи пуль врагов вперед.
Мы отступали — он за нами
Толпами тысячными шел,
И путь наш устилал телами,
И кровь струил на снежный дол.
Да, снявши голову с героя,
Злодей к седлу ее вязал,
Чтоб похвалиться после боя,
Как он с лежащим воевал.
Но вот в дали степной сверкнули
Родные русские штыки,
Мы все отрадной вздохнули,
Перекрестились казаки.
Потом взглянули брат на брата:
Увы, из наших многих нет,
И все они у супостата,
И к ним лежит кровавый след.
Мы мар насыпали над ними —
Пусть веки вечные стоит.
И только с ветрами степными
Про нашу славу говорит.

267. ХИВИНСКИЙ ПОХОД

Мы давно живем в степях
И давно привыкли к ним,
Мы пред дикими ордами
Уж не первый раз стоим.
Раздалися всюду клики:
«За царя! за Русь! вперед!»
Вот велел нам царь великий
Под Хиву идти в поход;
Через горы, в непогоду,
Припеваючи прошли, —
Слава русскому народу!
Дети Русской мы земли!
И прошли мы степь, как море,
Сквозь песчаный ураган,
Там он ходит на просторе,
Бьет с бархана на бархан.
Там и птица не летает,
Там песок летит столбом,
А теперь весь свет уж знает,
Что нам степи нипочем.
Слава нам! Хивинец дикий
Свою голову склонил;
Что задумал Петр Великий,
Александр довершил!
За то прислал нам царь «спасибо»
И медали всем войскам;
На край света мы пошли бы
За такую милость к нам!
Шел Бекович в стары годы,
И Перовский ратовал,
Но пропали их походы,

И давно их след пропал...
Только наш поход суровый
Будут помнить, будут чтить;
Но ведь нам теперь не ново
Царю Белому служить!

268. СКОБЕЛЕВ БЕРЕТ КОКАНД

Наше дело с кем подраться,
С неприятелем всегда.
Мы не будем дожидаться,
Когда враг придет сюда.
Мы сами к нему пойдем,
В прах его разобьем.
Разбивали в поле лагерь,
Где прикажут отдыхать.
Мы вспомянем свою храбрость,
Станем Русь мы прославлять.
Ночи темны, тучи грозны
По поднебесью плывут;
Наши храбры астраханцы
Под Кокан-город идут.
Идучи поспешным маршем,
Меж собою говорят.
Меж собою говорят,
Все Скобелева хвалят.
Генерал Скобелев с нами,
Нам и служба с ним лестна;
Он отец нашим казакам;
Нам и смерть с ним не страшна.
Царь ему ордер прислал,
Чтоб Кокан завоевал:

«Покажи свое искусство,
Ты привык ведь побеждать». —
«Я надеюсь на Бога
И на храбрость на свою;
Я за матушку Россию
Свою жизнь не пощажу».
Забиякою пуцался,
Рано встал под Коканом,
Он расставил свое войско,
Он армеюшку кругом.
Силу-войско подкреплял,
Письмо грозное писал;
Письмо грозное писал,
Пулат-беку посылал.
Эмир письмо прочитал,
Ему дерзко отвечал:
«Приходи ко мне на штурму,
Будем с тобой воевать,
У кого шашка острее,
Коканом тому владать!»
Заблестели, засияли
Наши русские штыки,
Испугались, оробели
Все коканцы-дураки.
Все пожитки побросали,
Из города утекли.
Заметались, загонялись,
Во барханы забрели.
И в барханах места нет:
Казак — за ними вслед.
Казак рубит, казак бьет,
Кокан Скобелев берет.

269. ТУРЕЦКИЙ СУЛТАН ХОЧЕТ ВОЕВАТЬ

Как решил султан турецкий
С нами шутку пошутить:
Он собрал господ пашей-начальников,
Стал им речи говорить.
Раз, два, три, стал им речи говорить:
«Господа паши, начальнички мои,
Я, султан, султан турецкий, всему царству голова.
Я задумал думу крепку и хочу вам рассказать:
В семьдесят седьмом году хочу с русским воевать.
Раз, два, три, хочу с русским воевать.
У меня войска немало, есть прекрасны крепостя,
Дунай-речка не малая, там есть горы и леса, —
Подойдем с войском к Дунаю, будем место занимать.
Мы построим батареи, будем русского встречать.
Раз, два, три, будем русского встречать.
Чрез Дунай пойдем в Россию, мы к Одессе подойдем,
После полночи на зорьке вот Одессу мы возьмем, —
Пускай русские не знают, что в Одессе мы стоим, —
Пройдем Каменку и Киев, где наш дед шапку забыл.
Раз, два, три, где наш дед шапку забыл!»
Солнце греет, месяц светит, заря алая встает,
Не туман с моря поднялся и не сильный дождик льет —
Растревожились солдаты, барабан тревогу бьет,
Войско русское поднялось, на врага в поход идет.
Раз, два, три, на врага в поход идет.

270. ПОХОД НА БАЛКАНЫ

Ай да проявились у нас да у нас вести новые,
Вот и таки вести они нехорошие.

Ай да вот говорят нам иттить, вот и на службу,
Ай да на службу вот и все во Турцию.
Ай да вот и подходим мы ой да к Дунай быстрому.
Ай да вот и zvolновался наш Дунай, вот и Дунай быстрыя,
Ай да вот и зашумели у нас, у нас ветры буйные,
Ай да вот зашаталися у нас, у нас лесы тесные,
Ай да вот и затряслись у нас, у нас горы крутые,
Ай да вот и горы крутые было все горы Балканские.
Ай да вот и как на этих было горах они все полки стоят,
Ай да вот и среди этих полков стоял православный царь.
Ай да вот и обнажил он свою ой вот шашку вострую,
Ай да вот и да грозил-угрожал салтану турецкому:
«Ай да вот и на кого же ты, салтан, ой ты надеешься?» —
«Ай да вот и я надеюсь да вот и я на Турцию.
Ай вот и на кого ты, Белый царь, да ты надеешься?» —
«Ай да вот и я надеюсь да вот и я на гвардию,
Ай да вот и во-вторых, да я надеюсь ай я на армию,
Ай да вот и как да во-третьих, я надеюсь вот на ртилерию».

271. КАЗАКИ ВЫСТУПАЮТ В ПОХОД

С Богом, терцы, не робея,
Смело в бой пойдем, друзья.
Бейте, режьте, не жалея
Басурманина-врага.
Там, далеко, за Балканы,
Русский много раз шагал,
Покоря вражьи станы,
Гордых турок побеждал.
Так идем путем прадедов
Лавры, славу добывать.
Смерть за веру, за Россию

Можно с радостью принять.
День двенадцатый апреля
Будем помнить мы всегда,
Как наш царь, отец державный,
Брата к нам подвел тогда;
Как он, полный царской мочи,
С отуманенным челом
«Берегите, — сказал, — брата,
Будьте каждый молодцом.
Если нужно будет в дело
Николаю вас пустить,
То идите в дело смело —
Дедов славы не срамить».

272. РУССКИЕ ВОЙСКА НА ДУНАЕ

Что ни соколы-то быстры
Собиралися в полет,
Как сбирались-то солдаты
Царя Белого в поход.
Взор их мужеством пылал,
Дух отвагою дышал,
Во главе-то их стоял
Брат великого царя.
Строй за строем вот подходит
К бусурманской все стране,
Батареи все разводят
На большой Дунай-реке.
Пушки наши загремели,
Турки в воду полетели,
Остальные все смутились,
Отступать потом пустились.

Наши двинулись за ними,
Посылая пули в спины,
И, бледнея и тоскуя,
Бусурман бежит, толкуя:
«Ох, напрасно, горемыки,
Мы набросились на пики
И на русские штыки,
Ядра, пули, тесаки.
Если б были поумнее,
То и жили б посмирнее,
Не схватились бы с Москвой
Мы за нашей за рекой.
Наши спины были б целы,
И не знали бы прицелы
Русских метких стрелков,
Все лихих-то ли бойцов...»

273. НАЧАЛО ПЕРЕПРАВЫ ЧЕРЕЗ ДУНАЙ

На Дунае мы стояли,
Переправы ожидали.
Появился к нам как раз
Николай, великий князь.
Приказал в лодки садиться,
Через Дунай-реку пуститься;
Мы под выстрелы гранат
На понтонах дружно в ряд,
А как к бережку приплыли,
Тотчас в горы покатили;
Направляли на тот путь,
Чтоб турок в Дунай спихнуть.
Мы взялись за работу

И за храбрую охоту.
Мы в овраг их всех бросали
И в Дунай поверх ногами.
Жарко было нам тут драться,
Точно в адском огне, братцы,
Мы штыками угощали
И прикладом не зевали.
И штыком себе дорогу
Проложили, слава Богу!
Скоро вверх мы поднялися,
В Систов город забралися.
Расщипали мусульман,
Турок рваных и поган.

274. ПЕРЕПРАВА ГВАРДЕЙСКОЙ РОТЫ ИМПЕРАТОРСКОГО КОНВОЯ

Слышно, бьют тревогу,
Становись в ряды,
Помоляся Богу,
В поле выходи. Пой!
Тихо катит волны
Старый друг Дунай,
Сумрак ночи поздней,
Ну, уж не зевай!
Снова супостата
Надо проучить,
Нам уже, ребята,
Не учиться бить.
Наводи понтоны,
Турок спать не плох;
Двинем мы колонны,

Пернеси нас Бог!
Мешкать нам нет время,
Нужно штурмовать, —
Басурманов племя
Не в полон же брать.
Они кожу драли,
Они жгли живых,
На колья сажали —
Не жалеть же их!
Не давать пощады,
Залп, да и в штыки,
Бросимся в приклады —
Счеты коротки!
Но назад — ни пяди —
Лучше умирать
Русской чести ради —
Но не отступать!
Живым в плен отдаться —
Боже сохрани!
Будут надругаться
Над тобой они.
Смелым Бог владеет,
Нечего робеть,
Если одолеют —
Лучше умереть!
Солдат русский бравый
Любит Русь, царя,
И покроет славой
Русский штык, ура!

275. ЗАНЯТИЕ СИСТОВА

Ночи темны, только тучи грозны
 По поднебесию плывут,
 Наши храбры, храбрые волинцы
 С переправушки идут.
 Они идут, идут, маршируют,
 Меж собою говорят:
 «Эх, не трудно-трудно нам, ребята,
 Город Систов будет взять».
 И не было нам того труднее
 Нам до пушек только добежать.
 Мы до пушек только добежали,
 Закричали все «ура!».
 Предводитель генерал наш Жуков
 Громким голосом вскричал:
 «Уж вы, братцы, теперь не робейте —
 Подается враг назад».
 Подается да и враг назад,
 За Дунаем знают нас.
 Хоть и лихи, лихи вы, турчане,
 Покоритесь вы нам.
 Если нам вы да не покоритесь,
 Пропадете, что трава —
 Наша славна матушка Рассея
 Всему свету голова.

276. ПЕРЕПРАВА ДЕВЯТОГО КОРПУСА

Как ходили мы, братцы, весною
 Мы на турок воевать.
 Подходили мы к речке Дунаю,

Где турецкий был отряд.
Войска много — тысяч тридцать,
А значки, как лес, стоят.
Ляжем, ляжем мы, братцы, за валом,
Потом дружно на ура!
Нам лежать было, братцы, опасно —
Войска множество его.
Вот какой же турок гололобый —
Вздумал шуточки шутить.
Он поделал там, братцы, завалов,
Не хотел к себе пустить.

277. ПОХОД В ГЛУБЬ БОЛГАРИИ

Станем, братцы, веселиться,
В час победы, в славный час
Есть чем русским похвалиться,
Станут турки помнить нас.
Наши деды не слыхали,
За Систовым есть ли след,
Мы штыком его сыскали,
Невозможного нам нет.
Штык булатный, грудь стальная
И к отечеству любовь;
Ты, Россия, мать родная,
Поминай ты нашу кровь.
За царя, его державу,
Мы весь белый свет пройдем,
Уничтожим всю Турчаву
И насквозь ее пройдем.

**278. УСПЕХИ ГУРКО НА ШИПКЕ И В ЦЕНТРАЛЬНОЙ
БОЛГАРИИ**

Рать нашу Гурко к Балканам привел,
На горы высокие гвардейцев повел.
По скользким кручам мы в горы пошли,
На кручах высоких мы турок нашли.
Трудна и тяжка та путина была,
Немало народу она извела.
Но трудный путь мы, гвардейцы, прошли,
В долины болгар все живые сошли.
Пытался тогда враг дать нам отпор,
И встретил он нас тут грудью в упор.
Трое суток мы бились с ним,
Бежали враги восвояси свои.
Честь, командиры, вам за труды,
В это время вы были отцы.
Слава России вовеки греми,
Русский солдат век верно служи.
Слава царю, России отцу,
Слава и Гурке, лихому бойцу!

279. СКОБЕЛЕВ ПОД ПЛЕВНОЙ

Было дело так под Плевной,
Дело славное, друзья!
Мы дрались тогда все с туркой
Под знаменами царя.
В бой водил нас всех удалый
Наш ли Скобелев лихой,
Сам он, славный, пред полками
Словно соколом летал!

Сам ружьем солдатским правил,
Сам и пушки заряжал.
Бой кипел, герой наш смелый,
Удалой, боец лихой,
Не страшился вражьей пули,
Не боялся и штыка.
И не раз вокруг героя
Пули облаком неслись;
Он всегда на них смеялся,
Верно Бог его хранил.
И редуты за редутом
Брал у турок он штыком!
Раз одна злодейка пуля
Полетела в храбреца,
Ангел же его хранитель
Спас могучего бойца.

280. ВЗЯТИЕ ЛОВЧИ

Вспомним, терцы, мы про Ловчу,
Как рубили турок там.
Пусть же знают басурманы,
Что не страшны они нам.
Отпуская в поход терцев
В Горном Студне царь сказал:
«Будьте в деле молодцами!»
Путь на Сивель указал.
В Сивле долго мы стояли,
Ждали битвы с час на час,
Но злодей не появлялся,
Не хотел потешить нас.
Ровно в полночь слух пронесся:

В пять часов нам выступать,
Наш отряд идет под Ловчу
С басурманом воевать.
Турок скоро увидели
В ложементх земляных —
Пули всюду засвистали,
Терцы бросились на них.
С конь — долой и цепью стройной
Мы атаку повели,
А за нами тут же скоро
Наши пушки подвезли.
Пушки грянули картечью
По завалам басурман —
Турки быстро дали ходу,
Кувыркались по горам.
Два дни пушки там стреляли
По завалам земляным.
Турки издали кричали:
«Мы вам жару зададим!»
Тут-то князь Имеретинский
Не на шутку закричал:
«Ура, Скобелев, дружнее!
Бейте, режьте басурман!»
Командир тогда мгновенно
Нас вперед к себе позвал
И на турок путь-дорогу
Рукой правой указал,
Крикнул громко: «С Богом, терцы!
Шашки — вон, вперед за мной!
Трусу — стыд в родной станице,
Смелым — почесть и покой!»
Дружно бросились мы в шашки —
Враг в смятенье побежал.
Наши шашки без промашки

Работали как кинжал;
 Кровь лилася басурманов —
 Нет пощады им, врагам:
 Вот вам, варвары, — отместка
 За поруганных славян!
 Царь при встрече своих терцев
 Молодцами называл
 И награду за победу
 Сам всем лично раздавал.
 Вспомним, братцы, мы про Ловчу,
 Как рубили турок там.
 Пусть же знают басурманы,
 Что не страшны они нам!

281. ВЗЯТИЕ РЕДУТОВ ЗЕЛЕННОЙ ГОРЫ

Крепок штык-то наш стальной,
 Силен с ним солдат наш удалой.
 Молодцы им крепко бьют,
 Метко пулю в врага шлют.
 Как ударят-то в штыки,
 И бегут вражьи полки;
 А дадут как залп в него,
 Перебьют весь строй его.
 Генерал наш удалой,
 Что уж Скобелев второй,
 На Зелену гору велел встать,
 Редут вражий ночью взять.
 Как уж бросились мы тут
 И вскочили на редут.
 Поработал штык стальной,
 Погулял солдат тут молодой!

282. БЛОКИРОВАНИЕ ПЛЕВНЫ

Вздумал турок бунтоваться,
Во все стороны бросаться.
Он кидался и бросался,
Он и в Сербию забрался.
Он и в Сербию пробрался,
С черногорцем долго дрался.
С черногорцем долго дрался —
Он на русский штык нарвался,
Русский царь не испугался,
За Дунай к нему забрался.
Турки русских увидали,
По горам от них бежали.
И метались, и бросались,
Все под Плевну собирались.
Как под Плевной собирались
И подмоги дожидались.
Но подмоги не дождались,
Вон из Плевны все убрались.
Русски Плевну обложили
И румыны пособили.
Турки черны и горбаты,
Сами все-то оборваты!

283. ПРИБЫТИЕ ГВАРДИИ ПОД ПЛЕВНУ

Долго с вечера, братцы, не спали,
Ждали приказания.
«Бери ружье, бери сухарей —
Пойдем на гуляние».
Через Дунай мы, братцы, перходили,

На долине стали.
Мы недолго там, братцы, стояли,
Командира ждали.
Едет, едет командир отрядный
Гурко с казаками.
Он к колонне, братцы, подъезжает,
Шапочку снимает.
Поздоровкался он, нам сказал —
Поздравил с походом:
«Скоро ружья, братцы, заряжайте,
Огонь открывайте.
Как в цепи, огонь, братцы, откроют,
Тогда не зевайте.
Если сигнал будет дан «в атаку»,
Зря не разбродитесь.
И коли вперед, тогда смелее,
Туркам головы снимай».
И поехал командир отрядный
Вперед с казаками.
А пехотные, братцы, полки
За ним поспешали.
Мы под Плевно скоро подходили,
Петухи запели;
Мы гвардейцы, братцы, молодцы
Скоро подоспели.
В Плевне турки, турки подлецы
На пикетах спали.
Мигом, братцы, наши молодцы
Их ружья забрали.
А что турки, турки басурмане
Два выстрела дали.
Как гвардейцы, братцы, молодцы
«Ура!» закричали.

Мы дралися, братцы, горячо,
Басурман пробрали, —
То-то турок, ты уж не дерися
С русскими войсками!

284. ДЕЛО ПОЛКОВНИКА КОМАРОВСКОГО

Вот полночь наступает,
Луна горит светло,
Отряд наш выступает
С бивака своего. Эх!
Идем мы тихо, стройно —
Подходим уж к реке;
Балканские вершины
Видны нам вдалеке. Эх!
Идем мы тихо, стройно,
Подходим мы к горам;
Балканские вершины
Покажутся вновь нам.
Полковник Комаровский
По фронту проскакал.
«Ребята, не робейте! —
Он громко нам сказал. —
Пойдем вперед, ребята,
Помощник с нами Бог.
Собьем мы супостата
И в пух его побьем».
Пришли на те поляны,
Где кровь лилась рекой,
Где русские дружины
Дрались за край родной.
Теперь же отступили

Уж турки далеко,
Они не позабыли
Времени того.
Кукушка вестовая
О смерти говорит,
А пуля роковая
Нас с жизнью примирит.
Прощай, моя невеста,
Родительский мой дом;
Мне мать-земля постеля
И вечный мне покой.
Мы будем помнить славу —
Турецкую войну,
Защитим мы державу —
Мать Русскую землю.

285. ПОДВИГ САМОГИТСКИХ ГРЕНАДЕР

Грянем, братцы, полковую
Песнь, про Плевну, например,
И про славу боевую
Самогитских гренадер.
Ноября двадцать восьмого,
Утром, раннею порой,
Звук сигнала боевого
Услыхали мы с зарей.
Гренадеры грудь крестили,
Ружья взяли, стали в строй
И, минут чрез пять, уж были
Все идти готовы в бой.
Наш полковник с умилением
Вслух молитву прочитал

И, поздравив полк с сраженьем,
Вздутъ османа приказал.
И пошли мы бодро, смело
Туркам ребра разогреть;
Защищать святое дело,
Победить иль умереть!
Бой кипел, шипели пули,
Настоящий был там ад!
Самогитцы не моргнули,
Стройно шли, как на парад.
Вот у Копаной могилы
Враг пробиться захотел;
Все туда направил силы
И в траншеях сам засел.
Видим: плохо нашим что-то;
Выручать нам их пора —
И штыковая работа
Закипела на «ура!».
И чудной же турок, право:
Задал тотчас он дерка...
Не понравилась расправа
Самогитского штыка!
Так вот, братцы, завершили
Самогитцы славный бой,
Царю службу сослужили,
Своей родине святой!

286. ПАДЕНИЕ ПЛЕВНЫ

Наше дело с кем подраться,
С неприятелем всегда,
Мы не будем дожидаться,

Чтобы он пришел сюда.
Мы сами к нему пойдем
И в прах его разобьем.
Нам не нужно отдыхать,
Нужно храбрость показать.
Свою храбрость показать,
Русь святую прославлять.
Свою храбрость показать,
Русь святую прославлять.
Свою храбрость показать,
Русь святую прославлять.
Свою храбрость показать,
Русь святую прославлять.
Ночки темны, тучки грозны
По поднебесью плывут,
Наши храбрые гвардейцы
Под Плевну город идут.
Идучи поспешным маршем,
Мех собою говорят:
«Нам не трудно взять град Плевну
И злых турок покорить,
Генерал Гурко ведь с нами,
Совладаем мы с врагом.
Он гвардейцам нам отец
И собою молодец.
Царь орден ему дал,
Чтоб Плевну город забрал.
«Покажи свое искусство,
Ты привычен воевать». —
«Я надеюсь на Бога,
На гвардейску храбру рать». —
Забиякою пушался,
Под Плевною очучался.

Расставлял вокруг ее
Много войска своего.
А как войском кругом стал,
Осману письмо писал.
Осману письмо писал
И посланничка послал.
Наш посланник приезжал,
Письмо Осману отдал.
Распечатал, стал читать,
Стал тот грозно отвечать:
«Приходи ко мне на штурму,
Тогда будем воевать.
У кого штыки вострее,
Тому городом владать.
У кого штыки вострее,
Тому городом владать.
У кого штыки вострее,
Тому городом владать.
У кого штыки вострее,
Тому городом владать».
Заяснились, заблестели
Наши русские штыки,
Испугались, оробели
Злые турки, дураки.
Злые турки, дураки,
Вон из города пошли.
Казак рубит, стрелок бьет,
Пуля ходу не дает.

287. ПЛЕВНА ВЗЯТА

Не туман с моря поднялся,
Три дня кряду сильный дождик шел —
Князь великий перправлялся,
Через Дунай он с войском шел.
Он и шел с крестом-молитвой,
Чтобы турок победить,
Чтобы турок победить,
Всех болгар освободить.
Три мы ночи шли в походе,
Притуманилось у нас в глазах.
Государь нам дал свободу
На три часа погулять.
Мы гуляли эти три часа,
Про нас знали только небеса.
Вдруг в войсках огонь открылся
И ударил сильный гром, —
Город дымом весь покрыло,
Три часа не виден город был!
Заплакала наша Плевна,
Запропала турецкая слава
И не будет больше никогда!

288. ПЕСНЯ ПРО РАДЕЦКОГО

Запоемте, братцы, песню про Радецкого бойца,
Как водил на турок храбро он солдата молодца!
С ним стояли на Балканах наши храбрые полки,
А напротив нас-то были три турецкие паши.
Стужу, выюгу перносили вместе с витязем лихим
И нимало не тужили с этим рыцарем своим.

Вот приказ, однако, с гор спускаться ли крутых,
Выбить турок с гор высоких и угнать подальше их.
Вот повел нас в бой Радецкий,
Удальцам он указал редут турецкий, —
И с удалым генералом лихо взяли мы редут:
В нем врагов много побили, остальных забрали тут.
Так-то, братцы удалые, бились с витязем лихим,
С нашим витязем лихим, генералом удалым.

289. ПРИКАЗ СКОБЕЛЕВА

Наливай чарку полней,
Бей врага, не жалей:
Против русского бойца
Нет такого удалца — ура!
Барабан, греми звучней,
Звени песни удалей:
Мы знамена развернем,
Да и в бой с врагом пойдем — ура!
Таков Скобелев приказ,
Уж таков его устав:
Иди в ногу, не робей,
На врага при удалей — ура!
Вражей пули не страшись,
Крепче друг к другу держись,
Метче пулю в врага шли,
А штыком сильней коли — ура!
Вот враг близко — подошли
И в штыки наши пошли.
Ура, ура, ура, ура!
И все наша взяла — ура!

290. ГУРКО РАЗБИВАЕТ СУЛЕЙМАНА

Бей врага ты смелей!
 С Гуркой драться удалей!
 Он велит врага нам взять,
 Тут уж неколи зевать.
 Смерти нечего робеть,
 Тут надо одолеть.
 Через Балканы перевел
 И к врагам он нас подвел.
 Сулейман тут встретил нас...
 А от нас и досталось же ему на квас!
 Трое суток бились тут.
 Получил турка капут:
 Все его пушки побрали,
 А пашу в горы загнали.
 Ура, ура, ура!

291. ГВАРДЕЙЦЫ И КАЗАКИ ПОД ФИЛИППОПОЛЕМ

За Дунаем за рекой,
 В стороне турецкой,
 Мы дралися со врагом
 Даже в день крещенский.
 Через Дунай мы перешли,
 На поляне стали.
 Мы не больше полчасца
 Командира ждали.
 Едет, едет командир,
 Гурко с казаками,
 Поздоровкался, сказал:

«Долго тут вас ждали».
И поехал командир
Вперед с казаками,
А пехотные полки
За ним поспешали.
Под Балканы подошли —
Петухи запели,
Мы, гвардейцы, молодцы,
Скоро подоспели.
А что турки, подлецы
На Балканах спали,
А гвардейцы, удалцы,
Все ружья забрали.
А что турки, басурмане,
Два выстрела дали,
Как гвардейцы, молодцы,
Все «ура!» вскричали.

292. ВЗЯТИЕ ГОРОДОВ

Хоть какую переправу
Перейдем мы все на славу.
Перешли реку Дунай
И шагнули до Балкан.
По крутым горам пошли:
Бури, вьюги пернесли.
Врагов валили наповал,
Так прошли мы перевал.
С гор спустились мы тогда,
Позабрали города.

293. ПУТЬ НА ЦАРЬГРАД

За Дунаем наши идут,
 За рекою турок прут,
 Сами ж песенки поют.
 Турки в горы-то бегут,
 Верки, шанцы отдают,
 Наши крепости берут,
 Сами ж песенки поют.
 Турки взапуски бегут,
 На Царьград наши идут,
 Сами песенки поют.
 Англичанин к ним спешит,
 В кораблях к турке летит.
 Наши ж ближе все идут,
 Сами песенки поют.
 Австрияк же говорит:
 «Скоро русские идут,
 Зададут всем нам капут».
 Наши ж песенки поют.

294. БОЙ НА ГРАНИЦЕ В ЗАКАВКАЗЬЕ

На границе мы, братцы, стояли,
 Не думали ни о чем.
 Только думали, братцы, мы гадали
 Снарядиться хорошо.
 Не успели, братцы, снарядиться,
 Нам приказики пришли.
 Пришли, пришли нам, братцы, приказы —
 Во поход скоро пойдем.
 День и ночь мы, братцы, не спали,

Все походом-маршем шли.
К Арпачаю речке подходили,
Турок берег занимал.
Занял, занял турок, братцы, берег,
Нам сраженьице пришло.
Летят пули, пули и картечи
Рассыпаются, как град.
Лежат турки ранены, побиты,
Нам проходу от их нет.

295. КАЗАКИ ПЕРЕХОДЯТ ГРАНИЦУ

Вечер поздний, непогодный,
По ущельям и скалам
Ветерок веял холодный,
Дождь шел с снегом пополам.
Там по бережку холмистым
Путь-дороженька легла,
По холмистым, каменистым
Извиваяся вела.
Той дорожкой проходили
На пост бранный казаки,
Бурки черные мелькали,
И белелись башлыки.
Вдруг догнал казак с приказом,
Он догнал и передал,
Чтоб начальник сотню разом
Он в поход ее собрал.
Мы собрались пред рассветом,
Еще не прошла ночная тьма.
Встретил ласковым приветом
Нас полковник молодой.

Турки все беспечно спали,
Им не снилось во сне.
А проснувшись, увидали:
Очутились в плену.

296. СРАЖЕНИЕ ЗА БАЯЗЕТ

Вспомним, братцы, дружно грянем!
Тергукасов с нами был;
Он с отрядом к Баязету
Смело, храбро подходил.
Гарнизон наш баязетский
Атакован турком был;
Голод, жажду принимая,
Он одно свое твердил:
Из нас каждый рад стоять
До последней капли крови,
Басурману чтоб не дань
Живым в руки, его воле.
Двадцать два дня уж прошло —
Мы сидим почти в руках.
Турок цепь свою занял
В крутых каменных горах.
А мы, братцы, с Богом в бой
На врагов своих пойдем,
Станем твердою ногой,
Гарнизон свой отобьем!
Сколько турок ни крепился,
Но не мог там устоять,
И неволей он решился
Баязет опять отдать.
Где отбили мы две пушки,

Турок бросился бежать,
Семьдесят два человека
Не успел с собой забрать.
Хоть явилось подкрепление,
Измаил сам прибежал,
Узнав русских избавление,
Сожалел, что запоздал.
На другой день пред рассветом
Луч на небе воссиял,
И тогда наш полководец
Он с добычей отступал.
И упавши турок духом
Только вслед нам поглядел.
Сожалел свою потерю,
Что вчера он нам отдал.
Двадцать восьмой день июня
Будем помнить мы всегда,
И державный нас отец
Не забудет никогда.
Итак, будем мы гордиться,
Что разбили мы орду,
Хоть пришлось нам потрудиться
В семьдесят седьмом году.

297. ОТПОР МУХТАРУ-ПАШЕ

Ну-ка, вспомните, ребята,
Как стояли мы в горах,
Как не раз пашу Мухтара
Мы пугали на горах!
Вот тогда случилось дело,

И куда нехорошо,
 Как турецкое все племя
 Всполошилось заодно;
 Дружно, дружно налегали
 На пехотный наш отряд,
 Пули, ядра осыпали
 И картечи, словно град.
 Но нам пули все знакомы,
 Нам и ядра нипочем;
 Мы всегда дружно готовы
 Встретить нехристя штыком.

298. РАЗГРОМ МУХТАРА-ПАШИ

Через гору Авлиар
 Заградил нам путь Мухтар
 Войском, войском.
 Как к горе мы подошли,
 Сразу вверх в штыки пошли
 Дружно, дружно.
 Мухтар грозно нас там встретил,
 Но потом же скоро сметил:
 Плохо, плохо.
 И попятился он в горы,
 Чтобы спрятаться там в норы:
 Струсил, струсил.
 И прибавив ход тогда,
 Окружили мы врага
 Ратью, ратью.
 Семь пашей мы в плен забрали
 И Мухтара в Карс загнали
 Назад, назад.

299. ПЕСНЯ НА ВЗЯТИЕ КАРСА

Вот под Карс мы подходили,
Вкруг него траншеи рыли;
Стали в крепость мы стрелять,
Бомбы, ядра посылать.
Турки крепко в нем засели
И свои песни запели:
Стали нас всех угощать,
Пули в наших посылать.
Надоела перестрелка,
Не по-русски эта сделка,
Нам под крепостью стоять.
Нужно было ее взять.
И велели командиры
Поскидать наши мундиры,
Ночью к крепости идти,
Да и взять ее в штыки.
Мы недолго снаряжались,
Помолились, распрощались,
И на крепость мы пошли,
А к утру в нее вошли.
Командиры лихачи
Всюду были впереди,
Да кричали только нам:
«Разгромите басурман!»
Мы и грянули по-свойски,
Ведь не знаем по-заморски;
Врага много положили,
Тысяч двадцать полонили!
Ура! ура! ура!

300. КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ

С Малки, Терека, Кубани
Довелось собраться нам,
Чтобы дали бусурмане
Честь и место казакам.
Видно, турки в самом деле
Заартачились не впрок,
Позабыть уже успели
Прежде заданный урок.
Лезут с грозною замашкой:
Мы навстречу выйдем к ним,
Да казацкой доброй шашкой
В турке память подновим.
Для начала, ради скуки,
Мы потешимся слегка,
Пусть себе башибузуки
Распознают казака.
То-то знатная работа!
Распотешься тут сполна!
Где ни взглянь — у нас ворота,
А у них валит стена.
Их французы обучали,
Англичанин им кунак,
А научит их едва ли
Не линейный наш казак.
Хватим дружным их ударом
На казацкое ура!
Чтобы вслед за Кадыкларом
Помнить им Кюрук-Дара.
Да и нам-то на станице
Будет что порассказать,
На турецкой как границе

Мы умели воевать.
Против силы нечестивой
Как наш вел лихой Кашков,
Как наш Скобелев правдивый
Службу правил казаков.
Не жалел за Русь, за Бога
Он ни жизни, ни труда,
И хоть с нами был немного,
Будет нашим навсегда.
Перед всем крещеным миром
Пусть же век поется нам:
Честь и слава командирам!
Честь и слава казакам!

301. СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Солдатушки! браво, ребятушки!
Дружно врага бейте!
Смелей, дружно
В штыки, в ружья,
Бейте, не робейте!
Солдатушки! браво, ребятушки!
Враг бежит бледнея:
Вы вдогонку
Пули звонко
Шлите им скорее!
Солдатушки! браво, ребятушки!
Павшего не трогай,
Бей стоящих —
Чрез лежащих
Марш вперед дорогой!
Солдатушки! браво, ребятушки!

Вас хоть окружили, —
 Влево, вправо
 Вы их bravo
 Били, не тужили!
 Солдатушки! bravo, ребятушки!
 Вам за то спасибо,
 Что стояли —
 Защищали
 Матушку Россию!
 Солдатушки! bravo, ребятушки!
 Храбро турки дрались,
 Вы их били,
 Не щадили —
 Турки разбежались!
 Солдатушки! bravo, ребятушки!
 Дружно врага бейте!
 Смело, дружно
 В штыки, в ружья
 Бейте, не робейте!

302. ПОХОД ОТРЯДА ЛОМАКИНА К ГЕОК-ТЕПЕ

Что ни соколы крылаты,
 Чуя солнечный восход,
 Царя Белого солдаты
 Собиралися в поход.
 По линейке текинской
 Не сизой орел летал —
 Наш Ломакин генерал
 Вдоль по войску проезжал.
 Вдоль по войску проезжал,
 Речь хорошую держал.

Речь хорошу говорил,
Ружья новые дарил.
Ружья новые берданы,
Штыки вострые у нас —
Нам и нечего бояться,
Мы поважены сражаться.
Ночь не спать, не дремать
За текинскую ордой.
Тихо строят там завалы,
Строят башни до небес.
Под ракитою зеленой
Солдат голову склонил,
На грудь ручки положил.
Белый крестик к сердцу жмет,
А из раны кровь течет.
Вы слетайтесь, вороны,
Тело белое клевать.
Вы летите все, вороны,
На родную сторону,
Отнесите вы, вороны,
Отцу, матери поклон.
Отцу, матери поклон,
Еще жене молодой,
Расскажите вы, вороны,
Что женился на другой.
Что женился на другой —
На винтовочке стальной;
На винтовочке стальной
И на сабельке вострой.
Что на сабельке вострой
И на пуле свинцовой.

303. ОСАДА ГЕОК-ТЕПЕ СКОБЕЛЕВЫМ

Вспомним, братцы ставропольцы,
Как стояли под Тикой —
Мы не раз били супостата
Ружьем, саблей и штыком.
Там текинцы собирались
В своих больших крепостях,
Наши воины старались
Всех разбить их в пух и прах.
Наша музыка играла,
Бил атаку барабан,
Сигналисты подавали
Вынуть сабли молодцам.
Генерал наш Петрусевич
Вперед в крепость поскакал,
Получил большую рану
От текинца подлеца.
Получив большую рану,
Так драгунам он сказал:
«Вы, ребята, вы, драгуны,
Вы не бросьте здесь меня;
Если, братцы, жив я буду —
Бог и царь вас наградит».
Тут драгуны подбежали,
На пополах понесли.
Скоро смерть его постигла,
И скончалась жизнь его.
Запоем мы, ставропольцы,
Вечну память про него.

304. САПЕРЫ ПОД ГЕОК-ТЕПЕ

Эх, саперы, запевайте,
Пойдем в такт мы веселей,
Да ряды ближе смыкайте,
Песня выйдет подружней! Эх!
Ружья прямо, ногу смело,
Иди храбро удалцом;
Вот и песня закипела,
Как пошел ты молодцом!
Когда в поле соберемся
Мы подраться со врагом,
Своей ротой развернемся,
То в колонну вновь сомкнем.
То развернем свои взводы
В одиночку пострелять,
То опять сомкнем мы взводы
Дружно залпом ударять.
Война только закипела,
В поход тронулись полки,
Ружья наши пошли в дело,
Не плохие мы стрелки!
Под Геок-Тепе сражались,
Враг тогда не устоял;
И не даром отличались —
Знак на шапках заблестал.
На Кавказе наши хваты,
Все саперы молодцы,
Дали знать, что мы, солдаты,
В деле храбрые бойцы.
И всегда мы храбро бились,
Поддержать чтоб свою честь,
Много раз мы отличились,

Знак и память у нас есть.
Эта память на знаменах —
Крест Георгьевский блеснит,
А под знаменем в колоннах
Сердце доблестно горит.
Будем, братцы, мы стараться
Царю-батюшке служить;
Дай Бог чаще отличаться,
Песню петь да не тужить!

305. ВЗЯТИЕ ГЕОК-ТЕПЕ

В степи Текинской и широкой,
Где голод царствует везде,
И по той степи пустынной
Апшеронцы шли в Тепе.
Ничто там жизнию не дышит,
В природе даже смерть видна,
Там звука ухо не услышит,
Как в могиле, глушь одна.
Долго, долго мы ходили,
По той пустынной мы степи;
Днем воды мы не имели,
Ночь не спали мы в цепи.
Народ, отчаянный и смелый,
Много сделать зла успел,
Наказать его царь Белый
Примерным образом велел.
Но зато и мы пожили,
Усмиривши дикий бунт;
Спирт казенный вдоволь пили,
В сутки ели мяса фунт.

Громом пушки застонали
Двенадцатого января;
Геок-Тепе мы штурмом взяли
По воле Белого царя.
Первым был убит Магалов,
Поручик Готто, Чикарев;
Там же был смертельно ранен
Подполковник граф Орлов.
Величина тройного вала,
Как бы природная скала,
Апшеронцев не сдержала,
Когда неслися на ура!

306. УБИЙСТВО АЛЕКСАНДРА II

Вы подумайте, друзья,
Все про Белого царя!
Милостивый государь,
Александра Второй царь,
Со всей с любовью он горел,
Всем свободу дать хотел.
Под крылом он всех держал
И от казни избавлял;
Исправлял он свой закон;
Слышал бедных людей стон;
Ко всем на помощь поспешал;
Всех злодеев укрощал.
Стали злодеи суд судить,
Как бы царя истребить.
Много казны потребили,
Отчайных подкупили;
Дали в руки им гранаты.

Они от Бога прокляты!
Везде мины подводили,
Государя не убили.
Караул везде стояли,
Государя сохраняли.
Марта первого числа
Жизнь кончалася царя.
Как первый удар
Его жизни миновал.
Страшно думать и гадать,
На царя руки споднять!
Злобный дух в них вселился
И второй удар явился.
Между народною толпою,
Не видать было откуда,
Появился большой взрыв —
Государя поразил.
Там великая страсть была,
Как царская кровь лила.
Пораженный царь упал,
Жалобно слово сказал:
«Подымите меня, дети,
Отжилси теперь на свете».
К нему слуги подбежали,
За белы руки сподняли,
На руках царя держали
И все плакали, рыдали,
Горьки слезы проливали:
«Что мы жили за царем!
Ты наш батюшка, земной бог,
Ты лишился своих ног!
Ты за то жисть свою положил —

Много милости творил.
Ты за то кровь свою пролил —
Всем врагам добро творил,
Христианов слободил,
Все законы отменил.
Ты наш батюшка, отец!
Несут тебе во дворец». —
По всем Питерам была тревога:
Государя стражды много.
Там бежали все народы;
Они стали во дворце.
На черный хлаг они смотрили,
Дожидались кончины.
Черный хлаг они спустили —
Царю смерти возвестили.
Черный траур надевали —
Упокой душе сказали.
По всем соборам отзвонили —
Погребенье отслужили.
Ударили в телеграм —
Затменили солнце нам.
Возвестили на Кавказ,
Полились слезы из глаз.
Там была народная смятенья,
Была земле потрясенья,
Лучи солнышные скрылись —
Царя Белого лишились.
Будем мы, братья,
Царя поминать,
Упокой душе воздавать,
Станем Господа просить,
Чтобы сына умудрить.

Подет сын по делам отцовым,
Доведет дело к концу.
Богу слава, царя держава.
И во веки веков, аминь.

307. ЦАРЯ НЕ УБЕРЕГЛИ

Убит император. Весть эта,
Как гром, пронеслась над землей;
Как гром, поразила полсвета
Своею ужасной грозой.
И страшно вздрогнули народы
От вести кровавой такой,
И кроткий податель свободы
Погиб, как преступник какой;
Погиб он в пучине житейской,
Страдая за счастье людей.
Рукой пораженный злодейской,
Пал жертвою пошлых людей.
Кровавое, страшное дело;
Но мы не забудем вовек:
Рукою дрожащей, несмелой
Запишет его человек.
Запишите кровавой строкою
На память потомкам,
Чтоб знали — какою ценою
Мы платим людям дорогим.
Царь русский, убитый в России,
Принял терновый венец.
Конвойцы несутся рядами;
Толпы окружают дворец.

Живого сберечь не умели,
Теперь же на помощь бегут;
Живому помочь не успели,
Так мертвого хоть сберегли.
Царь русский, убитый в России
Рукою же русских людей,
Лежит он, страдалец, облитый
Священною кровью своей.
За что же наш царь православный,
За что же он так пострадал?
За то ли, что славу отечеству дал?

ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА III И НИКОЛАЯ II

Сравнительно непродолжительное правление Александра III Миротворца (1881 — 1894 гг.) и завершившее трехсотлетие Дома Романовых царствование Николая II святого Страстотерпца отмечены были нараставшей активизацией разрушительных сил. Финалом явилась историческая катастрофа 2 марта 1917 года и кровавая трагедия последующего времени, кульминация которой — беспрецедентное злодеяние 17 июля 1918 года. Но народные исторические песни, известные нам по достоверным записям, оба эти события обошли молчанием. Песни отзывались главным образом на военные подвиги патриотов России. Вторая Отечественная война, длившаяся четыре года, и предшествовавшая ей война с Японией представлены, правда, в записях сравнительно скупо (соответственно — песни № 318 — 328 и 313 — 315). Но причину искать следует не в оскудении народно-поэтического творчества, а в прекращении условий для его объективной научной фиксации. Были зафиксированы некоторые песни, выражавшие отношение к государям в крестьянской и в военной среде (№ 308, 310, 316, 317).

308. ВОЦАРЕНИЕ АЛЕКСАНДРА III

Уж ты, батюшка, пресветлый Питер град,
Во тебе живет великий наш монарх,
Император всей России, Белый царь,
Наш папаша Александра государь;
И от Бога всю корону получил,
Всей Россеюшке закон новый вручил,
Власть от Бога превелику получил,
Генералов дисциплине научил;
Разъезжал он на своем белом коне,
Как на страшном на великом на громе;
Генералы окружали по бокам,
Их все кони притянуты к торокам,
На главах каски сияют все в перах,
Их полетушки блистают на плечах,
Все заслуги на шеюшках и на руках;
Золоты кресты на лентах, на цепях;
Ленты алые надеты чрез плечо,
В службе царской поступают горячо;
Генералам царь всем «браво» говорил,
Горнист сбоку в золоту трубу трубил,
Генералам золоты кресты дарил.
Когда кончился великий, большой смотр
И разъехался военный весь народ
По своим местам — казармам дорогим,
Со своим славным начальником благим.
Поступать должен начальник хорошо,
С военными обходиться пригожо;
На его пример должны они взирать,
Царя Белого вовеки почитать;
За него должны вовек Богу молить,
Во слезах должны о нем всегда просить,

Жертву Богу со усердием приносить,
Хвалу, славу, почтение воздавать,
Чтобы помиловал Россию от врагов,
От неверных неприятелей недругов.

309. ИЗГНАНИЕ НАРУШИТЕЛЕЙ ГРАНИЦЫ

Восемнадцатого марта
Нам доследовал приказ:
Наступать нам на авганцев,
Что касалось стрелков нас.
Как пошли мы тихим волком
По колени по воде,
Как заставы перешли все,
Стало видно нам везде.
Казаки пойдут на шашки,
А мы «ура!» на штыки;
Командиры ротны с нами,
Мы идем напрямки.
Там авганцы разъезжали
По позиции своей,
А казаки, все кавказцы,
Строили пеше с коней.
Мы авганцев здесь разбили,
Как француза под Москвой,
Мы их много побросали
В реку Кушку с головой.
У них скверные заставы,
Они очень глубоки,
В три часа мы их разбили,
Для нас это пустыки.
Генерал Комаров с нами,

Нам и то смерть не страшна,
И мы будем твердо драться
Все за Белого царя!
Мы напишем им записку
На французском языке,
Но мы лично о том знаем,
Что авганцы дураки.
Мы ответа подождали
По записочке своей —
Они просят Комарова
Покровительства себе.

310. ЦАРЬ ЕДЕТ ПО РОССИИ

Когда ехал Белый царь
Вдоль Россеюшки большой,
По большой славной дорожке,
По железным рельсам,
Три вагона проезжали,
А четвертый паровоз;
В трубу искрочки блистали,
Дым носился по лесам.
Как на главных полустанках
Все бегут царя встречать,
Его встреча преблагая —
Все «ура» ему кричат,
Все кричат ему «ура»,
Слава Белого царя.
Часовые по дорожке
Держат ружья на краул;
На краул они держали,
Злобно гордых угрожали.

Злобные враги стояли,
Издавеча все взирали,
Взирали все на него,
Все против воли его,
Чтобы жизнь его погубить,
Злую память сотворить.
Господь его сохранит,
Ему царствовать велит
На Давидовом престоле,
На его святом на троне.
На трон воссел Белый царь,
Александра государь,
Он одет святой порфирой
Всей небесной Божьей силой,
В руках скипетр и держава
Всю Россию содержала
По законам Божиим святым
Царем Белым преблагим.
По России разъезжал,
Народ с сторон окружал;
Окружали его люди,
Подносили хлеб на блюде;
Царь белый хлеб целовал,
В драгоценные руки брал.
Когда хлеб от них принял,
Слова громкие сказал:
«Я вас, дети, благодарю,
Вам почтение отдаю».
Генералы окружали,
Народ строго угрожали,
Царя Белого охраняли...
Охранитель — Бог Спаситель
Русского Белого царя

И царицы преблагой,
Мамашеньки дорогой;
Она вослед за ним катила,
Как голубушка летела
Во всей силе полноте,
В неизреченной красоте.
В России разъезжали,
К Москве белой подъезжали,
Все заставушки прошли,
В Москву-матушку взошли.
А уж ты, матушка Москва,
Всей России красота!
Во тебе царь короновался,
Всю корону получал;
Здесь корона передается,
Царство сыну отдается
Русского Белого царя,
Как румяная заря.
Когда солнушко взойдет,
Тогда Белый царь придет,
Он явится в Санкт-Петербурге,
Во своем светлом дворце.

311. НА ЗЛОДЕЯ ЛИХОГО

Я в станице веселился
И душою не скорбел,
А теперь с родным простился,
Видно род мне так велел.
Род велит за Русь святую
К пламю, к бою нам идти.
Как китаец-то наступит,

Все я думал об одном:
 Нам злодея бы лихого
 Вот на вид бы его взять;
 Его, варвара такого,
 Вот на вид бы его взять,
 Нам злодея бы лихого
 На пики скорей поднять.
 И Господь нам Бог поможет,
 Мы китайца разобьем;
 Мы, разбивши супостата,
 Жить на родину пойдем.
 Жаль нам маленьких детишек,
 Жаль, остались ни при чем!

312. АМУРСКИЕ КАЗАКИ В МАНЬЧЖУРИИ

Мы в Манджурию идем,
 Хлеб едим и воду пьем;
 По горам твоим Манджурским
 Раздалась слава об нас!
 Вплавь мы плыли по Амуру
 За границы побывать;
 Переплыли, показали,
 Как умеем воевать.
 Под деревней Калушаны
 И под Айгуном большим
 Освятили наше знамя
 Мы огнем пороховым.
 Мы под пулями смеемся,
 Нам гранаты нипочем,
 А войска манджур проклятых
 Мы в капусту посечем.

Под деревней Калушаны
Мандза видел казака,
Видел знамя боевое,
Испытал удар клинка.
Августейший атаман наш,
Батка Белый государь,
Несмотря на нашу юность,
Нам святое знамя дал.
Хоть амурские казаки
По годам своим юнцы,
Но в сражение и во драке
Оказались молодцы!

313. ГИБЕЛЬ «ВАРЯГА»

Наверх, о товарищи, все по местам!
Последний парад наступает!
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!
Все вымпелы выются и цепи гремят,
Наверх якоря поднимая,
Готовятся к бою орудий ряды,
На солнце зловеще сверкая!
Из пристани верной мы в битву идем
Навстречу грозящего ада,
За родину в море открытом умрем,
Где ждет нас бессмертья награда!
Свистит, и гремит, и грохочет кругом;
Гром пушек, шипенье снарядов...
И стал наш бесстрашный, наш верный «Варяг»
Мишенью коварных варягов!
В предсмертных мученьях трепещут тела;

Вкрут грохот, и дым, и стenanье;
И судно охвачено морем огня...
Настала минута прощанья!
Прощайте, товарищи! С Богом! Ура!
В кипящее море под нами!
Не думали мы еще с вами вчера,
Что нынче уснем под волнами!
Не скажут ни камень, ни крест, где легли
Во славу мы русского флага!
Лишь волны морские прославят вовек
Геройскую гибель «Варяга»!

314. МАТУШКА РОССИЯ, ЗА ТЕБЯ МЫ В БОЙ ИДЕМ

На краю Руси обширной,
Вдоль уральских берегов,
Поживало тихо, смирно
Войско храбрых казаков.
Вдруг тревога там случилась
И подняли красный флаг,
Разом все зашевелилось —
Подступил к России враг.
Вмиг собрали нас в станицу,
Учинили нам смотры,
Каждый день нас посещали
Жены, матери, отцы.
По приказу командира
Заседлали мы коней,
И в станице нас не стало —
Распрощались мы с ней.
Нас на площадь выводили
И построили в ряды,

И чуть слышно говорили:
«Генерал будет сюды».
Командир полка явился,
Он удалый молодец,
Принял знамя, помолился
Полка нашего отец.
Нам молебен отслужили;
Он нам знамя передал,
Прочитал приказ военный,
«С Богом, братцы!» — он сказал.
Мы в вагонах покатили
Дни и ночи и утра;
«Слава Богу», — говорили
И кричали все «ура!».
Прощай, станичники родные!
Дай Бог счастливо вам жить,
Вы всех нас благословите,
Чтоб Японию побить.
Куропаткин ведь назначен
(Он почетный наш казак),
Он задаст японцу встряску —
Трепещи, России враг!
Коль прикажет он в атаку,
Не отстанем назади,
Мы послужим верой, правдой,
Всегда будем впереди.
Хоть нескладна песня эта,
От души ее поем!
Помни, матушка Россия,
За тебя мы в бой идем:
В поле брани послуживших
По заслугам награди,
За живот свой положивших
Панихиду отслужи.

315. НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

Близ моря на Дальнем Востоке,
В ущелье кремнистой скалы
Кровавые льются потоки
С утра до вечерней зари.
Там слышны глухие раскаты,
Там жерла у пушек горят,
Там рвутся шрапнели, гранаты
И землю взрывает снаряд!
Там бьются за правое дело
И смерть храбрецов не страшит —
И в битву идут они смело;
Их Божия Матерь хранит!
А дома отец удрученный
И с ним, пригорюнившись, мать
Читают про бой отдаленный;
Про сына им хочется знать.
Из Мукдена их извещают;
Вдруг брызнули слезы из глаз...
Да, сын их убит; извещает
Об этом военный приказ;
Убит он в расцвете был силы,
Убит и зарыт он вдали...
Никто не узнает могилы
Защитника русской земли!

316. НА ЗАЩИТУ ТРОНА

Гей, станичники лихие,
Удалые казачки!
Подымайтесь, снаряжайте

В бой с крамолою полки!
Расплодилось крамольство,
Вслух ликует супостат;
Позабыто все на свете,
И восстал на брата брат.
Одиннадцать войск у нас казачьих;
Наша сила не мала —
Неужели мы допустим,
Чтоб крамольства верх взяла?
Лиходеи замышляли
Русь святую погубить:
Предлагали нас сначала
В дикой Азии селить.
Нас хотели изуверы
Окончательно донять:
Нам на смертную гибель
Хворь чумную прививать.
А потом, желая будто
Благо сделать казакам, —
Неустанно хлопотали
Распустить нас по домам.
Знаем мы: настанет время,
Всколыхнутся удалцы;
На измену и крамольство
Грянут храбрые донцы.
Час последний, неизбежный
Бунтари тогда найдут,
Пред казачьей грозной силой
Не колени упадут.
На защиту трона встанем,
Уничтожим мы напасть;
Крепко стиснем мы крамольства
Злую, бешеную пасть!

317. ДОНЦЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

Как в столице Петербурге,
Над речкою над Невой —
Над речкою над Невою
Стоит Зимний дворец
Российского государя
Все Романова царя.
Лейб-казаки в дворце служат,
При дверях всегда стоят.
Государь часто проходит,
Им «здорово» говорит.
А мы, донцы, с охотой служим,
Отвечаем весело!
Мы в манеже собирались,
Государя дожидались.
Государь к нам приезжал,
Слово ласково сказал:
«Здорово, донцы,
Вы гвардейцы-молодцы!»
И по фронту проезжал,
Сам разводы начинал.
А покончивши разводы,
Он «спасибо» нам сказал.
Мы служить, гвардейцы, рады
И за жизнь не постоим.
Будем службу несть исправно,
Мы ведь ею дорожим!

318. НЕ ОТДАДИМ РОССИЮ

Пишет, пишет царь немецкий,
Пишет русскому царю:
«Разорю я всю Россию,
Сам в Россию жить пойду».
Зажурился царь великий,
Сам он ходит по Москве.
Не журился, царь великий,
Мы Россию не дадим.
Соберем мы войска много,
Пойдем с немцем воевать,
Перейдем Карпатски горы,
Будем зиму зимовать.
Когда с немцем мы сражались,
Закричали все «ура!».
Ой, ура, ура, ура!
Государю честь, хвала!
Наша матушка Россия
Всему свету голова.

319. ГЕРМАНЕЦ ПОСУЛИЛСЯ НАПРАСНО

На взморье мы стояли,
На германском бережку,
На взморье мы смотрели,
Как волнуется волна.
Не туман ли с моря всходит —
То сильный дождичек шумит.
Посулился царь германской
Русско войско победить.
Врешь ты, врешь ты, враг германец,

Тебе русских не побить.
У России войска много,
Русский любит угостить;
Угостит свинцовой пулей,
На закуску стальной штык.
Штык стальной четырехгранной
Грудь германскую пронзит.

320. ПЕСНЯ ГРЕНАДЕРОВ

Из-за леса, леса, сосен и дубов
Идет рота гренадеров молодцов.
Впереди идет начальник молодой,
Ведет роту гренадеров за собой.
Вы, ребята, не зевай, не зевай;
Ружья в руки, да на фланги наступай.
Вы, ребята, не робей, не робей,
На завалы поспешай поскорей.
На завалах мы стояли, как стена.
Пули сыпались, жужжали, как пчела.
Выпьем, братцы, за царя, за царя,
Прокричим царю: «Ура, ура, ура!»

321. ПОСЛЕ БОЯ НА ГЕРМАНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Последний день нам, братцы, миновало;
Завтра рано еду я —
Еду, еду, друзья, с вами
Покидаю край родной.
Завтра рано на рассвете

Распущусь, жена, с тобой;
Распущуся я с полями
И с родимой стороной.
Там далеко за горами,
Где лежал я, на холме
Все могилы заросщѣны,
На моей могиле крест:
Вот убит наш здесь товарищ
В чужедальней стороне,
В чужедальней стороне
Да на германской на земле.
Соберем мы, братцы-покойники
И напишем письмецо,
Отошлем мы это письмо
К отцу с матерью родной,
К отцу с матерью родной
И к женке молодой —
Пусть оне его читают
И узнают, как страдают,
Как страдают на войне
Да на германской стороне.
К нам никто в окоп не влезет,
Лишь солдатики одне;
Зажужжали вдруг снаряды,
Засвистели тучи пули —
К нам летят германски пули,
Им навстречу наш картечь,
Немцы бегают в окопах —
Где бы лучше им залечь.
Нам не надо залегать,
Нам к Берлину путь держать.

322. ПОБЕДЫ В ГАЛИЦИИ

Немцы, венгры-австрияки,
 Хвастуны и забияки,
 Бойки на словах!
 Долго в мире с нами жили,
 Зубы все на нас точили —
 Зависть их брала,
 Что всего у нас довольно
 И живется нам привольно,
 На святой Руси...
 Хоть туманно наше небо,
 Не родится много хлеба
 На родных полях, —
 Всем земля наша богата:
 Много серебра и злата
 В недрах наших гор.
 Всякой живности немало,
 Кожы, льна, пеньки и сала,
 Масла и яиц,
 Много нефти, угля, леса...
 У немецкого балбеса
 Славный аппетит!..
 Вот они и захотели
 Разнести нас в три недели,
 Чтобы все забрать:
 Ревель, Ригу и Либаву,
 Вильну, Киев и Варшаву
 И другие города.
 Вздумал кайзер пообедать,
 Каши русской, щей отведать
 В Питере у нас.

Своей мощью похвалялся
И в поход на нас собрался,
Объявил войну.
Царь тотчас же на границу
Казаков послал станицу,
Чтоб его унять.
Казачи — ребята хваты —
В мире лучшие солдаты —
Стали их щипать.
Немцев вдруг такая сила
На казаков навалила —
Надо выручать!
Вот мы армию собрали,
Воевать ее послали,
Стали наступать!
Генерал наш храбрый Рузский,
Показал кулак им русский,
Начал их громить...
«Кулаком вы всем грозите,
А теперь уж посмотрите,
Наш кулак каков!»
Австрияки видят — «Жутко.
С Рузским воевать не шутка...»
Стали отступать.
Так поспешно отступали,
Что лишь пятки их сверкали...
Наши — догонять!
Подо Львовом их догнали...
И изрядно потрепали.
«Вот вам, хвастуны!»
Много мы от вас терпели,
Воевать же не хотели,

Вы подняли меч!
А теперь уж не възщите,
Замиренья не просите:
До конца пойдем!

323. БОЙ НА ПОДСТУПАХ К ВАРШАВЕ

Ну-ка, ребята, в поход собирайся,
Бери сухари и белье для себя;
Дружно пойдем воевать мы с германцем,
Положим живот свой за веру, за царя.
Начальники наши бывали в бою
И кровь проливали за родину свою;
Наши знамена бывали в бою,
Опять мы возьмем их с собой на войну.
Вспомните, братцы, как полк наш сражался
Под городом Варшавой в германскую войну.
Три дня и три ночи сражался наш полк
И весь под Варшавой разбитый он лег.
Ряды навалились, и полк наш разбит,
И знамя упало, знаменщик убит.
Один новобранец такой храбрый был,
Один у германца он знамя отбил.

324. ПОБЕДА ПОД ВАРШАВОЙ

Из-за леса, леса копий и мечей,
Едет сотня казаков да усачей.
Перед ними есаул да молодой
Ведет сотню казаков да за собой.

А за ними все сибирские стрелки,
 Все штыками, как щетиной, обросли.
 Как в Варшаве отстояли мы мосты,
 Все красавицы бросали нам цветы.
 Под Варшавой мы стояли как стена, —
 Пуля сыпалась, жужжала, как пчела.
 Будут дети, внуки долго поминать,
 Как Варшаву отстояла наша рать.
 От Варшавы немца гнали пред собой,
 Что ни лес, что ни деревня, — славный бой!
 Будут немцы помнить долго про стрелков,
 Про сибирских наших чудо-молодцов!
 Как дойдем мы до Берлина-городка,
 Не останется от немцев и следка.

325. ШАЛОСТИ ВИЛЬГЕЛЬМА

О, Вилли,
 Не шали, —
 В шалости нет славы!
 Вел ты рать,
 Хотел взять
 Ты у нас Варшаву;
 Нас разбить
 И побить
 Ты хотел порядком,
 А глядишь,
 Уж бежишь
 С ратью без оглядки!
 Подожди,
 Погоди,

Угостим на славу!
Плачь, усач,
Больше плачь,
Вспоминай Варшаву!

326. ПОСИДЕЛИ БЫ В ОКОПАХ

Хорошо вам быть на воле,
Слушать ласковы слова —
Посидели б вы в окопах,
Испытали то, что я!
Здесь сидишь в открытых ямах,
Сверху дождик моросит;
Как засыплет с пулемета,
То, поверь, не усидишь.
А получишь приказанье —
Из окопов вылезай;
Только голову покажешь,
Вдруг шрапнели зажужжат,
Тут мы бросимся в атаку
С криком громкое «ура!».
Страшно видеть серу массу,
Все кровавые тела;
Лежит раненой солдатик —
Голос жалобно звучит:
«Доколи меня, товарищ,
Успокой меня навек».
Шли бои по многим суткам,
Но солдат не унывал,
Все он думал про победу
Да о мире толковал.
Шли Карпатскими горами —

Шли мы славу добывать,
Но успехи изменились,
Нам пришлось отступить.
Много пало наших братьев,
Много крови пролито —
Оттого что ведь начальство
Все немецкое было.
Не представил нам снарядов
Сухомлинов генерал;
Был министром он в России,
Много роскоши узнал,
И товарищ его верный
Мясоедов был шпион,
Много там он на шпионил,
Но повешен был потом.
А когда сдавали мы Варшаву,
Там был немец генерал —
Он набил свои карманы
И в Германию удрал.
И была крепость небольшая,
Это крепость Осовец,
Мы долго в ней держались:
Комендант был молодец;
Мы надеялись на крепость,
Осовецкие форты —
Через два дня лишь узнали,
Что без боя отдали.
Вы все чисты и умыты,
И семья у вас кругом —
Нас кусают паразиты,
Но отчасти мы их бьем.
У вас теплые квартиры,
Как у важных у господ —

Через нас летят мортиры:
 То в окоп, то перелет.
 Вы дождались Христа Славы,
 Вам там певчи пропоют —
 А нам пули и снаряды
 Жить на свете не дают.
 Не дожждаться нам отрады,
 Не дожждаться миру нам:
 Через нас летят снаряды
 И в окопе плохо нам.

327. ВО СЛАВУ РОССИИ

Ревет и грохочет мортира вдали,
 Снаряд оглушительно рвется,
 И братья костями на землю легли,
 И стон над полями несется.
 Чудовища мчатся один за другим,
 Людей, словно мусор, сметая,
 Взлетает земля и клубится как дым,
 И грохот звучит не смолкая.
 Но молча живые пред смертью стоят
 И знамя их поднято гордо;
 Не дрогнет наш русский великий солдат
 И натиск врага встретит твердо.
 Кровь льется потоком и рвутся тела
 На мелкие части снарядом,
 Смерть косит и косит людей без числа —
 Земля словно сделалась адом.
 Но слышна команда солдатам «вперед!»,
 И двинулось стройно рядами
 Русское войско в тяжелый поход

И в бой беспощадный с врагами.
 А враг не жалеет снарядов для нас,
 Ружейных он пуль не жалеет:
 Летят за фугасом на воздух фугас
 И небо от гнева краснеет.
 Настала последняя наша пора,
 Сдаваться мы в плен не желаем.
 Вперед же, товарищи, с Богом, «ура!»,
 За родину мы погибаем.
 За правое дело мы в битву пошли,
 Но жребий нам пал неминучий...
 Пусть скажет весь свет, что мы с честью легли
 Во славу России великой.

328. ЗА РУСЬ И ЗА НАРОД

В штыки, ребята, смело,
 В штыки ступай вперед,
 За правое стой дело,
 За Русь и за народ.
 За правое стой дело,
 Иди, врага не трусь!
 Вперед, ребята, смело
 За матушку за Русь!

КОММЕНТАРИИ

Все тексты песен брались по первым их публикациям, а не по перепечаткам. Переиздание привлекалось только при условии, если текст был в нем исправлен путем сверки с архивным оригиналом. В некоторых случаях архивные материалы использованы непосредственно составителем этой книги.

Песни, известные в разных версиях или редакциях, как правило, представлены одним избранным вариантом. Тексты печатаются по записям, осуществлявшимся на протяжении восьми веков: начиная от передачи устных произведений в средневековых рукописях и кончая результатами недавних фольклористических экспедиций. Разные собиратели сохраняли особенности народной речи в различной степени — от фонетических фиксаций диалектологов и примитивно-точных, но не вполне грамотных самозаписей в рукописном солдатском альбоме до адресуемых массовому читателю публикаций фронтовых репортеров в газетах. Чтобы избежать слишком большого разнобоя в передаче текстов, устранена фонетическая транскрипция, написания слов приближены к современным орфографическим, однако без изменения ритма текста и его стилистического облика. Сняты те местные особенности произношения, которые затрудняют чтение и художественное восприятие. Сохранены диалектные слова и диалектные формы в разных по времени и месту записях, передающие колорит народного языка, особенности простонародной или несколько архаичной речи. Проставленные знаки ударения фиксируют отличие от литературной нормы или неустойчивость ударения в одном тексте, а также произношение

редких, малоупотребительных слов. Знаки препинания проставлены по современным правилам, но с учетом особенностей устно-поэтического текста.

Названия песен приводятся согласно источнику или даются составителем, когда в источнике текст не озаглавлен. Если же в книге дано иное название, в комментарии в скобках указано заглавие по источнику. Комментарий дает сокращенное обозначение источника с отсылкой к странице, на которой начинается текст, или к его порядковому номеру, если в источнике есть сквозная нумерация всех текстов. Исторические примечания наиболее подробны в тех случаях, когда представляет особый интерес сопоставление народной интерпретации факта с его отображением в документальных исторических свидетельствах. Примечания минимальны или отсутствуют, если песня отозвалась на частный случай, мало соотносимый с реальными фактами, и интересна только общей интерпретацией исторического явления. При необходимости приводятся справки источниковедческого характера, оговариваются индивидуальные особенности передачи текста, даны пояснения некоторых имен, а также тех понятий и терминов, вынесение которых в словарь не представлялось оправданным вследствие особого употребления именно в данном тексте.

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТОВ

Абрамычев — Сборник русских народных песен / Записал Н. Абрамычев. СПб., 1879.

Азбелев 1955 — Азбелев С. Н. Запись духовного стиха о святом Георгии в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Русская литература. СПб., 1995. № 1. С. 177 — 184.

Азбелев 1996 — Азбелев С. Н. О происхождении песен, посвященных Грозному царю Ивану Васильевичу // Русский фольклор. СПб., 1996. Т. 29. С. 62 — 81.

Андреев — Андреев А. И. Песня об Александре Втором // Этнографическое обозрение. М., 1912. № 1 — 2. С. 209 — 212.

Акимова — Фольклор Саратовской области / Составление Т. М. Акимовой. Саратов, 1946. Кн. 1.

Астахова — Былины Севера / Подготовка текста и комментарий А. М. Астаховой. М.; Л., 1951. Т. 2.

Балашов — Русские народные баллады / Вступительная статья, подготовка текста и примечания Д. М. Балашова. М., 1983.

Бессонов — Калики перехожие / Сборник стихов и исследование П. Бессонова. М., 1861. Вып. 3.

Бигдай — Песни кубанских казаков для одного голоса и хора / Сборник А. Бигдая. М.; Екатеринодар, 1897. Вып. 5 — 8.

Бирюков — Урал в его живом слове: Дореволюционный фольклор / Собрал и составил В. П. Бирюков. Свердловск, 1953.

Бутова 1889 — Бутова Е. Станица Бороздинская, Терской области, Кизлярского округа // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1889. Вып. 7. С. 3 — 156.

Бутова 1893 — Бутова Е. Песни, поющиеся в станице Ищерской, Грозненского округа; Песни, поющиеся в станице Бороздинской, Кизлярского округа // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 15. Отдел 1. С. 227 — 301.

Виноградов — Виноградов Н. Исторические песни, записанные в Костромском уезде // Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1915 г. Кострома, 1915. С. 1 — 14.

Водарский — Водарский В. А. Песни, записанные в Червленной и Старогладковской станицах Терской области в 1901 году // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 39. Отдел 2. С. 57 — 80.

Востриков — Востриков П. А. Песни, поющиеся в станице Наурской, Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38. Отдел 2. С. 1 — 63 первой пагинации.

Гильфердинг — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л., 1949 — 1951. Т. 1 — 3.

Голубинцев — Песни донских казаков / Составил Н. Н. Голубинцев. М., 1911.

Гребенец — Гребенец Ф. С. Гребенские песни // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 9. С. 37, 62, 81 — 82; № 12. С. 16, 32, 46 — 48.

Григорьев — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899 — 1901 гг. Т. 1. М., 1904; Т. 2. Прага, 1939; Т. 3. СПб., 1910.

Гуляев — Былины и песни Южной Сибири / Записи С. И. Гуляева / Под ред. В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952.

Гура — Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края: Сказки, песни, частушки / Составитель В. В. Гура. Вологда, 1965.

Гусев — Гусев А. Поверья, праздники, песни и сказки в станице Ардонской, Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 16. Отдел 1. С. 317 — 336.

Добровольский — Смоленский этнографический сборник / Составил В. Н. Добровольский. М., 1903. Ч. 4.

Догадин — Былины и песни астраханских казаков / Собрал и на ноты положил А. А. Догадин. Астрахань, 1908. Вып. 1; 1911. Вып. 2.

Егоров — Сборник избранных песен для солдатского хорового пения / Собрал и с голоса на ноты положил П. Ф. Егоров. М., 1897.

Еланский — Еланский Д. Старинные песни терских казаков // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 39. Отдел 2. С. 1 — 56.

Железновы — Песни уральских казаков / Записали Александра и Владимир Железновы. СПб., 1899.

Зиссерман — Зиссерман А. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726 — 1880). СПб., 1881. Т. 2.

Иваницкий — Песни, сказки, пословицы, поговорки, загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии / Подготовка текстов, вступительная статья и примечания Н. В. Новикова. Вологда, 1960.

ИП XIII — XVI вв. — Исторические песни XIII — XVI веков / Издание подготовили Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960.

ИП XVII в. — Исторические песни XVII века / Издание подготовили О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л., 1966.

ИП XVIII в. — Исторические песни XVIII века / Издание подготовили О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971.

ИП XIX в. — Исторические песни XIX века / Издание подготовили Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин. Л., 1973.

Истомин и Ляпунов — Песни русского народа, собранные в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1883 году / Записали слова Ф. И. Истомин, напевы С. М. Ляпунов. СПб., 1899.

Как восплакалась Россия — Как восплакалась Россия о своем Белом царе. 1881 г. // Русская старина. СПб., 1890. № 12. С. 689 — 690.

Караулов — Караулов М. А. Песни, поющиеся в стан<ице> Галюгаевской, Моздокского отдела, Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1901. Вып. 29. Отдел 3. С. 109 — 162.

Карпинский — Карпинский М. Старинные песни гребенских казаков // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1898. Т. 24. Отдел 1. С. 85 — 118.

Кашин — Кашин Н. Песня про кончину императора Александра II // Этнографическое обозрение. М., 1900. № 3. С. 137 — 139.

Кетриц — Кетриц Б. Э. «Псалом» об императоре Александре II // Исторический вестник. СПб., 1898. № 3. С. 1126 — 1128.

Кикоть — Кикоть В. Песни, поющиеся в станице Умахан-Юртовской, Грозненского округа // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 15. Отдел 1. С. 315 — 335.

Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1868. Вып. 7; 1870. Вып. 8; 1872. Вып. 9; 1874. Вып. 10.

Киреевский, НС — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., 1929. Вып. 2. Ч. 2.

Кириша Данилов — Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым / Издание подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977.

Колотилин — Сборник кавказских военных песен / Собрал М. П. Колотилин. Тифлис, 1907.

Корнилович — Русская старина: Карманная книжка для любителей отечественного на 1825 год, изданная А. Корниловичем. СПб., 1824.

Косинский — Песни русского матроса / Собрал Ф. Косинский. СПб., 1903.

Кульман — Кульман Н. Песня на кончину императора Александра II. (Записанная в области войска Донского) // Русская старина. СПб., 1900. № 6. С. 651 — 654.

Курганов — К<урганов> Н. Российская универсальная грамматика. СПб., 1769.

Лаговский — Лаговский Ф. Н. Народные песни Костромской, Вологодской, Нижегородской и Ярославской губерний. Вып. 2 // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1923. Вып. 29 (Третий этнографический сборник). С. 27 — 76.

Лит. наследство — Литературное наследство. Т. 79. Песни, собранные писателями: Новые материалы из архива П. В. Киреевского. М., 1968.

Лопатин и Прокунин — Сборник русских народных лирических песен Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина. М., 1889. Ч. 1.

Магнитский — Песни крестьян села Беловежского Чебоксарского уезда Казанской губернии В. Магнитского. Казань, 1877.

Марков — Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901.

Мацкевич — Народные песни / Доставлены Г. Мацкевичем // Воронежская беседа на 1861 год. Издание М. Де-Пуле и П. Глотова. СПб., 1861. Исторические материалы. С. 156 — 166.

Музей ИРЛИ — Литературный музей Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург).

Мякутин — Песни оренбургских казаков / Собрал сотник А. И. Мякутин. Оренбург, 1904. Т. 1.

Налепин и Щербакова — Солдатский песенник / Публикация А. Л. Налепина, О. Ю. Щербаковой // Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах XVIII — XX вв. М., 1995. Т. 6. С. 472 — 487.

Никифоров — Никифоров А. И. Фольклор и «Слово о погибели Русская земля» // Из истории русской фольклористики. Л., 1978. С. 189 — 198.

Озаровская — Озаровская О. Э. Бабушкины старины. Пг., 1916.

Ончуков — Ончуков Н. Смерть Александра II // Живая старина. СПб., 1916. Вып. 4. С. 327 — 328.

Орлов и Щеглов — Песни нашей армии: 18 песен, записанных в армии в период 1914 — 1915 гг. С. П. Орловым и Ф. Н. Щегловым. М., 6. г.

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

Пальчиков — Крестьянские песни, записанные в селе Николаевке Мензелинского уезда Уфимской губернии Н. Пальчиковым. СПб., 1888.

Панкратов — Гребенцы в песнях: Сборник старинных бытовых, любовных, обрядовых и скоморошских песен гребенских казаков с кратким очерком гребенского войска и примечаниями / Собрал Ф. С. Панкратов. Владикавказ, 1895.

Пасхалова — Былины и песни, записанные во Саратове А. Н. Пасхаловой // Известия Имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1854. Т. 3. Прибавления. Стб. 317 — 328.

Песни героев — На память о русско-турецкой войне 1877 — 1878 гг.: Песни героев / Первый самый полный и самый дешевый сборник боевых песен про минувшую войну, исполняемых полковыми песенниками Задунайской и Кавказской армий. Издание Б. Н. Краковского. СПб., 1879.

Песня, зап. А. С. Поповым — Песня про государя Александра-Второго-царя / Записано действительным членом Кубанского областного статистического комитета А. С. Поповым в Екатеринодарском отделе со слов певца-торбаниста, старого служивого // Кубанский сборник: Труды Кубанского областного статистического комитета, издаваемые под редакцией А. И. Собириевского. Екатеринодар, 1899. Т. 5. С. 1 — 3 отдельной пагинации.

Пивоваров — Донские казачьи песни / Собрал и издал А. Пивоваров. Новочеркасск, 1885.

Попов — Боевые песни русского солдата. (С прибавлением песен бытовых) / Собрал и с голоса на ноты положил Г. М. Попов. СПб., 1902.

Потанин — Потанин Г. Н. Юго-Западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник Имп. Русского географического общества. СПб., 1864. Вып. 6.

Пругавин — Пругавин А. Vox populi: Из записной книжки этнографа // Северный вестник. СПб., 1885. № 1. Отдел 1. С. 115 — 123.

Путилов 1946 — Песни гребенских казаков / Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946.

Путилов 1962 — Народные исторические песни / Вступительная статья, подготовка текста и примечания Б. Н. Путилова. М.; Л., 1962.

Пыпин 1858 Пыпин А. Н. Народные стихи и песни. (Извлечения из рукописей) // Отечественные записки. СПб., 1858. № 1. С. 301 — 340.

Пыпин 1900 — Пыпин А. Н. Дела о песнях в XVIII веке // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1900. Т. 5. Кн. 2. С. 554 — 562.

Пятирублев — Пятирублев В. Песни, поющиеся в <станции Наурской, Грозненского округа> // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 15. С. 145 — 226.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва).

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук (Санкт-Петербург), разряд V, коллекция 106, папка 4.

Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1909 — 1910. Т. 1 и 2.

Савельев — Сборник донских народных песен / Составил А. Савельев. СПб., 1866.

Сахаров — <Сахаров И. П.> Песни русского народа. СПб., 1838.

СВ — Старый Владимирец. Владимир на Клязьме.

Секретов — Песни исторические из сборника Г. Секретова // Донские областные ведомости. Новочеркасск, 1875. № 81. С. 1 — 2.

Селифонтов — Селифонтов Н. Две народные песни об императоре Александре II // Русская старина. СПб., 1900. № 11. С. 363 — 366.

Семенов 1877 — Семенов П. Кавказская солдатская песня // Русская старина. СПб., 1877. Т. 19. С. 155 — 156.

Семенов 1893 — Семенов П. Песни, поющиеся в станице Слепцовской, Владикавказского округа // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 15. Отдел 1. С. 37 — 140.

Симони — Симони П. К. Великорусские песни, записанные в 1619 — 1620 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства. СПб., 1907.

Соболевский 1891 — Песня на восшествие на престол Александра I / Сообщил А. И. Соболевский // Русская старина. СПб., 1891. № 12. С. 530.

Соболевский 1902 — Великорусские народные песни, изданные А. И. Соболевым. СПб., 1902. Т. 6.

Соколов 1896 — Соколов М. Е. Былины, исторические, военные, разбойничьи и воровские песни, записанные в Саратовской губернии. Петровск, 1896.

Соколов 1908 — Соколов М. Е. Исторические песни Саратовской губернии // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1908. Вып. 24. С. 133 — 143.

Соколов 1995 — Соколов Б. М. Большой стих о Егории Храбром. М., 1995.

Соколов и Чичеров — Онежские былины / Подбор былин и научная редакция текстов Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. М., 1948.

Соколовы — Сказки и песни Белозерского края / Записали Борис и Юрий Соколовы. М., 1915.

Солдатская поэзия — Солдатская поэзия // День. Пг., 1914. № 326. С. 3.

Сперанский — Сперанский М. Духовные стихи из Курской губернии // Этнографическое обозрение. М., 1901. № 3. С. 1 — 66.

Старинные исторические песни — Старинные исторические песни, сохранившиеся у гребенских казаков // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1851. Ч. 36. С. 484 — 488.

ТВ — Терские ведомости. Владикавказ.

Трутовский — Трутовский В. Собрание русских простых песен с нотами. М., 1953.

Тумилевич — Тумилевич Ф. В. Неопубликованные песни об Игнате Некрасове // Народная устная поэзия Дона. Ростов н/Д, 1963. С. 125 — 156.

Фаворский — Старинные великорусские песни, записанные священником Е. Фаворским в селе Павлове Нижегородской губернии // Известия Импер. Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1852. Т. 1. Прибавления. Стб. 82 — 94 и 113 — 126.

Холмский — Сборник казачьих песен / Собрал и издал С. А. Холмский. Курск, 1910.

Черткова — Песнь про Москву 1812 года / Записана с фонографа и аранжирована А. Чертковой. М., 1912.

Чичеров — Исторические песни / Вступительная статья, подготовка текстов и примечания В. И. Чичерова. Л., 1956.

Чулков — Сочинения Михаила Дмитриевича Чулкова. Т. 1. Собрание разных песен. СПб., 1913. Части 1, 2, 3.

Шамбинаго — Литература Московского княжества конца XIV и XV вв.: 2. Исторические повести // История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2. Ч. 1. С. 201 — 225.

Шейн 1859 — Русские народные былины и песни, сообщенные П. Шейном // Чтения в Имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1859. Кн. 3. Смесь. С. 121 — 170.

Шейн 1877 — Русские песни, собранные П. В. Шейном: Песни былевые. М., 1877.

Щербина — <Щ е р б и н а Ф. А.> Песни об императоре Александре III // Этнографическое обозрение. М., 1900. Кн. 47. № 4. С. 142 — 144.

Языковы — Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях / Подготовка текстов к печати, статья и комментарии А. Д. Соймонова. Л., 1977. Т. 1.

Якушкин — Русские песни из собрания П. И. Якушкина // Отечественные записки. СПб., 1860. № 4. Приложение. С. 1 — 106.

ОТ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА СВЯТОГО ДО ЦАРЯ ИВАНА III

1. *Русская земля*. Никифоров. С. 197. Литературное произведение, созданное вскоре после татаро-монгольского нашествия на Русскую землю (и найденное в рукописи XV столетия), начинается текстом песни-славы, существовавшей, очевидно, ранее. Уже первооткрыватель памятника Х. М. Лопарев полагал, что комментируемый текст в древности исполняли народные певцы (Лопарев Х. «Слово о погибели Рускыя земли», вновь найденный памятник литературы XIII века. СПб., 1892. С. 11). Позже А. В. Соловьев пришел к выводу, что это образец творчества дружинных певцов (Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 78 — 115; М.; Л., 1960. Т. 16. С. 143 — 146). А. И. Никифоров, ранее Соловьева отметивший здесь песенный размер, обнаружил, что в измененном виде эта песенная слава пелась русскими крестьянами еще в XIX столетии и тексты ее были записаны фольклористами. Никифоров привел ряд таких текстов. Вот фрагменты одного из них:

Сторона ли наша сторона...
Она всем-то изукрашена:
И церковью божественной...
И озерами широкими,
И речкой-то быстрою...

На Украине древнерусские песенные формулы этой славы оказались перенесены в народные думы и использованы при характеристике чужой земли. Например:

Ей ты, земле турецька,
Ти, віро бусурменьска!
Ти єть усим наповнена...

Восклицание «О!» было употребительно как начало народной исторической песни вплоть до XVIII–XIX вв. Мы печатаем первую часть текста, самостоятельную по содержанию и не имеющую признаков литературной обработки (чем она отличается от последующих частей).

2. Борис и Глеб. Бессонов. С. 632. Незадолго до своей смерти киевский великий князь Владимир Святославич разделил Русскую землю между сыновьями; ростовским князем стал Борис, а муромским — Глеб (брат Бориса и по матери). Старший сын Владимира (от другой жены) Святополк, ставший великим князем киевским после смерти отца, решил истребить братьев, чтобы править единовластно. Возвращавшийся из похода на печенегов Борис был заколот посланными Святополком на реке Альте 24 июля 1015 г. Затем Святополк послал гонца в Ростов к Глебу, призывая его поспешить в Киев, дабы проститься с будто бы живым еще отцом. Другой брат, новгородский князь Ярослав, узнавший об убийстве Бориса, послал предостеречь Глеба. Гонец Ярослава застал Глеба на реке Смядыне около Смоленска. Сюда же вскоре подоспели убийцы, посланные навстречу Глебу Святополком. По данным некоторых летописей, Глеб стал умолять их пощадить его жизнь и отвезти к Святополку, если Глеб в чем-либо перед ним виноват. Но Глеба зарезали тут же 5 сентября 1015 г. Борис был похоронен в церкви Вышгорода, а Глеб — на месте его убийства. Вскоре Святополк (получивший затем прозвание Окаянный) был побежден в войне с Ярославом и умер во время бегства после битвы на реке Альте. Завладев Киевом, Ярослав в 1019 г. приказал перенести тело Глеба в церковь Вышгорода и положить рядом с Борисом. Впоследствии от их гробниц совершались исцеления и другие чудеса. В 1072 г. тела Бориса и Глеба перенесли в специально построенный новый храм Вышгорода. Русская церковь признала их святыми. Почитание святых Бориса и Глеба было очень распространено в Древней Руси, житие их, написанное уже в 80-х гг. XI в. и существовавшее в разных редакциях, читалось во время богослужений. Песня о Борисе и Глебе некоторыми особенностями своего содержания обязана, вероятно, воздействию жития.

3. Егорий-Ярослав. Соколов 1995. С. 132 (Егорий Храбрый). Как доказывает в посмертно изданной монографии выдающийся исследователь русского эпоса Б. М. Соколов, одна из главных разновидностей духовного стиха о святом Георгии включила «историческую песнь об утверждении на Руси христианской веры великим князем Ярославом Мудрым, носившим христианское имя Георгия»; сложившись «в той среде, которой ближе всего она касалась, то есть среде, близкой к церкви», песня «составлена была в духе идей и литературно-поэтических приемов, бывших употребительными и культивировавшихся этой средой»; соответственно,

«в основу этой песни легли образы и символы, может быть, необычные для чисто светского эпоса, но совершенно уместные в эпосе религиозного средневековья» (с. 73). Как показал Б. М. Соколов, песня появилась уже после смерти Ярослава, который любил церковные книги, почитал священнослужителей, прославился как строитель храмов в пределах Русской земли. В 1019 г. он победил братоубийцу Святополка, который вскоре погиб, получив отмщение за убийство Бориса и Глеба. Союзник Святополка польский король католик Болеслав, занявший временно Киев, пленил и увез сестер Ярослава. Ярославу удалось их освободить лишь через много лет. В плену их, вероятно, принудили перейти в католичество. Один из вариантов стиха прямо говорит, что плененные сестры Егория

Покидали веру христианскую,
Начали веровать латынскую,
Латынскую, бусурманскую.

В нашем тексте это передано иносказательно, а последующее возвращение их в лоно православия — уже достаточно прямо. Как подчеркивал Б. М. Соколов, «победа над Демьянищем» знаменует «окончательное утверждение» на Руси Ярославом христианства, принятого Владимиром (с. 85). Ярослав умер в Вышгороде, представляющем собой расположенную в двух верстах от Киева крепость на пути от Чернигова к Киеву. Это согласуется с тем, что говорится в песне о месте кончины ее героя.

Мы печатаем здесь только вторую половину записи — ту часть ее, где отобразилась историческая песнь о Егории-Ярославе, присоединившая духовный стих о святом Егории; первая часть текста, не основанная на исторической песне, передает сюжет, восходящий к книжному апокрифу. Этому источнику обязано и фигурирующее в тексте имя противника Егория.

В одном из вариантов этого произведения косвенно отобразились и исторические припоминания, обязанные событиям более ранним — борьбе против хазарского владычества в Восточной Европе. Некогда могущественный угнетатель был сокрушен окончательно в середине X века: после победоносного похода Святослава на Волгу перестал существовать Хазарский каганат, государственной религией которого являлся иудаизм. Сам князь-победитель не был христианином (хотя среди воинов его христиане, вероятно, были). Трактовать впоследствии историческое противостояние как конфессиональное позволяло то, что матерью Святослава была святая равноапостольная княгиня Ольга, а христианизация части русского народа произошла задолго до государственного установления христианства на Руси Владимиром Святославичем: соборный храм святого Ильи существовал в Киеве давно, византийские источники сообщали о крещении русских еще прежде, чем Олег начал борьбу против владычества хазар. В недавно опубликованной записи (*Азбелев 1995*) окончание стиха о Егории ассоциируется достаточно определенно с победой над хазарами сына христианки Ольги, хотя традиционное имя героя духовного стиха с именем реального победителя в данном случае уже не соотносится:

Доезжал Егорий до заставы,
 Он до заставы до жидовской —
 Тут лежит Эменцо Лихоратищо,
 Тут Эменцо о девяти главах:
 «Я теперь Егорья живком сглону,
 Я теперь Егорья огнем спалю,
 Я теперь Егорья водой затоплю!»
 Ах как махнул Егорий саблей востроей,
 Отрубил у змея нонче шесть голов,
 После ткнул Егорий копьём вострым,
 Отрубил Егорий и седму главу;
 Бросил Егорий он мец-кладенец,
 Отрубил Егорий последни две главы.
 Соходил Егорий со добра коня,
 Розжег огнище-пожарищо,
 Пригреб жида Змея поганого,
 Сожег его в поле чистоем,
 Развеял пепел во чистом поле;
 Утвердил Егорий веру хрещеную,
 Веру хрещеную благовленую.
 Поехал Егорий ко родной матушки,
 Ко родной матушки ко любимой:
 «Уж и здравствуй ты, матушка любимая и родимая!»
 Говорила матушка родимая,
 И родимая и любимая, уж:
 «Ах исче как, как тебе Бог пособил нунь на помощь?»
 И тут Егорья й славы поют.

4. **Александр Невский.** Бессонов. С. 669. Нашествие войск Батыя трактовалось в церковно-учительной литературе и проповедях того времени как наказание, посланное Богом за грехи русских людей, пренебрегавших христианскими заповедями. Новгород избежал разорения: войска татар, не дойдя до него из-за распутицы, повернули на юг. Песня это трактует как результат победы князя Александра Невского над татарами. В данном случае произошло смещение фактов в народной памяти: реальные победы Александра Невского над шведами и тевтонскими рыцарями выпали из дошедшего до нас произведения. Другое смещение — в упоминании крымских татар, набеги которых на Русь начались гораздо позднее. Александр Невский перед смертью принял схиму (монашество особенно строгое), на обратном пути из Орды, куда он ездил с дипломатической целью, а не с военной.

5. **Михаил и Федор Черниговские.** Бессонов. С. 671. Черниговский князь Михаил Всеволодович был вызван в ставку Батыя, где должен был изъявить свою покорность. При этом от него требовали пройти между огнями и поклониться изображениям умерших ханов. Князь отказался исполнить языческие обряды, про-

тивны христианину, и за это вместе со своим боярином Федором был подвергнут истязаниям и умерщвлен. Церковь признала обоих мучеников святыми. Их заступничество за Русскую землю перед Господом трактуется в песне как бы ретроспективно. Саму христианскую веру и духовенство татары не преследовали, но при нашествиях храмы подвергались разорению и осквернению. Упоминание в песне раскольников — позднее привнесение.

6. **Щелкан. Кириша Данилов. № 4 (Щелкан Дудентьевич).** Согласно летописи, в 1327 г. восставшими тверичами был убит ордынский наместник и сборщик дани Чолхан, особенно выделявшийся своей жестокостью и наглым произволом. Есть несколько вариантов этой песни, где, в отличие от напечатанного нами текста, не говорится об убийстве Щелкана: егь гибель только предсказывается — в проклятии родной сестры, к которой Щелкан заезжает перед отправлением в Тверь:

«Ты прощай же, мой родной брат!
Ужо по́ роду — родной брат,
По прозванью — окаинной брат.
И кабы́ ти уехати,
И назад не приехати.
Кабы́ ти самому на ножи остыть
И на сабли на вострые».

Хулительная песня была сложена тверичами о Чолхане, вероятно, еще до того, как он получил возмездие. Известие о гибели ненавистного насильника послужило основанием политически важного фактического дополнения. Присоединение нового окончания к песне произошло, видимо, еще в 1327 г.: в следующем году Тверь была разорена ордынским войском, отомстившим за убийство Чолхана, что уже не согласуется с финальной строкой печатаемого варианта песни.

7. **Симеон Гордый. Бессонов. С. 672. (Петр митрополит).** При великом князе Московском Симеоне Ивановиче, прозванном Гордым (1340 — 1353 гг.), Русь была опустошена массовой эпидемией — «моровой язвой». В это же время началась война с сильным и коварным врагом Руси — великим князем литовским Олгердом. Но он почти сразу запросил мира, который и был заключен Симеоном Гордым. Вскоре прекратилась эпидемия. Летопись сообщает, что современники воспринимали эти несчастья как посланное Богом наказание за грехи. Митрополит Петр, умерший еще в 1326 г., был признан впоследствии святым; воздействием его загробных молитв, как сообщает летописец, современники объясняли выздоровление в 1351 г.

8. **Новгородцы идут против Мамай. Шамбинаго. С. 218.** Песня помещена в рукописи XVII в., содержащей повествование о Куликовской битве (см.: Ш а м б и н а - г о С. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. С. 292 — 302). Опущены выявленные исследователями добавки писца к тексту народной песни. Новгородская республика была связана союзным договором с Московским великим князем. Летописи почти не упоминают об участии новгородского войска в Куликовской битве. Но сохранился древний синодик (церковное поминание), где говорится о погибших в ней новгородцах.

9. **На поле Куликовом.** *Шамбинаго.* С. 219. Отрывок песни находится в той же рукописи (добавки писца к народно-песенному тексту опущены). Аналогичные описания встречаются и в исторических песнях более позднего времени, например в помещенной ниже песне о Бородинском сражении. Современники отмечали исключительную ожесточенность Куликовской битвы, огромные потери обоих войск; в этом отношении имевшее эпохальное историческое значение сражение на Куликовом поле не уступало сражению под Бородино.

10. **Дмитровская суббота.** *Бессонов.* С. 673. Потери обеих сторон в Куликовской битве были исключительно велики. Немецкие хроники сообщают, что в этом сражении участвовало 400 000 человек. Согласно данным русских летописей, войско Мамай было истреблено почти полностью, а русских осталась только одна треть. Не было возможности похоронить всех павших на поле боя. С этого времени в русской православной церкви утвердился обычай: в субботу перед памятью великомученика Димитрия Солунского (день тезоименитства великого князя Дмитрия Донского — 26 октября/8 ноября) совершать заупокойные богослужения.

11. **Покорение Новгорода.** *Полов,* № 8. Подчинение Новгорода власти Московского великого князя и включение Новгородской земли в состав единого Русского государства произошло в несколько этапов. Обещание новгородских бояр верно служить Ивану III далеко не всеми выполнялось, при участии Марфы Борецкой — вдовы казненного посадника — велись переговоры о подчинении Новгорода Литве. Иван III с большим войском осадил Новгород и голодом принудил своих противников к сдаче. В 1478 г. новгородское вече было ликвидировано, остатки прежней независимости уничтожены, городом стал управлять наместник Ивана III. Песня верно отображает факты, использует политическую фразеологию того времени, но некоторые стилистические обороты ее позволяют предполагать следы позднейшей обработки или даже стилизации.

12. **Царь молится по сыну.** *Догодин.* Вып. 1, № 13 (Грозный молится по убитом сыне в 1581 г.). У Ивана III от первой жены — тверской княжны Марии Борисовны — родился в 1458 г. сын Иван, прозванный Молодым. После смерти Марии второй женой стала Софья (Зоя) Фоминична Палеолог — племянница последнего императора Византии (завоеванной турками в 1453 г.). Первенец ее Василий родился в 1479 г. Со временем при дворе разгорелась подспудная вражда сторонников Софьи и Василия со сторонниками Ивана Молодого. В 1490 г. Иван Молодой умер в результате неудачного лечения его врачом, которого привезли из Венеции родственники Софьи Палеолог. Как писал известный историк С. М. Каштанов, «второй брак Ивана III с самого начала таил в себе смертельную опасность для Ивана Молодого, так как рано или поздно должна была возникнуть борьба за право престолонаследия между ним и сыном Софьи. Палеологи не могли не хотеть избавиться от Ивана Молодого при жизни Ивана III, когда сын Марии Борисовны не имел еще основания занять престол» (Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967. С. 35). Песня влагает в уста царя слова о «великом горе» и постигшей его «безысходной кручине». Трагическое событие не вызывает, однако, печали у присутствующих в

церкви бояр; напротив, они «промеж-то себя ухмыльнулися»; царь оглядывает их с гневом — «И чему-то, чему вы, бояре-князья, чему больно радостны?» Для придворной партии Софьи Палеолог смерть Ивана Молодого действительно могла стать причиной радости. Без реальных оснований собиратель связал эту песню со смертью другого царевича Ивана, убитого отцом — Иваном IV в 1581 г. Но радоваться по данному поводу было некому: единственным наследником престола тогда остался малоспособный Федор, родившийся от той же жены, что и убитый Иван.

13. Царевич Василий Иванович. Марков, № 106 (Иван Грозный). После смерти Ивана Молодого наследником престола был объявлен родившийся в 1479 г. от Софьи Палеолог царевич Василий Иванович. Но в 1497 г. он был по приказанию отца заключен под стражу, а приверженцы его — казнены. Причина — обвинение в государственной измене. Ивану III донесли о заговоре, участники которого намеревались захватить государственную казну, овладеть великим княжением и извести сына Ивана Молодого — княжича Дмитрия, который был конкурентом Василия Ивановича по династическому старшинству. Песня передает, очевидно, народные впечатления от порожденных этими событиями слухов: до казни царевича дело не дошло, но он побывал под стражей, а смерть постигла других людей. Нет причин связывать появление песни с правлением Ивана IV: его сын Василий умер грудным младенцем и похожего события в правление Ивана IV не было. Но песня дошла до нас в механическом соединении с напечатанной ниже песней о Кострюке; текст пришлось вычленить из этой контаминации, где ему принадлежат строки 19 — 40, 55 — 56 и 82 — 91.

14. Царевич Дмитрий Иванович. Азбелев 1996. С. 75. После опалы на Василия Ивановича сын Ивана Молодого Дмитрий был торжественно коронован наследником царского престола в 1498 г. Но спустя несколько лет Иван III «положил опалу» на Дмитрия, а царевича Василия вторично «благословил и посадил на великое княжение Владимирское, Московское и вся Руси самодержцем» (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 3. С. 63 — 64). Был казнен за измену один из приближенных Ивана III, более мягкие наказания постигли некоторых других. Сюжет предыдущей песни послужил основой для переработки на основании циркулировавших в народе слухов об аналогичном событии; в результате героем новой песни стал царевич Дмитрий. Печатаемая нами запись ее испытала в конце воздействие и позднейших событий, не мотивированное, однако, предшествующим текстом: о Малюте Скуратове в связи с угрозой казнить царевича в песне не говорится. В позднейших песнях фигурирует при сходной ситуации боярин Никита Романович, здесь — Иван Романович, что может быть результатом наложения имени первого на имя князя Ивана Юрьевича, который избежал казни, но оказался в монастыре: в песне Иван Романович как будто испытывает похожую судьбу. Нет возможности связывать появление песни с правлением Ивана IV: среди его сыновей было два Дмитрия, но первый из них умер во младенчестве, второй родился за полтора года до смерти отца.

15. Смерть царицы Софьи Фоминичны. Якушкин. С. 69 (Свадьба Грозного). В 1503 г. умерла вторая жена царя Ивана III, бывшая за царем в браке более тридцати лет и активно участвовавшая в политической жизни. Песня оши-

бочно именует ее Софьей Романовной вследствие смешения отчества умершей с отчеством первой жены царя Ивана IV, Анастасии Романовны, о смерти которой тоже существовала песня. То, что под Софьей Романовной имеется здесь в виду Софья Фоминична, доказывают упоминания в тексте песни ее детей: в год ее смерти двум младшим сыновьям было 16 и 12 лет, тогда как три старших сына были уже «в полном разуме» (им было от 21 до 24 лет), из трех дочерей Софьи только одна умерла раньше ее, тогда как все дочери Анастасии Романовны скончались во младенчестве, раньше, чем их мать. У Ивана IV не было среди жен Софьи. Мы печатаем начальную часть записи. Далее идет контаминация с песней о Кострюке, переходом к которой служат строки, соотносимые, скорее, уже с Анастасией Романовной, хотя имя умирающей не названо. Вся же песня в целом — переделка песни о смерти царицы Софьи, сохранившая исходный текст только в своем начале.

16. Казань-город. Соколов и Чичеров, № 157. В 1487 г. Иван III в результате военного похода и трехнедельной успешной осады Казани устранил опасность постоянных военных набегов оттуда на русские земли, приносивших разорение, гибель и плен не только русским жителям среднего Поволжья. Казанским ханом стал покорный вассал Ивана III. Но в июне 1505 г., за четыре месяца до смерти уже больного Ивана III, хан Мухаммед-Эмин заточил русского посла, убил многих русских людей, живших в Казани, других продал в рабство, а вскоре перешел с войском русскую границу и осадил Нижний Новгород. Песня порождена, очевидно, именно тогдашней исторической ситуацией: русский молодец, уехавший из Казани сватать себе невесту, еще не знает об этих событиях, которые известны бежавшей оттуда девушке.

17. Авдотья Рязаночка. Рыбников, № 182. Хотя в песне речь идет о Казани, исследователи соотносили ее с разорениями Рязани татарами в 1237, в 1382 или в 1472 г., отправляясь, в сущности, только от прозвища героини, ибо достаточной исторической конкретности в песне нет. Новый взгляд состоит в том, что повод к созданию песни — событие 24 июня 1505 г. в Казани, упомянутое нами выше (см.: Амеликин А. О. О времени возникновения песни об Авдотье Рязаночке // Русский фольклор. СПб., 1996. Т. 29. С. 80 — 85). Автор статьи предполагает собирательность образа героини, который мог иметь трех современных этому событию прототипов, и дает свои объяснения присутствующим в песне историческим неточностям: Бахмет турецкий вместо Мухаммеда-Эмина казанского и др.

18. Смерть царя Ивана Васильевича. Пасхалова, № 5. Иван III скончался после тяжелой болезни 27 октября 1505 г. Песня позволяет соотносить ее и со смертью его внука Ивана IV, умершего внезапно 18 марта 1584 г.

19. Часовой у царского гроба. Догалин. Вып. 1, № 14 (Плач казаков по скончавшемся Иване Грозном в 1584 г.). В связи с действиями Мухаммеда-Эмина (см. комментарий к песне № 16) Иван III задумал большой поход на Казань. Но он долго подготавливался и начался только в апреле 1506 г. — много времени спустя после смерти Ивана III. Песня явно отображает историческую ситуацию, последовавшую за его кончиной. Предложенная собирателем датировка этой песни неубедительна: Казанское ханство окончательно вошло в состав русского государства в 1552 г., то есть более чем за 30 лет до 1584 г., в котором умер Иван IV.

ПОСЛЕДНИЕ ЦАРИ ДИНАСТИИ РЮРИКОВИЧЕЙ И СМУТНОЕ ВРЕМЯ

20. **Пострижение царицы.** *Фаворский*. Стб. 121 (Монастырь). Собиратель замечает, что песня «может относиться к царице Анне, супруге Иоанна Грозного, скончавшейся и погребенной (около 1577 г.) в Суздальской девичьей обители; но, вероятнее, вспоминает о царице Соломонии, супруге Василия Иоанновича, сосланной в Суздальский монастырь в 1525-м и скончавшейся там в 1542 году». Это мнение не вызывает возражений, хотя впоследствии песню могли соотносить с судьбой первой жены Петра I, насильно, как и Соломония, постриженной в том же монастыре.

21. **Поход на Казань.** *ИП XIII — XVI вв.*, № 106. Лично возглавлявшиеся царем Иваном IV походы на Казань предпринимались в 1547, 1550 и 1552 гг. Последний окончился взятием города и ликвидацией угрожавшего Русской земле Казанского ханства.

22. **Казаки идут под Казань.** *Киреевский*, 6. С. 24. Казаки участвовали, согласно летописям, в военных действиях 1552 г., завершившихся взятием Казани.

23. **Взятие Казани.** *Кириша Данилов*, № 30. В 1552 г. русские войска, возглавляемые Иваном IV, взяли Казань после ожесточенной борьбы, окончательно устранив угрозу татарских набегов на Русь с востока. Эта победа имела огромное значение, была высоко оценена современниками и их потомками. Взрыв русскими городской стены в результате подкопа сыграл существенную роль. Последний казанский царь Едигер отвергал все предложения покориться; он был взят в плен, привезен в Москву и при крещении получил имя Симеон. Царский титул был принят Иваном IV ранее, но ликвидация Казанского царства укрепила его власть и авторитет. Река Казанка, Булат-река (проток Булак) — географические реалии. Начальный эпизод — сон царицы — перенесен в песню из былин. Ее имя и действия, как и казнь казанского царя, относятся к области вымысла.

24. **Ермак помог взять Казань.** *Пивоваров*, № 15 (Ермак берет Казань). Собиратель не сам записал этот текст; он снабдил его примечанием: «Эта огромная песня «писана со слов казаков Богаевской станицы Федота Филиппова Цыганкова и Алексея Савельева Фарапонова». Пометка сделана на очень старинной рукописи, доставленной мне А. А. Леоновым» (с. 18). Можно полагать, что неизвестный давний записыватель услышал от этих двух казаков две версии песенного повествования о взятии Казани и сам соединил их в один текст, части которого в результате оказались плохо согласованными. В основную песню, где речь идет о решающей роли подкопа и взрыва городской стены, вклинилась песня о военной хитрости, будто бы примененной Ермаком и его товарищами внутри городских стен. В результате дважды говорится о скликивании казаков Ермаком, о движении их к Казани и о прибытии, но различается способ овладения городом. Этот вставленный текст, который идет после слов «Как догорают две свечи воску ярого», мы приводим ниже. В основном тексте для связи с этой вставкой были, очевидно, добавлены строки:

«А я на белой заре двери растворяю
И армию в город пушу».

Взрыв городской стены только фигурально мог трактоваться в таком смысле. В основном тексте, конечно, вымышлены диалоги юного Ермака с царем, как и ряд других неправдоподобных деталей. Но главное содержание согласуется и с преданиями донских казаков, записанными еще в XVIII в., и с данными летописей, где казаки названы первыми при упоминании войск, взявших Казань, и где рассказывается о подкопе и взрыве — с уточнением о руководстве некоего «немчина розмысла» этими земляными работами, которые осуществляться могли действительно казаками.

Ермак в то время был еще очень молод, он не мог возглавлять всех казаков, действовавших под Казанью, но само его участие в качестве одного из их атаманов вполне вероятно. Эпизод же, выпущенный нами из текста песни, в основе своей, конечно, вымышлен —

Скликает Ермак Тимофеевич донских казаков:

«Ой вы, донские казаки-охотники,
Вы донские, гребенские со ящичками!
Садитесь вы в лодочки-коломенки,
Гряньте-погряньте вверх по Волге-реке
В тот славный Казань-город
К тому повелителю казанскому!»
Приезжает Ермак в Казань-город,
Встречают его жители казанские,
Берут Ермака под белые руки,
Ведут к повелителю казанскому
Во те палаты белокаменные;
Видит повелитель, радуется,
Ермаку Тимофеевичу низко кланяется,
Берет Ермака за правую руку,
Ведет в палаты белокаменные,
Сажает за столы дубовые,
За скатерти шелковые,
Ставит яство сахарное,
Пойло ставит разнопяное,
Тут Ермака повелитель начал просить:
«Ой ты, Ермак сын Тимофеевич,
Помоги отстоять Казань-город!»
Ермак возговорит, как в трубу вступит:
«Могу отстоять, когда послушаешь.
Я займу места притинные,
Поставлю свои караулы крепкие
Над пушками долгомерными

И буду стрелять от царя Белого.
Ой вы, мои донские казаки,
Занимайте места притинные,
Становите свои караулы крепкие
Над теми воротами уездными,
Переворачивайте пушечки доломерные
Во славной во Казань-город,
Отбивайте со вратах засовы железные,
Поставьте значечко царя Белого!»

25. **Ермак в турецком плену.** *Кириа Данилов*, № 40 (Покрай моря синего стоял Азов-город). Захваченная турками в середине XV в. крепость Азов (в устье Дона) долго была затем главным объектом борьбы за возвращение России черноморских берегов, завершившейся только в XVIII в. Донским казакам в XVI – XVII вв. принадлежала главная роль в этой борьбе. Но о Ермаке в письменных источниках нет сведений, относящихся к содержанию песни.

26. **Ермак и турки.** *Пивоваров*, № 11. В письменных источниках нет сведений об участии Ермака в действиях казаков против турок.

27. **Терские казаки и Иван Грозный.** *Старинные исторические песни*. С. 485 (Про царя Грозного). Есть сведения, что в 1555 г. Иван IV принял делегацию гребенских казаков и «пожаловал» их рекой Терек с обязательством военной службы.

28. **Иван Грозный под Серпуховом.** *Фаворский*. Стб., 91 (Сорочинычки). В 1556 г. Иван IV решил предупредить намечавшийся поход крымского хана на Русь. Царь распорядился с князьями и с боярами собрать войско в Серпухове. Сюда к царю прибыл гонец от воеводы Даниила Чулкова с известием, что Чулков разбил отряд крымцев у Азова и от пленных узнал о намерении хана повернуть назад. Популярное имя Краснощекова перенесено из позднейших песен XVIII в. (так же, как и упоминание генералов и фельдмаршалов).

29. **Взятие Астрахани.** *Мацкевич*. С. 159. В 1554 г. русские воеводы вошли в Астрахань без сопротивления: защитники ее побежали, увидев, что русское войско высадилось на берег со своих судов. После недолгого захвата Астрахани татарами в 1556 г. небольшой отряд казаков без потерь снова — и уже окончательно — занял Астрахань. С этого времени город и весь Астраханский край вошли, как и Казань, в состав России. Использование в песне традиционного мотива отражено бескровное занятие города.

30. **Смерть царицы Анастасии Романовны.** *Марков*, № 84. Имя царицы в тексте не названо, но речь идет, несомненно, о первой жене Ивана IV, умершей в 1560 г. Ее смягчающее влияние на мужа отмечалось современниками. В бытовании эта песня смешивалась с более ранней песней о смерти второй жены Ивана III, о чем свидетельствуют некоторые детали записанных вариантов, а отчество царицы Анастасии Романовны ошибочно присоединилось к имени царицы Софьи Фоминичны в песне, посвященной ее смерти (см. комментарий к песне № 15). Имя же

царицы Анастасии стало в одном из вариантов ошибочно именем ее дочери (у Ивана IV, как и у Ивана III, не было дочери с таким именем).

31. **Кострюк. Языковы**, № 18. В 1561 г. Иван Грозный женился вторым браком на Марии, дочери кабардинского князя Темрюка Айдарова. У нее было два брата — Машрюк и Михаил. Первый приезжал ненадолго в Москву.

32. **Гнев царя на сына. Чулков**. Ч. 2, № 121. В 1570 г., как пишет исследователь опричнины Р. Г. Скрынников, «раздор в царской семье привел к открытому столкновению между царем и наследником», которому симпатизировала часть влиятельных бояр, опасавшихся новых репрессий в Москве по примеру Новгорода, причем раздор этот «получил широкую огласку» (Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 431). С данным фактом, правда не имевшим для царевича Ивана Ивановича (реально поддержанного Никитой Романовичем Захарьиным) драматических последствий, можно связать переделку одной из предшествовавших песен, посвященных сыновьям Ивана III. Печатаемый вариант (где имя царевича, правда, не названо) соотносится с событиями того времени некоторыми деталями. Это упоминание Поганой Лужи, где были реально казнены «изменники», казнь путем сваривания живьем, реально примененная к одному из них, и др.

33. **Гнев на царевича Федора. Рыбников**, № 108 (Грозный царь Иван Васильевич). Этот текст и ряд других вариантов, записанных на Новгородском Севере, отобразили последнюю переработку песен о сыновьях Ивана III — в применении к сыну Ивана IV Федору и в связи с походом на Новгород в 1470 г. Каких-либо свидетельств источников относительно опалы на этого царевича нет, и сам такой факт маловероятен, так как Федору в то время было только 14 лет. Но он был известен кротким характером, вполне проявившимся после смерти Ивана IV, когда Федор стал царем. Вероятно, это и послужило поводом для создания песни, в своей основе вымышленной, где отобразились воспоминания новгородцев, оставшихся в живых после погрома Новгорода в 1470 г., активное участие в котором принимал царевич Иван Иванович. Побудительным толчком могло послужить упоминание в песне предшествовавшей, что измена выведена в Новгороде. Пережившие страшное кровопролитие и оставшиеся в живых новгородцы, видимо, впоследствии переработали известную им песню, сделав героем ее царевича Федора, на которого Грозный царь будто бы прогневался — по доносу царевича Ивана — за то, что Федор щадил новгородцев. В одном из ее вариантов это выражено особенно явно. Иван Иванович говорит отцу:

«Ай, прегрозный сударь царь Иван Васильевич,
Ай, родитель наш же батюшко!
Ты-то ехал уличкой,
Иных бил-казнил да иных вешал ли,
Достальних по тюрьмам сажал;
Я-то ехал уличкой,
Иных бил-казнил да иных вешал ли,
Достальних по тюрьмам сажал;

А середочкой да сжал Федор да Иванович,
 .....
 Наперед же он указы да пороссылал,
 Чтобы малыи да поразбегались,
 Чтобы старьи да растулялись».

Была ли у этого сюжета историческая основа, неизвестно: нет достоверных сведений о каком-либо участии Федора в новгородской трагедии, как и о том, что он действительно прогневил Ивана IV. Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский (*Малюта*) — приближенный Ивана IV, глава опричного террора, известный своею жестокостью. *Никита Романович Захарьин-Юрьев* — боярин, брат первой жены Ивана Грозного. Ообское, Опское — Псков. Вновь созданная песня использовала наследие трех предшествовавших, но, в свою очередь, повлияла и на них, со временем почти вытеснив из репертуара их неосложненные этим влиянием первоначальные редакции.

34. **Набег крымского хана.** *Симони.* С. 12. В 1572 г. крымский хан Девлет-Гирей с 120-тысячным войском совершил поход на Русь, но в 50 верстах от Москвы проиграл несколько сражений, после чего бежал в Крым. Дивей-мурза, один из крупных татарских военачальников, попал при этом в плен и был доставлен в Новгород, где тогда находился Иван IV. Перед походом города и уезды Русской земли были заранее распределены между мурзами крымского хана; он похвалялся турецкому султану, что в течение года займет всю Русскую землю своими мурзами, а русского царя пленником приведет в Крым.

35. **Оборона Пскова.** *Языковы,* № 33. С сентября 1581-го по январь 1582 г. Псков героически оборонялся от войск польско-литовского короля Стефана Батория, так и не сумевших взять город. Защитники его отразили более тридцати приступов; в ноябре 1581 г. Баторий покинул войско, осаждавшее город, и вскоре заключил перемирие с русским государством. Полоцк был захвачен Баторием с большим трудом в 1579 г., Великие Луки — в 1580-м. Гетман Ходкевич во время польской интервенции начала XVII в. участвовал в осаде Волока Ламского (Волоколамска), воеводой которого был Иван Константинович Карамышев; эти имена перенесены, очевидно, из более поздней песни об обороне Волока Ламского; упоминания о солдатах — тоже анахронизм.

36. **Смерть Михайлы Черкашенина.** *Кириша Данилов,* № 53 (Про атамана польского). Во время героической обороны Пскова в 1581 — 1582 гг. был убит атаман донских казаков Михаил Черкашенин, известный успешными действиями против крымского хана. По словам летописца, он заговаривал ядра, сам предсказывал свою гибель и то, что Псков не будет взят врагами.

37. **Ермак у Ивана Грозного.** *Корнилович.* С. 336. Отряд казаков под начальством Ермака 1 сентября 1582 г. по приглашению уральских землевладельцев и промышленников Строгановых выступил в поход за Урал, чтобы защитить их владения от набегов хана Кучума, разорвавшего признанную его предшественником в 1555 г. вассальную зависимость Сибирского ханства от Москвы. В 1582 г.

Ермак разбил войско Кучума и занял его столицу; в 1585 г. погиб во время неожиданного нападения Кучума. О встрече Ермака с Иваном IV сведения песни, очевидно, вымышлены. По другим данным, к царю был послан Ермаком Иван Кольцо.

38. Оплошность казаков под Азовом. Языковы, № 48. Есть сведения, что около 1590 г. казаки, возвращаясь из-под Азова, легли спать без караула и турки их почти всех перерезали.

39. Убийство царевича Дмитрия. ИП XVII, № 21. 15 мая 1591 г. в Угличе был убит последний сын Ивана IV, малолетний Дмитрий, могший стать со временем претендентом на престол, занятый его малоспособным братом Федором. За Федора в то время правил Борис Годунов. Он был избран царем после смерти Федора в 1598 г. В 1604 г. в Польше объявился претендент, называвший себя спасшимся от смерти Дмитрием. Согласно свидетельствам современников, это был расстрига (беглый монах) Григорий Отрепьев. Сведений о его причастности к убийству царевича в исторических источниках нет. Лжедмитрий возглавил поход на Москву, организованный польскими магнатами. Вскоре после скорострительной смерти Бориса Годунова Лжедмитрий воцарился в Москве летом 1605 г., а в мае следующего года был убит.

40. Борис Годунов. Киреевский. Вып. 7. С. 1 (Убиение царевича Дмитрия, Борис Годунов). Следствие по делу о гибели царевича Дмитрия было произведено людьми, посланными Борисом Годуновым. Согласно выводам этого следствия, царевич зарезался сам, наткнувшись на нож в припадке эпилепсии. Выводы следствия не представляются убедительными, а народная молва обвиняла Бориса Годунова и в убийстве царевича, и в последовавшей через год смерти дочери царя Федора, со смертью которого пресеклась царствовавшая ветвь династии Рюриковичей, и Борис Годунов получил реальную возможность занять их престол (см., например: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1994. Кн. 4. С. 343 — 352). В правление Годунова началась продолжавшаяся около десяти лет Смута, во время которой русское государство оказалось на краю гибели.

41. Плач Ксении Годуновой. Симони. С. 5 и 10. В июне 1605 г., перед вступлением Лжедмитрия в Москву, его сторонники убили вдову и сына Бориса Годунова, а дочь Ксению оставили во дворце. Заняв Москву, Лжедмитрий, согласно свидетельствам современников, имел связь с Ксенией, но после того как слухи об этом дошли до его невесты Марины Мнишек, находившейся еще в Польше, удалил Ксению в монастырь, где ее постригли в монахини.

42. Гришка-Расстрижка. Рыбников, № 67. Лжедмитрий женился на дочери сандомирского воеводы Юрия Мнишка 8 мая 1606 г. в канун Николина дня — весьма чтимого на Руси христианского праздника, пришедшегося на постный день — пятницу. Это не сообразовывалось с правилами русской церкви и православными традициями. За столом Лжедмитрия подавали мясо во время поста. Марина не приняла православия, оставалась католичкой. На свадебные подарки ей, ее отцу и их спутникам (прибывшим из Польши и нагло себя державшим) Лжедмитрий истратил, по словам современников, огромные средства из казны. Он был убит через 9 дней

после свадьбы в результате боярского заговора, возглавленного князем Василием Шуйским под знаменем защиты православия. Марина бежала в Польшу.

43. Василий Шуйский. Киреевский. Вып. 7. С. 17. Ставший царем после гибели Лжедмитрия I Василий Шуйский не пользовался широкими симпатиями, и само воцарение его было результатом не всенародного избрания, а требований его приверженцев, преобладавших в толпе, собравшейся на Красной площади через два дня после убийства самозванца. Недолгое правление Василия Шуйского завершилось отречением от престола по требованию его политических противников. Затем его насильно постригли в монахи. Захваченный поляками, Шуйский был увезен в Польшу, где и умер. Под Петрушкой песня имеет в виду Лжепетра — казацкого самозванца, выдававшего себя за сына царя Федора. Не сумевший добиться реальных успехов и примкнувший к повстанческому войску Ивана Болотникова, Лжепетр после сдачи Василию Шуйскому был повешен.

44. Лжедмитрий Второй. ИП XVII в., № 29. Авантюрист, выдававший себя за будто бы спасшегося царя Лжедмитрия и поддержанный польскими магнатами, летом 1607 г. из земель польско-литовского государства предпринял поход к Москве, но не смог занять ее. Военный лагерь второго самозванца в селе Тушине под Москвой продержался до конца 1609 г. Здесь Лжедмитрий II в 1608 г. тайно обвенчался с вдовой первого самозванца Мариной Мнишек. В тушинском лагере были построены хоромы для самозванного царя, царицы и ее отца. После своего бегства из Тушина в Калугу Лжедмитрий II летом 1610 г. опять безуспешно подступал к Москве, затем бежал снова в Калугу и был здесь убит.

45. Михаил Скопин. Кириша Данилов, № 29. В мае 1610 г. скончался от внезапной болезни прославленный русский воевода князь М. В. Скопин-Шуйский, отравленный, согласно свидетельствам современников, 23 апреля женой царского брата, неудачливого воеводы Дмитрия Шуйского (дочерью Малюты Скуратова) на пиру по случаю крестин сына князя И. М. Воротынского (Скопин был крестным отцом — кумом, а она — кумой). Согласно письменным источникам, мать отговаривала Скопина ехать в Москву, куда его пригласил для воздания почестей царь Василий Шуйский (неосновательно подозревавший Скопина в намерении занять престол). Перед этим Скопин возглавлял войско, разбившее Лжедмитрия II и интервентов, освободившее значительную территорию и снявшее блокаду Москвы. Войско было набрано Скопиным в основном в новгородских землях; участвовали также наемные отряды разной национальности, посланные (в результате переговоров, ведшихся Скопиным) шведским королем Карлом IX под начальством Якова Понтуса Делагарди (в песне — Фунтосов). Перечисление в песне противников, которых победил Скопин, — позднее привнесение, не отвечающее действительности.

46. Оплакивание Михаила Скопина. Симоны. С. 2. По свидетельству современников, смерть Скопина оплакивали все слои русского населения и даже его шведские союзники. Позже войско Делагарди захватило Новгород, разорвало новгородскую землю. Упомянутый в песне князь Ф. И. Мстиславский, несколько позднее претендовавший на царский престол, весьма вероятно, также был раздосадован всенародной популярностью Скопина.

47. Сборы польского короля на Русь. *Языковы*, № 42. Осенью 1612 г. польский король Сигизмунд III отправился к Москве, где в то время польский отряд был еще осажден в Кремле русским ополчением Минина и Пожарского. Но Сигизмунду не удалось взять Волок Ламский (Волоколамск), где русским воеводой был Иван Константинович Карамышев. Русские героически отбили все приступы вражеского войска. Сигизмунду пришлось снять осаду и вернуться в Польшу.

48. Ляпунов и Гужмунд. *Киреевский*. Вып. 7. С. 17 (Прокоп Ляпунов). Вскоре после свержения Василия Шуйского Москва была занята польским войском; польский король Сигизмунд (в песне называемый Гужмундом) объявил о присоединении русского государства к своим владениям. Но в Москве он не появлялся, боярами велись переговоры о посажении на русский престол его сына Владислава, если он перейдет в православие. Когда стали выясняться истинные цели интервентов, в Москве вспыхнуло стихийное восстание против них, жестоко подавленное польским гарнизоном. Патриарх Гермоген, арестованный поляками в Москве, митрополит Филарет и другие патриоты России, находившиеся в плену, начали рассылать грамоты с призывами стать за православную веру. Прокопий Ляпунов, возглавлявший сопротивление полякам в Рязани, стал отправлять эти грамоты по всем городам вместе со своим призывом собирать ратные силы для освобождения Москвы. Создалось первое ополчение, одним из предводителей которого стал Прокопий Ляпунов. Но вследствие внутренних раздоров в ополчении и провокации польских агентов он был убит казаками. Освобождение Москвы было осуществлено позже, вторым ополчением.

49. Минин и Пожарский. *Киреевский*. Вып. 7. С. 21 (Козьма Минин и князь Пожарский. Освобождение Москвы. Избрание Михаила Федоровича). В октябре 1611 года в Нижнем Новгороде по призыву местного купца Кузьмы Минина Сухорука начало создаваться новое ополчение, средства на вооружение которого стали слагаться из добровольно отдаваемого по примеру Минина имущества патриотов Нижнего Новгорода. Возглавить ополчение пригласили князя Дмитрия Пожарского, который в своей вотчине долечивался от ран, полученных во время московского восстания против поляков. Ополчение двинулось к Москве, рассылая грамоты с призывами освободить Русскую землю и пополняясь отрядами из других городов. У стен Кремля войско Пожарского вместе с казаками князя Трубецкого, державшими поляков в осаде, одержало победу над польским войском гетмана Ходкевича, шедшим на соединение с осажденным польским гарнизоном. Видя безнадежность своего положения, поляки открыли кремлевские ворота; по настоянию Пожарского пленным не причинили вреда. На Земском соборе 1613 года имена князей Пожарского и Трубецкого называли в числе возможных кандидатов для избрания царя.

ЦАРСТВОВАНИЯ ПЕРВЫХ РОМАНОВЫХ

50. Избрание Михаила Федоровича Романова. *Киреевский*. Вып. 7. С. 24. Земский собор 21 февраля 1613 г. постановил призвать на царство 16-летнего Ми-

хаила Федоровича Романова, дед которого был родным братом первой жены царя Ивана IV, принадлежал к старинному и влиятельному роду московских бояр. Романовы пользовались в народе высоким авторитетом и любовью. Никто из них не запятнал себя участием в репрессиях Ивана IV; отец Михаила, в монашестве Филарет, во время Смуты проявил себя как стойкий патриот. Упомянутый в песне низложенный царь Василий Шуйский скончался в польском плену еще в 1612 г.

51. **Поход царя Михаила на Астрахань.** Киреевский. Вып. 7. С. 24 (Битва под Астраханью). После избрания и венчания на царство Михаила Федоровича в Астрахани еще оставалась Марина Минишек с сыном и атаман И. М. Заруцкий с остатками войск, некогда поддерживавших Лжедмитрия II. Ликвидация этого оплота сторонников интервенции была государственным делом. Но сам Михаил Федорович в походе на Астрахань не участвовал.

52. **Выкуп Филарета из плена.** Истомин и Ляпунов, № 4. Деулинское перемирие между Россией и Польско-Литовским государством, заключенное в конце 1618 г., предусматривало, в частности, размен пленных; будущий патриарх Филарет (отец избранного царем Михаила Федоровича Романова) возвращался в Москву. Но реализация соглашения растянулась на полгода. В это время возникла угроза возобновления войны, выдвигались новые условия; москвичами по просьбе Филарета были переданы около 700 собольих шкур для раздачи полякам. Имя царя Петра — позднейшая замена. После каждой строки песни припев: «Винограды красно-зеленое!» Этот припев и само окончание песни связаны с тем, что она исполнялась как «винограды» — святочная обрядовая.

53. **Возвращение Филарета.** Симони. С. 7. 14 июня 1619 г. Филарет Никитич торжественно въехал в Москву. Вместе с ним вернулись другие пленники, главным среди которых был боярин М. Б. Шеин. Филарета встречали еще за городом московские бояре, дворяне и приказные люди. Затем его встретил царь Михаил (к ближайшему окружению царя принадлежал брат Филарета Иван Никитич). Титул «великого государя» был вскоре присвоен Филарету при его посвящении в сан патриарха.

54. **Убийство Карамышева.** Чулков. Ч. 2, № 122. Летом 1630 г. из Москвы были отправлены в Стамбул послы, везшие также грамоту донским казакам, где им предписывалось совместно с турками выступить против польского короля. Грамота вызвала недовольство казаков. Сопровождавший послов воевода Иван Карамышев был изранен и утоплен в Дону на основании слуха, будто бы он имел намерение репрессиями принудить казаков к подчинению туркам. Позже казаки стремились представить причиной убийства непочтительность Карамышева.

55. **Земский собор.** Гильфердинг, № 161. В конце января 1634 г. царь Михаил Федорович созвал земский собор, чтобы получить деньги для снабжения и подкрепления дополнительным контингентом русского войска, осаждавшего Смоленск, который ранее был захвачен Польско-Литовским государством. Царь получил обещание денег и послал на помощь осаждающим князя Д. М. Черкасского. Но воевода, руководивший осадой — боярин М. Б. Шеин, — еще ранее начал переговоры с противником о ее снятии и вскоре увел войско из-под Смоленска, за что был казнен вместе со вторым воеводой А. В. Измайловым.

56. **Сборы казаков под Азов.** *Путилов 1946, № 83.* Азовская крепость в устье Дона препятствовала выходу донских казаков в море. Турки около Азова построили две башни, между которыми натягивалась цепь, преграждавшая путь судам.

57. **Взятие Азова.** *ИП XVII в., № 97.* Хорошо укрепленная Азовская крепость служила опорой набегов крымских и ногайских татар на Русскую землю. Летом 1637 г. без ведома московского правительства донские казаки с помощью запорожцев под руководством атамана Михаила Петрова осадили Азов и через два месяца взяли его штурмом, взрывом разрушив часть крепостной стены с помощью подкопа. Были освобождены две тысячи томившихся в Азове русских пленников. Песня о взятии Азова использует традиционный фольклорный мотив, популярный и в песнях о взятии других городов.

58. **Захват и оборона Азова казаками.** *Гильфердинг, № 37.* Захватив в 1637 г. Азов, казаки затем героически обороняли его от вражеских войск: в 1641 г. отразили 24 приступа, хотя силы осаждающих, имевших сотни осадных орудий, более чем в 15 раз превышали численность осажденных. Войска султана сняли осаду, потеряв 20 тысяч человек. Во время этого «осадного сидения» казаки дали обет постричься в монахи и исполнили его после завершения своего беспримерного подвига.

59. **Крымская орда идет под Азов.** *Мякутин. С. 11.* После взятия казаками Азова вассалы Турции крымские татары участвовали в безуспешных попытках отбить город у казаков.

60. **Оборона Камарского острога.** *Кириша Данилов, № 44* (Во Сибирской Украине, во Дуурской стороне). Русский отряд под командованием Онуфрия Степанова в 1654 г. построил укрепление (острог) при впадении в Амур р. Комары, недалеко от р. Шингала. В марте следующего года богдойское (китайское) войско в количестве 10 тысяч человек штурмовало Камарский острог, но казаки отбили приступ. Вражеское войско еще 10 суток непрерывно обстреливало крепость и, не добившись успеха, ушло.

61. **Осада Риги.** *Кириша Данилов, № 34* (Под Ригою стоял царь-государь). Весной 1656 г. началась война со Швецией за возвращение занятых ею русских земель и за выход к Балтийскому морю. Русские войска во главе с царем Алексеем Михайловичем заняли ряд городов в принадлежавшей Швеции Ливонии и в конце августа осадили Ригу, но не имели флота, тогда как гарнизон Риги получал подкрепления морем. В октябре осада была снята.

62. **Гибель Семена Пожарского.** *Кириша Данилов, № 31* (Под Канотопом под городом). Князь Семен Романович Пожарский участвовал в осаде русскими Конотопа летом 1659 г. Увлечаясь преследованием неприятельского отряда московская конница после переправы через речку Сосновку была разбита главными силами татар и их союзников; командовавший русским отрядом С. Р. Пожарский попал в плен. По словам украинского летописца, пленник, допрашиваемый ханом, отвечал ему смело и презрительно, после чего был казнен.

63. **Разин и казачий круг.** *Догодин. Вып. 1, вариант к № 18.* Активные действия С. Т. Разина в качестве атамана голутвенных казаков начались в 1667 г. Песня возникла на основе более ранней песни о Ермаке.

64. **Поход Разина на Яик.** *Соболевский 1902, № 9.* Летом 1667 г. после разгрома каравана судов на Волге большой отряд казаков во главе с Разиным приплыл на реку Яик (ныне Урал) и захватил Яицкий городок (ныне Уральск). Отсюда осенью разинцами были совершены рейды на Волгу и на Каспийское море, где захвачены товары «басурманских» судов.

65. **Разин на Каспийском море.** *Чулков. Ч. 3, № 95.* Летом 1668 г. отряд Разина действовал у западных берегов Каспийского моря, после чего с богатой добычей зимовал на острове, обменивая на христиан пленников, захваченных во владениях персидского шаха.

66. **Царь требует задержать Разина.** *ТВ, 1868, № 44. С. 178.* В апреле 1670 г. в Черкасск прибыл из Москвы дворянин Г. Евдокимов с документом, из которого следовало, что Разина и его приверженцев-бунтовщиков следует задержать. Войсковая старшина сочувственно отнеслась к этому требованию, заверяя московского посла в своей лояльности. Но в Черкасск прибыл Разин и учинил на кругу допрос Евдокимову: от кого он приехал — от государя или от бояр. Разин назвал Евдокимова боярским лазутчиком; приверженцами Разина он был убит.

67. **Сынок Разина.** *Киреевский, НС, № 2117.* В конце августа — начале сентября 1669 г. возвратившийся из каспийского похода Разин гостил в Астрахани у воеводы со своими людьми, обремененными богатой добычей. Отсюда казаки были пропущены на Дон. Весной же 1670 г., когда войско Разина подходило к Астрахани с намерением взять ее, в городе были его посланцы («сынки»), вербовавшие сторонников среди астраханского гарнизона. 22 июня, когда суда разинцев стояли уже вблизи города, двое людей, присланных для этой цели Разиным, по приказанию воеводы были схвачены, один из них казнен, второй посажен в тюрьму.

68. **Разин и воевода.** *Трутовский, № 46.* В ночь на 24 июля 1670 г. подплывшие к Астрахани разинцы скрытно перелезли через городскую стену и были встречены своими сторонниками. В три часа утра в городе объявили тревогу, пушки с городских стен открыли огонь по осаждающим, но часть их была уже в городе, которым Разин скоро овладел. По его приказанию астраханского воеводу князя Прозоровского сбросили с крепостной стены. Вскоре два сына его 16 и 8 лет были повешены за ноги на стене; старший на другой день сброшен с нее, младший снят живым, высечен и отослан к матери.

69. **Разин остается один.** *Рыбников, № 221 (Стенька Разин).* В ноябре 1670 г. восставшие потерпели тяжелое поражение под Симбирском, затем последовало еще несколько поражений. Тогда Разин отправился на Дон, но весной 1671 г. потерпел здесь неудачу под Черкасском. В Кагальницком городке С. Т. Разина вместе с его братом захватили в плен, а оборонявшиеся под его предводительством участники восстания были повешены. Упоминание Питерской дороги — позднейшее.

70. **Разин видит сон.** *Железновы. С. 13.* Опущены повторы строк.

71. **Разин чувствует недоброе.** *Секретов. С. 1 (Разин).*

72. **Царь решает судьбу Разина.** *Карпинский. С. 113.* Имя царя Петра перенесено из позднейших исторических песен. Эпизод с матерью героя — также из других песен.

73. Есаул сообщает о казни Разина. Чулков, № 134. Захваченного в Кагальницком городке С. Т. Разина привезли в Москву. Он был казнен четвертованием 6 июня 1671 г.

74. Песня разинцев. ИП XVII в., № 323. Ворами и разбойниками называли разинцев официальные документы того времени. Упоминание беспаспортных людей относится к более позднему времени.

75. Осада Соловецкого монастыря. Марков, № 40. Более семи лет, с 1668 по 1676 г. (с перерывами), продолжалась осада царскими войсками хорошо укрепленного Соловецкого монастыря (на острове в Белом море). Причиной послужил отказ монахов признать церковную реформу патриарха Никона и подчиниться царским распоряжениям о ней. На последнем этапе осадой руководил воевода Иван Междерин (в песне — Пешерской), относительно Салтыкова исторических сведений нет. Монастырь был занят осаждавшими ночью благодаря перебежнику, указавшему тайный вход. Руководители и почти все уцелевшие участники восстания были казнены. Песня бытовала в среде старообрядцев, что отразилось в ее тексте.

76. Рождение царевича Петра Алексеевича. Кириша Данилов, № 32 (Светел-радошен царь Алексей Михайлович). Будущий император Петр I (этого титула в то время в России еще не было) родился 30 мая 1672 г.

77. Смерть царя Алексея Михайловича. Киреевский. Вып. 7. С. 45. Царь Алексей Михайлович умер 30 января 1674 г., передав царство старшему сыну Федору. Петр был третьим из оставшихся сыновей царя. Князь Василий Голицын выдвинулся позже, во время правления царевны Софьи.

78. Возвращение Голицына. ИП XVIII в., № 3. Фаворит правительницы царевны Софьи князь В. В. Голицын возглавлял в 1689 г. войско, имевшее целью овладеть Крымом. Из-за непредусмотрительности командования военные действия не имели серьезного успеха, так как армии угрожала гибель от недостатка воды в степи. Голицын вернулся и благодаря расположению к нему правительницы был даже награжден, что вызвало недовольство в Москве.

79. Поход селенгинских казаков. Кириша Данилов, № 35. Селенгинский острог, основанный в 1665 г. при впадении в Селенгу р. Чикоя, имел важное стратегическое значение, прикрывая русское население Забайкалья от нападений монголов. Столкновения были частыми, набеги — взаимными. Содержание песни позволяет связать ее с событием 1691 г., когда кроме казаков в рейде против монголов участвовали стрельцы и буряты-табангуты, причем бегство последних стало причиной поражения казаков. Набег селенгинцев на самом деле возглавлял «молодой походный атаман Петр Демьянович, сын сосланного в Забайкалье украинского гетмана Демьяна Игнатова Многогрешного» (Л е в а ш о в В. С. Военно-исторические песни забайкальских казаков // Уч. зап. Читинского пед. ин-та. Чита, 1971. Вып. 23. С. 32). Разбойничий характер набега песней осуждается — даже притом, что он представлял в этом отношении аналог таким же действиям монголов в других случаях, зафиксированных источниками.

ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА I

80. **Поход к Азову.** Языковы, № 61. Петр I, занявший престол в 1689 г., предпринял в 1695 г. поход с целью овладеть Азовом, но взять крепость не удалось. В следующем году, построив военный флот, Петр снова отправился с войском и флотом к Азову.

81. **Казак под Азовом.** Корнилович. С. 246. Казак Левка Маницкий перебежал в Азов к турецкому паше (потом воротился и был расстрелян в Черкаске). Это событие предшествовало осаде Азова при Петре I.

82. **Штурм Азова Петром I.** Чулков. Ч. 2, № 141. Летом 1696 г. русские войска при поддержке флота осадили Азов. После обстрела укреплений был принят штурм, в результате которого городской вал был захвачен русскими. Турецкий гарнизон сдался Петру I.

83. **Заговор убить царя.** Гуляев, № 32. В феврале 1697 г., когда был назначен отъезд Петра в составе русского посольства за границу, стало известно о намерении некоторых бояр и близких им людей убить царя. Предполагали воспользоваться тем, что Петр часто ездит один.

84. **Петр за границей.** Пыпин 1858. С. 306. 10 марта 1697 г. Петр в составе «великого посольства» инкогнито выехал за рубеж. Путь его лежал прежде всего через Лифляндию, принадлежавшую в то время Швеции. Шведский губернатор Риги с почетом принял посольство, но сделал вид, что не знает о присутствии в нем русского царя, и не допустил его осмотреть городские укрепления. Петр был этим рассержен и тремя днями раньше посольства переправился на лодке через Двину в Курляндию, принадлежавшую Польше. Побывав в ряде стран, посольство вернулось в Москву спешно (в августе 1698 г.) — в связи с известиями о стрелецком бунте.

85. **Стрелецкий бунт.** Балашов. С. 251. Стрелецкие полки, отправленные на западную границу, пользуясь отсутствием Петра и подстрекаемые сторонниками царевны Софьи, подняли мятеж и пошли на Москву. Правительственные войска нанесли поражение стрельцам, а вернувшийся Петр учинил следствие, которое установило связи стрельцов с Софьей. Более тысячи стрельцов было казнено на Красной площади, некоторых повесили перед окнами Софьи. Стрелецкое войско прекратило свое существование.

86. **Стрелецкий атаман и царь Петр.** Языков, № 63. Песня использует былинны мотивы.

87. **Жалобы царицы Евдокии Лопухиной.** ИП XVIII в., № 236. В сентябре 1698 г., по требованию Петра его первую жену Евдокию, после безуспешных уговоров, отвезли насильно в Покровский монастырь в Суздале и в июне следующего года постригли в монахини. Кокуй — московская слобода, где жили иностранцы.

88. **Поход на шведскую границу.** ИП XVIII в., № 105 (Молодец идет в поход в земли шведские). Северная война (1700 — 1721 гг.) имела целью возврат ранее захваченных Швецией русских территорий (берега Невы, Финского залива, Ладожского озера, западная часть Карелии, Ижорская земля) и выход России к

Балтийскому морю. Поход в землю Шведскую, о котором говорится в песне, это поход на шведскую границу, проходившую в то время по древней Русской земле.

89. **Донской атаман будет послан Петром против шведов.** *Пивоваров, № 48* (О посылке казаков на шведскую границу). Помимо регулярных войск из рекрутов, в Северной войне участвовали казаки. Донскому войску при Петре дважды жаловались знамена: «за многие верные их службы» в 1706 г. и за «оказанную их во время войны с шведами службу» в 1722 г. (см.: *Казацьи войска* / Сост. В. Х. Казин. СПб., 1912. С. 52 – 53).

90. **Петр скорбит о потере полков.** *Лит. наследство. С. 525* (Песня императора Петра Первого). В ноябре 1700 г. русское войско под Нарвой потерпело поражение от войск Карла XII. Стойкое сопротивление шведам оказали Преображенский и Семеновский полки. Артамон Михайлович Головин и трое других командиров вступили в переговоры с противником и согласились отступить, отдав шведам артиллерию. В числе десяти генералов Головин попал в плен.

91. **Набор в армию.** *Гура. С. 88* (Песня про Шереметева). Военная служба при Петре I была пожизненной, солдат навсегда терял семью. Крупный набор в армию был произведен после сражения под Нарвой: солдат набирали из вольницы — десять новых полков по тысяче человек.

92. **Государева служба.** *Шейн 1877. С. 85.* Законодательное оформление рекрутской повинности произошло в период с 1699 по 1705 г. Вернуться домой солдат мог только в результате увечья или болезни, делавшей его непригодным для военной службы.

93. **Бой под Красной Мызой и Гуммельсгофом.** *Курганов. С. 306.* В июне 1702 г. корпус Б. П. Шереметева выступил из Пскова в составе драгун и других частей конницы, солдатских пехотных полков и артиллерии. Позже к нему присоединились казаки. Войско остановилось для отдыха, не доходя пятнадцати верст до Красной Мызы, в окрестностях которой стоял шведский корпус Шлиппенбаха. 17 июня Шереметев двинулся к Красной Мызе. Авангард русских разбил высланный к переправе отряд шведов и взял в плен его командира майора Розена. На допросе Розен показал, что у Шлиппенбаха, отступившего за переправу через реку Эмбах, не восемь-девять тысяч войска, как предполагал Шереметев, а тринадцать тысяч семьсот. Шереметев решил атаковать Шлиппенбаха, занявшего прочную позицию у Гуммельсгофа. Солдаты, по словам современника, обещали «против неприятелей государевых стоять храбро и мужественно и друг за друга пить смертные чаши». На первую атаку шведов русские ответили артиллерийским огнем. После короткого успеха противника русская пехота и конница наголову разбили корпус Шлиппенбаха. С остатками своей конницы он бежал, преследуемый русскими. На поле боя осталось пять с половиной тысяч шведов, у русских погибло всего четыреста человек.

94. **Солдаты готовы штурмовать Орешек.** *Чулков. Ч. 3, № 190.* Древняя русская крепость Орешек, девяносто лет находившаяся в руках шведов, была хорошо укреплена и имела сильную артиллерию, что ставило в трудное положение русское войско, осадившее ее в 1702 г. под командованием самого Петра I и Б. П. Шереметева.

95. **Взятие Орешка.** *Чулков. Ч. 3, № 75.* Орешек был взят 11 октября 1702 г., несмотря на отчаянное сопротивление шведского гарнизона, после приступа, длившегося двенадцать часов. Мотив подкопа перенесен из песни о взятии Казани.

96. **Казаки и князь Долгорукий.** *Бутова 1889. С. 115.* В 1707 г. на Дон был послан с отрядом солдат полковник Ю. В. Долгорукий для розыска и возврата бежавших сюда крестьян и рабочих с государственных работ. Казацкие старшины с почетом приняли Долгорукого в Новочеркасске и выделили из своей среды людей для помощи ему, хотя это противоречило давней казачьей традиции не выдавать бежавших на Дон.

97. **Вести о восстании на Дону.** *Сахаров. С. 289.* Жестокие действия Ю. В. Долгорукого послужили поводом к началу восстания на Дону под руководством К. А. Булавина. К нему не присоединились казачьи старшины — Василий Фролов и другие.

98. **Некрасов убивает Долгорукого.** *Мякутин. С. 35.* Вскоре после начала деятельности Ю. В. Долгорукого на Дону, в октябре 1707 г., повстанцы, руководимые К. А. Булавиным, напали ночью врасплох на правительственный отряд и истребили его вместе с предводителем.

99. **Некрасов пишет царю.** *Тумилевич. С. 139.* Для подавления Булавинского восстания был послан с войском брат убитого Ю. В. Долгорукого майор В. В. Долгорукий, действовавший с крайней жестокостью. После гибели К. А. Булавина и разгрома основных сил восставших один из предводителей его Игнат Некрасов осенью 1708 г. с двумя тысячами казаков отступил за Кубань. Здесь образовалась своеобразная казачья «республика», просуществовавшая до 1740 г., когда некрасовцы, опасаясь правительственных войск, переехали в Турцию.

100. **Шведский король хочет захватить Полтаву.** *ИП XVIII в., № 67.* Вопреки предостережениям своих генералов Карл XII уверял их, что легко возьмет Полтаву, которая ему была необходима для коммуникации с Крымом и с Польшей. С апреля 1709 г. шведские войска многократно штурмовали Полтаву, но всякий раз бывали отбиты. В России распространялся слух, что король, намереваясь овладеть Полтавой и Москвой, «расписал» уже московские квартиры для своего войска. *Артикандроны* — эскадроны.

101. **Шереметев в соборе.** *Чулков. Ч. 2, № 124.* Б. П. Шереметев в мае 1709 г. по распоряжению Петра был вызван А. Д. Меншиковым к Полтаве.

102. **Молодец собирается под Полтаву.** *Иваницкий, № 580.* Главные силы русской армии подошли к осажденной шведами Полтаве в конце мая 1709 г.

103. **Русские готовятся встретить шведского короля.** *Соколов 1896, № 10* (Петр Первый и шведский король). Русская армия, возглавляемая Петром I, подошла к Полтаве и 25 июня 1709 г. остановилась укреплённым лагерем в пяти километрах от города. 26 июня Петр обозревал расположение своих войск и назначил решающее сражение на следующий день.

104. **Победа под Полтавой.** *ТВ, 1868, № 44. С. 178.* На берегу реки Ворсклы под Полтавой у Карла XII было тридцать тысяч войска, в том числе казаки изменника гетмана И. С. Мазепы. Накануне Полтавской битвы 26 июня 1709 г.

центром русских войск уже командовал Б. П. Шереметев. Сражение окончилось бегством Карла XII. Эпизод со шведским майором перенесен, очевидно, из песни о бое под Красной Мызой и Гуммельсгофом.

105. Войска Шереметева разбивают шведские полки. ИП XVIII в., № 68. Полтава в песне не упомянута, но из текста ясно, что речь идет о Полтавском сражении. Его начали шведы, перед рассветом 27 июня атаковав русских четырьмя колоннами пехоты, за которой следовали шесть колонн конницы. Им удалось после упорного боя прорваться между русскими редутами; частью сил шведы обошли их и медленно продвигались вперед за русской конницей, которая по приказу Петра отходила к своему лагерю. Но здесь огонь русской артиллерии заставил правый фланг шведов в панике отступить. В 9 часов утра завязался рукопашный бой, в котором пехота Шереметева, находившаяся в центре, стала теснить шведов. К 11 часам они начали отход, превратившийся в беспорядочное бегство. Русская конница преследовала противника до Днепра, где большинство вражеского войска попало в плен. Только Карлу XII и Мазепе с небольшим отрядом удалось бежать. В нашей публикации опущена начальная часть текста, являющаяся присоединением начала другой песни о войне в Ливонии, что показал А. В. Позднеев (см.: Позднеев А. В. Песня о Полтавской битве // Уч. зап. Московского гос. пед. ин-та. М., 1968. Вып. 20. С. 21).

106. Под Выборгом. Чулков. Ч. 3, № 52. Осада Выборга русскими войсками началась 21 марта 1710 г., а 13 июня шведский гарнизон капитулировал. Недостоверное известие песни о гибели русского полковника — результат воздействия позднейшей песни о гибели И. М. Краснощекова.

107. Взятие Риги. Григорьев, № 209 (Взятие Риги русским императором). Русское войско под командованием Б. П. Шереметева осадило Ригу в ноябре 1709 г., а в июле 1710 г. гарнизон ее сдался. Петр в осаде не участвовал. Мотив овладения городом с помощью подкопа перенесен из песни о взятии Казани.

108. Взятие Колывани. Чулков. Ч. 2, № 137. Колывань (г. Ревель, ныне — Таллин) была взята русскими войсками у шведов после долгой осады в сентябре 1710 г.

109. Петр I на корабле. Чулков. Ч. 1, № 164. После решительной победы над шведским флотом при Гангуте в 1714 г. русские корабли господствовали на Балтийском море, высаживали небольшие десанты, успешно действовавшие на собственно шведской территории, подходили к шведскому берегу и в непосредственной близости от Стокгольма («Стекольный» в песне); упоминание здесь моря Хвалынского, то есть Каспийского, — ошибка. В августе 1716 г. Петр лично возглавлял на своем флагманском корабле союзный флот России, Англии, Дании и Голландии, состоявший из 60 военных судов; флот вышел из Копенгагена, имея цель высадить войско в Швеции, но из-за разногласий между союзниками России высадка не состоялась. Первая половина песни использует былинные мотивы.

110. Ладожский канал. Чулков. Ч. 1, № 165. Ладожский обводный канал (от Невы до Волхова) начали проводить в 1718 г.

111. Казаки бранят Меншикова. ИП XVIII в., № 200. А. Д. Меншиков присваивал казенные суммы и совершал другие злоупотребления, за что, начиная

еще с 1714 г., постоянно находился под следствием, но сумел избежать суда благодаря заступничеству Петра I и императрицы Екатерины.

112. **Князь Гагарин.** *Киреевский.* Вып. 8. С. 297. Сибирский губернатор М. П. Гагарин был отстранен от должности Петром I в 1719 г. и казнен в 1721 г. за исключительных размеров казнокрадство, взяточничество и другие злоупотребления. В Москве на Тверской улице был поражающий своей роскошью дворец Гагарина с мраморными стенами, разноцветным наборным паркетом, рыбами в висятых аквариумах и т. п.

113. **Петр раздает деньги.** *Астахова,* № 214.

114. **Смерть Петра I.** *Киреевский.* Вып. 8. С. 273. Петр I, умирая от тяжелой болезни, не успел отдать ясного распоряжения о престолонаследии (согласно принятому при нем ранее закону трон мог быть передан волей монарха указанному им лицу). Он скончался 28 января 1725 г. А. Д. Меншиков, опираясь на гвардию, возвел на престол жену Петра Екатерину, которую Петр до того короновал императрицей.

115. **Часовой у гроба Петра I.** *Чулков.* Ч. 3, № 80. Песня создана на основе более древней песни, относившейся к смерти царя Ивана III. Петр имел чин бомбардирского капитана, затем — полковника Преображенского полка.

ЦАРСТВОВАНИЯ ПРЕЕМНИКОВ ПЕТРА

116. **Солдаты и князь Долгорукий.** *Озаровская.* С. 61. Можно предполагать, что песня имеет в виду фельдмаршала В. В. Долгорукого. Молодой император Петр II в конце своего недолгого правления (1727 — 1730 гг.) стал тяготиться опекой Долгоруких, которые намеревались женить его на племяннице В. В. Долгорукого. После смерти Петра II Долгорукие стремились удержать свои позиции в Верховном тайном совете. Но когда В. В. Долгорукий в январе 1730 г. пытался склонить гвардейский Преображенский полк к присяге не только вступившей на престол императрице Анне, но и этому совету, то получил в ответ угрозу, что ему «ноги переломают». *Китай-город* — примыкавшая к Кремлю часть Москвы, в которой находился императорский двор Петра II.

117. **Бегство Лещинского.** *ИП XVIII в.,* № 276. Станислав Лещинский был польским королем в 1704 — 1711 гг. как ставленник врага России Карла XII. Потеряв поддержку шведских войск после Полтавской битвы, эмигрировал в Пруссию, затем — во Францию, где выдал дочь за короля Людовика XV. В 1733 г. благодаря усилиям французской дипломатии вновь стал польским королем. Русское войско осадило Лещинского в Гданьске. Город сдался, а Лещинский бежал за границу.

118. **Штурм Азова.** *Попов,* № 24 (Взятие кр. Азова). Война России с Турцией 1736 — 1739 гг. имела целью обуздать подвластных Турции крымских татар, которые своими набегами опустошали Украину. Весной 1736 г. началась блокада Азова русским войском под командованием генерала В. Я. Левашова.

После прибытия подкреплений 3 мая началась правильная осада шеститысячного турецкого гарнизона с участием русского флота, в том числе казачьих лодок. Вражеский гарнизон сдался 20 июля после того, как укрепления были взяты штурмом. Было захвачено 4 тысячи пленных и 163 орудия. Русские войска потеряли 200 человек убитыми и 1500 ранеными.

119. Долгорукого ведут на казнь. *ИП XVIII в.*, № 269. В 1739 г. в Новгороде были казнены четверо князей Долгоруких, политических противников императрицы Анны Иоанновны. В песне речь идет, очевидно, об И. А. Долгоруком, приговоренном в отличие от остальных к мучительной казни — колесованию. Ему в то время было всего 30 лет. В 1730 г., когда он был уже в опале, за него, вопреки возражениям родных, вышла замуж Н. Б. Шереметева — дочь петровского фельд-маршала.

120. Шведский король требует города. *Киреевский.* Вып. 9. С. 88. Швеция, начав летом 1741 г. против России войну, не имела в ней серьезных успехов. Вскоре после вступления на престол Елизаветы Петровны, в январе 1742 г., при посредничестве Франции Швеция предложила прекращение войны, но на условии возвращения земель и городов, полученных Россией в результате победы в Северной войне. Елизавета собрала совещание высших сановников, где решено было отвергнуть притязания Швеции и продолжать войну. Она закончилась победой России. Упоминание А. В. Суворова в песне появилось, очевидно, в связи с тем, что в 1788 г., когда Суворов был уже известным полководцем, Швеция вновь начала безуспешную войну против России — с предъявления Екатерине II ультимативных требований короля Густава III, аналогичных притязаниям 1742 г.

121. Смерть Ивана Краснощекова. *ИП XVIII в.*, № 102 (Краснощеков сражен пулей). Весьма, популярный среди казаков атаман Иван Матвеевич Краснощеков прославился своими подвигами во время боевых действий против турок и крымских татар. 12 августа 1742 г. во время стычки отряда казаков со шведами вблизи Гельсингфорса (ныне Хельсинки) Краснощеков, согласно шведским данным, получил несколько сабельных ранений, а затем был настигнут шведами и сражен пулей.

122. Слух о гибели Ивана Краснощекова. *Пивоваров*, № 64. После стычки со шведами, в которой погиб Краснощеков, казаки не смогли унести тело своего командира. По договоренности русского командующего генерала П. П. Ласси со шведами на другой день тело Краснощекова было взято казаками для подобающего погребения.

123. Краснощеков на допросе. *Мякутин.* С. 41. Песня применяет к И. М. Краснощекову традиционный эпический мотив и восходит, возможно, к более ранней песне о гибели Семена Пожарского. Основанием такого сближения могло служить сходство обоих героев своей отвагой и неукротимостью, а также существовавший среди казаков слух, что Краснощеков был убит не на поле боя, а будучи захвачен в плен шведами. *Евангуэтов* — по-видимому, искажение фамилии шведского генерала Левенгаупта.

124. **Молодец тужит о доме.** *Киреевский.* Вып. 10. С. XXXIII. Ровно два года продолжалась русско-шведская война, окончившаяся при Елизавете Петровне: с августа 1741 г. по август 1743 г., но три года — один из традиционных в фольклоре сроков, в связи с чем не следует понимать его всегда в прямом смысле.

125. **Прусский король начинает войну.** *Мякутин.* С. 53. Семилетняя война (1756 — 1763 гг.) началась вторжением прусской армии Фридриха II в августе 1756 г. в Саксонию, являвшуюся союзницей России.

126. **Русское войско выступает в поход.** *Чулков.* Ч. 2, № 215. Русская армия выступила в поход против Пруссии в мае 1757 г.

127. **Гибель Лопухина.** *Киреевский.* Вып. 9. С. 95. Исключительно ожесточенное сражение при Гросс-Егерсдорфе 19 марта 1757 г. началось стремительной атакой пруссаков против находившейся на марше русской армии — атакой, поддержанной сильным ружейным и пушечным огнем. Левым крылом русских командовал генерал В. А. Лопухин. Он распорядился занять боевой порядок и повел солдат в контратаку. Но, будучи смертельно ранен, попал в руки пруссаков. Русские grenадеры отбили его еще живого, и он скончался среди своих. Сражение длилось пять часов и окончилось победой русских, но в нем были убиты и ранены многие русские генералы и старшие офицеры. Выражение песни «Лопухин лежит убит» в обыденной речи того времени не означало, что он уже мертв (существовало выражение «убить до смерти»). Ошибочное упоминание Потемкина попало из более поздних песен, по-видимому, вместо фельдмаршала С. Ф. Апраксина, как это видно по некоторым другим вариантам песни. Из позднейшей песни — и ошибочное указание продолжительности боя (см. вступительную статью).

128. **Осада Кюстрина.** *ИП XVIII в.,* № 288. Генерал В. В. Фермор был назначен главнокомандующим русской армией в конце 1757 г., после его успешных действий в Восточной Пруссии. В июне следующего года русская армия переправилась через Вислу и начала наступление тремя колоннами. Федор Иванович Краснощеков (сын И. М. Краснощекова) с казаками действовал в Померании; Э. Г. Чернышев — в Саксонии, командуя русскими частями, приданными австрийской армии. Главные силы Фермора двигались в Польше от реки Варты. 4 августа русская армия подошла к Кюстрину. Предпринятый Фермором обстрел вражеской крепости раскаленными ядрами вызвал пожары, которые нанесли огромный ущерб противнику. При этом пострадало и имущество окрестных обывателей, свезенное ими в крепость, вопреки призывам русского командования оставаться спокойно в своих домах. Вскоре осада Кюстрина была снята.

129. **Весть о поражении нового корпуса.** *Пивоваров,* № 81 (Государыня соболезнует о разбитии армии). Происходившее 14 августа 1758 г. ожесточенное сражение при Цорндорфе, где прусской армией командовал сам Фридрих II, не имело решающего исхода. Русские обратили в бегство наступавшую с фронта прусскую пехоту, отразили фланговые атаки конницы и удержали поле битвы. Но в первой половине боя пруссаки нанесли поражение новонабранному П. И. Шуваловым корпусу; попали в плен русские генералы Салтыков, Чернышев и Мантейфель.

130. **Солдаты под Кюстрином.** Языковы, № 82. Песня, отозвавшаяся на несколько эпизодов Семилетней войны, выражает настроения солдат.

131. **Чернышев в плену.** ИП XVIII в., № 352. Генерал Э. Г. Чернышев, попавший в плен во время Цорндорфского сражения 1758 г., был представлен Фридриху II. Тот приказал бросить его вместе с другими пленными генералами в казематы Кюстринской крепости. Несмотря на протесты Чернышева, этот приказ был выполнен. Но в ту же осень при обмене пленных Чернышев вернулся и в следующем году командовал отдельным корпусом. Предложение вражеского предводителя перейти к нему на службу — мотив, взятый из более ранних песен.

132. **Бой под Берлином.** ИП XVIII в., № 296. Русский корпус под командованием генерала Э. Г. Чернышева приблизился к Берлину в сентябре 1760 г. 22 сентября авангард генерала Г.-Г. Тотлебена вплотную подошел к городу. После маловзвешенного артиллерийского обстрела Тотлебен решил все же овладеть Бранденбургскими и Котбусскими воротами. Штурмовавшие их ночью гренадеры были отбиты, а артиллерия принуждена была прекратить огонь из-за недостатка боеприпасов.

133. **Взятие Берлина.** Шейн 1877. С. 118. После неудачи Тотлебена осада Берлина русскими продолжалась еще неделю. С подходом главных сил Э. Г. Чернышева начались ежедневные стычки; на 29 сентября Чернышев назначил приступ, но, не дождавшись русской атаки, прусские войска, находившиеся в Берлине, пользуясь ночной темнотой, выбрались из города и поспешно отошли, а оставшийся гарнизон капитулировал. Казаки Ф. И. Краснощекова и молдавские гусары весьма успешно преследовали отходивших пруссаков.

134. **Федор Краснощеков у прусского короля.** Догадин. Вып. 2, № 13. Ф. И. Краснощеков, предводительствовавший донскими казаками, пользовался у них большой популярностью и при этом слыл колдуном. Вымышленный эпизод, который составил основу песни о нем, стал традиционным и для позднейших исторических песен.

135. **Возвращение Краснощекова.** Языковы, № 202. К имени участника Семилетней войны здесь приурочены традиционные мотивы солдатских лирических песен.

136. **Жалобы Екатерины.** Пыпин 1900. С. 588. Е. Р. Воронцова была фавориткой недолго правившего императора Петра III — мужа будущей императрицы Екатерины II, занявшей престол в 1762 г. в результате переворота

ЦАРСТВОВАНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II И ПАВЛА I

137. **Русский флот в Средиземном море.** Попов, № 25. Песня отобразила участие русского флота в войне, которую Турция начала против России в 1768 г. Из Балтийского моря была отправлена русская эскадра адмирала Г. А. Спиридова. Она миновала датские проливы и далее через Северное море и Атлантический океан, Гибралтарский пролив и Средиземное море прибыла в район боевых опера-

ций, проводившихся в Эгейском море вблизи Константинополя (в песне — Царьград). Позднее тем же путем сюда прибыли из Балтики еще четыре русские эскадры. Общее командование принадлежало графу А. Г. Орлову. Песня имеет литературное происхождение, но записана в устном бытовании.

138. Спиридов и матросы. Чулков. Ч. 3, № 79. Песня отражает, очевидно, подготовку к решительным действиям против неприятеля. Вскоре под командованием А. Г. Орлова русские разгромили турецкий флот в Чесменском бою (почти в один день с победой при Кагуле) и затем блокировали пролив Дарданеллы.

139. Взятие Хотина. ИП XVIII в., № 456. Русская армия, ранее находившаяся в Польше, подступила летом 1769 г. к турецкой крепости Хотин (на берегу Днестра), комендантом которой был Кареман-паша. Под Хотинем произошло несколько успешных сражений, важная роль в которых принадлежала генералу А. А. Прозоровскому. После поражения турок в одном из них Кареман-паша был вызван для суда визирем, находившимся в Бендерах; позже он был казнен. Русские заняли оставленный турками Хотин в начале сентября.

140. Убит Долгоруков. Шейн 1877. С. 96. В песне, очевидно, говорится о генерал-майоре П. С. Долгорукове, который, находясь в отряде князя Голицына, был убит под Хотинем в 1769 г.

141. Мурзы узнают о победах русских. Мякутин. С. 45. После ряда побед в кампании 1769 г. русские войска заняли Хотин, Яссы, Бухарест. Мурзы крымских татар, а также едисанских и белгородских (кочевавших у берегов Дуная и Буга) вели переговоры, колеблясь между подданством Турции и предложением перейти под протекторство России (Крым окончательно вошел в ее состав позже — в 1783 г.).

142. Победа при Кагуле. Чулков. Ч. 2, № 126. Песня в основном верно передает главные эпизоды знаменитой битвы при реке Кагул 27 июля 1770 г. Построившись в дивизионные каре, русские войска перешли Троянов вал и под прикрытием артиллерийского огня атаковали турок. «Визирь, увидев в сем случае лучших своих янычар, составляющих первую стену, падших, на всю мочь побежал из лагеря со всеми войска» (Румянцев П. А. Документы. М., 1953. Т. 2. С. 313). Конные части Долгорукова и пехотные — Боура действительно отличились в этой битве. Песня литературного происхождения, но много раз записана в устном бытовании.

143. Суворов переправляет войско на плотах. Шейн 1877. С. 130. Песня отразила популярность среди солдат А. В. Суворова, умевшего находить выход из труднейших положений и внушать войскам бодрость духа. Центральный мотив песни исторически неоправдан в буквальном смысле, а навеян, возможно, воспоминаниями об успешных действиях Суворова у Туртукая в 1773 г., когда была осуществлена форсированная переправа через широкую реку.

144. На военном корабле. ИП XVIII в., № 471. Азовская флотилия адмирала А. Н. Сенявина в мае 1771 г. вышла из Таганрога для содействия сухопутным войскам по овладению Крымом. После успешных операций в Азовском море она направилась в Черное море (где Россия в то время еще не имела своего флота) и в 1774 г. с успехом отражала нападения численно превосходившего ее турецкого флота.

145. **Казакки снимают турецкие караулы.** *Киреевский.* Вып. 9. С. 214. А. В. Суворов действовал под общим командованием П. А. Румянцева во время русско-турецкой войны 1768 — 1774 гг.

146. **Каменский за Дунаем.** *Савельев.* С. 105. Генерал М. Ф. Каменский во время этой войны командовал частью русских войск, действовавших за Дунаем.

147. **Начало Пугачевского восстания.** *Языковы,* № 109; *ИП XVIII в.,* № 503. В сентябре 1773 г. был прочитан первый манифест Пугачева от имени Петра III. Казаки действовали первоначально на р. Яик в окрестностях Яицкого городка, но, не имея сперва пушек, не решались атаковать находившиеся там войска.

148. **Противодействие пугачевцам.** *Лит. наследство.* С. 188 (из записной книжки А. С. Пушкина). Заняв крепость Рассыпную, пугачевцы направились в крепость Нижне-Озерную, на пути встретив капитана Сурина, посланного из Нижне-Озерной против них с ротой солдат. Сурин был повешен, а его солдаты присоединились к восставшим.

149. **Солдата не пускают в Оренбург.** *Шейн 1859.* С. 146. Основной мотив песни связан, вероятно, с успешной обороной Оренбурга зимой 1773/74 г. от войск Пугачева.

150. **Пугачев кручинится.** *Языковы,* № 110. Рисуя состояние Пугачева после утомительного боя с правительственными войсками, песня использует традиционный мотив тревожных предчувствий.

151. **Пугачев и Панин.** *Языковы,* № 111. Граф П. И. Панин был последним командующим войсками, подавлявшими восстание. Когда скованного Е. И. Пугачева в 1774 г. везли в Москву, в Симбирске состоялась его встреча с Паниным, на вопросы которого Пугачев отвечал очень дерзко. В песне отобразилось отождествление его повстанцами с императором Петром III, которого «сенаторы не могут судить».

152. **Ванька Каин.** *Киреевский.* Вып. 9. С. 42 (Жалоба на Ивана — Ваньку Каинова). Самый знаменитый из московских уловников XVIII столетия Иван Осипов, по прозвищу Ванька Каин, был отчасти подобен по своей деятельности позднему Азефу. Добившись службы в полиции и приобретя этим способом большую власть над преступниками в Москве, он сам был среди них наиболее дерзким и циничным негодяем. О похождениях Ваньки Каина повествуют собственное его жизнеописание и более пространное сочинение его современника и знакомого М. Комарова, а также позднейшие работы историков. Ванька Каин был разоблачен и осужден в 1775 г. Существует немало песен, которые связываются так или иначе с его биографией, но непосредственно о его злоупотреблениях говорится только в приведенной. Здесь имеется в виду деятельность Ваньки Каина по вымоганию взяток с беспаспортных бурлаков и других нелегальных приезжих в Москве.

153. **Тотлебен заступает за казаков.** *Панкратов.* С. 62. Согласно объяснению С. Ф. Панкратова в песне изображены следующие факты: в 1774 г. генерал Медем, стоявший лагерем в районе Моздока, подозревал, что гребенские казаки сносятся с кабардинскими князьями (о чем доносил императрице); за казаков вступился Тотлебен, бывший с ними в Грузии в 1769 г.

154. **Набег Шейх-Мансура на Моздокскую линию.** Попов, № 28. Согласно объяснению Г. М. Попова в песне отобразились следующие факты. Двухтысячная армия горцев, вооруженная турецкой пушкой и возглавляемая Шейх-Мансуром (чеченцем, который выдавал себя за пророка и возвещал гибель всем русским), ночью 2 ноября 1786 г. напала на Болдыревский редут, где стояли донские казаки. Они были тогда разбиты наголову, причем 150 человек оказались захвачены и впоследствии перерезаны.

155. **Осада Очакова.** Киреевский. Вып. 9. С. 257. В 1787 г. Турция вновь объявила войну России. В июле 1788 г. началась осада русскими турецкой черноморской крепости Очаков, руководимая Г. А. Потемкиным. Он долго не решался на штурм, осада затянулась до начала зимы. Солдаты страдали от холода и болезней, нарастало недовольство медлительностью командующего.

156. **Взятие Очакова.** РГВИА, ф. 395, оп. 252, № 165, л. 3. Перешедшие Южный Буг части Екатеринославской армии (в песне — «ярославцы») подошли к Очакову, находившемуся на мысе у входа в Днестровско-Бугский лиман, и расположились лагерем. В течение двадцати пяти дней Г. А. Потемкин вел приготовления к началу осады. В ноябре смелой атакой запорожцев был высажен с боем десант на острове Березань, напротив устья одноименной реки вблизи Очакова. Находившаяся на острове турецкая крепость сдалась без сопротивления после подхода русских кораблей, поддержавших действия запорожцев. Затем продолжались фортификационные работы, хотя уже выпал снег, а солдаты жили в палатках. Назначенный, наконец, Потемкиным штурм 6 декабря, несмотря на отчаянное сопротивление противника, окончился быстрым взятием крепости. Песня была записана в 1854 г. в Ростове-на-Дону от жившего там столетнего суворовского солдата Парамона Веселова и доставлена через министра внутренних дел и военного министра лично императору Николаю I. В архивном деле — его помета и приписка военного министра: «Его величество жалует отставному солдату Веселову единовременно сто рублей серебром из Государственного казначейства» (л. 9).

157. **Оборона крепости Кинбурна.** Попов, № 55. В 1787 г. Екатерина II назначила А. В. Суворова командующим в Херсоне и Кинбурне (крепость при устье Днепра), где ожидалось нападение турок. Они высадились 1 октября в количестве около 6 тысяч и стали обстреливать с кораблей Кинбурн. Суворов, у которого было мало войск, подпустил их на 200 шагов, затем, дав залп с крепостного вала, начал бой, длившийся 8 часов. Сам Суворов был дважды ранен, но не покинул сражения. Турки были наголову разбиты, их спаслось лишь около 300 человек.

158. **Суворов ранен.** ИП XVIII в., № 495. А. В. Суворов помимо блестящего полководческого таланта обладал и выдающейся личной храбростью. Он много раз бывал ранен в сражениях, где в самых опасных местах подавал пример и воодушевлял солдат. Так, при осаде Очакова Суворов с двумя батальонами grenadier отразил вылазку двухтысячного отряда турок, но, раненный пулей в шею, принужден был оставить поле боя. При передаче текста песни опущены распевные повторы частей некоторых слов и целых слов.

159. **Взятие Измаила.** *Мякутин.* С. 64. 11 декабря 1790 г. русские войска под командованием А. В. Суворова штурмом взяли считавшуюся тогда неприступной турецкую крепость Измаил, незадолго до того заново укрепленную. Сам А. В. Суворов позднее говорил, имея в виду чрезвычайную трудность штурма, что на такое дело можно решиться только раз в жизни. Важную роль в критический момент сражения за Измаил сыграли казачьи колонны Платова и Орлова.

160. **Суворов и солдаты.** *Бирюков.* С. 9. Крепость Бендеры не раз была объектом сражений с турецкой армией, но А. В. Суворов одерживал в это время победы в других местах.

161. **Суворов едет по полкам.** *Добровольский.* С. 620 (Суворов). Песня отражает исключительную популярность А. В. Суворова среди солдат.

162. **Казак в главе с Гудовичем сражаются против турок.** *Гребенев.* № 9. С. 81. В 1790 г. русские войска, возглавляемые генералом И. В. Гудовичем, взяли Анапу, а турецкая армия Батал-паши, высадившаяся на Кубани, была разгромлена. По объяснению публикатора, под князем Варяжским имеется в виду генерал-майор Загрязский.

163. **Дон возмутился от трех генералов.** *Мякутин.* С. 68. В 1792 г. по инициативе генерала И. В. Гудовича правительство решило переселить шесть казачьих полков с Дона на Кубанскую линию. После начавшихся волнений казаков находившийся в Черкасске атаман Донского войска, непопулярный среди казаков генерал А. И. Иловайский убедил Екатерину II переселить только три тысячи семей. Были вызваны войска под командованием трех генералов (Щербатова, Мартынова и Платова). Но за два года удалось переселить лишь одну тысячу казачьих семей.

164. **Суворов берет Варшаву.** *Киреевский.* Вып. 9. С. 325. В результате «первого раздела Польши» в 1772 г. Россия получила исконно русские области: Белоруссию, Волынь, Подолию. Стремившиеся вернуть их Польше повстанцы, возглавляемые Костюшко, начали в 1794 г. военные действия против России. Русские гарнизоны в Варшаве и Вильне были истреблены, а польский король Станислав Понятовский не имел реальной власти, хотя перед тем объявил ее наследственной (чего в Польше давно не было). Посланный против повстанцев А. В. Суворов одержал ряд блестящих побед и 24 октября штурмом взял сильно укрепленное предместье Варшавы на правом берегу Вислы — Прагу. На следующий день Варшава капитулировала, а жители ее, спасенные от своеволия повстанцев, поднесли Суворову почетную саблю с надписью: «Варшава своему избавителю».

165. **Часовой у гроба императрицы.** *ИП XVIII в.,* № 536. Построенная по типу более ранних посмертных обращений к царю Ивану III и императору Петру Великому, песня отобразила недовольство солдат нововведениями вступившего на престол после смерти Екатерины II Павла I.

166. **У могилы Суворова.** *Попов,* № 59 (Переход через Чертов мост). А. В. Суворов умер 6 мая 1800 г., вернувшись после знаменитых своих побед над наполеоновскими войсками в Итальянском и Швейцарском походах 1799 г. Император Павел I возвел его в княжеское достоинство, пожаловал чин гене-

ралиссимуса и повелел воздавать Суворову царские воинские почести. Печатаемая песня по жанру аналогична посмертным прославлениям царей и императоров. Но этот текст более насыщен историческим содержанием, основанным, по-видимому, на живых воспоминаниях участника похода в Альпах, в частности, беспримерного преодоления Чертова моста. 14 сентября путь суворовским войскам преградила бурная река в ущелье, над которой на высоте более двадцати метров среди отвесных скал высился разрушенный неприятелем мост. Его пришлось восстанавливать подручными средствами: все, что годилось в дело, связывали кушаками под сильным огнем неприятеля, обстреливавшего и узкий проход к реке, преодолевать который можно было только по одному. Часть людей героически погибла, но мост был восстановлен и ущелье русскими войсками форсировано.

167. **Сын у гроба императора Павла.** Киреевский. Вып. 9. С.419 (Умер Павел-император). Песня, отобразившая народные симпатии к недолго царствовавшему государю, вместе с тем испытала, как видно, и воздействие слухов о гибели его 12 марта 1801 г. от рук заговорщиков — «господ лихих», небезопасных и для наследника престола. «Во... барабанчики указы били» — читали указы при звуке барабанов.

ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I

168. **Коронация Александра I.** ИП XIX в., № 3 (Коронация Александра и персидский шах). Вступивший на престол после смерти Павла I его старший сын короновался 15 сентября 1801 г. Песня отобразила слухи об обострении отношений с Персией, которая была недовольна происшедшим в том же году присоединением к России восточной Грузии. Распевные повторы некоторых слов и частей слов при передаче текста опущены. Помимо этой песни, записанной у донских казаков, сохранилась небольшая песня-приветствие перед присягой только что вступившему на престол Александру I (Соболевский. С. 530):

После бури, бури преужасной,
После самых грозных гуч
Днесь настал нам день прекрасный
И приятный солнца луч.
Александр на российском троне:
Перестанем воздыхать!
Он в порфире и в короне:
Чего ж больше нам желать?
Присягнем ему сердцами,
Присягнем и всей душой.
И не лестными словами —
Мы счастливы все тобой.

Шествуй, шествуй ты стопами
Мудрой бабки твоея,
Владей нашими сердцами,
Пример взявши от нея!

Примечание собирателя: «Песня эта записана мною со слов солдатской вдовы Анисьи Морозовой, умершей в Матросской богадельне в Москве, в 1878 г. Муж служил солдатом в гвардии при Павле и Александре I и убит в 1812 г. Она рассказывала (конечно, со слов мужа), что песня эта была пропета Александру I, когда он, тотчас по восшествии на престол, выехал к гвардии. Выслушав ее, император поблагодарил солдат и (будто бы) просил их на будущее время не петь этой песни». Других ее записей мы не знаем. Сочиненная, как можно думать, кем-либо из офицеров, песня, очевидно, не приобрела широкой известности, но сохранялась в памяти многие десятки лет.

169. **Гудович и персидский шах.** *Савельев*. С. 103. В 1806 г. граф И. В. Гудович был назначен главнокомандующим русскими войсками на Кавказе, противостоявшими в войне 1804 — 1813 гг. захватническим устремлениям Персии. Ранее этот пост занимал П. Д. Цицианов, предательски убитый по проискам персидского шаха, сторонники которого поддерживали притязания на грузинский трон царевича Александра. Война с Персией была доведена до победы уже не Гудовичем, а генералом Котляревским.

170. **Казаки под Ленкоранью.** *Догадин*. Вып. 1, № 32 (Про есаула Попова). После разгрома персидской армии Аббаса-мирзы Котляревский, имея менее двух тысяч человек, осадил крепость Ленкорань, обороняемую четырьмя тысячами и запиравшую путь в Персию. В составе осаждавших была сотня астраханских казаков под начальством есаула Ивана Попова. Комендант сдаться отказался, и Ленкорань была взята штурмом 31 декабря 1812 г., несмотря на стойкость ее защитников, которые все полегли под русскими штыками. Наш урон составил около 350 убитых и 600 раненых. Персия после падения Ленкорани поспешила заключить мир.

171. **Кутузов и казаки.** *Мякутин*. С. 78. В войне с Турцией 1806 — 1812 гг. участвовали казаки, а М. И. Кутузов сыграл в ней выдающуюся роль: с марта 1811 г. он был главнокомандующим и добился успешного завершения войны. Результатами ее были присоединение Бессарабии к России и предоставление Турцией автономии Сербии. Песня возникла, очевидно, не по свежим впечатлениям от войны, а на основе припоминаний, отчасти заслоненных последующими событиями на Кавказе (где Кутузов не участвовал, но участвовали казаки).

172. **Платов встречает казаков.** *Пивоваров*, № 92. По-видимому, песня отобразила, столь же ретроспективно, участие в войне 1806 — 1812 гг. казачьего корпуса, действовавшего за Дунаем под командованием М. И. Платова и отличившегося в боях под Силистрией и Рущуком, что способствовало общему успеху военных действий.

173. **Наполеон пишет Александру.** *Пивоваров*, № 102. Вторжению войск Наполеона в Россию (12 июня 1812 г.) предшествовала переписка Наполеона с Александром I. Песня использует мотивы аналогичных песен XVIII в.

174. **Бой у переправы.** *ИП XIX в.*, № 112. Песня, по-видимому, отражает общие впечатления от первоначальных успехов противника в войне, используя традиционные мотивы более ранних песен.

175. **Канун Бородин.** *Догадин.* Вып. 1, № 7. Сражение на Бородинском поле произошло 26 августа 1812 г.

176. **Кутузов ободряет солдат.** *Григорьев,* № 96 (Платов и Кутузов). Накануне Бородинского сражения М. И. Кутузов подъезжал к полкам, лично говорил с солдатами, его слова быстро передавались по армии и поднимали моральный дух русских войск (казаки М. И. Платова затем сыграли важную роль в Бородинском сражении).

177. **Начало Бородинского боя.** *Мякутин.* С. 82. Решение М. И. Кутузова дать бой Наполеону на позиции, выбранной русскими генералами у Бородина, состоялось за неделю до первого осеннего христианского праздника — Семенова дня. За несколько дней до него и произошло само Бородинское сражение.

178. **Битва с французами.** *Акимова,* № 123. Около четырнадцати часов продолжалась битва под Бородином, начавшаяся, однако, не ночью, а в шестом часу утра. Песня насыщена традиционными формулами в описании боя, присутствующими также в предыдущей песне и отразившимися еще в песне о Куликовской битве.

179. **Платов во время битвы.** *Языковы,* № 127. Атаман Донского казачьего войска генерал М. И. Платов в Бородинском сражении возглавлял казачьи полки, которые по приказу М. И. Кутузова нанесли удар по левому флангу наполеоновской армии, вызвав переполох и панику.

180. **Платов и казаки.** *Киреевский.* Вып. 10. С. 37. Эта песня отображает подобно предыдущей исключительную популярность Платова в казачьей среде, заимствуя повествовательные мотивы из более ранних песен и отчасти как бы суммируя результаты Отечественной войны (в частности, судьбу части пленных противников).

181. **Наполеон под Москвой.** *ИП XIX в.*, № 106. Перед вступлением Наполеона в Москву ее покинуло 100 тысяч человек гражданского населения. Казаки М. И. Платова успешно прикрывали отход русской армии.

182. **Генерал запродад Москву.** *Потанин.* С. 104. Песня, видимо отразившая непопулярность московского главнокомандующего Ф. В. Ростопчина, который обещал населению, что Москва не будет сдана французам, использует традиционные мотивы.

183. **Занятие французами Москвы.** *Попов,* № 68. Армия Наполеона 2 сентября 1812 г. вступила в Москву, без боя оставленную русскими войсками, с которыми ушла половина жителей. Но, по словам Кутузова, «уступлением столицы мы приговариваем гибель неприятелю». Песня напоминает, что в октябре 1612 г. из Москвы были изгнаны оккупанты — поляки, перед тем терпевшие в ней жестокий голод, а впоследствии побежденные русскими.

184. **Француз зажег Москву.** *Черткова.* С. 7. С первого дня пребывания неприятельских войск в Москве начались пожары.

185. **Наполеон в Москве.** *Чичеров.* С. 279. Во время пожаров, которые не прекращались в Москве до 6 сентября, огнем было уничтожено две трети всех домов, торговые ряды, лавки, пострадал Кремль.

186. **Бессчастный сон.** *Киреевский*. Вып. 10. С. 4. К событиям 1812 г. применены мотивы песен Древней Руси.

187. **Выступление французов из Москвы.** *Попов*, № 71. Песня ретроспективно осмысляет не только оставление Москвы армией Наполеона, но и исход всей войны. В Москве войско захватчиков находилось немногим более месяца: обремененные награбленными добром французы покинули столицу 9 октября 1812 г. Каждая третья строка песни поется дважды.

188. **Кутузов и французский майор.** *Киреевский*. Вып. 10. С. 47. Песня основана на переработке эпизода более ранней исторической песни о боях под Красной Мызой и Гуммельсгофом.

189. **Платов у французов.** *Гуляев*, № 47. Используя мотивы более ранних песен, частью восходящие еще к былинному эпосу, это произведение получило весьма широкое распространение, отразившее исключительную популярность Платова не только среди казаков.

190. **Русские преследуют армию Наполеона.** *Магнитский*. С. 84. Покинув Москву, Наполеон намеревался отойти в междуречье Березины, Днепра и Западной Двины, с тем чтобы перезимовать там и возобновить борьбу в 1813 г. Этот план был сорван действиями русской армии.

191. **Освобождение Смоленска.** *Киреевский*. Вып. 10. С. 23. Поражение войск Наполеона под Красным (3 — 6 ноября) совпало с оставлением Смоленска. 3 ноября по приказу Платова несколько казачьих полков атаковали предместья Смоленска. Через день французы оставили этот город, где Наполеон намеревался дать длительный отдых своей армии. 16 ноября русские атаковали противника, переправлявшегося через Березину, нанеся ему огромный урон (князя П. М. и С. Г. Волконские участвовали в войне 1812 г.).

192. **Переход границы.** *Еланский*. С. 16. 28 декабря 1812 г., преследуя отступающего противника, русская армия перешла границы России. Из 380 тысяч французов, вторгшихся в нее с Наполеоном, обратно переходили границу менее 20 тысяч, в основном уже безоружных. Были основания вспомнить русским ветеранам славный век Екатерины.

193. **Русские войска разбивают французов.** *Лопатин и Прокунин*, № 96. Генерал В. В. Орлов-Денисов участвовал в атаке на правый фланг французов при Бородине, командовал казаками после оставления Москвы, играл важную роль в операциях по преследованию наполеоновской армии. Переправа через реку Лесну (в песне — Мяснушка), занятие Варшавы относятся к последним операциям по изгнанию остатков армии Наполеона. В песне соединились припоминания о разных событиях; ошибочно говорится о гибели Денисова.

194. **Победа под Лейпцигом.** *ИП XIX в.*, № 120. Решающее сражение союзных войск с набравшим новую армию Наполеоном произошло под Лейпцигом 4 — 7 октября 1813 г. На третий день боя рано утром неожиданная атака казаков Платова с правого фланга в обход левого фланга неприятеля имела успех. В некоторых вариантах этой песни прямо говорится, что речь идет о Лейпцигском сражении. Упоминание М. И. Кутузова ошибочно. Рас-

певные повторы в песне некоторых слов и частей слов при передаче текста опущены.

195. **Сражение у Госсы.** Попов, № 82. Как поясняет Г. М. Попов содержание песни, в первый день трехдневной «битвы народов» под Лейпцигом произошло отдельное сражение у селения Госсы, за которым наблюдал с высокого холма император Александр I. В бою участвовал гвардейский Финляндский полк, сохранившийся в живом бытовании эту песню как свою полковую. После каждого куплета припев: «Ой ли, любо да люли, ой люли!» — с последующим повторением двух последних строк куплета.

Не засвидетельствовав устное бытование песни, приводимой здесь ниже, Г. М. Попов сообщает ее как доставленную ему в 1892 г. Она связана тематически с предыдущей и озаглавлена «Подвиг гренадера Коренного». Вот ее текст:

Мы помним дядю Коренного,
Он в нашей памяти живет;
Бывало, на врага какого
В штыки с ребятами пойдет.
Тогда булат зашевелится,
Бой рукопашный закипит,
Ручьем кровь вражья заструится,
А Коренной вперед валит.
И вражьи все дивились войски,
Как в Госсе русский рядовой
Спасал начальников геройски, —
Спас всех и сдался головой.
Сам Бонапарт его прославил,
Приказ по армии отдал;
В пример всем русского поставил,
Чтоб Коренного каждый знал.
Вот чудо-богатырь был малый,
Лихой фланговый гренадер;
Везде, всегда в боях удалых
Геройской храбрости пример!

После каждых четырех строк припев:

Ура, ура, ура!
Финляндцы, вы стяжали славу
Повсюду, где ходили в бой;
В сраженьях видели забаву,
Там каждый был из вас герой!

Г. М. Попов так прокомментировал эту песню: «В сражении под Лейпцигом 4 октября 1813 г. лейб-гвардии Финляндский полк, когда его послали на подкрепление войск, дравшихся у сел<ения> Госсы, вытеснил французов, причем ко-

мандир 3-го батальона полковник Жерве со своими офицерами перелез через каменную ограду и был окружен сильным отрядом неприятеля. Французы потеснили наших и предложили им сдаться. Конечно, никто и не подумал это исполнить и каждый отдавал дорого свою жизнь, и, отступая шаг за шагом, храбрецы перелезали назад через ограду. Уже оставалось не перелезшими несколько человек, между которыми отчаянно дрался громадного роста рядовой Коренной. Наконец, он остался один с полковником Жерве и, отбиваясь от нападающих французов, помогал своему батальонному командиру перелезть через ограду. Французы рты разинули, видя нашего героя в деле, и не хотели убивать такого храбреца. Коренному предложили сдаться, но он решил лучше погибнуть и продолжал обороняться. В руки неприятеля он попал тогда, когда упал, получив 18 ран. Наполеон, увидя Коренного и узнав о его подвиге, поставил его в пример всей своей армии и отпустил из плена» (с. 202).

196. **Москва и Париж.** Киреевский. Вып. 10. С. 7. Тесня отступающие войска Наполеона, русская армия в составе союзных войск приблизилась к Парижу в начале 1814 г. Окончание песни, очевидно добавленное позже, имеет в виду изображение Москвы, попавшее в село Симбирской губернии, где записана эта песня.

197. **Под Парижем.** Киреевский. Вып. 10. С. 26. Русские войска, заняв позиции под Парижем, затем героическим штурмом высот Монмартра 18 марта принудили противника сдать столицу. Великий князь Константин Павлович участвовал в руководстве операциями под Парижем.

198. **Наполеон горюет.** Якушкин. С. 93. Казачья переделка более ранней песни о прусском короле, отозвавшейся на поражение пруссаков в 1806 г. под Иеной и предшествовавшую этому гибель племянника прусского короля. Создана, очевидно, под влиянием известий о пленении Наполеона и ссылке на остров Эльба в 1815 г.

199. **Семеновцы в крепости.** Путилов 1962. С. 293. В 1820 г. в гвардейском Семеновском полку произошли волнения — после ареста в Петропавловской крепости роты этого полка, подавшей жалобу. Полк был расформирован, солдаты отправлены в другие полки: на Кавказ, в Оренбург, в Сибирь.

200. **Аракчеев.** Лит. наследство. С. 191. Граф А. А. Аракчеев — военный министр Александра I, поручившего ему организацию военных поселений, где помимо несения службы солдаты занимались сельским хозяйством, благоустройством (рытье канав, посадка берез и т.п.). Вызывавшие недовольство солдат плохое питание и недостаточное снабжение нередко прикрывались атрибутами внешнего благополучия. Песня использует мотивы более ранней песни о Гагарине.

201. **Василий и Андрюшка-палач.** ИП XIX в., № 258. Осенью 1825 г. в имении Аракчеева Грузине взбунтовались крестьяне и убили его любовницу Н. Минкину. Главный участник этих событий Василий Антонов (в песне — Демидов) был казнен.

202. **Набор военных поселенцев.** ИП XIX в., № 259. Военными поселенцами были крестьяне, объявленные пожизненными военными. Особенно широкое распространение эти поселения получили с 1820 г. (и просуществовали по 1857 г.).

Песня записана от бывшего военного поселенца. По его словам, она сложена им и его товарищами в 1824 г. под впечатлением того, как их в присутствии Аракчеева, угостив водкой, забрали в военные поселенцы.

203. Смерть Александра I. Лаговский, № 168. В начале сентября 1825 г. Александр I отправился в поездку по южной части Европейской России, отменив назначенный им смотр войск у Белой Церкви. Во время этой поездки, после короткой болезни, он умер в Таганроге 19 ноября. Гроб с его телом везли через Москву и другие города в Петербург, куда похоронная процессия прибыла только в марте 1826 г.

204. Часовой оплакивает Александра I. ОР РГБ, ф. 160, папка 16, № 9, л. 31. Песня следует традиции песен-плачей по умершему монарху, но отобразила и реальную историческую ситуацию, акцентируя внимание на месте кончины императора (Таганрог — Таганрог).

ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ I

205. Николай I и его брат. Соколовы. С. 315. Песня отражает искаженные слухи о событиях, связанных с мятежом 14 декабря 1825 г. (первые ее строки обязаны позднейшим впечатлениям о начале Крымской войны). Будущий император Николай I был приглашен на заседание Государственного Совета, когда после известия о смерти Александра I он присягнул старшему брату Константину Павловичу, не зная еще о его отречении. Накануне официального вступления на престол 13 декабря Николай Павлович посылал за другим своим братом Михаилом Павловичем. Вторая половина песни с фактами не соотносится, но косвенно отобразила верные сведения о намерении руководителей заговора умертвить всех членов династии Романовых.

206. Солдат плачет по государыне Елизавете Алексеевне. Добровольский. С. 628. Вдова императора Александра I пережила мужа только на полгода и скончалась 4 мая 1826 г. Она пользовалась любовью солдат. Песня следует традиционной форме плача по умершему монарху.

207. Сражение при Ушагене. Попов, № 88. Сорокатысячная персидская армия под командованием престолонаследника Аббаса-мирзы вторглась в Закавказье весной 1826 г., начав военные действия против находившихся там небольших русских сил. Война эта окончилась сокрушительным поражением Персии в 1827 г. Самый трудный эпизод войны отображен песней. Трехтысячный отряд генерала А. И. Красовского 16 — 17 августа 1827 г. пробился сквозь 25-тысячный лагерь персов, дабы освободить блокированный ими монастырь Эчмиадзин, где находилась база русских войск, переполненная тогда больными. Близ села Ушаген персы десять часов подряд атаковали безуспешно отряд Красовского и отступили, потеряв более трех тысяч человек и бросив свой лагерь. После каждых двух строк припев: «Правда, братцы, правда, братцы» — с последующим повтором второй строки.

208. **Турецкий султан пишет русскому царю.** *Киреевский.* Вып. 10. С. 461. Успешная война России с Турцией 1828 — 1829 гг., принесшая независимость Греции, автономии Сербии, Молдавии и Валахии, страдавшим от произвола и зверств османских завоевателей, началась с того, что султан призвал к «священной войне» против России. Песня основана на переработке сходной по содержанию более ранней песни, относившейся к русско-шведской войне.

209. **Турецкие угрозы.** *Абрамычев,* № 22. В этой войне русские войска преодолели Балканские горы и вышли на подступы Константинополя в начале осени 1829 г., принудив турок запросить мира. Генерал И. Ф. Паскевич командовал тогда частями, успешно действовавшими в Закавказье. Песня, как бы обобщающая события войны, основана на переработке аналогичных песен XVIII в.

210. **Переправа через Дунай.** *Попов,* № 91 (Переправа через р. Дунай при с. Сатунове). Главные силы русской армии в присутствии императора Николая I 27 мая 1828 г. переправились через Дунай у Сатунова (между городами Рени и Измаилом). Песня, созданная под впечатлением этого начального эпизода войны, после каждых четырех строк имела припев: «Ура, ура, ура! Здравие Белого царя!» Четыре строки запева и припев всякий раз исполнялись дважды.

211. **Под Браиловом.** *Мякутин.* С. 113. Еще в середине мая русские войска осадили Браилов под командованием великого князя Михаила Павловича. Крепость сдалась 7 июня. Но штурм ее, предпринятый 3 июня, был турками отбит, причем русские тогда потеряли 92 офицера и более 2600 солдат (однако потери турок были намного больше). Песня отобразила недовольство организацией штурма.

212. **Взятие Варны.** *Попов,* № 93. Осада сильно укрепленной Варны русскими войсками, большинство которых составляла гвардия (с ней здесь находился император Николай I), велась в весьма трудных условиях, при яростных попытках турок крупными силами деблокировать крепость. Штурм Варны начался 26 сентября 1828 г. после подхода осадной артиллерии и флота; в результате ожесточенного боя совместными действиями с суши и с моря русские овладели крепостью 29 сентября.

213. **Полк Падурова в походе.** *Мякутин.* С. 114. Полк оренбургских казаков под командованием И. Б. Падурова участвовал в войне с Турцией в 1829 г.

214. **Гибель полка Тащина.** *Ливоваров,* № 117. Турки внезапно напали на отдыхавший в лесу на поляне казачий полк и изрубили 500 человек, в числе которых погиб полковник Тащин.

215. **Поход на Эрзерум.** *Кикоть.* С. 333. Русские войска, действовавшие в Закавказье, одержали блестящие победы 19 и 20 июня 1829 г. под Милле Дюзе и Каинлами: потеряв только тысячу человек убитыми и ранеными, взяв в плен 12 тысяч турок, перебив 5 тысяч. Конница под личным начальством И. Ф. Паскевича на протяжении 20 верст преследовала остатки турецкой армии, бежавшие в Эрзерум. Он сдался почти без боя 27 июня. Ровно через три месяца, 27 сентября при Байбурте произошло последнее за эту войну сражение в Закавказье. Семитысячный русский отряд, потеряв всего сто человек, разгромил 12 тысяч турок и курдов, потерявших в этом бою убитыми 700 человек и пленными более 1200. Согласно другому варианту этой песни угрозу туркам произносит граф Паскевич.

216. **Поход в Польшу.** *Добровольский.* С. 630. Отошедшая к России в результате Венского конгресса Центральная Польша получила свою армию, свою администрацию, денежную систему и конституцию — под династическим главенством России: Николай I короновался в Варшаве польским королем в 1828 г. Но в ноябре 1830 г. руководимая польскими офицерами толпа, едва не убила в Варшаве великого князя Константина Павловича, а сейм объявил династию Романовых низложенной; главнокомандующим польской армией был назначен князь Радзивилл. Русские войска под общим командованием графа И. И. Дибича вступили в Польшу в январе 1831 г. В начале февраля произошло несколько боев, первый из которых для русских был неудачен.

217. **Сражение при Грохове.** *Попов, № 98.* После первых боев польские войска отступили на гроховскую позицию, прикрывавшую путь на Варшаву. Произошло несколько новых боев, после чего — генеральное сражение 13 февраля 1831 г., самое кровопролитное за всю войну. Польская армия в количестве 56 тысяч под командованием Радзивилла располагалась на очень выгодной позиции, при содействии ополченцев, вооруженных косами. Потесненные русскими, но не разбитые, поляки поднимали свой боевой дух пением народных песен. Исход сражения решила гренадерская дивизия, поведенная в бой самим Дибичем. Поляки не выдержали ее натиска, завершеного атаками кавалерии. Радзивилл ускакал в Варшаву; к вечеру победа была полной. Русские потеряли в этой битве 9400 человек, поляки — 12 000. После каждого двух строк — повторяемый дважды припев: «Трай-рай, егеря, войско Белого царя».

218. **Виленская победа.** *Попов, № 99.* После нескольких сражений в мае 1831 г. поляки в количестве 24 тысяч пытались овладеть Вильной, губернатором которой был суворовский генерал М. Е. Храповицкий, собравший для отпора такое же по численности русское войско. 7 июня польская дивизия Гелгуда атаковала под Вильной меньшие по численности силы генерала Д. Е. Остен-Сакена, но была разбита и отступила в Пруссию, где положила оружие. В ходе преследования противника русские захватили тысячу пленных, а потери поляков убитыми и ранеными составили две тысячи. После каждого четырех строк припев:

Трах, трах, тарарах,
Берегись-ка, брат поляк,
С тобой шутки коротки,
Враз насадим на штыки.

219. **На пути к Варшаве.** *Добровольский.* С. 632. После разгрома польских войск под Гроховом на место Радзивилла был назначен Скржинецкий, а русские войска после смерти от холеры Дибича возглавил Паскевич. Верно отобразив последнее, слагатели песни полагали, как видно, что Радзивилл по-прежнему во главе поляков, и примыслили обмен посланиями между Паскевичем и Радзивиллом — в традициях песен XVIII века. Поводом послужило, очевидно, отвергнутое поляками перед штурмом Варшавы предложение Паскевича капитулировать с дарованием им амнистии по повелению Николая I.

220. **Паскевич под Варшавой. Добровольский.** С. 631. Русские войска, осадившие Варшаву 6 августа, готовились к штурму, расположившись в окрестностях, причем казаки образовали непрерывную цепь постов перед городом. Две первые строки песни повторяются.

221. **Перед штурмом Варшавы. Попов, № 101** (Под стенами Варшавы). Русские войска, стоя лагерем под Варшавой и готовясь к ее штурму, обучались преодолению искусственных препятствий, производили учебные атаки специально возведенных для этого укреплений.

222. **Штурм Варшавы. Попов, № 102.** Песня, вначале повествующая о подходе войск Паскевича к Варшаве, весьма кратко говорит о самом ее штурме, хотя продолжался он с большими жертвами с обеих сторон в общей сложности 36 часов (25 и 26 августа). Русские потеряли более 500 офицеров и свыше десяти тысяч солдат. Поляки — около восьми тысяч убитыми и ранеными, три тысячи сдались в плен. Паскевич был контужен ядром. Русские войска вступили в Варшаву 27 августа 1831 г. Капитулировавшим полякам было оставлено оружие, с тем чтобы они отошли в Плоцк, но те вскоре расторгли это соглашение и возобновили войну. Потерпев новые поражения, перешли прусскую границу и были разоружены.

223. **Гибель полковника Власова. ТВ. 1868, № 52. С. 122.** Используя традиционные поэтические формы, песня очень лапидарно отобразила крупное событие разгоревшейся незадолго до того Кавказской войны. В 1830-х гг. активизировалось движение мюридов, проповедовавших «священную войну» с «гяурами». Шамиль, возглавивший его в 1835 г., принял титул имама и устроил главную свою базу в труднодоступном дагестанском ауле Ахульго. Здесь с Шамилем находилось более пяти тысяч горцев. Отряд генерала Е. А. Головина и графа П. Х. Граббе после десятидневной осады и кровопролитных штурмов пятым по счету приступом 22 августа 1839 г. захватил Ахульго — притом что наиболее доступный склон этой горы имел более ста метров высоты и крутизну более 50 градусов. При нашем последнем штурме было убито свыше тысячи горцев, девятьсот взято в плен; Шамиль бежал. Русские потеряли во время этого штурма около 550 человек, а за всю осаду — около 2500. Среди погибших оказался командир Моздокского полка полковник Власов, который был убит при штурме Сухаревой башни.

224. **Подвиг рядового Осипова. Егоров, № 29** (Песня про Архипа Осипова). Михайловское укрепление, основанное в 1838 г. на берегу Черного моря, в марте 1840 г. подверглось нападению 11 тысяч горцев. Начальник гарнизона штабс-капитан Лико, собрав всех своих подчиненных — 480 человек, — предложил взорвать укрепление, если не удастся отразить нападение. Предложение приняли единогласно. После трехдневной героической обороны и нескольких отбитых штурмов, когда горцы все же ворвались в укрепление, его взорвал рядовой Архип Осипов. Об этом стало известно впоследствии от самих горцев и уцелевших русских пленных. Император Николай I приказал навсегда сохранить имя героя в списках 1-й роты Тенгинского пехотного полка, а на всех переключках следующему за ним по списку отвечать: «Погиб во славу русского оружия в Михайловском укреплении». Позже, по повелению императора Александра II, во Владикавказе был воздвигнут памятник штабс-капитану Лико и рядовому Осипову.

225. **Зирянское сидение.** Семенов 1877. С. 155. Отряд полковника Д. В. Пассека был блокирован горцами Хаджи-Мурата в укрепленном пункте Зиряны 18 ноября 1843 г., когда шел на выручку отряда генерала Гурко, запертого в Темир-Хан-Шуре еще 8 ноября. Хаджи-Мурат стал обстреливать Пассека из орудий с окрестных высот и пытался взять его позицию штурмом, но был отбит. Блокада же продолжалась до 17 декабря. После того как генерал Ключи фон Клюгенау деблокировал Гурко, оба эти отряда, соединившись, выручили Пассека. В Зирянах наши войска подвергались неимоверным лишениям, но героически выдержали все испытания. Впоследствии Пассек и его отряд были щедро награждены, а песня о Зирянском сидении получила широкое распространение и послужила основой некоторых других песен, посвященных позднейшим событиям.

226. **Победа Козловского под Внезапной.** Зиссерман. С. 357. Командир Кабардинского полка полковник В. М. Козловский пресек попытку Шамиля, который силами в пять тысяч человек намеревался овладеть Андреевой деревней недалеко от крепости Внезапной. Собрав часть полка и казаков, Козловский 23 апреля 1844 г. атаковал горцев, которые обратились в бегство, понеся большие потери. *Тавлинцы* — одно из горских племен, родственное чеченцам.

227. **Воронцов побеждает Шамиля.** Догдин. Вып. 1, № 42 (Поход гр. Воронцова в Дагестанскую страну Андию в 1845 г.). Назначенный главнокомандующим на Кавказе граф М. С. Воронцов, герой Бородина и сподвижник Ермолова, весной 1845 г. предпринял экспедицию в Андию (центральная часть Восточного Кавказа) против Шамиля, который, отступив в Ичкерский лес после нескольких поражений, избегал боя и, завлекая русских в горы, изматывал их мелкими диверсиями. Наши войска овладевали многочисленными завалами противника, продвигаясь под его огнем почти непроходимыми тропами, преодолевая обрывы и ущелья. В результате экспедиции, длившейся с 6 по 20 июля, был взят аул Дарго — главное убежище Шамиля.

228. **Смерть генерала Пассека.** Пивоваров, № 125. После взятия аула Дарго наши войска, удаленные от своей базы, испытывали недостаток продовольствия. За провиантом был послан генерал Д. В. Пассек, отряд которого понес большие потери от укрывавшихся в Ичкерском лесу сил Шамиля, а сам Пассек был убит.

229. **Генерал Миллер и Шамиль.** Пятирублев. С. 213. В апреле 1846 г. Шамиль с десятью тысячами пеших и конных горцев и пятью пушками предпринял поход в Кабарду. Направленная против него колонна генерала П. П. Меллера-Закомельского у переправы через Терек 18 апреля настигла Шамиля, который принужден был оставить своих пленных, чтобы уйти от преследования. Заняв позиции ушедшего Шамиля, Меллер-Закомельский 26 апреля застиг его врасплох вторично у переправы и в ходе преследования нанес сильное поражение, почти не понеся потерь.

230. **Генерал Слепцов смертельно ранен.** Еланский. С. 33. 8 декабря 1850 г. при взятии нашими войсками Гехинских завалов в Чечне получил смертельное ранение генерал Н. П. Слепцов — командир казачьего Сунженского полка, прославившийся своей исключительной храбростью герой Кавказской армии. Казаки

вынесли его из боя на бурке; он был еще в сознании и спрашивал, взято ли неприятельское орудие. Ему отвечали, что об этом еще не известно, но что завалы взяты. Крестьясь, он сказал: «Ну и за то слава Богу», и скончался. Впоследствии на месте его погребения казаки возвели мавзолей, а станица Сунженская повелением императора была переименована в Слепцовскую. Как свидетельствует А. А. Керсновский, «до самой всероссийской катастрофы культ памяти Слепцова свято соблюдался в Сунженско-Гребенском полку, прославленном героем, и в Терском войске вообще» (Керсновский А. А. История русской армии. М., 1993. Т. 2. С. 112). *Майор Предимиров* — сподвижник Слепцова.

231. **Взятие аулов Автур и Гельдиген. Семенов 1893.** С. 115 (Бой за Аргунем). 6 января 1852 г. отряд под предводительством князя А. И. Барятинского взял штурмом аул Автур, где располагались артиллерийские орудия Шамиля, обстреливавшие русские позиции; здесь же находились склады продовольствия, собранного Шамилем для обеспечения его действий. Затем был взят расположенный в пяти верстах аул Гельдиген, после чего Автур сожжен, а отряд Барятинского 7 января вернулся в свой лагерь, выдержав жестокий бой с Шамилем, который пытался сокрушить русских кавалерийским ударом и пришел в ярость из-за своей неудачи.

232. **Смерть генерала Круковского. Востриков.** С. 51. Пользовавшийся большой любовью казаков генерал Ф. А. Круковский при внезапном нападении горцев был ранен пулей 18 января 1852 г. Ординарец пытался вывести своего раненого командира, но был изрублен.

233. **Казаки Бакланова добывают победу. Караулов.** С. 153. 17 февраля 1853 г. были разгромлены значительные силы Шамиля благодаря маневру, блестяще осуществленному полком Я. П. Бакланова. Скрытно обойдя неприятельские позиции и незаметно переправившись через реку Мичик, Бакланов внезапно ударил во фланг Шамиля, устроившего гигантские завалы и напрасно ожидавшего, что русские попытаются овладеть ими лобовой атакой. Потеряв всего несколько человек ранеными, русские нанесли противнику огромный урон, причем были убиты несколько лучших наибов Шамиля.

234. **Защитим родимый край. Мякутин.** С. 150. Крымская война 1853 — 1856 гг. началась с объявления войны России (4 октября 1853 г.) турецким султаном, заручившимся поддержкой Англии и Франции, которые вступили в войну несколько позже.

235. **Казаки идут в поход. Железновы.** С. 53. Князь М. Д. Горчаков командовал русской армией, действовавшей в 1853 — 1854 гг. на Дунае, а позже сменил А. С. Меншикова в Крыму. И на Дунае, и в Крыму действовали казачьи полки. Среди них были два полка Уральского казачьего войска. В Крыму они «оставались до окончания войны, участвуя во многих стычках против неприятеля» (пояснение Железновых на с. V).

236. **Синопский бой. Попов, № 107.** Через полтора месяца после объявления Турцией войны русская эскадра под командованием П. С. Нахимова одержала сокрушительную победу над турецким флотом при Синопе. По приказанию князя А. С. Меншикова Нахимов с 6 кораблями и 2 фрегатами вышел из Севастополя

и атаковал укрывшегося в Синопской бухте противника, имевшего 430 пушек на судах и 26 больших орудий на берегу. Несмотря на то что турецкие суда были активно поддержаны береговой артиллерией Синопской крепости, Нахимов за три часа истребил всю вражескую эскадру; командир ее был взят в плен, а береговые батареи уничтожены. Турки потеряли в этом сражении четыре тысячи человек и тринадцать судов. Каждая третья строка песни поется дважды.

237. Нахимов в Синопском бою. *Косинский*, № 22. Любимец матросов вице-адмирал Нахимов шел на флагманском корабле «Императрица Мария», а действия корабля «Париж» вызвали особое восхищение Нахимова, который уже во время боя приказал поднять сигнал «Благодарю храбрый корабль». Николай I щедро наградил всех участников этого сражения; Нахимов получил орден Св. Георгия и личную благодарственную грамоту от императора.

238. Французы готовятся к десанту. *Железновы*. С. 45. В апреле 1854 года англо-французские войска начали высадку в Галлиполи, после чего отправились к Варне для противодействия русской Дунайской армии. Наполеон III, только что утвердившийся на французском троне, проявлял особенную активность, пытаясь этим упрочить свое положение во Франции. Песня использует сюжетные мотивы некоторых более ранних исторических песен.

239. Непир у Кронштадта. *Попов*, № 112 (Появление англо-французского флота в виду Кронштадта). Весной 1854 г. 30 тысяч французов и англичан на 50 судах отправились в Балтийское море, намереваясь захватить Кронштадт. Командовавший эскадрой английский адмирал Непир заявил даже, что «позавтракает в Кронштадте, а обедать будет в Петербурге». В июне эскадра появилась в виду Кронштадта, но Непир не решился померяться силами с русским флотом и в октябре отправился обратно.

240. Англичане обстреливают деревню. *ИП XIX в.*, № 374. Не отваживаясь напасть на Кронштадт, эскадра Непира предпринимала несколько безуспешных обстрелов мелких населенных пунктов.

241. Оборона балтийских берегов. *Попов*, № 115 (Английский флот у Ревеля). Весной 1855 г. Англия снарядила более 60 судов под командованием адмирала Дондаса для блокады портов России на Балтике. По указанию русского главнокомандующего князя А. С. Меншикова были приняты необходимые меры, чтобы не допустить высадки противника на наших берегах. Часть английских судов подходила к Ревелю, где находились русская эскадра и гарнизон на случай вражеской атаки, которая, однако, не состоялась. Две последние строки каждого четверостишия песни поются дважды.

242. Граф Игнатьев и матросы. *ИП XIX в.*, № 373. По заключению составителей сборника *ИП XIX в.*, в песне отразилось успешно отбитое русскими нападение английской эскадры на Свеаборг в августе 1855 г.; граф Н. П. Игнатьев — обер-квартирмейстер балтийского корпуса в 1855 г. Песня использовала более раннюю песню XVIII в. о гибели Лопухина.

243. Обстрел Соловецкого монастыря. *Соколовы*. С. 317 (Соловецкий монастырь). Два английских фрегата летом 1854 г. подходили к Соловецкому

монастырю, расположенному на островах Белого моря, и 7 июля обстреливали монастырь из пушек, но, получив отпор, не решились высадить десант, а обстреляли еще несколько прибрежных деревень.

244. Победа при Ахалцихе. *Колотилин*, № 32. Вскоре после того как Турция направила свои войска в Грузию, 12 ноября 1853 г. семитысячный отряд князя И. М. Андроникова в двух верстах от крепости Ахалцих разгромил почти в три раза превосходивший численностью турецкий отряд Али-паши, занявший сильную позицию у селения Суплис. Противник потерял убитыми и пленными три с половиной тысячи, наш урон составил только 360 человек. Каждая третья строка поется дважды.

245. Князь Бебутов разбивает Ахмета-пашу. *Колотилин*, № 33. После разгрома Али-паши при Ахалцихе, двигавшийся на Александрополь Анатолийский корпус Ахмета-паши начал отступать к Карсу и занял крепкую позицию при урочище Башкадыклар. Спустя месяц после начала военных действий против России, 19 ноября 1853 г. князь В. О. Бебутов, имея всего 11 тысяч, атаковал и наголову разбил насчитывавшую 36 тысяч армию Ахмета-паши, который был так уверен в победе, что приказал заранее приготовить веревки, дабы связать пленных русских офицеров и вести их в Карс. Русские потеряли в этом бою около тысячи трехсот человек, турки — шесть тысяч; были захвачены 24 их орудия, лагерь и весь обоз. Каждая третья строка поется дважды.

246. Бой у реки Чолок. *Попов*, № 111. В конце мая 1854 г. двенадцать тысяч турок вторглись в Абхазию под командованием Гассан-бея, который намеревался «напиться кофе в Марани и плотно поужинать в Кутаиси», но был убит при атаке, осуществленной трехтысячным отрядом князя Эристова, разгромившим турок, две тысячи которых попали в плен, остальные бежали к Озургетам. Здесь турки сосредоточили корпус Селима-паши (34 тысячи человек). Князь Андроников силами в 10 тысяч атаковал 4 июня позиции турок у реки Чолок. Корпус Селима был рассеян; турки бежали, потеряв четыре тысячи убитыми и все орудия. Наши потери составили 1500 человек. Песня использует поэтические образы некоторых песен XVIII в. После каждой второй строки — припев: «Вот и калина, да вот и малина».

247. Бакланов под Карсом. *Бигдай*. С. 659 (Штурм Карса). 1 августа 1855 г. русские войска в количестве 27 тысяч под командованием генерала Н. Н. Муравьева осадили сильную турецкую крепость Карс, гарнизон которой составлял 30 тысяч. Штурм, предпринятый 17 сентября, успеха не принес, несмотря на героизм русских войск, среди которых выдающаяся роль принадлежала казакам генерала Я. П. Бакланова.

248. Ваятие Карса. *Попов*, № 118 (Сдача кр. Карса). Хотя русские войска потеряли половину участвовавших непосредственно в штурме Карса, крепость капитулировала 12 ноября после осады, длившейся 108 дней. В составе осаждавших войск был гренадерский полк под командованием И. Тарханова. Из тридцатитысячного гарнизона за это время турки потеряли половину: восемь с половиной тысяч были убиты и умерли, три тысячи бежали, две тысячи сдались в плен. Из сдавшихся после капитуляции шесть с половиной тысяч иррегулярных войск были

отпущены по домам. Захвачено более 60 знамен и значков, 136 орудий. После каждых четырех строк песни дважды поется припев:

Горные вершины —
Я вес вижу вновь,
Кавказские долины —
Кладбище удалцов.

249. Дружина в походе. *ИП XIX в., № 354.* В низовьях реки Бельбек русские войска находились перед началом обороны Севастополя. Здесь, на одной из возвышенностей, стояла палатка командующего князя А. С. Меншикова, поблизости — палатки его штаба.

250. В Севастопольской осаде. *ИП XIX в., № 362.* Беспримерная героическая оборона Севастополя продолжалась 349 дней (с 13 сентября 1854 г. по 28 августа 1855 г.). Песня использует более раннюю песню об одном из героических эпизодов военных действий на Кавказе (оборона Зирян в 1843 г.).

251. Нахимов защищает Севастополь. *ИП XIX в., № 368.* Адмирал А. С. Нахимов с 5 октября 1854 г. — после гибели В. К. Корнилова — лично руководил обороной Севастополя вплоть до 28 июня 1855 г., когда сам был смертельно ранен. Реалистично характеризуя боевые эпизоды севастопольской обороны, песня использует поэтические приемы более ранней песни о взятии Варны в 1828 г.

252. Песня севастопольских стрелков. *Путилов 1946, № 177.* Защитники Севастополя часто совершали вылазки, атакуя позиции осаждавших.

253. Русские солдаты и офицеры в Севастополе. *Догадин. Вып. 2, № 33.* Строительство укреплений вокруг Севастополя завершалось уже во время его осады. Массовое беспримерное мужество и стойкость солдат и офицеров Севастопольского гарнизона вызывали удивление осаждавших, силы которых в несколько раз превосходили силы защитников города. После каждой второй строки — припев «Гоц калина, гоц малина» с последующим повторением этой строки.

254. На Малаховом кургане. *Косинский, № 23.* В цепи укреплений, возведенных защитниками Севастополя, ключевая роль принадлежала Малахову кургану. Ему уделяли основное внимание адмиралы, руководившие обороной. На подступах к Малахову кургану бои были особенно ожесточенными, а обстрелы его артиллерией противника — особенно интенсивными. Нахимов, презиравший опасность, подавал всем примеры бесстрашия и самоотверженности. Он был смертельно ранен на Малаховом кургане 28 июня 1855 г. Через месяц, 27 августа, противнику удалось овладеть Малаховым курганом в результате неожиданной атаки, после трехдневного усиленного обстрела всех наших позиций, в ходе которого батареи Малахова кургана оказались выведены из строя. На всех остальных пунктах атака 58 тысяч англо-французов была отбита защитниками, которых тогда насчитывалось всего 49 тысяч. Но отчаянные попытки отбить обратно Малахов курган успеха не имели. Самоотверженность наших командиров была

такова, что в этом бою оказались убиты или ранены все старшие офицеры трех наших дивизий, включая четырех генералов. В развалинах Малаховой башни несколько десятков человек Модлинского полка держались до последнего патрона против целой неприятельской дивизии.

255. Споем, братцы, вспоминая про дела наших отцов. *Косинский*, № 21. Адмиралы, упоминаемые песней, были душой севастопольской обороны. Вице-адмирал В. К. Корнилов возглавил ее по просьбе старших по чину генерала Моллера и адмирала Нахимова, отдававших должное выдающимся способностям Корнилова. Он был смертельно ранен на Малаховом кургане 5 октября 1854 г. Адмирал Истомин убит 7 марта 1855 г., когда возвращался на Малахов курган, здесь погиб и Нахимов. Противник выпустил по Севастополю миллион триста пятьдесят тысяч снарядов, защитниками его по противнику было выпущено миллион двадцать семь тысяч. Эти цифры превзойдены только под Верденom шестьдесят лет спустя (при других уже технических возможностях). Все оставшиеся в живых защитники Севастополя были, конечно, награждены. Погибло же на его укреплениях и в боях на подступах к ним около ста тридцати тысяч. Помимо персональных наградений, Георгиевские знамена и другие награды за подвиги в этой войне получили отличившиеся в ней воинские части: 2 гренадерских полка, 56 пехотных полков, 6 стрелковых, 2 драгунских, 9 казачьих полков и еще 26 отдельных бригад, батальонов и батарей.

256. Солдатский привет императору Николаю. *Попов*, № 170 (Русский солдат). Примечание собирателя: «Эта песня относится ко времени царствования императора Николая I (1825 — 1855 гг.)». После каждых четырех строк — припев, исполняемый дважды:

Ура, ура, ура!
Ура, ура, ура!
За здорoвье Белого
Русского царя! Пой!

ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА II

257. Казаки Кавказа приветствуют вступившего на престол Александра II. *Семенов* 1895. С. 111 (Привет его императорскому высочеству наследнику цесаревичу по вступлении его на престол в 1855 году). Александр II вступил на престол 19 февраля 1855 г. В бытность свою наследником цесаревичем он являлся атаманом всех казачьих войск. Теперь атаманом предстояло стать его старшему сыну.

258. Победы над чеченцами в Аргунском ущелье. *Попов*, № 45 (Занятие Аргунского ущелья). В январе 1858 г. начались завершающие операции военных действий против войск Шамиля. Двумя отрядами под командованием генералов Евдокимова и Рудановского наши войска двинулись вверх по реке Аргун в Большую Чечню. Чеченцы оказали упорное сопротивление колонне Евдокимова, засев

за земляным валом. Но когда увидели и на другом берегу реки отряд Рудановского, грозивший им обходом, обратились в бегство. Евдокимов двинулся далее и взял с боя несколько аулов. На пройденном участке затем велись саперные работы и было основано укрепление Аргунское. Фамилия Ковалевского ошибочно попала в песню, очевидно, позже ее сложения; изначально мог упоминаться Рудановский или Евдокимов. После каждых четырех строк песни — припев «Трай-рай, рито-тай» с повторением последней строки, исполняемый дважды.

259. Окончательная победа над Шамилем. Догадин. Вып. 1, № 56 (Взятие Гуниба). 1 апреля 1859 г. генералом Н. И. Евдокимовым был взят последний оплот Шамиля в Чечне — аул Ведено. С последними своими мюридами Шамиль бежал в Дагестан и занял неприступные позиции на реке Койсу. Но действия полковника Радецкого, отряд которого под огнем переправился через бурный горный поток, ошеломили горцев; ополчение их рассеялось и у Шамиля осталось только 600 человек и четыре пушки. С ними он закрепился в неприступном горном ауле Гуниб. 25 августа 1858 г. наши войска под командованием генерала К. К. Врангеля все же овладели Гунибом. Две последние строки каждого четверостишия поются дважды.

260. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Колотилин. С. 47. Скалы, по которым могли взобраться атакующие Гуниб, были Шамилем взорваны, тропы завалены, приготовлены камни для скатывания на атакующих. Но когда Гуниб был окружен, Шамиль решил сдаться, однако потом отказался. Тогда в ночь на 25 августа наши охотники скрытно взобрались на гору и обеспечили подход подкреплений. Шамиль бежал, но был окружен и сдался. Он был представлен командовавшему на Кавказе князю А. И. Барятинскому, затем отправлен в Петербург. С пленением Шамиля прекратились организованные действия его сторонников в Чечне и Дагестане. Это — песня Алшеронского пехотного полка, награжденного Георгиевским знаменем за взятие Гуниба и за предшествовавшие победы на Кавказе.

261. Жизнь казаков в Чечне после войны. Семенов 1893. С. 135. Примечания публикаторов записи этой песни: «Отзыв песни о лениости чеченцев правдив, так сказать, лишь наполовину и подтверждается исследователями старинного быта их. Мужчины, по их отзыву, вообще склонны к праздности: чеченец-хозяин проводит целый день в кунацкой, особом отделении для гостей; наоборот, женщины очень трудолюбивы: кроме обязательных хозяйственных забот, они ткут сукна для домашнего обихода, делают ковры, войлоки, бурки, на мужчин шьют платье и обувь» (с. 138). В другом примечании здесь же говорится: «Хищничество чеченцев, в том виде, как оно представлено в предлагаемых песнях, — несомненный факт» (с. 140 — с привлечением ссылок на источники). Имеются в виду две песни. Содержание второй сходно с первой; приводим, однако, ее окончание, обращенное к чеченцу (с. 135):

Живи правдой и трудами,
Ты увидишь мира свет,
Тогда с нами, казаками,
Будешь ближний друг-сосед.

262. Великий князь Михаил Николаевич — наместник Кавказа. Семенов 1895. С. 140. Как заключал историк русской армии А. А. Керсновский, «назначая своего брата наместником еще не успевшего окончательно замириться края, император Александр II проявил акт большой политической мудрости, показав народам Кавказа свое к ним доверие и расположение» (с. 114 названной выше книги). Великий князь прибыл в феврале 1863 г. и завершил военные действия на Западном Кавказе, где они еще велись против черкесских племен. Часть их переселилась в Турцию, остальные изъявили покорность. 21 мая 1864 г. «все действовавшие на Западном Кавказе отряды соединились в горах Сигнаха, где перед фронтом войск был отслужен молебен, ознаменовавший окончание полувековой борьбы» (там же, с. 115).

263. Царь-освободитель. Догдин. Вып. 2, № 42. Примечание собирателя: «К освобождению крестьян от крепостной зависимости 19 февраля 1861 г.». После каждой второй строки — припев: «Браво, браво, слава, ура!» — с последующим повторением самой строки.

264. Смерть наследника цесаревича Николая Александровича. Соколов 1908, № 14. Старший сын Александра II умер от туберкулезного менингита немногим старше двадцати лет от роду в 1865 г., в Ницце, путешествуя за границей и не успев жениться на сосватанной ему невесте — датской принцессе Марии-Софии-Фредерике-Дагмаре, получившей при переходе в православие имя и отчество Мария Федоровна. Она вышла замуж за второго сына Александра II — будущего императора Александра III. Все строки песни, кроме первой и последней, повторяются.

265. Покушение Каракозова. Догдин. Вып. 2, № 22. Примечание собирателя: «Воспевается случай спасения жизни императора во время покушения 4 апреля 1866 г. у Летнего сада в С.-Петербурге. Крестьянин Осип Ив. Комиссаров толкнул под руку дворянина Каракозова в тот момент, когда последний стрелял в императора». Это была первая из семи попыток революционных террористов убить освободившего крестьян Александра II. После каждых двух строк — припев:

Стукнем, брякнем чаша в чашу,
Богу честь, царю хвала!
Не помрут в потомках наших
Александрины дела.

На месте покушения была возведена часовня, уничтоженная в годы советской власти.

266. Подвиг казаков есаула Серова. Попов, № 119 (Дело под дер. Иканом). Русским землям Юго-Западной Сибири угрожало агрессивное Кокандское ханство, совершавшее грабительские нашествия. Для их пресечения русские войска после нескольких побед над полчищами кокандцев, овладели крепостью Туркестан и Чимкентом. Кокандцы оттуда бежали в сильно укрепленный Ташкент. Генерал М. Г. Черняев с небольшими силами штурмовал его неудачно и отступил в Тур-

кестанский лагерь. Тогда большой отряд Кокандского ханства двинулся для внезапного нападения на Туркестан, надеясь застать Черныева врасплох. Противник был остановлен у деревни Икан одной сотней 2-го Уральского полка под командованием есаула В. Р. Серова. В трехдневном отчаянном бою 4 — 6 декабря 1864 г. 110 казаков противостояли 12 тысячам кокандцев, каждый из которых стремился отрезать голову убитому, дабы предъявить ее в качестве боевого трофея. Противник, наконец, бежал, не приняв боя с посланными на выручку двумястами солдатами русской пехоты. Казаки потеряли 52 человека убитыми и 47 ранеными. Потери нападавших составили более двух тысяч, в числе их 90 командиров. На месте этого боя в 1884 г. поставлен памятник, а все участники были награждены Георгиевскими крестами. После каждого четырех строк песни — припев, исполняемый дважды:

Идем, друзья, на бой,
Мы смерть врагу несем с собой.

267. Хивинский поход. *Мякутин.* Вып. 1. С. 202. Хивинское ханство — гнездо степных хищников, совершавших набеги на русские поселения и купеческие караваны, угонявших русских людей в неволю — было в течение двух с половиной столетий неуязвимо для России. Казачьи атаманы в начале XVIII века дважды брали Хиву, но отряды их гибли на обратном пути. В 1716 г. посланный Петром I отряд князя А. Бековича-Черкасского подчинил было Хиву, но сразу же погиб вследствие вероломства хивинского хана. Граф В. А. Перовский по повелению Николая I в 1839 г. предпринял поход на Хиву, но вернулся, дойдя только до Аральского моря и потеряв почти половину своего состава из-за лютых морозов, буранов, цинги и тифа. Хивинское ханство, пользуясь тем, что его оазис был со всех сторон защищен раскаленной пустыней, продолжало заниматься разбоями, грабежами и работоторговлей. Хан на протесты туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана отвечал дерзостями, уповав на свою неуязвимость. Тогда в 1873 г. был предпринят поход — с запада, севера и востока — тремя отрядами, которые соединились у Хивы, пройдя с боями до 700 верст по пустыне в пятидесятиградусную жару. Штурм начался 28 мая, а 29-го его завершила решительная атака М. Д. Скобелева. Хан принужден был освободить всех невольников и признать себя «покорным слугой», то есть вассалом русского императора, уступив ему земли на правом берегу Аму-Дарьи, где русские возвели форт Петровоалександровск. (До того протекторат России признали, после поражений от русских войск, хан Коканда и эмир Бухары.) Повторяются две первые строки каждого четверостишия.

268. Скобелев берет Коканд. *Догадин.* Вып. 1, № 82. В 1875 г. в вассальном Кокандском ханстве произошли беспорядки, хан бежал, а власть узурпировал яростный ненавистник России Пулат-бек. Его шайки стали нападать на русские посты, а 8 августа 15-тысячными силами он попытался овладеть Ходжендом. Генерал К. П. Кауфман выступил с четырьмя тысячами пехоты и одной тысячей конницы, которой командовал М. Д. Скобелев, против Пулата, собравшего уже

около шестидесяти тысяч. 24 августа в генеральном сражении при Махраме русская пехота ударила во фронт, а конница — в тыл; в результате было убито 3 тысячи кокандцев; потери русских — 5 человек убитыми и 8 ранеными. После этого Коканд был взят без боя. Через полгода, после двух новых активных выступлений кокандцев против России, ликвидировать эти враждебные действия было поручено Скобелеву, тогда только что произведенному в генералы. Он разгромил 20 тысяч кокандцев при Балычанских завалах, оставшиеся войска их сдались, а Пулат-бек был пойман и за его зверства над русскими пленными повешен. Коканд снова взят 12 февраля 1876 г. Его хан Наср-Эддин выслан в Россию. 19 февраля повелением Александра II была присоединена к России вся кокандская территория, преобразованная в Ферганскую область. Песня как бы суммирует эти события, используя мотивы и образы ряда предшествовавших исторических песен. Каждая строка ее пелась запевалой, затем повторялась хором. Последние шесть строк пел только хор, без повторов.

269. Турецкий султан хочет воевать. *Чичеров. С. 312.* Русско-турецкая война 1877 — 1878 гг. окончилась поражением Турции, которая была вынуждена предоставить независимость Болгарии, Сербии, Черногории и Румынии. Благодаря России народы этих стран освободились от османского владычества. Началась же война после того, как Россия заступилась за южных славян, подвергавшихся массовым зверствам со стороны турецких башибузуков и черкесов-эмигрантов (турецкое правительство поселило их здесь около ста тысяч, и они вымещали на безоружных болгарских крестьянах свое недовольство военными успехами «гяуров» на Кавказе). Заносчивая позиция Турции перед войной была следствием моральной и материальной поддержки со стороны стран Западной Европы.

270. Поход на Балканы. *ИП XIX в., № 292* (Казаки получают приказ идти в турецкие земли). Песня в традиционных выражениях, восходящих еще к историческим песням XVIII века, обобщенно характеризует начало войны в солдатском ее восприятии. Вымышленный диалог султана и русского царя отобразил, однако, и некоторые реалии: Александр II действительно находился при воевавшей русской армии, в состав которой входил гвардейский корпус. Опущены распевные повторы слов перед окончанием каждой строки.

271. Казаки выступают в поход. *Песни героев. С. 40* (Песня терцев на встречу государя императора). 12 апреля 1877 г. Россия объявила войну Турции. В тот же день русские войска под командованием великого князя Николая Николаевича Старшего — брата императора Александра II — перешли русско-румынскую границу и направились к Дунаю, по которому проходила тогда граница Румынии с Турцией. Среди отличившихся в этой войне было более сорока казачьих полков, из них одиннадцать полков терских казаков, прошедших только что боевую школу в Кавказской войне.

272. Русские войска на Дунае. *Песни героев. С. 44* (Песня на переправу через Дунай). Через две недели после объявления войны наши войска сосредоточились на левом берегу Дуная, противоположный берег был давно укреплен противником: здесь находились его крепости, вооруженные сильной артиллерией, было

много турецких войск. Русские также возвели вдоль берега артиллерийские батареи, которые своим огнем пресекали плавание турецких судов по Дунаю.

273. Начало переправы через Дунай. Попов, № 125 (Переправа у г. Зимницы). В ночь с 14 на 15 июня 1877 г. переправу начала 14-я пехотная дивизия генерала М. И. Драгомирова. Лодки с русскими пластунами скрытно отчалили от берега у г. Зимницы, за ними — волынцы, донцы и горная батарея. Высадившиеся первыми начали бой с турками, обеспечивая плацдарм для прибывающих остальных. Затем переправа осуществлялась на понтонах под жестоким огнем турок, но при поддержке батарей, открывших от Зимницы артиллерийский огонь по городу Систову. К нему по весьма крутому берегу, преодолевая яростнее сопротивление турок, взобрались русские войска, потерявшие в этом бою 320 офицеров и 780 нижних чинов (турецкий главнокомандующий считал берег Дуная у Систова совершенно неприступным). После каждой второй строки припев «Эй, эй, э-хо-хо» с повторением этой строки.

274. Переправа гвардейской роты императорского конвоя. Попов, № 126. Вслед за частями 14-й пехотной дивизии 15 июня на неприятельский берег высадились входившая в отряд Драгомирова гвардейская рота конвоя его величества под начальством полковника Озерова. В этой роте находились люди от всех войск гвардии. Гвардейцы помогли волынцам атаковать высоты, хотя командир их был ранен, и участвовали в занятии Систова. В песне отобразились ставшие до начала войны общим достоянием известия об ужасающих массовых зверствах турок над христианским населением Балкан. После каждых четырех строк — припев:

Слава русскому царю,
Слава и солдатам,
Двухголовому орлу
И гвардейцам хватам!

275. Занятие Систова. Попов, № 127. Песня Волынского полка, героически штурмовавшего турецкие позиции под Систовом в бою с упорным и жестоким противником (капитан этого полка Брянов получил девять смертельных штыковых ран — турки перебрасывали его со штыка на штык). Достигнув при поддержке нашей береговой артиллерии Систова, войска без боя вступили в город, так как защитники его разбежались. Песня использует поэтические обороты более ранних песен о взятии городов (Варны, Варшавы и др.).

276. Переправа девятого корпуса. Попов, № 128. Несмотря на артиллерийский огонь турок из Никопольской крепости, русские саперы навели плавучий мост у Зимницы. Он был готов 21 июня, а 25-го по нему переправился при поддержке артиллерии девятый армейский корпус, который 3 июля штурмом овладел передовыми укреплениями Никополя, а 4-го — самой крепостью, взяв семь тысяч пленных. Каждые две строки песни поет запева, а затем хор дважды их повторяет.

277. Поход в глубь Болгарии. Песни героев. С. 38 (Про Систовское сражение). После победы под Систовом русские войска стали развивать наступление

на запад (где взяли Никополь), на восток и на юг. Передовой отряд генерала И. В. Гурко уже 25 июня вступил в Тырнов — древнюю столицу Болгарии. Вскоре другой русский отряд подошел к крепости Плевна, но взять ее не смог.

278. Успехи Гурко на Шипке и в центральной Болгарии. *Попов*, № 144 (Трехдневный бой под Филиппополем). После занятия Тырнова отряд Гурко пересек Балканский хребет и 7 июля занял Шипкинский перевал, захватив 400 пленных и артиллерию, брошенную турками, которые отступили к Филиппополю. Спустившись с гор, Гурко направился к Ени-Загре и встретил армию Сулеймана-паши. Войдя 17 июля в соприкосновение с противником, Гурко 18-го и 19-го развил успех в боях, где турки потеряли более двух тысяч и пушки, а наши потери составили немногим более 600 человек. В результате удержания Шипки отряд Гурко разъединил действия трех турецких армий.

279. Скобелев под Плевной. *Песни героев*. С. 64. 18 июля была предпринята вторая попытка овладеть Плевной. Генерал М. Д. Скобелев в этом бою был впереди со стрелковой цепью. Но руководивший операцией генерал Н. П. Кирденер провел атаку разрозненно, и в целом успеха она не дала, а привела лишь к большему потереям.

280. Взятие Ловчи. *Пятирублев*. С. 224. Сильно укрепленный турками город Ловча имел важное стратегическое значение. Главная квартира русских войск, находившаяся в Горном Студне, дала указание войскам под командованием князя Имеретинского взять Ловчу, выступив от Сельви 20 августа. Успех операции обеспечил Скобелев, под командованием которого находились терские казаки. Когда войска сосредоточились, вечером 21 августа князь Имеретинский приказал атаковать Ловчу на следующий день. В 5 часов утра турки, увидев русских, открыли по ним ружейный огонь; подошла русская артиллерия и стала обстреливать турок. Генерал Скобелев в 12 часов дня начал наступление с распущенными знаменами и музыкой. В 2 часа дня город был взят. После каждых четырех строк песни — припев:

Ай да терцы, ай да терцы
Любо, бравы молодцы!

Сивель — искаженное Сельви.

281. Взятие редутов Зеленой горы. *Песни героев*. С. 67 (Солдатский штык). Третий штурм сильно укрепленных редутов Плевны 31 августа принес наибольший успех на левом фланге русских войск. Скобелев, возглавлявший их здесь, захватил «ключи от Плевны» — редуты Абдул-бея и Реджи-бея на Зеленой горе. Но не получил необходимых подкреплений, которые позволили бы развить успех, и Плевна взята не была, несмотря на исключительный героизм участников штурма. Скобелев, бесстрашно появлявшийся всюду в белом кителе и на белом коне, был прозван даже турками белым генералом. За время боев у Плевны под ним было убито пять лошадей и несколько ранено. (Участвовавший в этой же войне генерал Скобелев «первый» приходился отцом М. Д. Скобелеву.)

282. Блокирование Плевны. *Попов, № 136* (Обложение г. Плевны). После третьей попытки взять Плевну было решено ее блокировать, для чего был вызван известный инженер генерал Э. И. Тотлебен. Блокаду осуществляла соединенная русско-румынская западная армия, командующим которой был назначен князь Карл Румынский. К блокированию приступили в начале сентября, по личному настоянию Александра II, который не согласился с мнением большинства членов военного совета, предлагавших увести войска, примирившись с неудачей трех приступов. После каждых двух строк песни — припев: «Гоц калина, гоц малина».

283. Прибытие гвардии под Плевну. *Попов, № 138.* В начале октября под Плевну прибыла гвардия, командование которой было поручено генералу И. В. Гурко. В результате ожесточенных боев ею были захвачены сильно укрепленные редуты Телиш, Горный Дубняк и Дольный Дубняк; сорокасемитысячный отряд Осман-паши оказался окончательно заперт в Плевне. Каждые две строки песни поет запевало, после чего их дважды повторяет хор.

284. Дело полковника Комаровского. *Попов, № 140* (Отряд у г. Златни-цы). Полковник граф Комаровский командовал отрядом, цель которого была — отвлечь силы турок от войск генерала Гурко во время завершения операции под Плевной. Приведя свой отряд, Комаровский выбил турок из их позиций у г. Златни-цы; развить успех ему не позволило отсутствие подкреплений, но он сковывал силы неприятеля с 20 по 27 ноября. После каждых четырех строк — исполняе-мый дважды припев:

Горные вершины,
Я вас вижу вновь;
Балканские долины —
Кладбища удалцов.

285. Подвиг самогитских grenадер. *Песни героев. С. 21* (Песня самогитс-ких grenадер про бой под Плевною). Утром 28 ноября Осман-паша повел войска из Плевны на прорыв блокады, обрушив свою армию на наш grenадерский корпус, центр позиций которого составлял курган Копаная могила. Для отражения против-ника были вызваны резервы. К 11 часам подошел 7-й Самогитский grenадерский полк, натиск которого опрокинул турок; они отступили, а затем обратились в беспорядочное бегство.

286. Падение Плевны. *Попов, № 142.* После неудачной попытки прорвать-ся через кольцо блокады турки выкинули белый флаг. Осман-паша со всей армией сдался, вручив свою саблю командиру grenадер — генералу И. С. Ганецкому. Сдалось более сорока тысяч солдат, более двух тысяч офицеров и десять пашей, захвачено семь знамен и 88 орудий. В этом бою было перебито около шести тысяч турок; русские потеряли одного генерала, 57 офицеров и 1639 нижних чинов. Каждые две строки песни исполняются по два раза, а отмеченные в тексте — четыре раза. В некоторых ее оборотах использованы песни более ранние.

287. **Плевна взята.** *Чичеров. С. 315.* Песня не столько отображает военные действия непосредственно при взятии Плевны, сколько осмысляет значение этого центрального эпизода войны, напоминает ее общий ход, ее освободительные цели и результаты.

288. **Песня про Радецкого.** *Песни героев. С. 15.* Генерал Ф. Ф. Радецкий в труднейших условиях выиграл генеральное сражение всей войны. Войска его перешли Балканы в снегу выше пояса и 24 декабря начали охват противостоявшей армии Весселя-паши двумя колоннами — М. Д. Скобелева и князя Н. И. Святополк-Мирского. Сам же Радецкий осуществлял 28 декабря лобовую атаку вражеских позиций на Шипке, где глубина снега была выше человеческого роста, что сковывало значительную часть сил противника и способствовало успеху охватных маневров. Святополк-Мирский после тяжелого боя овладел первой линией турецких редутов Шейнова, но все же не смог захватить вторую. Это осуществил Скобелев.

289. **Приказ Скобелева.** *Песни героев. С. 63.* Песня отзывалась, очевидно, на сокрушительный удар, который нанес Скобелев туркам при Шейнове в тот же день, 28 декабря. Армия Весселя-паши в результате сдалась. Было захвачено в плен более тридцати тысяч турок и сотня орудий. Но русские потеряли в этом сражении около 5700 человек убитыми и ранеными. Скобелев имел обыкновение лично водить свои войска в бой под музыку и с развернутыми знаменами.

290. **Гурко разбивает Сулеймана.** *Песни героев. С. 60 (Приказ Гурко).* Отряд генерала Гурко настиг отступавшую к Эгейскому морю армию Сулеймана-паши вблизи Филиппополя. 3 января Гурко принудил Сулеймана развернуть свои войска и принять бой на пространстве в 15 верст. Сражение длилось три дня, причем турки продолжали отступать и, наконец, обратились в беспорядочное бегство. Во второй день боя русские войска овладели Филиппополем, а остатки турецкой армии бежали к морю.

291. **Гвардейцы и казаки под Филиппополем.** *Попов, № 145 (Преследование Сулеймана-паши).* По приказанию Гурко еще 4 января вечером лейб-гвардии Литовский полк ворвался в середину отступавшей турецкой армии и ночной атакой уничтожил ее пехотную бригаду, захватив 23 орудия. Тогда турецкая армия повернула на юг. Две ее дивизии, потерявшие связь с главными силами, были уничтожены. Главным же силам удалось 5 января оторваться от преследования. Но 7-го их настиг 30-й Донской казачий полк, который и довершил разгром армии Сулеймана. Она потеряла в итоге двадцать тысяч человек и всю свою артиллерию — 114 орудий.

292. **Взятие городов.** *Песни героев. С. 20 (Боевой марш).* После победы под Филиппополем русские войска стремительно развивали успех: 8 января вступили в Адрианополь, 13-го — в Юле-Бургас и двинулись к Константинополю. После каждого двух строк — припев: «Марш вперед! Марш вперед!»

293. **Путь на Царьград.** *Песни героев. С. 65 (Наши за Дунаем).* Приближение русских войск к Константинополю, от которого они находились уже в 10 — 15 верстах, вызвало открыто враждебное отношение Англии и Австро-Венгрии; в Мраморное море вошла английская эскадра, дабы этой демонстра-

цией помешать России полностью реализовать плоды своих побед. После каждых четырех строк — припев:

Ах Дунай, мой Дунай,
Сын Иванович Дунай.

294. Бой на границе в Закавказье. Попов, № 122 (Переход через границу азиатской Турции). В день объявления войны ранним утром 12 апреля 1877 г. наша кавалерия перешла вброд пограничную речку Арпачай (приток Аракса) и начала захватывать вражеские пикеты, вступая в бой там, где турки оказывали сопротивление. В первых пограничных стычках более сотни их было взято в плен.

295. Казаки переходят границу. Путилов 1946, № 31 (Поход за Арпачай). Некоторые турецкие пикеты при появлении русских войск сдавались без боя. Две последние строки каждых четырех строк песни повторяются.

296. Сражение за Баязет. Пятирублев. С. 221. Турецкая крепость Баязет была взята Эриванским отрядом русского генерала А. А. Тергукасова 17 апреля 1877 г.; в ней был оставлен гарнизон, а войско продолжило наступление. Турецкий корпус Фаика-паши, пользуясь удалением Эриванского отряда, 5 июня осадил Баязет, имея семикратное превосходство в силах. В цитадели не было воды, ее доставляли ведрами под огнем турок. Гарнизон страдал от жажды настолько, что в палящий июньский зной раненым выдавали только по кружке, а здоровым — по полкружки воды через день. Комендант предложил сдаться, но офицеры его застарили и под командованием второго по старшинству майора Штоквича решили держаться до конца. Героическая защита Баязета продолжалась 24 дня. 28 июня вернувшийся Тергукасов опрокинул войско Фаика и снял осаду. За время ее гарнизон, состоявший из 1330 человек, потерял 7 офицеров и 310 солдат и унтер-офицеров. Каждая четвертая строка песни повторяется.

297. Отпор Мухтару-паше. Песни героев. С. 46 (Кавказская песня о Мухтар-паше). Корпус Мухтара-паши занял в начале июля Аладжинские высоты, где дожидался подхода корпуса Измаила-пашин. Мы не имели тогда здесь достаточных сил, и Мухтар-паша 13 августа перешел в наступление. Ему кое-что удалось: 20 тысяч турок, потеряв 1360 человек, потеснили 8 тысяч русских, потерявших 990 человек; но этим его успех ограничился. Песня основана на использовании старой песни об обороне Зирян.

298. Разгром Мухтара-паши. Колотилин, № 52. Русские войска, сосредоточившись под командованием великого князя Михаила Николаевича, 2 и 3 октября 1877 г. нанесли сокрушительный удар корпусу Мухтара-паши на Аладжинских высотах у горы Авлиар. Турецкая армия была уничтожена в результате охвата обоих ее флангов. Потеряв в этом бою 1440 человек, русские захватили 7 тысяч пленных, в том числе семь пашей; потери турок убитыми, ранеными и разбежавшимися составили 15 тысяч. Остатки их бежали в Карс.

299. Песня на взятие Карса. Песни героев. С. 61. Отряд генерала И. Д. Лазарева, подступив к Карсу, 13 октября начал осадные работы. Осадный

корпус возглавил генерал М. Т. Лорис-Меликов, действия которого под Карсом фактически завершили войну на Кавказском фронте. Ночным штурмом 6 ноября Карс был взят. В нем захвачены в плен 18 тысяч турок (помимо 5 тысяч больных и раненых) с пятью пашами и более трехсот орудий. При штурме было убито три тысячи турок; русские потеряли двух генералов, 75 офицеров и 2200 нижних чинов.

300. Кавачья песня. Песни героев. С. 47. Соединяя впечатления начала войны с торжеством победного ее окончания, песня упоминает те населенные пункты Закавказья — Башкадыклар и Кюрюк-Дара, — которые запомнились еще со времен Крымской войны: здесь 24 июля 1855 г. произошло сражение, где турки, имея трехкратное превосходство в силах, были разбиты и отступили в Карс. Здесь же сосредоточивались наши войска летом 1877 г. до того как разбили Мухтара-пашу и взяли Карс.

301. Солдатская песня. Песни героев. С. 54. Известная в различных версиях, исполнявшихся и по иным поводам, эта песня здесь является как бы обобщением героических дел русских солдат именно в турецкой войне.

302. Поход отряда Ломакина к Геок-Тепе. Попов, № 148 (Поход к границе текинских земель). Генерал Н. П. Ломакин возглавил (вследствие смерти командира. — И. Д. Лазарева) отряд, направленный против крепости Геок-Тепе — гнезда текинцев, наиболее воинственного из туркменских племен. Текинцы постоянно совершали набеги на соседей и препятствовали сообщению между подчиненными России областями — Закаспийским краем и Туркестаном. Преодолев 500 верст по безводной пустыне при недостатке продовольствия, отряд подошел к крепости Геок-Тепе 28 августа 1879 г. Ломакин сразу же повел усталых людей на штурм, который был отбит. Потеряв около 450 человек (самый большой урон русских войск за все военные действия в Средней Азии), отряд вернулся. Повторяются каждые две строки, кроме шести первых, двух последних и строк 19 — 22.

303. Осада Геок-Тепе Скобелевым. Попов, № 149 (Дело генерала Петрусевича). Взятие Геок-Тепе Александр II поручил лично М. Д. Скобелеву. Это была огромная крепость с глинобитными стенами толщиной в три сажени — четырехугольник, каждая сторона которого имела протяженность в версту. Учтя опыт предшественников, Скобелев особо позаботился о снабжении, его солдат кормили обильно и полноценно. Основательно подготовившись, Скобелев, имея 5700 человек, 23 декабря 1880 г. начал осаду крепости, которую обороняли 24 тысячи текинцев. В день начала осады был смертельно ранен пулей генерал Н. Г. Петрусевич — во время экспедиции за фуражом против одного из текинских укреплений вблизи Геок-Тепе. Самой осадой, которая продлилась всего 18 дней, предшествовали разведывательные стычки с противником. Скобелев 1 июля с музыкой обошел кругом крепость во главе небольшого отряда в 700 человек, успешно отразившего с незначительным уроном натиск текинцев. Ставропольский 74-й пехотный полк, в котором записана песня, был награжден за взятие Геок-Тепе Георгиевскими трубами.

304. Саперы под Геок-Тепе. Попов, № 150 (Под кр. Геок-Тепе). Саперные работы сыграли важнейшую роль во взятии крепости. Текинцы, не имевшие понятия о минном деле, подготовке взрыва стены не препятствовали, а слыша шум этой работы, даже радовались: «Русские настолько глупы, что роют подземный ход, —

говорили они, — когда они станут оттуда вылезать один за другим, мы их поодиночке и изрубим» (Керсновский А. А. История русской армии. М., 1993. Т. 2. С. 300). Утром 12 января 1881 г. был произведен взрыв, разрушивший стену, и войска пошли на штурм. После каждых четырех строк — припев:

С Богом, братьцы, не робея,
Смело в бой пойдем, друзья!
Бейте, режьте, не жалейте
Басурманина, врага!

305. Взятие Геок-Тепе. Колотилин, № 57. Апшеронский 81-й пехотный полк, особо отличившийся при взятии Геок-Тепе, был награжден Георгиевским знаменем и знаками на шапки. Их полковая песня не упоминает, что знамя, захваченное текинцами во время внезапной их вылазки ночью 28 декабря, апшеронцы отбили при штурме 12 января. Русские потеряли, штурмуя крепость, около четырехсот человек; текинцев заколото при самом штурме и изрублено преследовавшей их конницей около восьми тысяч. Текинские старшины присягнули на подданство России и были милостиво приняты Александром II. Другая песня о взятии Геок-Тепе отобразила это в заключительных своих строках (Попов. С. 366):

Коль хотите вы мириться,
Просим милости к себе,
И на жительство селиться
В крепости Геок-Тепе.

306. Убийство Александра II. Андреев. С. 209 (Песня об Александре Втором). 1 марта 1881 г. император Александр II был смертельно ранен взрывом бомбы, брошенной революционером-террористом. Первая бомба попала в карету государя, но он вышел из нее невредимым; тогда под ноги ему была брошена вторая бомба, разрывом которой императору оторвало обе ноги. Истекающего кровью, его доставили в Зимний дворец, где он скончался в тот же день. Публикуемая песня была записана во многих местах России: в Тамбовской губернии (вариант, помещенный в нашей книге), в Харькове, в Воронежской и Курской губерниях, на Волге, на Дону, на Кубани, у астраханских казаков, у оренбургских казаков — нам известно десять записей, напечатанных собирателями фольклора из этих мест. Варианты мало различаются по содержанию, но некоторые несколько короче нашего текста. Предпоследние строки песни, упоминающие о царском сыне, основанием своим имеют, очевидно, ставшее широко известным высказывание Александра III 2 марта 1881 г.: «Я принимаю венец с решимостью. Буду пытаться следовать отцу моему и закончить дело, начатое им». Были и другие песни, посвященные этому событию, но столь широкого распространения, видимо, не получившие. Одна из них включена в книгу под следующим номером, другую помещаем ниже. Записанная в Костромском уезде от 65-летнего крестьянина

Дмитрия Степановича Ваулина, она им самим была озаглавлена «Плачевная песнь о смерти царя-освободителя» и сложена в манере, напоминающей духовные стихи (Селифонтов. С. 364):

Собиралася туча страшная
 Вранов черных, кровожадных,
 Пригласив к себе крыс подземных и подпольных
 Ни на пир — на бал, ни на кресьбины:
 Подкопать корень ветви масличной,
 Совещать совет злой, губительной
 И коварной он и вредительной:
 На убийство зло ясна сокола
 Легкокрылого, быстроокого.
 Так советуют вороны черные:
 Вы послушайте, все подземные
 Твари низкие, подкопленные,
 Не сладка нам кровь гнят-телят,
 Не вкусны тела несмысленных.
 Мы уьемте ясна сокола
 Легкокрылого, быстроокого.
 Насладимся кровью сладкою.
 Отвечали им подземные:
 Мы, попробовав, попытались,
 На жизнь сокола покушались
 Не один разок, а уж несколько,
 Под его гнездо подкопались,
 Да и взорвали тепло гнездышко.
 А не пришлось убить ясна сокола,
 Ясна сокола, орла паряща,
 И со орлицею, со царицею,
 Со молодым птенцам златокрылым.
 И дела наши в прах распались.
 Вороны черные озлоблялися,
 Очи яхонтом загоралися,
 На отчаянность покушались,
 Таковым речам выяснялися:
 Обвострим клювы, наточим когти,
 Мы взлетим стасей все под облаки,
 Нападем дружно на высокого,
 Растерзаем плоть и прольем мы кровь неповинную,
 Обагрим ею мать-сыру землю;
 Земля примет кровь росой сладостной.
 Отвечали им вновь подземные:
 Не боится он клювов точеных, когтей острых;
 Не страшны ему враги сильные и могучие;

Не боится он саблей востриех, мечей стальных;
Не летят в него пули меткие.
У врагов его руки трясутся;
Лишь с ним встретятся — напугаются,
В метких выстрелах ошибаются.
Комисаров был — тот вступается;
Пуля в воздухе возвивается.
Мы придумаем смерть неслыханну,
Человекам недомысленну:
Уготовим бомбы страшные,
С огнем лютым, громом трясущим.
Потрясающим мать-сыру землю.
Мы возьмем бомбы себе пуд руки;
Обернем мы их в платки белые
И пойдем гулять как с арбузами.
Лишь с великием повстречаемся,
Мы подбросим их к его ноженькам
И ударим ей об сыру землю.
Разорвет бомбу пламя адское,
Загремит тут гром грозой майскою;
Напугает треск мертвецов в гробах,
Перебьем стекла, что вблизи в домах.
Очутится он кругом в молниях,
Опалит ему сизы перышки,
Подшибет ему резвы ноженьки,
Оборвет и плоть, как мучитель злой.
Тогда хлынет кровь, как ведром плеснут,
И со стоном падет мученик,
С восклицанием: «Помогите мне!»
А помочь ему тогда некому:
Костромских крестьян уж не будет там
Комисарова и Сусанина,
Защищать особ державных:
Улеглись в лоне матери.
Как придумали, так и сделали.
Как корабль с жемчугом златым море поглотило,
Как облаки закрыли дневное светило,
Как вихри погасили яркое паникадило,
Жизнь царя и защитителя,
Всех крестьян освободителя,
Царя Белого, правосудного —
Александра Второго, благого и премудрого!

Песня акцентирует внимание на том, что Иван Сусанин и Осип Комиссаров, спасавшие царя Михаила Федоровича и императора Александра II, — костромичи. Добавим, что в Костромском уезде были записаны еще две песни на этот же сюжет.

307. **Царя не уберегли.** Гусев. С. 346 (Песня на память Александру II). Записанная у терских казаков, из которых составлялся собственный конвой императора, песня, судя по содержанию, возникла в их среде. Устное творчество народа отзывалось на гибель царя-освободителя не только песнями, но и полупрозаическими сказаниями. Записанный собирателем на пути из Москвы во Владимир текст был озаглавлен исполнителем — жителем села Зуево Владимирской губернии — «Воспоминание русского народа, простого люда, о царе-избавителе, Александре Втором, ныне в Бозе почившем». Собственно о гибели государя здесь речи нет, но обстоятельно перечислены — в простонародном восприятии — деяния императора и упомянуты неудавшиеся покушения на него революционных террористов (*Пругавин. С. 116*):

В настоящее наше время-век
 Являлся нам свыше Богом данный человек,
 Который много в мире русском добра сотворил
 И во многих предметах зло-невежество сократил.
 Перво: крымскую севастопольскую войну прекратил,
 Кавказ и Хиву покорил,
 Польшу усмирил,
 Военну дисциплину улучшил,
 Рабство истребил,
 Питейный откуп отстранил,
 Судебную реформу учредил,
 Своей державе двоекратный и тоекратный заем разрешил
 И тем всю Россию поощрил.
 Мысленно-телеграфически сношения повсеместно восстановил,
 Рельсовые паровозные пути во многих местах открыл,
 Преступникам телесное увечное наказание отменил,
 Бывшим заслуженным особам несколько памятников соорудил,
 Даже и старообрядцам льготу учинил.
 А в настоящее время и на предь текущее
 Общую военную повинность равенство сотворил
 И тем в народе ропот утолил —
 Точно ему ангел с небес на все благовестил!
 А во время турецкой войны,
 На военном действии семь месяцев пребыл,
 Дело святое исполнял, гнев Господень утолял,
 Веру-отечество защищал и всю Расею собой охранял,
 Пример собой показал и много себе страстей папринимал.
 Как турецкая бомба близь ног коня царского упала,
 Себя разразила и вреда не причинила,
 Живот царский сохранила.
 Наш император обозрился и оговорился
 И не раз перекрестился

И благодарил Всевышнего Творца
 За спасение жизни себя и прочих с ним.
 И много неприятных событий себе получал:
 Драч, клоч, плач, вопль,
 Стон умирающих.
 И больничные места посещал,
 Больных ласким словом утешал.
 А по окончании войны, в немедленном времени
 Столицу Москву свою посетил.
 Военных, действующих и служащих,
 Роскошным обедом убоготворил
 И за военный поход их благодарил,
 И за победу Богу хвалу возносил.
 Москвитян и разных иногородных граждан
 За пожертвования и пособия денежные
 Чувствительно благодарил,
 А на зломысленных врагов-злодеев
 Жалобу претворил.
 И Вышняя десница
 От шести действий злодеев его защищала,
 Живот царский сохраняла,
 И чудо велико сотворяла
 И тем же часом всю Расею повеждала,
 Точно как молния освещала,
 И по всей Расеи сильный гром разражался,
 И каждый православный христианин не раз перекрещался
 И кричал: ура! ура!!

Собиратель передал и реакцию толпы, собравшейся на железнодорожной станции: «— Урра! Урр-а!! — с энтузиазмом подхватили слушатели.

— Богу, царю — хвала! — громко, с увлечением закончил старик, махая тяжелой картузом над лысой и голой, как колено, головой.

— Хвала — снова подхватила толпа. — Хвала!!..» (с. 117).

ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА III И НИКОЛАЯ II

308. **Воздариение Александра III. Щербина.** С. 143. Песня, созданная в среде крестьян-старообрядцев, не только передает общее их отношение к своему монарху, но отобразила, по-видимому, и дошедшие до них рассказы о торжествах, связанных с коронацией Александра III.

309. **Изгнание нарушителей границы.** Попов, № 152 (Победа на реке Кушке). Единственная военная операция русских войск за всё правление царя-

миротворца была результатом вызывающих действий афганского эмира, подстрекаемого Англией. Его войска заняли не принадлежащую Афганистану южную часть Мервского оазиса, жители которого, испросив до того покровительство России, сами присягнули на русское подданство. Начальник Закаспийской области генерал Комаров с отрядом около 1800 человек 18 марта 1885 г. двинулся против отряда из 4700 отборных воинов-афганцев, причем нашим войскам было запрещено первыми открывать огонь. Афганцы открыли огонь и пошли в атаку, но ответного огня не выдержали и в беспорядке бежали, бросаясь с крутого берега в пограничную реку Кушку. Тысяча человек их были убиты, они бросили свою артиллерию и боевые припасы. Солдаты Комарова захватили даже знамя афганцев, потеряв в этой операции только 9 человек убитыми и 45 ранеными и контуженными.

310. Царь едет по России. Щербина. С. 142. В 1887 г. Александр III, путешествуя по России, проезжал через Воронежскую губернию. Меры предосторожности на случай возможных террористических акций — вполне естественные всего через шесть лет после гибели Александра II — не укрылись от внимания приветствовавших государя крестьян, которые сложили эту песню, записанную от них позднее местным земским статистиком. Песня характерна сочетанием глубокой преданности государю-самодержцу и непримиримости к замыслам революционеров-террористов.

311. На злодеи лякого. Холмский, № 245. Песня забайкальских казаков, несколько полков которых получили Георгиевские трубы и знаки на шапки за боевые действия в Китае. Под командованием генерала Н. П. Линевича русские войска 1 августа 1900 г. штурмом взяли Пекин, а к концу года война в Китае была завершена. Она возникла на почве инспирированной там ненависти к «иноземным дьяволам»: проиграв войны с Францией и Японией, добровольно уступив России в аренду Порт-Артур и согласившись на постройку русскими железной дороги через Маньчжурию, тогдашние китайские правители весьма снисходительно отнеслись к поднятому в мае 1900 г. восстанию «большого кулака», направленному против всех иностранцев. Китайские войска соединились с повстанцами, а правительство объявило войну иностранным державам, граждане которых становились объектом убийств и издевательств; квартал Пекина, где находились посольства, был осажден. Русские войска при очень небольшом участии отрядов, прибывавших из Европы, Америки и Японии, разгромили китайские войска в нескольких сражениях на пути к Пекину; после его занятия овладели еще рядом городов северного Китая и закончили здесь боевые действия 10 сентября. После каждых двух строк — припев «Люли-люли-люли» с повторением второй строки.

312. Амурские казаки в Маньчжурии. Холмский, № 246. Наибольший размах военные действия имели в Маньчжурии: к середине июня 1900 г. все русские посты строившейся тогда Восточно-Китайской железной дороги были захвачены китайскими войсками и хунхузами, переполненный беженцами Харбин осажден, почти незащищенному Благовещенску угрожали девять тысяч китайцев, бомбардировавших его с китайского берега Амура. Отряд генерала Сахарова, проплыв по Амуру, поднявшись затем на судах по реке Сунгари и пройдя с боем

660 верст за 18 дней, 21 июля освободил Харбин. Остальные русские отряды очистили от китайских войск другие районы Маньчжурии, и к 20 августа вся железная дорога была снова в наших руках. Амурские казаки получили Георгиевские трубы за разгром противника на Большом Хингане. После каждых четырех строк — припев:

Слава, братцы, атаману,
Слава Белому царю,
Нашему штандарту слава
И амурцу казаку.

313. **Гибель «Варяга».** Холмский, № 249. Без объявления войны японская эскадра из 6 крейсеров и 8 миноносцев 27 января 1904 г. подошла к корейскому порту Чемульпо и потребовала сдачи от находившихся в нем русских военных судов: крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец», угрожая в противном случае расстрелять их в порту, где находились и суда других государств. Отказавшись сдаться, русские моряки с пением гимна вышли из порта навстречу японцам. Выдержав часовой бой с вражеской эскадрой, «Варяг» потопил японский миноносец и сильно повредил два крейсера. Когда повреждения самого «Варяга» лишили его возможности продолжать бой, русские моряки пустили свой корабль на дно, чтобы он не достался японцам; «Кореец» был взорван. В этом беспримерном героическом деле на «Варяге» были убиты 34 человека, тяжело ранены более 70, командир корабля контужен. Уцелевших приняли на борт находившиеся в порту суда нейтральных государств. Песня о гибели «Варяга», исполняемая и донныне, дается по записи, произведенной от казаков около 1910 г. Текст песни имеет в основе значительно изменившийся при устном бытовании текст стихотворения Е. М. Студенской «Памяти «Варяга» (ср.: Песни и романсы русских поэтов / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. В. Е. Гусева. М.; Л., 1963. С. 885 — 886). Каждая четвертая строка песни исполняется дважды.

314. **Матушка Россия, за тебя мы в бой идем.** Мякутин. С. 264. Песня записана у оренбургских казаков. Три полка их были награждены после окончания войны с Японией. Среди воинских частей, получивших от государя награды за героизм в этой войне, были и 16 полков других казачьих войск — донских, забайкальских, кубанских. Генерал А. Н. Куропаткин в 1904 — 1905 гг. являлся главнокомандующим на Дальнем Востоке. После каждых четырех строк — припев:

Помни, братцы, край родной,
Мы пойдем с японцем в бой
За Россию, за царя,
В честь орла-богатыря.

315. **На Дальнем Востоке.** Холмский, № 247 (Порт-Артур). В войне с Японией наши войска, отстаивая государственные интересы России, вели бои на

территории Маньчжурии. Героическая оборона недостроенной крепости Порт-Артур, длившаяся 239 дней, не имела precedентов в истории. В среднем каждый защитник Порт-Артура сразился с четырьмя японцами и двух из них убил. Общий урон японской армии при осаде Порт-Артура составил 110 тысяч из общего числа 170 тысяч осаждавших, 85 тысяч были убиты в боях и при штурмах крепости. Девять месяцев Порт-Артур приковывал к себе почти треть всех сухопутных сил Японии. Потери порт-артурского гарнизона, пополненного моряками, составили 10 600 убитых и умерших от ран и болезней, 24 тысячи раненых и без вести пропавших. Мукден, скупом упомянутый песней, был пунктом, вблизи которого развернулось крупнейшее сражение войны. Оно длилось три недели (6 — 25 февраля 1905 г.) и окончилось отступлением наших войск, однако потери убитыми и ранеными были примерно равны — около 70 тысяч с каждой стороны. Исход сражения был бы иным, если бы не дувший нам в лицо песчаный ураган и чрезмерная осторожность генерала Н. П. Линевича. Несмотря на все старания японцев, разгрома русской армии все же не произошло, а потери ее под Мукденом уже через месяц были восполнены. Но войну пришлось прекращать, хотя сил и средств для ее победного завершения у России было несравненно больше, чем у Японии, — прекращать из-за усилившихся внутренних беспорядков.

316. На защиту трона. Холмский, № 250 (На усмирение). Документировано, что в 1904 — 1905 гг. революционная деятельность оплачивалась отчасти Японией, отчасти — теми зарубежными финансистами, от которых ранее исходило предъявленное Николаю II, но им отклоненное требование ликвидировать ограничения, существовавшие в России для евреев. Казацки войска вызывали особенную ненависть революционеров, так как чаще других использовались властями для восстановления порядка. Соответственным было и отношение казаков, в общем верно представлявших себе (даже при сравнительно малой образованности), насколько велика угроза русскому государству со стороны «крамольников». После каждых четырех строк песни — припев, исполняемый дважды:

Дон, Дон наш родной!
Своей кровью, герой,
Спас России царя
Ты не первый раз, ура!

317. Донцы в Петербурге. Голубинцев. С. 43 (Правда). Верность казаков династии Романовых имела исторические корни: в 1613 г. призвание на царство Михаила Федоровича произошло при решающем участии казачества. Функции лейб-казаков во дворце, отображенные песней, — это только внешние атрибуты несравненно более глубокой сущности: казачество являлось надежной опорой власти русских государей. После каждых двух строк песни — припев «Правда, правда, правда люди» с повтором последней строки.

318. Не отдадим Россию. Орлов и Щеглов. С. 15. Текст песни, записанной в 1914 г., в основном традиционен: сходно пели солдаты о начале военных действий

со Швецией, Францией, Турцией в XVIII — XIX вв. Преемственности боевых традиций русской императорской армии на протяжении двух столетий соответствовала и преемственность солдатского песнетворчества. Германия объявила войну России 19 июля 1914 г., предъявив накануне ультимативное требование прекратить до 12 часов 19 июля мобилизацию русской армии, объявленную в связи с началом войны Австро-Венгрии против дружественной нам Сербии. Этот ультиматум Россия оставила без ответа. Каждые две строки песни исполнялись сначала запевалой, а затем их повторял хор.

319. Германец посулился напрасно. *Налепин и Щербакова, № 6.* «На германском берегу» — то есть на берегах, где ожидалась высадка германских десантов. В предвидении возможности таких действий на русских берегах Балтики были расположены значительные военные силы, готовые отразить противника. Но германскому военному флоту пришлось сосредоточиться на борьбе с флотом английским, а высаживать в России десанты без мощной поддержки немцы не решились.

320. Песня гренадеров. *Орлов и Щеглов, С. 34.* Записанная во время войны с Германией в 1914 г., песня отображает роль в этой войне гренадерских частей как отборных формирований, выполнявших особенно трудные задачи и в других войнах. Отсюда — использование в тексте поэтических образов и фразеологизмов, обязанных песням предшествовавшего времени. После каждых двух строк — припев «Пей, веселей, веселей!» с повторением второй строки.

321. После боя на германской земле. *Налепин и Щербакова, № 4.* Песня своеобразно объединила мотивы расставания новобранца с семьей и его возможной гибели на германской земле — в форме письма от солдата как бы уже похороненного, но вместе с тем готового идти на Берлин. Фактическая основа песни — события начала августа 1914 г., когда русская армия, перейдя границу, вторглась в пределы Восточной Пруссии и нанесла жестокое поражение немецким войскам под Гумбиненом: германский корпус генерала А. Макензена после этого боя бежал в панике на протяжении 15 верст. Но в ходе сражения потери были велики с обеих сторон: у немцев около пятнадцати тысяч, у нас — шестнадцать с половиной. А вскоре немцам удалось взять здесь реванш за свое поражение и нанести русской армии гораздо больший урон.

322. Победы в Галиции. *СВ, 1915, № 285. С. 3.* Песня передает общий подъем духа, вызванный крупными успехами русских войск в Галицийской битве, начавшейся 13 августа 1914 г. после неудачной попытки наступления австро-венгерцев. Опрокинув противника, русские войска развернули наступление по широкому фронту, вскоре взяли Львов и осадили Перемышль, а в начале сентября заняли всю Галицию и часть австрийской Польши, угрожая вторжением в Венгрию и Силезию. Австро-венгерская армия почти утратила боеспособность. Но русское командование решило перенести главный удар на центральный участок фронта. Это остановило дальнейшее наступление на юго-западном участке, откуда была переброшена часть наших войск. Упомянутый в песне генерал Н. В. Рузский командовал одной из двух армий, наступавших в Галиции, второй командовал генерал А. А. Брусилов. В трехнедельной Галицийской битве потери неприятеля —

по его сильно преуменьшенным сведениям — достигали 336 тысяч. Русскими было захвачено 120 тысяч пленных, 8 знамен и 640 орудий. Потери русской армии — 233 тысячи, в числе их 44 тысячи пленных, одно знамя и 94 орудия. Примечание первого публикатора: «Приведенная песня поется на мотив старинной солдатской песни:

«За горами, за долами
Ахалцых стоял...» и т. д.».

323. Бой на подступах к Варшаве. Орлов и Щеглов. С. 17. 24 сентября 1914 г. немцы начали наступление в направлении Варшавы. Жестокий оборонительный бой на подступах к ней начался 28 сентября и продолжался до 1 октября, когда русские войска перешли в наступление. Песня сложена, очевидно, значительно позже — как отклик на подготовку уже отдохнувших частей к новому наступлению.

324. Победа под Варшавой. СВ, 1914, № 242. С. 3. Наступление, предпринятое немецким командованием в сентябре 1914 г. на Варшаву и Ивангород, окончилось для немцев полной неудачей. Остановив противника, русские войска отбросили его на исходные рубежи, захватив 23 тысячи пленных и 63 орудия. Песня не напрасно упоминает сибиряков и казаков: в этих боях выдающаяся роль принадлежала первому и второму Сибирским корпусам второй армии, седьмой казачьей дивизии пятой армии. После каждого двух строк — припев «Эй, говорит!» с повтором второй строки.

325. Шалости Вильгельма. Солдатская поэзия. С. 3. Называя германского императора «Вилли», эта юмористическая песня использует уменьшительную форму имени, реально применявшуюся в обращениях к нему русского императора, когда тот уещевал Вильгельма II не начинать войну.

326. Посидели бы в окопах. Налепин и Щербакова, № 1. Песня отобразила воздействие на солдат инспирированной врагами России массовой пропагандистской кампании, направленной на дискредитацию правительства и деморализацию русской армии. «Немецкое начальство», о котором здесь упоминается, не было повинно больше других в трудностях со снабжением и боеприпасами и тем более — в отступлении наших войск: генералы и офицеры, носившие немецкие фамилии — главным образом потомки прибалтийских рыцарей, давно обрусевшие, — столь же верно служили своей родине — России, как и носители русских фамилий. Кампания в прессе против военного министра генерала В. А. Сухомлинова, приведшая к его отставке, в основном базировалась на вымышленных обвинениях. Казненный за шпионаж 17 марта 1915 г. полковник С. Н. Мясоедов, как обнаружилось впоследствии, был невиновен (см., например: Катков Г. М. Февральская революция. М., 1997. С. 135 — 147). Но песня отобразила и реальные неудачи русской армии в 1915 г. Наступление немцев в Восточной Пруссии, начатое в январе, хотя и привело к отходу наших войск, было в феврале остановлено на рубеже Ковно — Осовец. В Карпатах русские войска добились успеха, взяли крепость Перемышль, но наступление прекратилось из-за недостатка сил и боеприпасов. А в апреле противнику уда-

лось здесь развить наступление, и русская армия, испытывавшая сильный недостаток в вооружении и боеприпасах, оставила занятую в 1914 г. Галицию. Успешное наступление немцев в июле на центральном участке фронта привело к оставлению Варшавы. В августе русским войскам удалось ликвидировать прорыв на виленском направлении, но в итоге кампании 1915 г. пришлось оставить Польшу и Литву. Цель германского командования, сосредоточившего основную часть своих сил на русском фронте, — вывести в 1915 г. Россию из войны — не была достигнута: в октябре фронт стабилизировался.

327. Во славу России. *Налепин и Щербакова, № 11.* Песня о невероятно тяжелых условиях наступательных действий может быть сопоставлена с наступлением у озера Нарочь 5 — 15 марта 1916 г. Оно планировалось основательно, но было начато за три месяца до назначенного срока — по настоятельной просьбе французов, на которых немцы в феврале обрушили свои силы под Верденом. Превосходство немцев в артиллерии, неоснащенность русских войск средствами преодоления немецких заграждений, трудности действий в болотистой местности во время распутицы имели следствием огромные потери при незначительном продвижении вперед. Реально значимым успехом было только доказательство верности России своим союзникам. «Чудовищами» песня называет крупнокалиберные снаряды.

328. За Русь и за народ. *Солдатская поэзия. С. 3 (Штыковая песня).* Песня ярко выразила несокрушимость духа русских войск, которая особенно проявилась в крупнейшем наступлении, начатом в мае 1916 г. войсками Юго-Западного фронта под командованием генерала А. А. Брусилова. Прорвав долговременно оборудованные позиции противника на протяжении 600 километров, русские войска в ходе ожесточенных боев продвинулись повсюду на 80 — 120 километров, нанеся врагу сокрушительный урон. Австро-венгерцы и немцы потеряли свыше миллиона убитыми. Русские захватили 400 тысяч пленных, 600 орудий и столько же минометов и бомбометов. Хотя и наши потери были немалые — 750 тысяч, крупнейший военный успех повлек за собой успех политический: французская армия, истекавшая кровью под Верденом, получила облегчение, итальянская — спасена от разгрома, Румыния вступила в войну на стороне России. Это был самый крупный за всю войну и, по существу, последний успех в ней русской армии: основательно подготовленное императорской Россией победное завершение войны в 1917 г. оказалось сорвано вследствие интенсивного и целенаправленного развала армии после Февральской революции.

СЛОВАРЬ

Агаряне — мусульмане

Александрійская рубашка — из александрийки, красной бумажной ткани

Арнадёры — см. гренадеры

Артикул — упражнения в строевом деле и ружейных приемах

Атага — особый закал сабельного клинка кавказского изготовления

Бобаички — весла

Бакет — см. бекет

Барбет — парапет, невысокая стенка, служившая бруствером военного укрепления

Баталия — битва, сражение

Батарей — земляные сооружения для прикрытия пушек

Бекет — пикет, помещение для караула

Берлин — четырехместная крытая коляска

Беседа — беседка, скамья, верхнее помещение на корабле

Бомбардиры — солдаты-артиллеристы

Ботничок — бот, маленькое парусное судно

Брусчатая лавка — сделанная из одного бруса

Буланый — одна из конских мастей: рудожелтый, желтоватый

Бус — лодка-однодеревка с набивными досками по бортам

Верки — крепостные укрепления

Вангалий — Евангелие

Верх — вершок, мера длины

Волжаный — из волжанки (род мелкой ивы, тала, растущего по Волге)

Воровинны вожжи — веревочные

Вружить — вонзить

Вязова — дубина, сделанная из вяза

Гавря — гной

Голлё — ветви

Гребенские казаки — жившие по реке Терек у Гребней — гор за Теремом

Гренадеры — лучшие, отборные солдаты

Гусары — кавалерийские части, в XVIII в. формировавшиеся главным образом из выходцев с Балкан и из Венгрии

Деревяга — деревенский мужик, деревенщина

Десятильник — сборщик пошлин с монастырей и церквей

Дикарёк — дикий камень (гранит и другие кремнистые виды камня)

Домовище — гроб

Достойна — одна из молитв Богородице

Драбанты — отборные солдаты, составлявшие личную охрану короля
 Драгуны — конница, способная действовать и в пешем строю
 Дуван — сходка для дележа добычи у татар, казаков и разбойников
 Дуля — лесная груша

Егеря — разновидность легкой конницы (в России с 1788 до 1833 г.)
 Ендова — сосуд для разливания напитков
 Еральско — геройски
 Ерлык — см. ярлык
 Есаул — помощник атамана у казаков и у разбойников; офицерский чин в казачьих войсках XVIII — XX вв.

Живот — жизнь, богатство, добро

Заберег — часть берега,
 Загуменный — ленивый (тот, кто спит за гумном, скрываясь от работы)
 Зазрить — завидеть
 Заочью — заочно
 Затребити — погубить
 Звончатый — звонкий, звенящий
 Зёмский собор — сословно-представительное собрание, неперiodически созывавшееся царем в XVI — XVII вв.
 Зипуны доставать — захватывать военную добычу
 Зычать — кричать, звать

Индрик — единорог
 Исполать — хвала, слава, спасибо
 Источный песок — родниковый, речной

Кавалер — награжденный орденом
 Калёная стрела — закаленная
 Камчатый — сделанный из камки, шелковой узорчатой ткани или камчатки, льняной ткани, похожей узором на камку
 Канониры — пушкари
 Караул скрасть — снять караул
 Каркас — зажигательное ядро
 Карга — ворона
 Кармазинная черкеска — из ярко-красного сукна
 Картуз — мешок с порохом
 Кенория — киновия, монастырь
 Кирасиры — тяжелая кавалерия, снабженная нагрудными латами (в России — с 1731 г.)
 Киченье — гордость

Кли́рос — место для певчих в церкви
Коло́да — гроб, выдолбленный из целого дерева
Ко́монь — конь
Корса́ки — киргизы и кайсаки
Коси́цы — виски
Кочеты́ — колышки на бортах вместо уключин
Круг каза́чий — собрание казаков для самоуправления
Кружа́ло — кабак
Кружа́тый, хружа́тый — кружчатый, с узорами из кругов
Кры́лос — см. клирос

Ле́тник, ле́тничек — старинная женская верхняя легкая одежда
Литорги́я — литургия, обедня
Лодка-коло́менка — разновидность речного судна
Ложеме́нт — небольшой окоп
Лорни́ровать — смотреть в подзорную трубу
Ля́га — лужа, яма с водой

Мазу́ры — бедняки, бродяги
Майдан — станичная сборная изба, шалаш, место для игры в кости и карты
Манерка — походная фляжка
Мар — степной курган
Маркита́нт — мелочной торговец, преимущественно съестными припасами, при армии
Морти́ра — короткоствольная пушка для навесной стрельбы по закрытым и горизонтальным целям
Му́рза — дворянин у татар
Мушкате́ры — мушкетеры, солдаты, вооруженные мушкетами
Мушке́т — ружье с фитильным замком
Мяко́тный товар — мягкий

Нако́н — раз
Наса́д — речное судно
Насту́пчивый конь — выступающий бодрой и твердой поступью
Нать — надо
Нужный — бедный

Обва́хта — гауптвахта
Одина́кий — единственный
Одинцо́вый — цельный кусок материи
Опочив, опочи́н — сон, отдых
О́рдер — повеление, приказ
Орле́ный — с изображением орла, царский
Остро́г — укрепленный городок или поселок

Паша — титул высших военных и гражданских сановников у турок
 Перепасть — испугаться
 Переставиться — см. преставиться
 Переходы — крытые галереи снаружи дома
 Перфида — порфира, багряница — верхняя торжественная одежда государей
 Пищаль — старинное оружие, подобное ружью; старинное артиллерийское орудие
 Плутонки — плутонги, низшее подразделение в русской пехоте XVIII в.
 Повалённое — сбор (с валька) за мытье белья на плоту
 Поганый — язычник, иноверец
 Покляпый — согнутый вперед
 Полётушки — эполеты
 Полтретьясто — двести пятьдесят
 По́льский атаман — от слова «поле» как место боевых действий
 Поса́дник — выборное высшее должностное лицо в Древнем Новгороде
 Посх́имиться — принять схиму, постричься в монастырь
 Пра́виться — направляться, совершать путь
 Преста́виться — умереть
 Прика́зный — у казаков звание, соответствующее ефрейтору в регулярной армии
 Прико́лочки — колья, крепящие шатры
 Прити́нное место — место расположения караула
 При́чет — причт, духовенство какой-либо церкви
 Пото́чины — сходни

Раска́т — площадка для установки пушек в промежутках крепостных стен
 Реду́т — полевое укрепление с валом и рвом
 Ре́крут — солдат-новобранец
 Ре́ли — два столба с перекладиной
 Решить — прекратить
 Роня́ть паруса — спускать
 Руда — кровь
 Ры́тый, ры́хлый бархат — узорчатый

Сви́цкий — шведский
 Сена́т — высшее судебно-административное учреждение в России XVIII — XX вв.
 Сено́т — см. сенат
 Серпентинный — от слова «серпентин» — камень эмеевик, окраска которого напоминает кожу змеи
 Сиби́рочка, сибирка — короткий кафтан со стоячим воротником
 Сино́д — высший коллегиальный орган русской церкви в XVIII — XX вв.
 (в песнях иногда употребляется вместо слова «сенат»)
 Сиповка — свирель, дудка

Скорбный — больной (скорбь — болезнь)
Слега — бревно, жердь
Сорочинское пшено — рис
Соян, соят — сарафан
Старец, старица — монах, монахиня (независимо от возраста)
Стреби́ти — см. затребити
Стрельцы́ — особое постоянное войско в России XVI — XVII вв.
Струг — небольшой корабль
Схимия — схима, монашество высшей ступени
Съезжий двор, изба — постоянный двор, гостиница

Талан — участь, судьба
Терять — губить, убивать
Тизи́чи корабли — принадлежащие тезикам, татарским купцам
Торока́ — ремни сзади седла для приторочки поклажи
Тума — выродок

Убрус — полотенце
Удельный город — дававшийся в управление одному из младших членов княжеской семьи в Древней Руси
Уд́ивить — прославить
Укра́йна — окраина, дальняя, окраинная страна, местность
Ула́ны — турецкие, татарские чиновники

Фаши́нник — связанные пучки хвороста, употребляемые для укрепления насыпей и устройства дорог
Фре́йлина — девушка-дворянка, служащая в свите императрицы
Фрунт — строй солдат
Фузе́я — ружье

Хвалы́нское море — Каспийское
Хору́нжий — младший офицерский чин в казачьих войсках

Чембу́р — повод для привязывания коня
Червле́ный, червча́тый, черле́ный, чермлё́ный — красный, темно-красный, багряный, ярко-малиновый
Черка́льское седелко — черкасское
Черкасочка — черкесочка, черкеска
Чесно́к — острые колья вокруг земляного вала
Чумбу́р, чунбу́р — см. чембур

Ша́нды — окопы, земляные укрепления
Шахмат — народное название породы лошадей

Шейма — якорный канат

Шелом — шлем

Ширинка — платок

Шлях — проезжая дорога

Шурмовать — джигитовать, наездничать, сражаться

Щебетко — щегольски

Щепетильный — галантерейный, парфюмерный

Юхта — юфть, сорт обработанной кожи

Яицкие казаки — жившие по реке Яик (ныне — Урал)

Яндова, яндовочка — см. ендова

Ярлык — письмо, грамота, указ

Ярыжка — низший служитель в московских приказах, выполнявший полицейские функции; пьяница, беспутный человек

Ясак — налог, подать

ПОЯСНЕНИЯ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Народные исторические картинки

Лубочные картинки, народная графика, листы с черно-белым или раскрашенным рисунком — своеобразное явление русской традиционной культуры. Тематика их бесконечно разнообразна. Сотнями тысяч издавались картинки на религиозные темы, с изображением особ царского дома, исторических деятелей, военачальников, знаменитых людей. В них нашли отражения события современности и дела давно минувших дней, литературные произведения, фольклор, быт городской и деревенский, пейзажи, достоинства и недостатки и пороки простых людей. Лубочная картинка может быть объективно-сдержанной, ликующе радостной, торжественно-скорбной, веселой и озорной, ехидно-злорадной и бесшабашно-лихой. В ней отражались и самосознание народа, и его характер. В 60-х гг. XIX в. исследователи лубка отмечали, что лубочные картинки чутко прислушиваются к биению пульса современной жизни и почти нет ни одного вопроса, занимающего общество, который бы не отозвался в них. Рассчитанные на самые распространенные вкусы, на самые широкие народные массы, они были замечательно популярны. Расходясь в миллионах листов по стране, картинки завоевывают город, а затем и деревню, становясь неременной деталью крестьянского быта. Русские писатели XIX в. многократно отмечали стремление крестьян украсить стены избы лубочными картинками.

Неотъемлемой и значительной частью народных картинок был исторический лубок. История в лубке — это история, увиденная глазами простого народа и отраженная им на листах. Поэтому вполне правомерны иллюстрации к народным историческим песням в виде лубочных картинок: включение их в данное издание наглядно демонстрирует единство словесно-поэтического и художественно-изобразительного видов искусства.

Понятие «народная картинка» неоднозначно: оно включает в себя не только лубочные листы, непосредственно созданные народными мастерами, но и картинки «для народа» профессиональных художников, и перегравиловки профессиональных гравюр народными художниками.

Одним из самых замечательных народных мастеров был Иван Александрович Голышев, крепостной крестьянин-археолог. Но его значение в русской культуре определяется не только исследованиями в области археологии, истории, этнографии, не только его печатными работами, которых насчитывается более 500. И. А. Голышев известен как издатель народных картинок, печатавший их в собственной литографии в слободе Мистере Вязниковского уезда Владимирской губернии. Открыв в 1858 г. литографию «единственно для печатания самых простых картинок с надеждою только на местный их быт», И. А. Голышев вскоре начинает издавать более 500 тысяч листов в год. Он сам составлял оригиналы, рисовал на камне, производил разные опыты по улучшению литографского дела, а затем и продавал картинки офеням. Ручной раскраской черно-белых картинок у Голышева занимались более

200 женщин. Раскраска производилась самым простым способом. Получив в литографии партию картинок, работница (часто вместе с детьми своими) покрывает сотню или тысячу листов сначала одной краской, красной или желтой, затем всю партию покрывает голубой и т. д. Ни о какой тщательности не шла речь. Сам Голышев писал по этому поводу: «...иногда встречаются на военной картинке генеральские панталоны, окрашенные в зеленый цвет, а трава — в красный». Существовали и другие виды картинок, раскраска которых была более тщательной и тонкой. Но и цена их была более высокой.

Торговлю лубочными картинками вели офени — торговцы вразнос, которые закупали в литографиях листы оптом по тысячам и сотням. Офени вели торговлю не только в своей и близлежащей губерниях, но проникали и в самые отдаленные места России — Сибирь, Кавказ, Владивосток, Туркестан, — и за рубеж — в Румынию, Болгарию, Сербию.

Ярким примером народной интерпретации профессиональной исторической гравюры являются иллюстрации настоящего издания: «Сражение при Тарутине 6 октября 1812 года» и «Разбитие Наполеона при переправе через Березину 16 и 17 ноября 1812». Две эти лубочные картинки — часть серии, состоящей, видимо, из 12 картинок (в РО ИРЛИ их 9), под общим названием «Наполеон в России», изданных в хромолитографии В. Васильева в 1891 г. И все они представляют собой народную перегравировку серии профессиональных офортов «Коллекция двенадцати гравированных картин, представляющих следствия достопамятнейших побед, одержанных над неприятелем российской армией в 1812 году». Серия была напечатана в 1814 — 1815 гг. Автором рисунков к офортам был Доминико Скотти, а выполнили работу в офорте граверы Сергей Федоров и Иоанн-Фридрих Беггров, которыми руководил Сальваторе Карделли. Серия состоит из 12 батальных сцен с надписями на русском и французском языках, с «изъяснением» картины и таблицы, содержащей сведения о численности французской армии, русских трофеях и другую информацию.

При сопоставлении профессионального офорта «Разбитие Наполеона...» и красочной, яркой лубочной картины прежде всего обращают на себя внимание две центральные фигуры на переднем плане: Наполеона, скачущего на лошади от реки, и раненого французского офицера. Но не менее заметны и различия в изображении трагического для французов события. Офорт многоплановый, за фигурой Наполеона во всю длину гравюры изображена река Березина, в которой тонут люди, а также деревня и дым сражения. Особенно тщательно, детально изображен мост через Березину: вздыбленные бревна и доски перекрытий, падающие в воду люди и кони. Ничего этого на лубочной картинке нет. Народный мастер снял все детали, отвлекающие внимание от центральных фигур: императора и раненого француза. Здесь фигура Наполеона несколько смещена к центру, под ним сказочный белый конь, на котором ярким пятном выделяется красный чепран с золотыми орлами. В изображение раненого французского офицера народный мастер тоже внес коррективы: одетый в яркий красно-голубой мундир, он повернут лицом к зрителю, и его тоскливый взгляд обращен не к императору, а к небу. Похоже, он умирает и его последние мысли связаны с Богом. На народной картинке снята многоплановость, на

разрушенном мосту видна лишь одна фигура, третий план еще намечен. В центре внимания два образа-символа: полководец, бросивший свою армию на гибель, и умирающий офицер этой армии, обратившийся к Богу в последние мгновения жизни.

За два столетия лубочная картинка претерпела значительные изменения. И на каждом этапе жизни лубка менялись его социальная природа, функции и сфера бытования и, прежде всего, техника изготовления. Гравюра на дереве, возникшая в первой четверти XVII в. как иллюстрация, очень скоро отделяется от книги и приобретает самостоятельность. С середины XVIII в. деревянные доски заменяют медными, более долговечными, с которых можно было получить больше отпечатков. Позднее, с 20-х гг. XIX в. медную гравюру сменила литография-оттиск с камня, и это привело к значительному увеличению отпечатков, снижению их стоимости. Лубочная картинка становится массовым изобразительным искусством. Одновременно меняется и тематика картинок. Помимо листов с изображениями святых, сцен из Библии, Евангелия и других картинок религиозного содержания, появляются сатирические, фольклорные, «поучительные» листы типа «Известия о ките, пойманном в Белом море». Чутко прислушиваясь к пульсу современной жизни, лубочные картинки постепенно в глазах народа получают значение информационного источника, сопоставимого в наше время с прессой. С начала XX в. не существовало почти ни одного вопроса, волновавшего общество, на который не отозвалась бы лубочная картинка. С появлением многоцветной печати в 1880-е гг. в ряду народных картинок ведущее место занимает хромолитография и многократно возрастают тиражи ярких, красочных листов.

Вероятно, первой подлинно военно-исторической была лубочная картина «Мамаево побоище» первой половины XVIII в. Огромная картина изображала несколько эпизодов известного исторического события и была снабжена текстом.

В XIX в. сюжет о Куликовской битве становится одним из самых популярных, отображенных в народном лубке. Но эти обычного формата листы, черно-белые или раскрашенные от руки, центральными фигурами которых являются Пересвет и Челубей, ничем не напоминают первую картину на военно-историческую тему.

В XVIII в. лубочные картинки выполняли для малограмотного народа роль газет; в них сообщались международные новости: землетрясения и другие стихийные бедствия, вести и слухи о чудесных явлениях природы, рождениях уродов, появлении чудищ и др. Но с середины века стали выпускать и картинки, содержащие сведения о кампаниях во время войн, которые вела Россия, о победах русской армии. Эта традиция будет продолжена в XIX и XX вв. Как правило, тексты на картинках заимствовались из реляций, опубликованных в газетах.

Лубок был всегда патриотичен. Он изображал русских воинов, солдат, офицеров, полководцев мудрыми, бесстрашными, благородными и непобедимыми, а врагов побежденными, спасающимися бегством. В лубочных картинках запечатлена в зрительных образах вера народа в несокрушимость Отечества и русской армии, в будущее русского народа.

А. Мартынова

Краткое описание картинок в «Пояснениях к иллюстрациям» дано по следующему плану: заголовок (полностью), техника воспроизведения (гравюра, литография и др.), размер — ширина на высоту в миллиметрах, причем для литографии обмер дан по листу и рамке, для гравюр — по листу и обжиму. Затем указывается издатель, если он отмечен на листе, владелец литографии, место и год издания, шифр хранения.

1. Россиянин. Хромолитография. 423×528; 387×522. М., 1878. Хромолитография П. Н. Шарапова. РО ИРЛИ, № 2520.

2. П. В. Киреевский (1808 — 1856) — фольклорист, археолог, переводчик, публицист.

3. Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1868. Титульный лист.

4. П. А. Бессонов (1828 — 1898) — литературовед, славист, фольклорист.

5. И. И. Срезневский (1812 — 1880) — филолог, палеограф, этнограф.

6. Н. П. Дашкевич (1852 — 1908) — литературовед, фольклорист.

7. М. Н. Сперанский (1863 — 1938) — историк литературы и театра, славист, фольклорист, этнограф.

8. Великомученики Борис и Глеб. Раскрашенная гравюра. 653×420; 500×350. Первая четверть XX в. РО ИРЛИ, № 2515.

9. Св. Александр Невский в 1242 году победил немцев на льду Чудского озера. Литография. 251×320; 180×230. Первая четверть XX в. РО ИРЛИ, № 2526.

10. Смерть князя Михаила Черниговского и боярина его Федора. Литография. 400×292; 316×231. Литография А. [П.] Руднева. М., 1868. РО ИРЛИ, № 2521.

11. Мамаево побоище. Литография. 445×360; 373×273. Литография А. В. Морозова. М., 1872. РО ИРЛИ, № 549.

12. Дмитрий Донской объезжает Куликово поле после битвы 8 сентября 1380 года. 560×430; 151×115. Литография А. [П.] Руднева. М., 1868. РО ИРЛИ, № 2527.

13. Уничтожение Новгородского веча. Литография. 360×272; 321×225. Литография А. В. Морозова. М., 1871. РО ИРЛИ, № 2525.

14. Царь Иоанн Васильевич Грозный. Литография. 451×350; 267×334. Литография Е. Яковлева. М., 1865. РО ИРЛИ, № 2523.

15. Послы Ермака Тимофеевича перед Иоанном Грозным. Литография. 560×432; 372×270. Литография А. [В.] Морозова. М., 1862. РО ИРЛИ, № 1263.

16. Убиение царевича Дмитрия. Хромолитография. 310×440; 296×242. Литография Т-ва И. Д. Сытина. М., 1904. РО ИРЛИ, № 1281.

17. Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Литография. 445×352; 350×265. Издатель П. Н. Шарапов. Литография И. Гаврилова. М., 1867. РО ИРЛИ, № 525.

18. Степан Разин. Хромолитография. 445×315; 380×272. Электро-типохромолитография Корпусова. М., 1900. РО ИРЛИ, № 729.

19. Петр Великий, построив стоявшую под Полтавою армию свою в боевой порядок. Гравюра. 357×298; 324×252. Оригинал А. Беянкина. Металлография Г. [Ф.] Чуксина. М., 1850. РО ИРЛИ, № 2522.

20. Петр Великий Император и Самодержец Всероссийский. Гравюра. 443×358; 345×271. Издатель Михаил Дмитриев. Металлография А. Ахметьевой. М., 1851. РО ИРЛИ, № 528.

21. Князь Итальянский. Граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский. Генералиссимус. Гравюра. 430×358; 400×320. Издатель Стрельцов. Металлография Е. Хитровой. М., 1852. РО ИРЛИ, № 542.

22. Граф Платов Войска Донского войсковою атаман. Гравюра. 439×400; 385×306. Изд. А. Стрельцова. Металлография Е. Хитровой. М., 1852. РО ИРЛИ, № 2524.

23. Сражение при Тарутине 6 октября 1812 года. Хромофотография. 543×423; 504×360. Хромофотография В. [А.] Васильева. М., 1891. РО ИРЛИ, № 1736.

24. Наполеон в России. В 1812 году 16 и 17 ноября. Разбитие Наполеона при переправе через реку Березину. Хромофотография. 544×430; 501×366. Хромофотография В. [А.] Васильева. РО ИРЛИ, № 1737.

25. Битва русских с кабардинцами. Фотография. 431×358; 382×251. Изд. И. Голышева. Фотография И. Голышева. Мстера, 1866. РО ИРЛИ, № 2529.

26. Размен с Шамилем и выкуп из плена семейства князя Давыда Александровича Чавчавадзе и княгини В. И. Орбелиан, с малолетними их семействами, 1855 года, 12 марта. Фотография. 450×364; 384×278. М., 1870. Фотография П. А. Глушкова. РО ИРЛИ, № 2516.

27. Николай I Император и Самодержец Всероссийский. Гравюра. 420×330; 390×330. Металлография А. Лаврентьевой. М., 1854. РО ИРЛИ, № 1325 (альбом), с. 19.

28. Синопское сражение 18 ноября 1853 года. Гравюра. 440×350; 244×193. М., 1854. Металлография А. В. Васильева. РО ИРЛИ, № 2517.

29. Нападение англичан на Ставропигиальный Соловецкий монастырь. Гравюра. 437×291; 269×180. Металлография Ефима Яковлева. М., 1854. РО ИРЛИ, № 2519.

30. Переправа чрез реку Дунай российских войск 1854 года марта 11 дня. Гравюра. 448×356; 275×220. Металлография В. [А.] Васильева. М., 1854. РО ИРЛИ, № 2528.

31. 1854 года октября 24 дня сражение при Севастополе во время большой вылазки под командою генерал-адъютанта князя Меншикова. Гравюра. 416×330; 390×318. М., 1855. Металлография В. Зернова. РО ИРЛИ, № 1325 (альбом), с. 34.

32. Сдача города и крепости Карса 16 ноября 1855 года. Раскрашенная гравюра. 416×330; 385×295. Металлография Е. [Я.] Яковлева. М., 1856. РО ИРЛИ, № 2531.

33. Взятие Шипки. Хромофотография. 555×430; 500×375. Хромофотография Ф. М. Морозова. М., 1880. Музей ИРЛИ, № 25003.

34. Взятие турецкой крепости Ловчи. Хромофотография. 577×413; 513×350. Литография Шарапова. М., 1877. Музей ИРЛИ, № 25084.

35. Взятие Плевны и сдача Осман-паши 1877 года ноября 28 дня. Хромофотография. 577×433; 560×353. Литография А. Абрамова. М., 1877. Музей ИРЛИ, № 25001.

36. Свиты Его Величества генерал-лейтенант Михаил Дмитриевич Скобелев. Хромофотография. 433×540; 356×436. Литография Яковлева. М., 1877. Музей ИРЛИ, № 2518.

37. Злодейское покушение на Священную Особу Царя Освободителя Государя Императора Александра II. Хромофотография. 564×450; 506×368. Хромофотография В. В. Пономарева. М., 1881. РО ИРЛИ, № 2530.

38. Русско-японская война. Атака казачьей лавы в бою у Вафангоу. Хромофотография. 580×404; 534×327. Литография В. В. Несслер. М., 1904. РО ИРЛИ, № 1829.

39. Первая схватка казаков с прусскими драгунами 20 июля 1914 года. Хромофотография. 565×417; 519×365. Литография Т-ва И. Д. Сытина. М., 1914. РО ИРЛИ, № 1746.

40. Разгром австро-германской армии под Ярославом. Хромофотография. 655×434; 608×395. Типолитография Е. [И.] Коновалова. РО ИРЛИ, № 1753.

СОДЕРЖАНИЕ

Русские исторические песни. С. Азбелев.....	5
---	---

ОТ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА СВЯТОГО ДО ЦАРЯ ИВАНА III

1. Русская земля.....	35
2. Борис и Глеб.....	36
3. Егорий-Ярослав.....	40
4. Александр Невский.....	45
5. Михаил и Федор Черниговские	47
6. Щелкан	48
7. Симеон Гордый	52
8. Новгородцы идут против Мамаю	52
9. На поле Куликовом	53
10. Дмитровская суббота	54
11. Покорение Новгорода	55
12. Царь молится по сыну	56
13. Царевич Василий Иванович	57
14. Царевич Димитрий Иванович	58
15. Смерть царицы Софьи Фоминичны	61
16. Казань-город	62
17. Авдотья Рязаночка	63
18. Смерть царя Ивана Васильевича	66
19. Часовой у царского гроба	67

ПОСЛЕДНИЕ ЦАРИ ДИНАСТИИ РЮРИКОВИЧЕЙ И СМУТНОЕ ВРЕМЯ

20. Пострижение царицы	70
21. Поход на Казань	71
22. Казаки идут под Казань	72
23. Взятие Казани	73
24. Ермак помог взять Казань	75
25. Ермак в турецком плену	79
26. Ермак и турки	82
27. Терские казаки и Иван Грозный	83
28. Иван Грозный под Серпуховом	83
29. Взятие Астрахани	85
30. Смерть царицы Анастасии Романовны	87
31. Кострюк	90
32. Гнев царя на сына	94

33. Гнев на царевича Федора	97
34. Набег крымского хана	101
35. Оборона Пскова	102
36. Смерть Михайлы Черкашенина	105
37. Ермак у Ивана Грозного	106
38. Оплошность казаков под Азовом	108
39. Убийство царевича Дмитрия	109
40. Борис Годунов	109
41. Плач Ксении Годуновой	110
42. Гришка-Расстрижка	112
43. Василий Шуйский	114
44. Лжедмитрий Второй	115
45. Михаил Скопин	116
46. Оплакивание Михаила Скопина	122
47. Сборы польского короля на Русь	122
48. Ляпунов и Гужмунд	123
49. Минин и Пожарский	125

ЦАРСТВОВАНИЯ ПЕРВЫХ РОМАНОВЫХ

50. Избрание Михаила Федоровича Романова	128
51. Поход царя Михайла на Астрахань	129
52. Выкуп Филарета из плена	130
53. Возвращение Филарета	131
54. Убийство Карамышева	132
55. Земский собор	133
56. Сборы казаков под Азов	135
57. Взятие Азова	136
58. Захват и оборона Азова казаками	139
59. Крымская орда идет на Азов	142
60. Оборона Камарского острога	142
61. Осада Риги	145
62. Гибель Семена Пожарского	146
63. Разин и казачий круг	151
64. Поход Разина на Яик	152
65. Разин на Каспийском море	153
66. Царь требует задержать Разина	153
67. Сынок Разина	154
68. Разин и воевода	156
69. Разин остается один	157
70. Разин видит сон	158
71. Разин чувствует недоброе	159
72. Царь решает судьбу Разина	160
73. Есаул сообщает о казни Разина	161
74. Песня разинцев	162
75. Осада Соловецкого монастыря	163
76. Рождение царевича Петра Алексеевича	167
77. Смерть царя Алексея Михайловича	168

78. Возвращение Голицына	169
79. Поход селенгинских казаков	169

ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА I

80. Поход к Азову	171
81. Казаки под Азовом	172
82. Штурм Азова Петром I	173
83. Заговор убить царя	174
84. Петр за границей	175
85. Стрелецкий бунт	177
86. Стрелецкий атаман и царь Петр	180
87. Жалобы царицы Евдокии Лопухиной	182
88. Поход на шведскую границу	182
89. Донской атаман будет послан Петром против шведов	184
90. Петр скорбит о потере полков	184
91. Набор в армию	185
92. Государева служба	186
93. Бои под Красной Мызой и Гуммельсгофом	187
94. Солдаты готовы штурмовать Орешек	189
95. Взятие Орешка	190
96. Казаки и князь Долгорукий	191
97. Вести о восстании на Дону	191
98. Некрасов убивает Долгорукого	192
99. Некрасов пишет царю	193
100. Шведский король хочет захватить Полтаву	194
101. Шереметев в соборе	195
102. Молодец собирается под Полтаву	196
103. Русские готовятся встретить шведского короля	196
104. Победа под Полтавой	198
105. Войска Шереметева разбивают шведские полки	199
106. Под Выборгом	201
107. Взятие Риги	202
108. Взятие Колывани	203
109. Петр I на корабле	204
110. Ладожский канал	204
111. Казаки бранят Меншикова	205
112. Князь Гагарин	206
113. Петр раздает деньги	206
114. Смерть Петра I	207
115. Часовой у гроба Петра I	209

ЦАРСТВОВАНИЯ ПРЕЕМНИКОВ ПЕТРА

116. Солдаты и князь Долгорукий	211
117. Бегство Лещинского	213

118. Штурм Азова	214
119. Долгорукого ведут на казнь	214
120. Шведский король требует города	215
121. Смерть Ивана Краснощекова	216
122. Слух о гибели Ивана Краснощекова	217
123. Краснощеков на допросе	218
124. Молодец тужит о доме	218
125. Прусский король начинает войну	219
126. Русское войско выступает в поход	220
127. Гибель Лопухина	221
128. Осада Кюстрина	222
129. Весть о поражении нового корпуса	224
130. Солдаты под Кюстрином	224
131. Чернышев в плену	225
132. Бой под Берлином	228
133. Взятие Берлина	229
134. Федор Краснощеков у прусского короля	229
135. Возвращение Краснощекова	231
136. Жалобы Екатерины	232

ЦАРСТВОВАНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II И ПАВЛА I

137. Русский флот в Средиземном море	233
138. Спиридов и матросы	234
139. Взятие Хотина	235
140. Убит Долгоруков	237
141. Мурзы узнают о победах русских	237
142. Победа при Кагуле	239
143. Суворов переправляет войско на плотах	240
144. На военном корабле	242
145. Казаки снимают турецкие караулы	243
146. Каменский за Дунаем	243
147. Начало Пугачевского восстания	244
148. Противодействие пугачевцам	245
149. Солдата не пускают в Оренбург	245
150. Пугачев кручинится	246
151. Пугачев и Панин	247
152. Ванька Каин	247
153. Тотлебен заступает за казаков	248
154. Набег Шейх-Мансура на Моздокскую линию	249
155. Осада Очакова	250
156. Взятие Очакова	250
157. Оборона крепости Кинбурна	253
158. Суворов ранен	254
159. Взятие Измаила	255
160. Суворов и солдаты	256
161. Суворов едет по полкам	256

162. Казаки во главе с Гудовичем сражаются против турок	257
163. Дон возмутился от трех генералов	258
164. Суворов берет Варшаву	259
165. Часовой у гроба императрицы	260
166. У могилы Суворова	261
167. Сын у гроба императора Павла	262

ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I

168. Коронация Александра I	263
169. Гудович и персидский шах	264
170. Казаки под Ленкоранью	265
171. Кутузов и казаки	266
172. Платов встречает казаков	266
173. Наполеон пишет Александру	267
174. Бой у переправы	268
175. Канун Бородина	269
176. Кутузов ободряет солдат	269
177. Начало Бородинского боя	270
178. Битва с французами	271
179. Платов во время битвы	272
180. Платов и казаки	273
181. Наполеон под Москвой	274
182. Генерал запродам Москву	275
183. Занятие французами Москвы	276
184. Француз зажигает Москву	277
185. Наполеон в Москве	278
186. Бессчастный сон	278
187. Выступление французов из Москвы	279
188. Кутузов и французский майор	280
189. Платов у французов	280
190. Русские преследуют армию Наполеона	282
191. Освобождение Смоленска	283
192. Переход границы	285
193. Русские войска разбивают французов	286
194. Победа под Лейпцигом	287
195. Сражение у Госсы	288
196. Москва и Париж	289
197. Под Парижем	290
198. Наполеон горюет	291
199. Семеновцы в крепости	291
200. Аракчеев	292
201. Василий и Андриюшка-палач	293
202. Набор военных поселенцев	294
203. Смерть Александра I	295
204. Часовой оплакивает Александра I	296

ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ I

205. Николай I и его брат	297
206. Солдат плачет по государыне Елизавете Алексеевне	299
207. Сражение при Ушагене	300
208. Турецкий султан пишет русскому царю	301
209. Турецкие угрозы	302
210. Переправа через Дунай	302
211. Под Браиловом	304
212. Взятие Варны	304
213. Полк Падурова в походе	306
214. Гибель полка Тащина	306
215. Поход на Эрзерум	307
216. Поход в Польшу	308
217. Сражение при Грохове	309
218. Виленская победа	310
219. На пути к Варшаве	310
220. Паскевич под Варшавой	311
221. Перед штурмом Варшавы	312
222. Штурм Варшавы	313
223. Гибель полковника Власова	314
224. Подвиг рядового Осипова	315
225. Зирянское сидение	316
226. Победа Козловского под Внезапной	318
227. Воронцов побеждает Шамиля	320
228. Смерть генерала Пассека	321
229. Генерал Миллер и Шамиль	321
230. Генерал Слепцов смертельно ранен	323
231. Взятие аулов Автур и Гельдиген	323
232. Смерть генерала Круковского	325
233. Казаки Бакланова добывают победу	325
234. Защитим родимый край	326
235. Казаки идут в поход	327
236. Синопский бой	328
237. Нахимов в Синопском бою	330
238. Французы готовятся к десанту	332
239. Непир у Кронштадта	333
240. Англичане обстреливают деревню	334
241. Оборона балтийских берегов	335
242. Граф Игнатьев и матросы	336
243. Обстрел Соловецкого монастыря	337
244. Победа при Ахалцихе	338
245. Князь Бебутов разбивает Ахмета-пашу	339
246. Бой у реки Чолок	341
247. Бакланов под Карсом	342
248. Взятие Карса	343
249. Дружина в походе	343

250. В Севастопольской осаде	345
251. Нахимов защищает Севастополь	345
252. Песня севастопольских стрелков	346
253. Русские солдаты и офицеры в Севастополе	347
254. На Малаховом кургане	348
255. Спойм, братцы, вспоминая про дела наших отцов	349
256. Солдатский привет императору Николаю	350

ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА II

257. Казаки Кавказа приветствуют вступившего на престол Александра II	351
258. Победы над чеченцами в Аргунском ущелье	353
259. Окончательная победа над Шамилем	354
260. Штурм Гуниба и пленение Шамиля	356
261. Жизнь казаков в Чечне после войны	358
262. Великий князь Михаил Николаевич — наместник Кавказа	359
263. Царь-освободитель	360
264. Смерть наследника цесаревича Николая Александровича	361
265. Покушение Каракозова	361
266. Подвиг казаков есаула Серова	362
267. Хивинский поход	363
268. Скобелев берет Коканд	364
269. Турецкий султан хочет воевать	366
270. Поход на Балканы	366
271. Казаки выступают в поход	367
272. Русские войска на Дунае	368
273. Начало переправы через Дунай	369
274. Переправа гвардейской роты императорского конвоя	370
275. Занятие Систова	372
276. Переправа девятого корпуса	372
277. Поход в глубь Болгарии	373
278. Успехи Гурко на Шипке и в центральной Болгарии	374
279. Скобелев под Плевной	374
280. Взятие Ловчи	375
281. Взятие редутов Зеленой горы	377
282. Блокирование Плевны	378
283. Прибытие гвардии под Плевну	378
284. Дело полковника Комаровского	380
285. Подвиг самогитских grenадер	381
286. Падение Плевны	382
287. Плевна взята	385
288. Песня про Радецкого	385
289. Приказ Скобелева	386
290. Гурко разбивает Сулеймана	387
291. Гвардейцы и казаки под Филиппополем	387
292. Взятие городов	388

293. Путь на Царьград	389
294. Бой на границе в Закавказье	389
295. Казаки переходят границу	390
296. Сражение за Баязет	391
297. Отпор Мухтару-паше	392
298. Разгром Мухтара-паши	393
299. Песня на взятие Карса	394
300. Казачья песня	395
301. Солдатская песня	396
302. Поход отряда Ломакина к Геок-Тепе	397
303. Осада Геок-Тепе Скобелевым	399
304. Саперы под Геок-Тепе	400
305. Взятие Геок-Тепе	401
306. Убийство Александра II	402
307. Царя не уберегли	405

ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА III И НИКОЛАЯ II

308. Воцарение Александра III	408
309. Изгнание нарушителей границы	409
310. Царь едет по России	410
311. На злодея лихого	412
312. Амурские казаки в Маньчжурии	413
313. Гибель «Варяга»	414
314. Матушка Россия, за тебя мы в бой идем	415
315. На Дальнем Востоке	417
316. На защиту трона	417
317. Донцы в Петербурге	419
318. Не отдадим Россию	420
319. Германец посулился напрасно	420
320. Песня гренадеров	421
321. После боя на германской земле	421
322. Победы в Галиции	423
323. Бой на подступах к Варшаве	425
324. Победа под Варшавой	425
325. Шалости Вильгельма	426
326. Посидели бы в окопах	427
327. Во славу России	429
328. За Русь и за народ	430
<i>Комментарии</i>	431
<i>Словарь</i>	507
<i>Пояснения к иллюстрациям</i>	513